НАРОДНИКИ В ИСТОРИИ РОССИИ

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

НАРОДНИКИ В ИСТОРИИ РОССИИ

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 1

ВОРОНЕЖ
ИСТОКИ
2013

ББК 63.3(2Рос)
Н 30

Редакционная коллегия:

докт. ист. наук *Г. Н. Мокшин* (отв. ред.),
докт. ист. наук *В. В. Блохин*,
докт. ист. наук *В. В. Зверев*,
докт. ист. наук *М. Д. Карпачев*

Н 30 **Народники в истории России**: Межвузовский сб-к научных трудов. Вып. 1 / Редколл. : Г. Н. Мокшин (отв. ред.) и др. – Воронеж: издательство «Истоки», 2013. – 300 с.

ISBN 978-5-88242-969-9

В предлагаемом сборнике опубликованы статьи специалистов в области народниковедения из различных российских вузов.

Исследуются проблемы истории и историографии русского народничества второй половины XIX – начала XX в. Развиваются современные подходы к осмыслению явления народничества и его места и роли в общественной и культурной жизни России. Прослеживаются исторические судьбы народников после 1917 г.

Для научных работников, аспирантов, студентов и всех интересующихся историей России нового времени.

ББК 63.3(2Рос)

ISBN 978-5-88242-969-9

© Издательство «Истоки», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие……...4
Раздел I. Историография народничества
Исаков В. А. Сущность российского радикализма второй половины XIX века в историографическом процессе……..……..…8
Колокольцев М. Г. Историография раннего народничества 1860-х гг. (XX век)……..……26
Тюкачев Н. А. Революционное народничество в российской историографии 1990-х гг. ……..……..…40
Мокшин Г. Н. Народники-культурники в отечественной историографии конца 1970-х – 2000-х гг. ……..……..…59
Раздел II. Общие проблемы истории народничества
Карпачев М. Д. К вопросу об определении народничества……..…73
Фурман Ф. П., Фурман Т. Г. Народнический феномен в русской общественно-политической мысли и его дискурсная составляющая……91
Зеленин Ю. А. Опыт периодизации истории российского народничества……..……..……106
Раздел III. Идеология и практика народничества
Квасов О. Н. Террористические тенденции в народническом движении второй половины XIX века……..……128
Цымрина Т. В. Взгляды народовольцев на национальный вопрос….142
Талеров П. И. Судьбы науки и техники в теориях классиков российского анархизма……..……155
Пудовкин С. В. Социально-психологические аспекты в деятельности народнических групп 1870–1890-х гг. (на примере народнических организаций Тамбовской губернии)……168
Салтык Г. А. Неонародники Центрального Черноземья в 1918–1937 гг. ……..……..……185
Сыпченко А. В. Трудовая народно-социалистическая партия в эмиграции (1920–1940 гг.)……202
Раздел IV. Теоретики народничества и их критики
Худолеев А. Н. Революционная теория П. Н. Ткачева в исторической ретроспективе……222
Милевский О. А. Ранний период революционной деятельности Льва Тихомирова: 1871–1873 гг. ……239
Арсланов Р. А. «Неизбежная вражда»: П. Л. Лавров и К. Д. Кавелин о судьбах пореформенной России……..……258
Блохин В. В. Критика народнического мировоззрения интеллигенции А. Л. Волынским и В. В. Розановым (конец 1880-х – начало 1890-х гг.)..278
Список сокращений……..288
Указатель имен……..……..289
Сведения об авторах……...……298

ПРЕДИСЛОВИЕ

Народничество – одно из ведущих течений общественной мысли России середины XIX – начала XX в. Зародившись во времена горячих споров западников и славянофилов о путях дальнейшего развития страны, народничество предложило свою оригинальную модель ее модернизации, на основе традиционных коллективистских институтов и ценностей (община, артель, принципы моральной солидарности и др.). Так идея социального прогресса соединялась с идеей «народа», как его основной движущей силы.

Вера русской интеллигенции в возможность превращения отсталой по европейским меркам страны в «царство высшей культуры» дала мощный толчок развитию народнической мысли и движения в самых разных их проявлениях (от экстремизма до культурничества). При этом далеко не все народники становились революционерами, а тем более террористами. Среди них было много талантливых беллетристов, литературных критиков, публицистов, социологов, экономистов, статистиков, кооператоров, земских деятелей. Неслучайно все попытки дать однозначную оценку месту и роли народничества в истории России только обостряют споры вокруг этого феномена пореформенной русской жизни[1].

Принято считать, что «золотой век» в историографии русского народничества – это 1960–1980-е гг., когда увидели свет обстоятельные труды В. Ф. Антонова, Э. С. Виленской, С. С. Волка, В. Н. Гинева, Б. С. Итенберга, Е. Р. Ольховского, Н. М. Пирумовой, М. Г. Седова, В. А. Твардовской, П. С. Ткаченко, Н. А. Троицкого, Р. В. Филиппова, В. Г. Хороса и других классиков отечественного народниковедения[2]. В это время в Москве в Институте истории АН СССР активно работала Группа по изучению общественного движения в пореформенной России, которая координировала исследования по истории народничества.

В последние двадцать лет интерес к народнической тематике заметно ослабел. Дело в том, что в советское время этот интерес в определенном формате поддерживался властью, т.к. народничество воспринималось как родственное марксизму течение социалистической мысли. Кроме того, идейная и политическая борьба с народниками, продолжавшаяся с 1880-х до 1930-х гг., – это значимый период в истории русского марксизма – одной из приоритетных областей тогдашнего обществознания. Идеологический плюрализм новой

России естественно позволил историкам переключиться с радикальных идейных направлений на консервативные и либеральные, которые прежде были закрыты для серьезного научного анализа.

Все это, однако, не означает, что народническое наследие утратило свою научную актуальность. Сегодня сравнительно меньше стали писать о революционном народничестве 1870-х – начала 1880-х годов, за исключением проблемы террора. В то же время резко возросло число исследований по истории легального и революционного народничества 1880–1890-х гг. и неонароднических партий начала XX в. Активно разрабатывается философско-идеологический дискурс народничества, а также политические, экономические и социологические теории народников[3]. Разумеется, этим занимаются не только историки.

Вместе с расширением тематики народниковедческих исследований появились и новые подходы к пониманию истоков и сущности народничества, как определенного типа сознания, идеологии и движения в среде дворянско-разночинной интеллигенции. Наиболее продуктивной оказалась интерпретация истории народничества в контексте теории «догоняющей» модернизации, объясняющей причины радикализма и гиперактивности интеллигенции слабостью отечественной буржуазии. Предложена и более широкая типология течений народнической мысли, выделяющая в нем не только революционное и реформистское направления, но и анархическое (крайне левое) и консервативное (крайне правое)[4]. Кстати, в дореволюционной историографии именно последнее течение олицетворяло народничество в узком смысле этого слова[5].

Современная периодизация истории русского народничества объединяет в одно целое так называемое «раннее» народничество 1860-х гг., классическое народничество 1870–1890-х гг. и неонародничество конца XIX – начала XX века. По идее это должно способствовать сближению между историками, занимающимися разными народническими течениями. В действительности центробежная тенденция пока явно берет верх над центростремительной. Это связано с отсутствием общепризнанной концепции того, что такое народничество, но в еще большей степени с традицией раздельного изучения народнического движения в XIX и в XX веках. Видимо, по этим причинам у нас периодически выходят крупные исследования по отдельным этапам истории народничества, но до сих пор нет обобщающего труда, в котором прослеживалась бы его эволюция от 1840-х до 1930-х гг.

Идея данного сборника – собрать под одной обложкой статьи специалистов по основным направлениям отечественного народниковедения. Ее поддержали вузовские ученые из различных городов России: от Брянска до Новокузнецка и от С.-Петербурга до Таганрога. Проблематику статей предложили сами авторы, ориентируясь на собственные научные интересы и пристрастия. С этой точки зрения, наш сборник – если не манифест современного народниковедения, то определенный срез, по которому можно судить о его нынешнем состоянии. К сожалению, после приостановки выпуска в Саратове сборников «Освободительное движение в России» у историков народничества не осталось специализированного печатного издания, решающего подобную задачу.

Сборник состоит из четырех разделов. В первый из них вошли статьи по историографии русского народничества. Основное внимание уделяется спорам о природе интеллигентского радикализма, проблеме генезиса «раннего» народничества (1860-х гг.), изучению истории «культурного» народничества последней трети XIX в. Анализируются также общие тенденции в развитии современного отечественного народниковедения, включая возрождение так называемой «охранительной» (консервативной) концепции народничества.

Общие проблемы истории народничества обсуждаются во втором разделе. Прежде всего, это определение «народничества» в узком и широком смысле этого слова, базовые компоненты народнической идеологии, социальная основа, типология течений и общая периодизация истории русского народничества. Отдельная проблема, рассматриваемая в статьях данного сборника, – происхождение народничества, как культурно-исторического феномена, и его место и роль в российской истории XIX–XX вв.

Самый большой – третий раздел посвящен конкретным вопросам, связанным с идеологией и практикой русского народничества. В центре внимания исследователей оказались: революционный терроризм как определенная тенденция в развитии народнического движения 1860–1880-х гг.; национальный вопрос в постановке теоретиков «Народной воли»; отношение идеологов российского анархизма к роли науки и техники в прогрессе общества; социально-психологическая характеристика деятельности народнических групп Тамбовской губернии в 1870–1890-х гг., и, наконец, вопрос об исторических судьбах русского народничества (эсеров, энесов и других неонароднических партий) после октября 1917 г.

Традиционный для народниковедов персонифицированный подход объединяет статьи четвертого раздела сборника. Это исследования революционных взглядов и деятельности П. Н. Ткачева и Л. А. Тихомирова, а также полемики между П. Л. Лавровым и известным либералом К. Д. Кавелиным о судьбах пореформенной России. Сюда же включена статья о критике народнического мировоззрения интеллигенции в трудах А. Л. Волынского и В. В. Розанова. Изучение данной темы имеет важное значение для понимания причин идейного кризиса народничества в конце XIX в.

Радикализм и острейшие противоречия внутри народничества[6] всегда вызывали споры между его исследователями. Не стало их меньше и сегодня. Полемика с коллегами ведется и на страницах данного сборника. Тем не менее, его составители выражают надежду, что разные оценки идеологии и движения народнической интеллигенции не помешают развитию более взвешенных и политически неангажированных подходов к их изучению.

---

[1] См.: *Гинев В. Н.* Революционное народничество: взгляд из XXI века // Из истории «Земли и Воли» и «Народной воли». Споры о тактике. Сб. документов. М.; СПб., 2012. С. 3–26, 31.

[2] Современный исследователь данного вопроса Н. А. Тюкачев уточняет, что наиболее значительные труды по истории народничества появились в первые 10–15 лет после XX съезда КПСС. В последующие годы изучение народничества приобрело экстенсивный характер. «Множилось количество публикаций, но не происходило открытий». Тюкачев объясняет это обстоятельство усилением идеологического контроля за общественными науками и исчерпанием к тому времени позитивного потенциала ленинской концепции народничества. См.: *Тюкачев Н. А.* Отечественная историография революционного народнического движения 1860–1880-х годов: становление и эволюция: автореф. дис. … докт. ист. наук. М., 2013. С. 21, 33.

[3] См.: Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2005 (статьи: «Народничество», «Неонародничество», «Культурничество»).

[4] *Жукоцкий В. Д.*, *Жукоцкая З. Р.* Русская Реформация XX века: статьи по культурософии советизма. М., 2008. С. 91–95.

[5] Консервативное течение в народничестве представляли публицисты газеты «Неделя», близкие своим «крестьянофильством» к почвенничеству и толстовству. Отсюда и его название.

[6] Как нечто цельное, хотя и несистематизированное собственными теоретиками, народничество стало восприниматься только в начале XX века вместе с появлением первых обобщающих трудов по его истории.

Геннадий Мокшин

Раздел I.

ИСТОРИОГРАФИЯ НАРОДНИЧЕСТВА

Исаков В. А.

Сущность российского радикализма второй половины XIX века в историографическом процессе

В последнее время очевидным становится повышенный интерес исследователей к историографическому подходу в изучении многих проблем, в частности, к трудам, посвященным российскому радикализму второй половины XIX века. В качестве примере можно назвать монографию Н. А. Тюкачева, докторскую диссертацию А. Н. Худолеева, некоторые другие работы[1]. Объясняется это в первую очередь переломным характером нашего времени, настоятельной потребностью разобраться в дне вчерашнем для объективного понимания дня сегодняшнего. Изучение историографии дает такую возможность. Революционный радикализм, историографии основных проблем которого посвящена настоящая статья, представляется вехой на пути, от которой можно сориентировать и скорректировать собственное движение идущим вслед. Радикалы (террористы, заговорщики) были левым флангом и без того достаточно радикального, особенно в первый период своей истории, течения – народничества.

Представляется логичным, предваряя разбор историографии составляющих движение характеристик (социальный состав, численность, программные нюансы, персональный вклад и многое другое) проанализировать проблематику, имеющую обобщающий характер. Речь идет о выяснении объективности движения или же его случайности/привнесенности и о связанных с такой постановкой вопросах (причины явления, базовые характеристики, соотношение морали и насилия). Представляется также логичным рассматривать зарубежную историографию в общем исследовательском потоке, а не выделять в специальный раздел, что напоминает эпоху идеологического противостояния. Западной историографии в свое время были посвящены работы В. Г. Джангиряна, Л. Г. Сухотиной, М. Д. Карпачева, других отечественных авторов[2]. Сразу же отметим, что одна из базовых тем западной историографии заключается в утверждении о

заимствовании Лениным и в целом большевиками идейного наследия крайних радикалов, особенно программных положений Ткачева. Необходимо добавить, что существует также фундаментальная литература, прослеживающая становление и развитие теории радикальной революционной элиты от Бабефа, Бланки, к Ткачеву, Нечаеву и затем к Ленину[3].

Чаще всего исследователи высказывались в обобщающем плане, обращаясь к радикализму и наиболее существенным его проявлениям, особенно терроризму и заговорщичеству. Авторы различных идеологических направлений в разные эпохи пытались вскрыть причины, побуждавшие часть оппозиционеров занимать крайние левые позиции и в итоге дать базовые характеристики российского радикала. Очевидно, что процесс изучения еще не закончен. Как обоснованно утверждают Р. А. Городницкий и Г. С. Кан, «история российского радикализма еще не изучена настолько, чтобы в ней не оставалось каких-либо проблем и белых пятен»[4]. Это обстоятельство подтверждается относительно недавними острыми и принципиальными дискуссиями, связанными с этой большой темой[5]. Помимо вопроса о причинах возникновения и развития радикализма в России была поставлена неизбежная при этом проблема степени оправданности насильственных действий революционеров, возможности их оценки с моральной точки зрения.

По мнению подавляющего большинства современных исследователей, революционный радикализм был прежде всего следствием политики самодержавия, и это совпадает в основном с подходами революционно-демократического и, отчасти, либерального направления в дореволюционной историографии. Как пишет В. Гросул, «не учитывая непрекращающегося самодержавного и чиновно-помещичьего произвола, трудно понять возникновение русского революционного терроризма – одного из методов действий зарождающейся революционной армии»[6]. По мнению В. А. Твардовской, «серьезный просчет» – не принимать «во внимание воздействие на революционеров политики самодержавия. Речь идет не только о репрессиях. Власть, если так можно выразиться, по-своему моделирует своих революционных противников. В облике российских революционеров различимы черты самодержавной власти: они столь же жестоки и непримиримы, не сомневаются в своем праве решать за народ его судьбу». В целом же исследовательница оценила проблему так:

«Власть делала все, чтобы убедить их (революционеров. – *И. В.*) в возможности только насильственного способа преобразований», «революционным и социалистическим идеям власть, как всегда, смогла противопоставить лишь насилие»[7]. Подобный подход заметен и у К. Н. Морозова: «На наш взгляд, нельзя ограничивать спектр участников террористической вакханалии, творившейся в России, только революционными партиями». Террор «рождался лишь под воздействием целого ряда факторов взаимовлияющих и усиливающих друг друга». Оценивая работу О. В. Будницкого, Морозов пишет, что тот, с его точки зрения, «справедливо указывает на то, что нельзя из двух противостоящих друг другу лагерей – власти и революционеров – обвинять лишь одну сторону»[8]. Будницкий же следующим образом представил свою позицию: «Отсутствие видимых достижений в деревне, преследования со стороны правительства, которое упорно не желало быть «нейтральным», подталкивало революционеров к переходу от анархизма к политической борьбе, от бунтарства, которое так и осталось теоретическим, к терроризму»[9]. Заметны параллели таких оценок с тем, что писали о причинах революционного движения еще до революции авторы разных направлений. Сторонник либерально-народнических подходов В. Е. Чешихин-Ветринский полагал, что «общественное движение стало все более загоняться в подполье, и там, в 1866 году впервые вспыхнул зловещий огонь террора»[10]. Такие авторы как А. Тун и Л. Барриве придерживались в целом этого же взгляда[11]. Характеристики внутрироссийской жизни были настолько очевидны, что и эсеровский публицист В. Цеховский[12], и кадет А. Корнилов, писавший о «полном отсутствии свободы печати», «состоянии террора, в которое наше правительство ввергло все русское общество после 1866 г.» и «крайнем озлоблении молодежи, теснимой и оскорбляемой»[13], сходились в оценке причин появления и развития радикализма. Фактически широкий фронт исследователей за исключением охранителей признавал ответственность власти за зарождение, развитие и активность радикализма.

Современная исследовательница Е. И. Щербакова по сути повторяет эти выводы когда утверждает, что «при столкновении с жизнью» терпели крах надежды молодежи быть полезными своему Отечеству мирной деятельностью[14]. Авторы, пишущие ныне, отдают отчет в том, что первопричины были вскрыты давно. А. В. Воронихин апеллирует к мнению Виктора Гюго, писавшему, что «деспо-

тизм и нигилизм представляли собой две чудовищные стороны одного и того же явления», «разнузданную войну зла против зла, поединок темных сил»[15]. Практически также оценивает проблему американский исследователь Б. Пейерс, по мнению которого «именно деспотизм вызвал революцию. Революция и деспотизм – близнецы»[16]. Представляется оправданным вывод о взаимной ответственности. По крайней мере, можно заявлять об ответственности части вождей. Причем, даже осторожные (в сравнении с Бакуниным и Ткачевым) Лавров и Михайловский, следуя логике событий, договаривались до радикальных вариантов действий. Явно присутствовала излишняя книжность, затеоретизированность радикалов. Область идей оказалась самостоятельной. И уже первый выход в практику поставил проблемы, к которым радикалы-теоретики не были готовы, и которые не сразу почувствовали: убийство человека (можно вспомнить терзания Степняка-Кравчинского), возможный вариант отторжения народом предлагаемых ему революционерами решений (устройство государственной власти: республика или монархия, часть народовольцев согласна была восстать против решений Земского Собора о восстановлении монархии, если таковое случится), место патриотизма: он является реальным фактом жизни или это всего лишь пережиток. Основанием для решений были идеи из теоретического багажа прошлого, например, Г. Бабефа, или собственные наработки. Социализм не имеет национального характера, доказывал Ткачев. В итоге отрыв от реальности возрастал.

Некоторые исследователи несколько по-другому видят причинно-следственные связи той эпохи. Признавая «неадекватность действий правительства», Е. Л. Рудницкая утверждает, что «террор, как и отторжение морали, были изначально субстанцированы в русском революционном движении. Вспомним только ишутинцев, Нечаева, Ткачева. Каким бы монстром ни был Нечаев, он был лишь крайним выражением потенций, обусловленных утопизмом идеалов, логикой борьбы, русскими политическими реалиями, неадекватностью действий правительства, социальной изолированностью революционеров. Проблема “народ и революция” – капитальная проблема русской истории второй половины XIX в. А потому “бесы” – не плод сознания великого русского писателя, а одна из глубинных ипостасей российской революционности»[17]. Все перечисленные обстоятельства выстраиваются в некотором смысле в иерархию, имеют оп-

ределенную значимость. Наивысшей, видимо, все-таки следует считать «неадекватность действий правительства». И, как следствие, радикализм находил оправдание своему существованию не только в цели – благо народа, но и в действиях властей – радикальных по степени жестокости. А жестокость требует наращивания для сохранения своей эффективности. Это относится и к власти и к радикалам. И в этом состояла фундаментальная ошибка, даже роковой просчет и тех и других. И это обстоятельство следует воспринимать сегодня как исторический урок.

Положение о «социальной изолированности» перекликается с выводами дореволюционной охранительной историографии. А. Мальшинский писал, что «пройдя почти всю Россию, агитаторы убедились в невозможности имеющимися в их распоряжении средствами произвести хотя малейшее движение в массах и пришли к заключению, что не по воле народа государственная власть может быть потрясена»[18]. Неизвестный русский автор записки «Нигилизм и нигилисты», предназначенной для высших полицейских чинов Франции, также утверждал, что «русский нигилизм является продуктом заграничного происхождения. Политическая и социальная жизнь России в действительности не содержит ни одного из необходимых элементов для его образования и развития»[19]. Об оторванности революционеров от русской действительности и их неспособности оценить проводившиеся реформы писал еще в 1930-е годы в США М. Карпович[20]. Тезисы об «изначальной субстанцированности» террора, «отторжении морали», «утопизме идеалов» также появились не сегодня, но они в значительной степени отвечают умонастроениям нынешней эпохи, когда настоятельно ощущается потребность понять, что происходило с Россией в течение последнего столетия, и выяснить, кто виноват в ее бедах. Очевидно, что радикализм прямо пропорционален нерешенности фундаментальных проблем. Начинало казаться, а потом появлялась уверенность, что в этих условиях способ лечения должен быть радикальнейшим. И все это на фоне сохраняющейся абсолютной негибкости власти. Радикальная молодежь воспринималась ею как однозначный враг. Подняться до уровня снисходительного и понимающего родителя не получилось. Хотя зародыш такой тенденции, намеки на терпеливость и иронию просматривались в начале правления царя Освободителя. К докладу об отце Нечаева, не вставшему в ивановском театре во время исполне-

ния «Боже царя храни» и не снявшему шапку, Александр II отнесся благодушно и следствие прекратилось. Да и реформы втянули в позитивную работу много молодежи. Тот же Ткачев в первой половине 1860-х годов был активным легальным публицистом, радеющим за последовательные демократические преобразования. Но власть в условиях отсутствия коррелирующих институтов (партий, общественных организаций, полной свободы прессы, общественного мнения) не смогла отреагировать иначе, как репрессиями. Так было привычнее. А таким образом включался механизм цепной обратной передачи, что справедливо отмечали и отмечают исследователи. И тот же Ткачев окончательно выбирает путь радикализма.

Стремление некоторых авторов взглянуть на явление в общеисторическом контексте, безусловно, следует признать продуктивным, поскольку выстраиваются длительные причинно-следственные связи. В качестве примера приведем размышления Е. Л. Рудницкой о том, что «судьбоносность революционного начала не была случайным фактом. Она явилась следствием своеобразия русской истории, определяющей вехой которой были преобразования Петра». В итоге образовался «глубокий разрыв» верхов и народа и идеологическое противостояние «интеллигенции и власти», как выражение разрыва[21]. Детальное объяснение этого «разрыва», думается, может привести к интересным результатам. Ведь разрыв это еще и показатель явной незрелости общества, которая в силу исторических обстоятельств стала еще одной причиной укоренения радикализма. Если бы существовали разнообразные легальные организации, по крайней мере, активно шел процесс их создания, база радикалов сузилась бы до незначительной величины. Чрезвычайно примечательно, что во Франции после амнистии конца 1870-х годов бланкисты получили возможность действовать легально. Несмотря на сохранявшуюся революционную риторику, начался необратимый процесс их вхождения в политическую жизнь страны, в которой они заняли левый фланг в составе социалистической партии. Они избирались в парламент, создавали молодежные организации, органы печати, вели пропаганду, организовывали забастовки, созывали съезды, чествовали ветеранов. Об этом свидетельствуют документы Национального архива Франции. Оправдание собственной неожиданной законопослушности бланкисты находили даже у своего кумира. В газетном отчете об их посещении могилы Бланки на 17-ю годовщину его смерти автор писал, что

они расходились с мероприятия, повторяя слова кумира о том, что «целью является социальное равенство», чтобы его достичь, «надо действовать, исходя из условий времени и обстановки»[22]. Ничего подобного не происходило в России и, соответственно, можно было ожидать новую радикальную волну, в том числе и заговорщичество, как ее составляющую. Без всякого сомнения, это было противоположно тому, что свершалось во Франции. И вторая волна зарождалась.

Нередко развитие радикализма в России объясняется авторами и мощным идейным влиянием, шедшим с Запада, чаще всего из Франции. Это воздействие исследователи прослеживают еще со времен декабристов. В коллективной монографии «Революционная традиция в России» утверждается, что «объяснять генезис, эволюцию дворянской революционности вообще, вне учета мощного и систематического воздействия передового Запада на отсталую Россию – значит не понять суть вещей»[23]. Рудницкая также указывает на очевидное восприятие декабристами некоторых базовых для радикализма идей: «В подходе Пестеля к проблеме государства просматривается воздействие идей Николо Макиавелли» о «преобладании государственных интересов над частными, о заговоре, как единственной возможности установления достойных общества законов, о диктатуре, реализующей мечты народа об идеальном общественном устройстве»[24]. По мнению М. А. Юсима, интерес декабристов «к Макиавелли является подтверждением того, что в России последнему чаще симпатизировали оппозиционные властям деятели, нежели защитники существующего строя»[25].

События Французской революции, по признанию Рудницкой, выразились в том, что «удар, нанесенный Французскому просвещению революционным опытом Франции, преломился в России, стал детонатором складывания русского политического радикализма. Концепция военной революции исключала народ из непосредственного исторического действия»[26]. Добавим, что силу ряда причин радикализм в России взял такие высокие ноты, которые до этого звучали и в теории и в практике, быть может, только во время Великой французской революции. Основная причина – запредельная запущенность проблем, прежде всего крестьянской.

Влияние французского революционного опыта на российский радикализм в историографии давно увязывают с именем Бабефа и Бланки. Еще Герцен, прочитав «Молодую Россию», написал: «Ну, есть ли

тень вероятия, чтоб русский народ восстал во имя социализма Бланки?»[27]. По мнению же современного исследователя П. С. Ткаченко, «народники проявили внимание к бабувистской трактовке проблемы равенства с ее принципами уравнительного распределения и обязательного труда. Резкое осуждение Бабефом существующего строя, обоснование бабувистами необходимости социальной революции были особенно близки революционерам-разночинцам. Их внимание было приковано к высказываниям Бабефа и его последователей о путях установления социального равенства и неизбежности проведения с этой целью ряда последовательных переходных мероприятий. Выписки народников из сочинений Бабефа свидетельствуют о творческом восприятии ими его социальной системы»[28]. Этот вывод подтверждает также Б. М. Шахматов[29]. Пишут о постоянном внимании русских революционеров к идейным веяниям с Запада английские и американские авторы, отмечая, как, например, А. Вусинич, что «русские не были только имитаторами западной мысли, а существенно переделывали» заимствованные теории. Е. Актон, полагает, что Герцен не копировал пассивно западноевропейские идеи. Французский исследователь А. Безансон также отмечает это обстоятельство. Он утверждает, что русские революционеры перерабатывали доктрины и методы борьбы западноевропейских республиканцев, социалистов, карбонариев и создали в итоге формулу, которой Ленин обеспечил мировой успех. Инициатором этого процесса автор считает Чернышевского[30]. Внимание российских радикалов к западноевропейскому опыту объяснимо. События 1840–1860-х годов (революции 1848–1849 гг., Италия и Гарибальди, Польское восстание, создание Интернационала и многое другое) создавали ощущение революционного настроя, близости глубоких перемен. Россияне спешили присоединиться к этому процессу, идти в ногу со временем.

Нередко в историографии отмечалось комбинирование внешних и внутренних идейных воздействий на тот или иной субъект российского революционного процесса. Так, например, Эм. Виленская писала о влиянии на ишутинцев рассказов Худякова о западноевропейском революционном движении, взглядов Огарев и Бакунина («самая склонность Огарева к заговорам, к конспирации могла служить почвой для более близких отношений с Худяковым»[31]). Б. П. Козьмин отмечал идейное воздействие Бланки и Маркса на концепцию Ткачева, а также «Чернышевского, отчасти Добролюбова и особенно Писарева»[32].

Б. Горев же делал упор на то, что «и у Бланки, как и у Маркса, теория революционной диктатуры лишь слегка очерчена, между тем именно Ткачев разработал ее так подробно, с такой ясностью и силой ума, с такой неумолимой логической последовательностью, что ему по праву принадлежит роль первого действительного творца теории захвата власти революционной партией и диктаторского управления революционным государством»[33]. Подобный вывод сделал много позже и Б. М. Шахматов: Ткачев в бланкистах нашел «скорее единомышленников, чем учителей»[34]. Самый продуктивный на сегодняшний день исследователь Ткачева полагает, что «теоретическое обоснование своей политической программы Ткачев генетически выводил прежде всего из учения Чернышевского и других идеологов “русского социализма” и строил ее в значительной степени на материале русской истории и окружавшей его российской действительности применительно к России»[35]. По словам Шахматова, в России не было 1830, 1848, 1871 гг., но был 1825, 1831 и 1863 год (Польша), революционные ситуации 1856–1861 и 1878–1881 годов, «когда русский бланкизм в наиболее яркой форме проявил себя дважды: в “Молодой России” Заичневского (и его кружка) – в первом случае, в “Набате” Ткачева <...> и в “Народной воле” – во втором»[36]. Р. Блюм стоит на той же позиции, полагая, что русские «бланкисты» в период формирования своих взглядов вряд ли были знакомы с идеями Бланки[37].

И. Теодорович в 1920-е годы считал, что внутренние условия России были таковы, что в русском революционном движении должна была появиться мысль о заговоре: «Нам безразлично, позаимствовали народовольцы эту идею у Бланки, у Ткачева или дошли до нее своим собственным опытом. Если бы не было Бабефа или Бланки, то опыт борьбы мелких товаропроизводителей в России дал бы нам своего русского Бланки»[38]. Интересно, что в свое время прозвучало мнение о том, что в России есть свой Бланки. О состоянии мировоззрения Нечаева в самом конце 1860-х гг. написал в 1919 году в статье посвященной Николаю Васильевичу Чайковскому, участник тех событий, знавший лично Нечаева – Александр Степанович Пругавин. В РГАЛИ хранятся три варианта этой статьи. В третьем варианте добавлена, а потом зачеркнута, следующая характеристика Нечаева: «Это был русский Бланки, и недаром в своих беседах с лицами, которых он старался привлечь к участию в тайном обществе, Нечаев часто и охотно ссылался на Бланки, рисуя его в самых ярких

красках, как идеал героя, конспиратора и революционера»[39]. Такой однозначной характеристики, да еще с упоминанием имени Бланки, что подразумевало некоторую осведомленность о его жизни и деятельности, не давал в то время в России никто.

В историографии была также поставлена проблема взаимовлияния различных субъектов заговорщичества. Нередко выводы были взаимоисключающими. Л. Тихомиров считал, что «якобинец Нечаев» идеологически не был связан с ишутинцами, а Б. Б. Глинский утверждал, что «нечаевская авантюра <...> связана в своем генезисе с каракозовской историей, но по своим последствиям не явилась источником, из которого последующее развитие революционного движения взяло свои питательные соки»[40].

Развитие этой проблемы прослеживается в признанном практически большинством исследователей идейном влиянии Ткачева на «Народную волю». При этом В. Чешихин-Ветринский отметил нюанс, заключавшийся в том, что народовольцы «вначале полемизировали», но потом «пришли к якобинству “Набата”»[41]. Е. Сельский писал об идее «строгой централизации», воспринятой народовольцами от Ткачева. Л. Барриве утверждал, что «в момент падения старого политического строя революционеры должны захватить власть и декретировать для народа новые свободные учреждения. Введение социалистического строя проходит через диктатуру революционной интеллигенции. Это якобинское учение было целиком усвоено террористами и пропагандистами на страницах “Народной воли”»[42]. По словам В. И. Ленина, «подготовленная проповедью Ткачева и осуществленная посредством “устрашающего” и действительно устрашавшего террора, попытка захватить власть (“Народной волей”. – *И. В.)* была величественна»[43]. Каким бы ни было сегодня отношение к Ленину, эту его характеристику, думается, следует признать выходящей за рамки публицистики, полемических выпадов и навешивания ярлыков. Она отражает реальность.

Как отмечалось выше, западные исследователи достаточно давно, а с недавних пор и их отечественные коллеги, пишут о том, что часть радикальных российских деятелей предвосхитила своими идейными разработками большевизм. Так, И. Берлин называет в их числе Ткачева, Нечаева и Писарева. В. Фишман отразил такой подход даже в названии своей работы «Петр Ткачев – наставник большевизма», а Д. Харди отвел ему место среди «великих мятежников»

от Бабефа до Ленина. А. Уикс, автор работы «Первый большевик. Политическая биография Петра Ткачева» отметил, что Ткачев был не просто продолжателем дела Бланки. Идя от декабристов, он развил национальную концепцию политического заговора[44]. Следует оговориться, что в свою очередь западные исследователи имели своим научным предшественником Н. А. Бердяева, писавшего еще в 1937 году, что Ткачев «более чем кто-либо должен быть признан предшественником Ленина»[45]. Упреки Ленину в заговорщичестве звучали фактически с начала XX века.

Еще раньше детально проанализировал и проследил это идейное воздействие Г. В. Плеханов. Вследствие развития капитализма он допускал очень малую возможность успеха заговорщиков, но при этом писал о закономерности насильственных переворотов, играющих «роль повивальной бабки истории»[46]. Успешный же переворот революционного меньшинства закончится «позорнейшим фиаско», ведь придется «взяться за дело такой организации, для которой у нее (революционной партии. – *И. В.*) не хватит ни сил, ни понимания»[47]. Этот вывод предварял его позднейшую критику большевиков. Видимо, следует добавить, что недостаток «сил и понимания» руководство большевиков компенсирует впоследствии такой степенью централизации и насилия, диктаторскими методами управления, что, пожалуй, превзойдет теоретические разработки не только Ткачева, но и Нечаева.

Помимо внешних идейных воздействий и внутренних взаимовлияний в историографии ставился вопрос о специфических чертах радикальных участников революционного процесса. Следует отметить, что упор делается на разных характеристиках. Герцен, ознакомившись с прокламацией «Молодая Россия», выделил несколько принципиальных моментов: идейную незрелость авторов, увлечение «террором революции с грозной обстановкой», взвинченность[48]. Объяснял он это возрастом, неопытностью, идеализмом, тем, что террор «легок и быстр, гораздо легче труда <…> убеждает гильотиной», «дает волю страстям, очищая общей пользой и отсутствием личных видов. Оттого-то он и нравится гораздо больше, чем самообразование в пользу дела». Он полагал, что «неустрашимая последовательность – одна из самых характеристических черт русского гения, отрешенного от народа»[49]. Близкими к герценовским были оценки С. Булгакова. По его словам, «максимализм есть неотъемлемая черта интеллигентского героизма», герой «даже, если он и не видит

возможность сейчас осуществить этот максимум и никогда не увидит, в мыслях он занят только им. Он делает исторический прыжок в своем воображении». Поэтому у интеллигенции появляется тяга к «якобинизму», «захвату власти», «диктатуре», заметен «недостаток чувства исторической действительности и геометрическая прямолинейность суждений и оценок, пресловутая их принципиальность»[50].

Если в оценках Герцена заметно сочувствие и некоторая причастность, то у Л. Тихомирова после отхода от революционной деятельности этого не было. Он писал, что «основу революционно-интеллигентской души, крайне расшатанной, потерявшей уважение к авторитету, не поддерживаемой ничем, кроме идеи в какое-то всеобщее освобождение и составляло стремление к революции в прямом, бунтовском смысле. Но этой борьбы... интеллигент не находил нигде, кроме терроризма: это было некое подобие революции»[51]. Думается, только на пересечении мнений таких разных деятелей и возможно увидеть явление в полный рост, обозреть его со всех сторон, не торопясь с финальной оценкой о виновности или исторической правоте. Понять важнее, чем вынести вердикт. Заметно, например, отсутствие стойкой традиции критического поведения самой молодежи. Хотя с их точки зрения, они как раз и проявляли ответственность, не оставаясь безучастными к народным страданиям. Очевидной была их неспособность просчитать последствия, хотя тот же Герцен немало потрудился на этом направлении.

Значительно позднее подходы при объяснении типических характеристик русских радикалов заметно изменились. На примере нечаевщины авторы коллективного исследования «Революционная традиция в России» попытались определить эти черты. Они писали о «незрелости тогдашнего революционного движения, его организационной и идейной слабости, узости его классовой базы», «выпячиванию в центр народной революции собственного “я”», о неизбежности появления «в условиях самодержавного строя, господства узкого “заговорщичества”, кружковщины, сектантства, этим элементам в отдельные периоды создается раздолье, иногда они становятся и во главе движения, обрекая его на экстремистские акции и катастрофические неудачи». Эти характеристики объяснялись, по мнению авторов монографии, «неосознанным следованием традициям самодержавно-феодального угнетения, неспособностью психологически преодолеть их в процессе борьбы с этим же угнетением»[52]. Близко к

этим выводам стоит утверждение Рудницкой о том, что «фактическое движение русской революционно-социалистической мысли утвердило абсолютный приоритет начала, когда личность приносится в жертву коллективизму, его абсолютное торжество над индивидуальным началом»[53]. Рудницкая также отметила несколько парадоксально сочетающихся характеристик: «чистейший альтруизм и прагматизм, жертвенность и беспощадность, утилитаризм и идеализм, нравственный релятивизм вплоть до принципиального отрицания приложимости морали к делу революции»[54]. Начало формирования таких характеристик исследовательница связывает во многом с теоретической деятельностью Огарева еще на стыке 1850–1860-х годов: «именно в разработках Огарева, закрепленных в конспиративных документах, в написанных им прокламациях и нашедших отражение на страницах «Колокола», были впервые обозначены исходные организационные принципы – конспиративность, централизация, жесткая дисциплина и соподчиненность снизу доверху, которые прочно войдут в русскую революционную практику и станут дополнительным фактором нравственной деформации революционеров»[55]. Исследовательница констатирует наличие этих принципов и позднее: «Общность идей и конечных целей обуславливала и общность стремления к сплочению революционных сил и создание единой, централизованной организации революционеров: эта установка равно присуща и Лаврову и Бакунину и Ткачеву»[56].

Перекликаются с позиций Рудницкой выводы Р. А. Городницкого и Г. С. Кана, полагающих, что в «экстремистско-тоталитарной» тенденции в революционном движении присутствуют «утопические, максималистские идеи, абсолютизация насильственных методов их воплощения в жизнь, нетерпимость к инакомыслию, аморализм, отрицание демократических ценностей и принесение индивидуальной свободы в жертву безликому коллективизму»[57]. Подобные подходы развивают выводы еще дореволюционной историографии. В частности, Чешихин-Ветринский писал о «нечаевщине», что это «фанатическое максималистское бунтарство во имя непродуманной социальной утопии»[58].

Наличие объективных причин для возникновения и проявления радикализма отражается в историографии и иной позицией. Н. А. Троицкий пишет, что «любой исследователь должен знать, что нет абсолютного зла (как, впрочем, и добра абсолютного), что в зависимости от условий, места и времени любое зло может (часто ли, редко и на-

сколько – это другой вопрос) обратиться в добро и любое добро – во зло. Разве Великая французская революция XVIII века могла победить без якобинского террора? <…> А, победив, она ускорила ход мирового исторического процесса и стала точкой отсчета величайших достижений. Разумеется, это не освобождает нас от критики излишества, крайностей, жестокостей ее террора»[59]. Думается, авторы такого подхода тоже имеют право на его разработку и обоснованные претензии быть услышанными.

Итак, почти полуторавековой процесс изучения российского радикализма показал, что основной причиной его зарождения и развития были внутренние условия: деспотизм власти и репрессивная политика, что зеркально отражалось в радикализме, отсутствие возможностей реализовать стремление служить народу, его тяжелое положение. Особенно продуктивным представляется соображение о том, что власть по сути моделировала своих оппонентов. Крайняя неудовлетворенность внутренним положением страны и перспективами толкала наиболее радикальную часть оппозиции на поиск крайних средств. Из анализа историографии следует, что объективно идейный поиск стимулировался российскими властителями дум и наличием разработанных западноевропейских революционных концепций, таких как бабувизм. Имели значение, и это доказано большинством исследователей, внутренние идейные взаимовлияния в радикальной среде.

Необходимо, с нашей точки зрения, продолжить разработку сюжетов, связанных с идейными влияниями, которые испытывали российские террористы и заговорщики. Особенно это касается западноевропейских радикальных идей. Когда, в каких обстоятельства, из каких источников, в какой интерпретации попадали эти идеи к российским радикалам? И как они преломлялись в их теоретических построениях и практических действиях?

Характеристики, которые давались исследователями конкретным деятелям радикального толка и радикализма в целом, заметно отражали партийные позиции. Тем не менее, совокупность этих характеристик позволяет сделать вывод о том, что удалось охватить основное. Большинством признавались максимализм, нетерпимость, альтруизм, решительность, сектантство или отрыв от народа. Некоторые признаки получили почти противоречивые оценки. Герцен писал о незрелости движения, а Тихомиров об изначальной надломленности его участников. Ценно соображение Рудницкой о том, что

эти характеристики стимулировали поиск организационных форм и принципов: иерархичности, централизма, конспиративности. Думается, исследования в этом направлении должны быть более конкретными. Далеко не всегда некоторые характеристики приложимы ко всем радикалам. Трудно, в частности, говорить об идейной незрелости народовольцев.

Анализ историографии позволяет в итоге утверждать, что радикализм выполнял в России роль градусника. И требовались срочные усилия, чтобы отреагировать на повышенную температуру. Сделать это не удалось. И в этом еще один исторический урок.

А радикализм не исчезал. Готовность к самопожертвованию оправдывала, казалось, все. Отблеск святости погибших, мучеников, заключенных, каторжан позволял оправдывать борьбу и ее неизбежные издержки. Внутренняя продуктивная критика базовых постулатов становилась невозможной. Межфракционные споры эту задачу выполнить не могли. Это обстоятельство приобретало самодовлеющий характер. Коррелирующих движение моментов не оказывалось. А любая замкнутая система обречена на распад или деградацию. И даже выдающиеся личные качества многих представителей радикализма не спасали явление от краха, поскольку показателем краха надо считать даже не разгром властью движения, а практику большевизма, его неспособность к глубокой исторической адаптации. НЭП при всей своевременности и адекватности ситуации фактически немедленно вступил в противоречие с основами системы. Попытки частичных реформ, например хрущевские или горбачевские положение также не спасли. Но даже смена стратегического курса России не сняла проблем, некогда вызвавших к жизни радикализм.

---

[1] См.: *Тюкачев Н. А*. Отечественная историография революционного народнического движения. 1860–1880 гг. Брянск, 2010; *Худолеев А. Н*. Революционная теория П. Н. Ткачева и его роль в русском освободительном движении (историографический аспект): автореф. дис. … докт. ист. наук. Кемерово, 2012. Удивительно, но обстоятельная монография Н. А. Тюкачева здесь даже не упомянута.

Осмысление значения историографических подходов ведется интенсивно и продуктивно. В интереснейшей статье А. А. Калмыкова и Д. В. Лукьянова намечена череда объективных проблем историографического характера и сделаны их суммарные оценки. В частности, авторы пишут, что уже на рубеже XIX–XX веков историография «становится центральным проблемным полем выработки оптимальных форм познавательной практики: превращается прежде всего в эффективный и профессиональный инструмент конструирования соци-

ально-исторической реальности и в этом смысле начинает корректировать традиционную историческую науку», а через столетие наблюдается «поворот исторической науки к историографии», что позволяет «глубже проникать в содержательные и смысловые основания результатов развития научно-исторического знания и образования, которые вполне отчетливо определились за последние десятилетия». См.: *Калмыков А. А., Лукьянов Д. В.* Журналистика и историография // Журналист. Социальные коммуникации. 2012. № 4. С. 119–120.

[2] См.: *Джангирян В. Г.* Критика англо-американской буржуазной историографии М. А. Бакунина и бакунизма. М., 1978; *Сухотина Л. Г.* Проблемы русской революционной демократии в современной английской и американской буржуазной историографии. Томск, 1983; *Карпачев М. Д.* Истоки российской революции. Легенды и реальность. М., 1991. В этих и других работах, несмотря на неизбежные для своего времени идеологические установки, содержится большой фактический материал историографического характера, а равно интересные и продуктивные соображения авторов, значение которых сохраняется до сих пор.

[3] Histoire générale du socialisme. T. 3. Du 1875 à 1918. Paris, 1974. P. 42; Histoire des idées politiques. T. 2. Du XVIII siècle à nos jours. Paris, 1975. P. 450, 469, 470, 576, 577, 598, 724–725; *Wolfgang Abendroth*. Histoire du mouvement ouvrier en Europe. Paris, 1973. P. 12, 19; *Albert Camus.* L'homme révolté. Gallimard, 1975. P. 211.

[4] *Городницкий Р. Г., Кан Г. С.* Рец. на: Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация под ред. Е. Л. Рудницкой. М., Археографический центр. 1997 // Отечественная история. 1998. № 6. С. 185.

[5] См. *Бер Ю. А.* Страницы биографии революционера (С. Г. Нечаев) // Вопросы истории. 1989. № 4; *Есипов В. В.* Был ли Нечаев революционером // Вопросы истории. 1990. № 11; *Минаков А. Ю.* Феномен нечаевщины должен быть переосмыслен // Вопросы истории. 1990. № 11. Продуктивной оказалась дискуссия в № 2 «Отечественной истории» за 1999 г. после выхода 16-го выпуска «Освободительного движения в России» (1997 г.). Излагались точки зрения как оправдывавшие революционное движение, так и осуждавшие его.

[6] См.: *Гросул В.* Здоровый традиционализм саратовцев / Освободительное движение в России: современный взгляд или приверженность традициям / Круглый стол // Отечественная история. 1999. № 1. С. 5.

[7] *Твардовская В.* Без революционного движения история России остается неполной и непонятой // Там же. С. 11; *Ее же.* Николай Морозов: от революционера-террориста к ученому-эволюционисту // Отечественная история. 2003. № 2. С. 51, 54.

[8] *Морозов К. Н.* Рец. на: «Кровь по совести»: Терроризм в России: документы и биографии. Предисловие, составление, прим. О. В. Будницкого. Ростов на/Д, 1994 // Отечественная история. 1995. № 6. С. 195.

[9] *Будницкий О. В.* Эпоха «Земли и Воли» и «Народной воли» // Революционный радикализм в России. Век девятнадцатый. М., 1997. С. 385.

[10] *Чешихин-Ветринский В. Е.* Общественное движение в царствование Александра II // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. М., 1911. Т. 6. С. 117.

[11] См.: *Тун А.* История революционного движения России. Женева, 1903. С. 104; *Барриве Л.* Общественное движение в царствование Александра Второго. Исторические очерки. М., 1911. С. 141.

[12] См. *Цеховский В. Ф.* Сергей Геннадьевич Нечаев // Историческая библиотека. Вып. 11(41). СПб., 1907. С. 643–654.

[13] *Корнилов А. А.* Общественное движение при Александре II. 1855–1881. М., 1909. С. 200.

[14] *Щербакова Ек.* «Отщепенцы». Социально-психологические истоки русского терроризма // Свободная мысль. 1998. № 1. С. 90.

[15] Цит. по: *Воронихин А. В.* Вера Фигнер: путь в террор // Освободительное движение в России. Вып. 16. Саратов, 1997. С. 85.

[16] *Pares B.* Russia betveen Reform and Revolution. N. Y., 1962. P. 184.

[17] *Рудницкая Е.* Главное – преодолеть научное сектантство / Освободительное движение в России: современный взгляд или приверженность традициям / Круглый стол // Отечественная история. 1999. № 1. С. 7–8.

[18] *Мальшинский А.* Обзор социально-революционного движения в России. СПб., 1880. С. 278.

[19] Archives Nationales. Paris, F 7. 12520. Автором осуществлен перевод и публикация данного документа в «Историческом архиве», № 2. 2004. С. 166–171.

[20] *Karpovich M.* Imperial Russia. 1801–1917. N. Y., 1932. P. 40–44.

[21] *Рудницкая Е.* Русский радикализм // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. М., 1997. С. 7.

[22] L'anniversaire de Blanqui // Archives Nationales. Sous-série F7. 12886. P. 21, 35, 37.

[23] *Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г.* Революционная традиция в России. М., 1986. С. 87.

[24] *Рудницкая Е.* Русский радикализм. С. 8.

[25] См. *Юсим М. А.* Макиавелли в России. М., 1998. С. 146, 147.

[26] *Рудницкая Е.* Русский радикализм. С. 8.

[27] *Герцен А. И.* Молодая и старая Россия // Собр. соч.: в 30 т. М., 1959. Т. 16. С. 204. Критика Герценом положений «Молодой России» привлекла внимание Уолтера Лейкера, который отметил, что тот выделил влияние Бабефа, Бланки и Фейербаха. Собственный вывод автора заключается в том, что Заичневский был предшественником террора 1870-х гг. См.: *Walter Laqueur.* Terrorism. Boston-Toronto, 1977. P. 30–31.

[28] *Ткаченко П. С.* Восприятие революционными разночинцами идей западноевропейского утопического социализма // Вопросы истории. 1990. № 3. С. 48.

[29] *Шахматов Б. М.* Л. О. Бланки и революционная Россия (отзывы, влияния, связи) // Французский ежегодник. 1981. С. 61.

[30] *Vucinich A.* Social Thought in Tsarist Russia. The Quest for a General Sience of Society / 1861–1917. London, 1976; *Acton E.* Alexandre Herzen and the role of the Intellectuel Revolutionary. Cambridge, London, N. Y., Melbourne, 1979. P. 13; *Alain Besançon.* Etre russe au XIX siècle. Paris, 1974. P. 140.

[31] *Виленская Эм.* Худяков. М., 1965. С. 93.

[32] *Козьмин Б. П.* Вступительная статья // *Ткачев. П. Н.* Избр. литературно-критические статьи. М.; Л., 1928. С. 14.

[33] *Горев Б.* К вопросу о бланкизме вообще и русском бланкизме в частности // Воинствующий материалист. 1925. Кн. 4. С. 110.

[34] *Шахматов Б. М.* Л. О. Бланки и революционная Россия. С. 63.

[35] Там же. С. 62–63.

[36] Там же. С. 64.

[37] *Блюм Рэм.* Поиски путей к свободе. Проблема революции в немарксистской общественной мысли XIX века. Таллин, 1985. С. 190.

[38] *Теодорович И.* Историческое значение партии «Народная воля». 1930. С. 112.

[39] РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 3. Д. 7. Л. 52.

[40] См. *Тихомиров Л.* Несколько мыслей... С. 114; *Глинский Б. Б.* Революционный период русской истории (1861–1881 гг.): в 2 т. СПб., 1913. Т. 1. С. 484.

[41] *Чешихин-Ветринский В. Е.* Указ соч. С. 124.

[42] *Барриве Л.* Общественное движение в царствование Александра Второго. Исторические очерки. М., 1911. С. 146–147.

[43] *Ленин В. И.* Что делать? // Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. М., 1958–1965. Т. 6. С. 173.

[44] См.: *Berlin I.* Introdiuction to: *Ventury F.* Roots of Revolution. N.Y., 1966. P. XIII; *Fishman W.* Peter Nikitich Tkachev – Tutor of Bolshevism // History today. 1965. V. 15. P. 118–125; *Hardy D.* Nrachev and Marcsists // Slavic review. 1971. № 3. P. 22–23; *Weeks A.* The first Bolshevik. A Political Biographie of Peter Tkachev. N.Y., 1968. P. 27–31.

[45] *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 58.

[46] См.: *Плеханов Г. В.* Новый защитник самодержавия или горе г. Л. Тихомирова (ответ на брошюру «Почему я перестал быть революционером») // Избр. философские произведения: в 5 т. М., 1956. Т. 1. С. 390.

[47] *Плеханов Г. В.* Наши разногласия // Там же. С. 345, 334, 169.

[48] См. *Герцен А. И.* Молодая и старая Россия. Т. 16. С. 202; *Его же.* Журналисты и террористы // Там же. С. 221.

[49] См.: Там же; *Герцен А. И.* Молодая и старая Россия. С. 203.

[50] *Булгаков С.* Героизм и подвижничество. Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции // Вехи: Сб. статей о русской интеллигенции. М., 1990. Репринтное издание. С. 43, 45.

[51] *Тихомиров Л.* Несколько мыслей о развитии и разветвлении революционных направлений // Каторга и ссылка. 1926. № 3(24). С. 119–120.

[52] *Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г.* Революционная традиция в России. М., 1986, С. 210, 211, 219.

[53] *Рудницкая Е. Л.* Русский радикализм. С. 10.

[54] Там же. С. 14.

[55] Там же. С. 13, 14.

[56] Там же. С. 20.

[57] *Городницкий Р. А., Кан Г. С.* Указ. соч. С. 186.

[58] *Чешихин-Ветринский В. Е.* Указ. соч. С. 121.

[59] *Троицкий Н. А.* Дилетантизм профессионалов (письмо в редакцию журнала «Родина») // Освободительное движение в России. Вып. 16. Саратов, 1997. С. 186.

Колокольцев М. Г.

Историография раннего народничества 1860-х гг. (XX век)

В отечественной исторической науке сформировалось устойчивое определение термина «народничество», как идеологии и движения разночинной интеллигенции 1860–1890-х гг. Народники выступали против крепостничества и капитализма за установление (революционным или мирным путем) социалистического строя, выражающего интересы трудового народа. Характерной особенностью данной системы социально-политических взглядов являлось то, что она изначально базировалась на рефлективном анализе представителями дворянской интеллигенции народного мировоззрения и отечественной социокультурной почвы. Говоря современным языком, народничество – это самобытный вариант модернизации страны, опирающийся на традиционные институты и морально-нравственные ценности большинства ее населения (т.е. крестьянства)[1].

Несмотря на многообразие работ о народничестве, вопросы, связанные с генезисом этого направления русской общественно-политической мысли по-прежнему вызывают споры среди ученых. Не все из них готовы признать 1860-е гг. в качестве первого этапа его истории. На наш взгляд это свидетельствует, прежде всего, о недостаточной изученности идеологии и практики т.н. «раннего» народничества (1860-х гг.), а также социальных и мировоззренческих предпосылок для его возникновения.

Изучение отечественными исследователями народнического движения началось в XX в. События 1905–1907-х гг. вызвали огромный интерес к народникам, т.к. развития российской политической системы подтверждали именно их прогноз. Уже в эти годы историки и обществоведы исследовали вопрос о генезисе народничества, начиная его историю с 1860-х гг. Однако отдельной работы, посвященной раннему этапу народнического движения, так и не было написано.

Народническая историография начала XX в. представлена трудами М. П. Драгоманова, Р. В. Иванова-Разумника, Е. Е. Колосова, М. К. Лемке.

Известный общественный деятель, основатель украинского социализма М. П. Драгоманов посвятил одну из своих работ револю-

ционному движению 1861–1863 гг.[2]. Основное внимание он уделил теме взаимоотношений лидеров первых русских демократов М. А. Бакунина, А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского с деятелями польского национального движения начала 1860-х гг. Характеризуя народничество, историк выделил идею о федеративном государственном устройстве.

Историк общественной мысли Р. В. Иванов-Разумник писал об освободительном движении 1860-х гг. как о первом этапе развития народничества. Он не видел существенных, принципиальных различий между народничеством 1860-х и 1870-х гг. В своем обобщающем труде он выделил идеологические постулаты, характерные для того и другого периодов: общинный социализм и приоритетность социального над собственно политическим[3].

Е. Е. Колосов первым употребил термин «молодое народничество» 1860-х гг. По его мнению, именно в этот период была в основном разработана и оформлена идеология для всего последующего народнического движения. Особое внимание Колосов обращал на И. А. Худякова, Н. Д. Ножина, Н. А. Серно-Соловьевича и др. Правда, среди теоретиков народнической мысли исследователь выделил одного Ножина. В отличие от него Худяков – лишь талантливый пропагандист народнических идей[4].

Социальные истоки идеологии раннего народничества одним из первых попытался обозначить М. К. Лемке[5]. Идейным вдохновителем народнического движения, по его мнению, выступала разночинная интеллигенция. Так же автор пришел к выводу, что народники 1860-х гг. не стремились к объединению с либеральным дворянством для решения общих политических задач.

В целом следует заметить, что хотя названные исследователи выделяли 60-е гг. XIX в. как первоначальный этап народнического движения, его основные идеологические приоритеты еще не были определены.

Историки либерального направления (А. А. Корнилов, Л. С. Кульчицкий, В. Я. Богучарский) также начинали изучать народническое движение России с 1860-х гг.

А. А. Корнилов понимал народничество как разновидность радикализма. Вместе с тем он не видел коренных различий между радикальным и либеральным направлениями в пореформенной общественной мысли. Литературным центром демократического движения

1860-х гг. исследователь считал редакцию журнала «Современник»[6]. Однако специально проблему политического лидерства в народничестве он не рассматривал, так как основной своей задачей считал изучение социально-политического развития России XIX в.

Автор обстоятельного исследования по истории русского революционного движения России Л. Кульчицкий начал свою работу с освещения проблемы генезиса раннего народничества. На этом этапе народниками формировались основополагающие мировоззренческие установки. Протопартийным организациям этого периода («Великорусс», «Земля и Воля») исследователь отвел соответствующие ниши. С точки зрения Кульчицкого, лидером-основателем народнического движения 1860-х гг. являлся М. А. Бакунин[7].

К либеральному направлению исследователей примыкал и В. Я. Богучарский[8]. Он противопоставлял революционный «утопизм» либеральному «реализму». Характеризуя народническое движение, Богучарский отмечал, что оно было лишено какой-либо классовой почвы, и до появления партии «Народная воля» являлось движением небольшой кучки социальных утопистов, которые могли бы вполне трансформироваться в либералов.

Особо следует отметить некоторых представителей зарубежной демократической историографии начала XX в. Так, А. Тун[9] рассматривал политико-историческую ситуацию, которая сложилась в России во второй половине XIX в. Начало структурного оформления общественных объединений народников автор относил еще к концу 1850-х г. Тем самым он несколько расширил хронологические рамки первоначального этапа движения, не противопоставляя собственно либеральную идеологию народническому радикализму.

М. Неттлау, зарубежный исследователь политической биографии М. А. Бакунина[10], сформулировал примечательный вывод о том, что первоначальное движение русских народников базировалось преимущественно на личных дружеских взаимоотношениях ряда известных «революционеров»: М. А. Бакунина, А. И. Герцена, Н. П. Огарева и некоторых др. Что же касается различий в персональных идеологических программах начала 1860-х гг., то, по мнению данного автора, они имели второстепенный и подчиненный характер.

Родоначальником марксистского направления в историографии был Г. В. Плеханов. Это он первым разделил народников 1870-х гг. на сторонников и последователей М. А. Бакунина, П. Л. Лаврова и

П. Н. Ткачева. Для народнической идеологии по Плеханову характерны: приоритет социальности, отвержение террористических методов борьбы, анархизм. В 1860-е гг. демократия и революционная практика в России только нарождались. Применительно к этому времени Плеханов выделяет лишь исторические труды А. П. Щапова, которые если и «не легли в основу, то, по крайней мере, были весьма значительным вкладом в теорию народничества»[11].

В 1917–1920-е гг. в отечественной историографии утверждается марксистско-большевистское направление. Как известно, В. И. Ленин использовал термин «народничество» в широком смысле, подразумевая под ним «громадную полосу общественной мысли» и «целое миросозерцание» нескольких поколений отечественной интеллигенции второй половины XIX – начала XX в. С другой стороны он разделял движение революционных демократов 1860-х гг. и т.н. «действенное» народничество 1870-х гг., жестко противопоставляя их друг другу[12].

Несмотря на известную идеологизацию, склонность следовать догматом доктрины, в 1920-е гг. исследователи-марксисты все-таки излагали различные мнения, вели дискуссии, накапливая фактический материал. Ю. М. Стеклов, один из первых биографов А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского, считал прокламацию «Молодая Россия» исходным пунктом истории народнического движения. Она вызвала серьезный общественный резонанс и повлияла на политический выбор некоторых видных «шестидесятников». Изучая историю общественной мысли России, Стеклов еще в начале XX в., отмечал незавершенность и нечеткость основных концептуальных акцентов идеологии раннего народничества, потому что к тому времени она окончательно еще не сложилась. Исследователь первым собрал воедино разнообразные исторические источники, освещающие как биографию М. А. Бакунина, так и освободительное движение 1860-х гг.[13]. Впоследствии многие авторы советского периода опирались в своих научных изысканиях именно на работы Стеклова.

Другой основатель советской историографии М. Н. Покровский датировал начало генезиса народничества воззванием «К молодому поколению», учитывая тем самым ленинский критерий периодизации освободительного движения. Интересно, что Герцен и Чернышевский по Покровскому являлись представителями не радикально-революционного, а либерального движения[14]. Тем самым историк

ставил проблему политического лидерства народнического движения, отвергая распространенное мнение о наличии в мировоззрении Герцена и Чернышевского идеологических истоков народничества.

Л. Э. Шишко утверждал, что революционные народники 1870-х годов стремилось осуществить на практике политическую программу «шестидесятников». Одновременно он преуменьшал политическую действенность движения 1860-х гг.[15]. М. М. Клевенский, анализируя движение 1860-х гг., пришел к выводу, что ранние народники были еще свободны от появившегося позднее некритичного «преклонения перед народом» и смотрели на перспективы развития России прагматично, учитывая альтернативность исторического процесса. Клевенский одним из первых представил И. А. Худякова как теоретика и практика начального этапа народнического движения[16].

В историографии середины 1930-х гг. догматическая интерпретация истории народничества становится уже преобладающей. Однако, если в ленинской концепции «шестидесятники» фигурировали как идейные предтечи «семидесятников», то в сталинском «Кратком курсе ВКП (б)» было проведено их четкое разграничение. Главными в марксистской догматике становятся тезисы о преобладании идей революционного демократизма и утопического социализма в народнической мысли.

Но и в сталинский период известный советский исследователь Б. П. Козьмин использовал применительно к 1860-м гг. понятие «раннее народничество». По оценке Козьмина, главное периодическое издание данного направления – журнал «Современник». Программы газет артельного журнала «Век» и «Народная летопись» рассматривались Козьминым как первоначальные истоки народнической мысли[17]. Однако автор не мог сделать вывод о преобладании почвеннических идей в политическом мировоззрении народников. Козьмин исследовал все важные эпохальные факторы, влиявшие на освободительное движение 1860-х гг. К сожалению, освещаемые историком события и факты не были связаны соответствующей идейной канвой, которая бы раскрывала сущность народнического движения на первом его этапе.

За недостатком других тем, в центре внимания исследователей оказалась знаменитая поездка Чернышевского в Лондон в 1859 году. Многие историки предполагали, что Чернышевский и Герцен договорились о принципиально единой, общей линии поведения. Лишь

главный специалист по истории т.н. первой революционной ситуации (1859–1863 гг.) М. В. Нечкина, доказывала, что встреча двух общественных деятелей показала наличие непреодолимых разногласий[18].

Вслед за Ю. М. Стекловым Нечкина плодотворно изучала жизнь и деятельность А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. П. Огарева, А. П. Щапова, установила авторство ряда народнических воззваний и публицистических статей, анализировала политические связи народников. Можно сказать, что в трудах Нечкиной сформулированы все основные теоретические постулаты советской историографии народничества 1930–1950-х гг.[19].

Отдельно следует выделить роль в историографии народничества такого мыслителя, как Н. А. Бердяева. В 1946 г., уже как представитель русского зарубежья, он издал свою известную работу «Русская идея»[20]. Бердяев связывал социальную природу общественного движения 1860-х гг. с возникновением «интеллигентного пролетариата» и с усилением в России роли общественного мнения. Последующее десятилетие, по его оценке, было временем народничества по преимуществу[21]. Мыслитель много рассуждал о замкнутом сообществе народнической интеллигенции со своими «властителями дум», из которых он выделял Н. Г. Чернышевского и Н. К. Михайловского. Само народничество определялось Бердяевым как индивидуалистический социализм, «коммюнотарность» (общинность), преобладание социальности над собственно политическими ценностями, анархизм, признание самобытного некапиталистического пути развития России[22].

В период хрущевской «оттепели» в отечественной историографии появились новые тенденции. Советские историки стремились преодолеть прежние догматические мнения по проблемам общественного движения. Особенно острые дискуссии развернулись вокруг периодизации истории народничества. Историки подвергли сомнению сам критерий разделения народнического движения на периоды, который выдвинул В. И. Ленин. Так, В. А. Дьяков, Р. В. Филиппов, Э. С. Виленская предлагали выделять этапы трансформации идеологии, а не связывать развитие движения с нарастанием напряженности в классовой борьбе[23]. В. В. Широкова поставила тогда проблему переосмысления вопроса о родоначальниках народничества[24]. Но эта тема осталась без должного внимания со стороны ведущих исследователей.

Я. Е. Эльсберг в своей полемической статье «Народники и революционные демократы» высказал мысль об органическом синтезе народничеством идей демократии и социализма. Эльсберг употреблял понятие «старое народничество», отмечая первоосновы идеологии народничества, которые и были заложены в 1860-е гг.[25]. Данное радикальное движение находилось в 1860-е гг. на пике революционности[26].

Г. И. Ионова и А. Ф. Смирнов не разъединяли движение 1860-х и 1870-х гг., но выделили подготовительный, дворянский этап народнического движения, который, с их точки зрения, протекал в 1850-е гг. Становление идеологии народничества происходило на протяжении 1864–1870-х гг., а воплотилось в жизнь «хождением в народ» в 1870–1875-х гг. (от «чайковцев» до роспуска второй «Земли и воли»)[27]. Таким образом, ленинская концепция, так или иначе, оставалась незыблемой. Все историки утверждали, что «расцвет» действенного народничества происходил в 1870-е гг. Характерными чертами идеологии по-прежнему считались утопический социализм, революционный демократизм.

В 1960-е гг. история народничества освещалась в большом количестве монографий[28]. Рассматриваемая нами тема раскрывалась в работах Ш. М. Левина, Б. С. Итенберга, Р. В. Филиппова в русле ленинской концепции.

Ш. М. Левин, изучая историю освободительного движения 1860-х гг., выделял подготовительный его этап. В его рамках исследователь рассматривал жизнь и деятельность А. И. Герцена, революционную ситуацию рубежа 1850–1860-х гг. и некоторые другие проблемы. Революционных демократов Левин считал патриотами народной России, причем их патриотизм сочетался с интернационализмом. Впрочем, по мнению автора, пик революционного подъема приходился на 1870-е гг., а в 1860-е гг. происходило отделение демократической идеологии от либерализма[29].

Б. С. Итенберг исследовал движение революционного народничества 1870-х гг.: его масштабы, социальный и возрастной состав участников, районы и формы «хождения в народ», его практические результаты. По представлению историка, первый этап этого движения разворачивался с 1861 г. до конца 1873 г, когда уже случались эпизодические «рейды» отдельных революционеров в народ. Автор опро-

вергает распространенное мнение о стихийности «хождения», обращая внимание оппонентов на его организационную подготовку[30].

Р. В. Филиппов, по-видимому, осознавал ошибочность некоторых тезисов ленинской концепции, однако был вынужден следовать догматам советской историографии. Он не разделял народничество на «бакунизм» и «лавризм» потому, что такая дифференциация «смазывает многообразие идейной жизни»[31]. По мнению Филиппова, ведущим в народничестве 1860–1870-х гг. было революционно-пропагандистское направление, оформившееся под определенным воздействием идей А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского в период «от ишутинцев» до так называемых «чайковцев» (середина 1860-х гг. – 1874 год).

Данный тезис поддержал Н. А. Троицкий – основатель саратовской школы исследователей освободительного движения. Ведущее революционно-пропагандистское направление, по его оценке, развивалось на протяжении десяти лет в самой России усилиями последовательно сменявших друг друга организаций: от первой «Земли и Воли» через преодоление «нечаевщины» к «большому обществу пропаганды»[32]. Однако сам Троицкий эту эволюцию не изучал. Его работа была посвящена кружкам чайковцев начала 1870-х гг.

В. Ф. Антонов и М. Г. Седов продолжительное время придерживались концептуальной схемы, разработанной М. В. Нечкиной. Но опубликованные в этот период исторические источники заставляли историков сделать принципиально новые выводы. Первый период (1860-е гг.) они рассматривали как этап настойчивого поиска средств реализации программы. Завершился данный период созданием по инициативе Г. Лопатина «Рублевого общества». При этом Антонов акцентировал внимание на политической организации И. А. Худякова[33]. В отличие от коллеги, М. Г. Седов изучал идеологию народничества последующих периодов. Но все же историк заметил, что кульминационным пунктом движения 1860-х гг. была революционная ситуация 1859–1861-х гг. И хотя никакой революции не произошло, объективная цель движения была достигнута – уничтожено крепостничество. Неслучайно Седов называет первый период народнического движения «реалистическим»[34].

Научный анализ народничества был продолжен советскими исследователями в 1970–1980-е гг. В своих работах авторы не только освещали историю общественного движения России в целом, но и

рассматривали концептуальные вопросы народнического движения. Так, П. С. Ткаченко указывал на актуальность постановки проблемы генезиса народничества[35]. Историки, опираясь на большое количество опубликованных архивных документов, были готовы высказать значимые мысли по этой проблеме, но прежние методологические позиции не способствовали этому.

Е. Л. Рудницкая обнаружила в идеологии журнала «Народное дело» (1868–1869 гг.) преобладание идеи революции «сверху»[36]. Однако по известным причинам она не смогла оформить тезис о слиянии либерализма и демократизма на первом этапе народнического движения.

Э. С. Виленская, занимаясь исследованием подпольной деятельности народников 1860-х гг., отмечала логическую непоследовательность их мировоззрения. Н. Д. Ножин рассматривался историком как первый из теоретиков, научно обосновавших народническую идеологию[37].

Прежний тезис о существовании народничества в 1860-х гг. попытался возобновить М. Д. Карпачев. Немногочисленная еще группировка представителей народнической интеллигенции тогда так и не смогла сблизиться с народом и восстановить тем самым национальное единство. Данный фактор, как считает исследователь, и послужил причиной временной стагнации народнического движения и далее привел к его кризису[38].

Научное исследование данной темы продолжается и в постсоветский период. Освободившись от диктата марксистской идеологии, историки разрабатывают новые модели развития исторического процесса, обращаются к истории с новой системой вопросов. Правда и ленинская концепция народничества еще долго будем довлеть над умами историков[39].

В 1990-е гг. В. В. Зверев исследует взгляды Герцена и Чернышевского и приходит к выводу, что они стояли у истоков не только революционного, но и «реформаторского» (либерального) народничества. Зверев выделяет новую позитивную черту народнической идеологии – это поиск научной и социальной истины. Социализм и патриотизм являются, с точки зрения автора, «несущими конструкциями» народнической доктрины[40].

Е. В. Поликарпова делает заключение, согласно которому идеология народничества имеет множество аспектов, включая различные варианты преобразований российской политической системы. Ис-

пользуя понятие «раннее народничество», она отмечает наличие конституционных идей в народнической мысли. Концептуально Поликарпова фиксирует уже существующую в историографии советского периода «иерархию» основоположников народничества в следующей последовательности: А. И. Герцен, Н. П. Огарев, Н. Г. Чернышевский[41]. Я. Ю. Шашкова, рассматривая теорию строительства народниками революционной партии, замечает, что уже в начале 1860-х гг. перед ними стояла насущная задача объединения всех активистов и сторонников движения в единую действующую организацию. Главные идеологические принципы построения партии – демократизм и федерализм. «Шестидесятники» стремились создать партийную организацию, отличную от западноевропейской модели, массовую в перспективе, но в целом мало связанную с народом[42]. Сравнивая теории строительства партии П. Л. Лаврова, П. Н. Ткачева и М. А. Бакунина, Шашкова приходит к выводу, что партийную структуру «вождистского» типа разрабатывал в 1860-е годы только Бакунин.

В конце 1990-х гг. историки пытаются возобновить научную дискуссию по проблемам освободительного движения в России, прерванную тридцать лет назад[43]. Но если в 1960-е гг. приоритетное направление научной мысли составляло народническое движение и марксизм, то в новых условиях ученые включают в состав освободительного движения и либеральное направление.

Н. А. Троицкий доказывает тезис об идейной преемственности народничества и марксизма в России, ссылаясь на преобладание террористических методов, обусловленных реальной ситуацией в империи. А. А. Левандовский полагает, что идти разночинской интеллигенции надо было не в народ, а в земства. Е. Л. Рудницкая еще раз подтвердила положения ленинской концепции о субстанциональности террора в русском революционном движении, обусловленного утопизмом идеалов народников. В. А. Твардовская делает акцент на том, что террор не являлся преобладающим методом борьбы. Народники ставили задачу пропагандировать свои идеи преимущественно в крестьянской среде. Кроме того они первыми в России выдвинули конституционное требование созыва Всероссийского Учредительного собрания. Поэтому Твардовская не разделяет распространенное мнение о мнимой утопичности «главных пунктов» идеологии народничества. О. И. Киянская – представитель института истории

РАН – не отождествляет революционную теорию с социализмом и не причисляет А. И. Герцена к социалистам. С. В. Тютюкин характеризует освободительное движение России XIX в. как деятельность интеллигенции, которая является закономерной реакцией передовой дворянской общественности. Тютюкин не соглашается с тем, что в 1859–1863 гг. Россия переживала революционную ситуацию. Участники «круглого стола» намерены далее продолжать дискуссию, так как данная тема имеет научную и дидактическую значимость[44].

В ряде современных научных работах разрабатываются некоторые концептуально значимые идеи народнической историографии. И. Л. Кислицына развивает концепцию Е. Е. Колосова[45]. В частности, она не противопоставляет «революционеров-демократов» 1860-х гг. «народникам» 1870-х гг. Кислицына касается вопроса о политическом лидерстве и идеологических приоритетах народничества. В своем исследовании она пришла к выводу о преобладании «анархических» идей М. А. Бакунина. Но анархизм народников, по ее мнению, носил иное начало, чем схожее западноевропейское течение общественной мысли. Истоком русского анархизма явился народный идеал земли и воли, народного самоуправления.

Продолжает свою плодотворную деятельность В. Ф. Антонов, издавший две монографии о представителях русской общественной мысли 1850–1860-х гг.[46]. Автор отрицал тогда революционный характер учений лидеров освободительного движения, усматривал в них не мелкобуржуазные противоречия, как В. И. Ленин, а противоречия в синтезе социально-анархических идей и политического реформаторства. Концепция антиавторитарного социализма сближает идеи П. Ж. Прудона, А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского. Антонов, многие годы изучавший народническое движение, видел в идеологии основателей народничества Герцена и Чернышевского вариант альтернативного реформирования сложившейся в пореформенной России практики преобразований.

Таким образом, после 1991 г. в исторической науке формируются иные, отличные от советской историографии методологические подходы к проблеме возникновения русского народничества.

Завершает наш обзор историографии раннего народничества монография В. А. Должикова о М. А. Бакунине. Задавшись вопросом о социальной природе народничества, историк пришел к выводу, что его идеологические основы сформировала дворянская интеллиген-

ция. Идея сближения и примирения с народом так же могла возникнуть только у представителей дворянской интеллигенции. Она же представила и выступила с активной пропагандистской кампанией, предложив программу конкретной практической деятельности для народной пользы. Разночинная интеллигенция только поддержала уже начавшееся движение.

Должиков вводит в употребление термин «освобожденческое движение», отражающий наметившуюся тенденцию к сближению либералов и народников. Началом этого объединенного движения «Общее дело», по мнению исследователя, могло выступить именно народничество. Его идеология была способна синтезировать и консервативно-либеральное, и конституционно-демократическое течения. Идея же федерализма, зародившаяся на конкретной социокультурной почве, могла способствовать объединению не только различных социальных слоев, но и региональных областнических направлений общественной мысли[47].

Итак, несмотря на обилие работ, проблема научной идентификации раннего народничества, как особой национальной идеологии и самостоятельного общественного движения, остается не решенной. Сложность изучения данной проблемы обусловлена многообразием истоков и течений народнической мысли. Историки отметили только некоторые характерные черты данного политического и социального феномена. Поэтому вопросы о хронологии начального этапа истории народничества, о том, кто являлся его родоначальником и как формировались протопартийные структуры народнического движения нуждались в дальнейшем изучении. В 2004 г. они станут предметом специального диссертационного исследования автора данной статьи[48].

---

[1] См.: *Зверев В. В*. Народничество // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2005. С. 323.

[2] *Драгоманов М. П.* Герцен, Бакунин, Чернышевский и польский вопрос. Казань, 1906. С. 5.

[3] *Иванов-Разумник Р. В.* История русской общественной мысли: в 2 т. СПб., 1911. Т. 2. С. 6

[4] *Колосов Е. Е.* Молодое народничество 1860-х гг. // Сибирские записки. 1917. № 3. С. 125–140.

[5] *Лемке М. К.* Политические процессы в России 1860-х гг. М.; Пг., 1923.

[6] *Корнилов А. А.* Крестьянская реформа. СПб., 1905. С. 34–67; *Его же.* Молодые годы М. Бакунина. М., 1915.

[7] *Кульчицкий Л.* История русского революционного движения. СПб., 1908. С. 322.

[8] *Богучарский В. Я.* Активное народничество семидесятых годов. М., 1912.

[9] *Тун А.* История революционных движений в России. Женева, 1908.

[10] *Нетплау М.* Жизнь и деятельность М. А. Бакунина. Пг.; М., 1920.

[11] *Плеханов Г. В.* Афанасий Щапов // Соч.: в 24 т. М.; Пгр., 1923. Т. 2. С. 10; *Его же.* Избр. философские произведения. М., 1956. Т. 1. С. 122–123.

[12] *Ленин В. И.* От какого наследства мы отказываемся // Избр. произведения. М., 1975. Т. 1. С. 44–79.

[13] *Стеклов Ю. М.* Историческое подготовление русской социал-демократии (странички из истории русской социалистической мысли). СПб., 1906. С. 16; *Его же.* М.А. Бакунин. Его жизнь и деятельность. Т. 2: Переходный период 1861–1868. М.; Л., 1927; *Его же.* Борцы за социализм. Очерки из истории общественных и революционных дел в России. М., 1918.

[14] *Покровский М. Н.* Избр. произведения. М., 1967. Кн. 4. С. 153–161.

[15] *Шишко Л. Э.* Общественное движение в 60-х и первой половине 70-х гг. XIX в. М., 1920.

[16] *Клевенский М. М.* И. А. Худяков. Революционер и ученый. М., 1929.

[17] *Козьмин Б. П.* Накануне и на другой день 1 марта. М., 1933; *Его же.* Был ли Чернышевский автором письма «Русского человека» к Герцену? // Литературное наследство. М.; Л., 1936. Т. 25–26; *Его же.* С. Г. Нечаев и его противники в 1868–69 гг. // Революционное движение 1860-х годов. М., 1932.

[18] *Нечкина М. В.* О взаимоотношениях Петербургского и Лондонского центров русского освободительного движения в годы революционной ситуации (1859–1861) // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. 1955. Т. 14. Вып. 2. С. 178–184.

[19] *Нечкина М. В.* Запрещенные цензурой тексты Н. Г. Чернышевского // Литературное наследство. 1932. Т. 3. С. 75–102; *Ее же.* Н. Г. Чернышевский в годы революционной ситуации: (к анализу источников темы) // Исторические записки. 1941. Т. 10. С. 3–39.

[20] *Бердяев Н. А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX в. и начала XX в. // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 43–272.

[21] Там же. С. 141.

[22] Там же.

[23] *Вандалковская М. Г., Колесниченко Д. А.* Дискуссия о внутренней периодизации разночинского этапа русского революционного движения // История СССР. 1966. № 4. С. 107–134.

[24] *Широкова В. В.* Еще раз о революционных демократах и народниках // История СССР. 1962. № 3. С. 71.

[25] *Эльсберг Я.* Упрощенные решения // Вопросы литературы, 1960. № 2. С. 136.

[26] *Белкин А.* Народники и революционные демократы // Вопросы литературы. 1960. № 1. С. 25.

[27] *Ионова Г. И., Смирнов А. Ф.* Революционные демократы и народники // История СССР. 1961. № 5.

[28] *Богатов В. В.* Социологические взгляды Н. А. Серно-Соловьевича. М., 1961; *Галактионов А. А., Никандров П. Ф.* Идеология русского народничества. Л., 1966; *Дьяков В. А., Миллер И. С.* Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. М., 1964; *Зильберман К. Б.* Политическая теория анархизма М. А. Бакунина, Л., 1969; *Новикова Н. П.* Революционеры 1861 г. «Великорусе» и его комитет в революционной борьбе. М., 1968.

[29] *Левин Ш. М.* Общественное движение в России в 60–70-е гг. XIX в. М., 1958.

[30] *Итенберг Б. С.* Движение революционного народничества. Народнические кружки и «хождение в народ» в 1870-е гг. М., 1965. С. 418.

[31] *Филиппов Р. В.* Из истории народнического движения на первом этапе «хождение в народ» (1863–1874 гг.). Петрозаводск, 1967. С. 122–123.

[32] *Троицкий Н. А.* Большое общество пропаганды 1871–1874 (так называемые «чайковцы»). Саратов, 1963. С. 74–75.

[33] *Антонов В. Ф.* Революционное народничество. М., 1965. С. 72–74.

[34] *Седов М. Г.* Героический период революционного народничества (из истории политической борьбы). М., 1966. С. 5, 6.

[35] *Ткаченко П. С.* Учащаяся молодежь в революционном движении 1860–1870-х гг. М., 1978. С. 23.

[36] *Рудницкая Е. Л.* Русская революционная мысль. Демократическая печать 1864–1873 гг. М., 1984. С. 122.

[37] *Виленская Э. С.* Революционное подполье в России 1860-х гг. М., 1965.

[38] *Карпачев М. Д.* Очерки истории революционно-демократического движения в России (1860-е – начало 80-х гг.). Воронеж, 1985. С. 39.

[39] См., напр.: *Балуев Б. П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX в. М., 1995. С. 25, 256.

[40] *Зверев В. В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России: от сороковых к девяностым годам XIX в. М., 1997. С. 74.

[41] *Поликарпова Е. В.* Идеология народничества в России. М., 2001. С. 343.

[42] *Шашкова Я. Ю.* Теория революционной партии народников 70–80-х гг. XIX в. Барнаул, 2002.

[43] Освободительное движение в России: современный взгляд или приверженность традициям? // Отечественная история. 1999. № 1. С. 13–18.

[44] Там же.

[45] *Кислицына И. Л.* Бакунизм на юге России (70-е гг. XIX века). Владивосток, 1992.

[46] *Антонов В. Ф.* А. И. Герцен. Общественный идеал анархиста. М., 2000; *Его же.* Н. Г. Чернышевский. Общественный идеал анархиста. М., 2000.

[47] *Должиков В. А.* М. А. Бакунин в национально-региональном политическом процессе эпохи «оттепели» (рубеж 1850–1860-х гг.). Барнаул, 2000.

[48] См.: *Колокольцев М. Г.* Раннее народничество в России (1860-е гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2004.

Тюкачев Н. А.

Революционное народничество в российской историографии 1990-х годов

В начале 1990-х годов, одновременно с развалом СССР и крушением коммунистической идеологии, в полной мере обнажился кризис отечественной исторической науки. Его признаки, существовавшие в латентной форме еще со времен «застоя», конечно, осознавались многими историками-профессионалами. Сущность этого кризиса заключается в полной исчерпанности к тому времени единственной официально признанной в СССР марксистской методологии познания настоящего и прошлого. Применительно к истории народничества, можно говорить об исчерпанности некогда плодотворной ленинской концепции освободительного движения в России.

Особенностью историографии 1990-х годов было значительное расширение круга изучаемых проблем по истории России XIX века. Интенсивно освещались такие ранее «закрытые» течения общественной мысли как либерализм и консерватизм[1]. Это способствовало более адекватному изображению революционно-демократической струи в российском освободительном движении. Расширилась и проблематика в изучении народничества: появились обстоятельные работы по т.н. «либеральному» народничеству, что было совершенно новым явлением в историографии[2].

Мы полагаем, что новый, постсоветский период отечественной историографии народничества начался в 1991 году. Именно тогда в работах В. Ф. Антонова и В. В. Зверева был осуществлен настоящий прорыв в понимание сущности народничества: отказ от ленинской концепции. Антонов противопоставил народнический социализм ленинскому варианту марксизма. По мнению Антонова, Ленин «совершил волюнтаристскую революцию в стране неразвитого капитализма и после нее стал следовать догматам марксовой футурологии». После революции «альтернативой марксизму могло быть лишь учение о социализме, выработанное народническими теоретиками-федералистами, которым Ленин пренебрег как реакционным»[3].

В. В. Звереву принадлежит глава о народничестве в коллективной работе «Наше Отечество». Отметив, что «ленинский подход был прежде всего и главным образом взглядом политика», автор обоснованно утверждал, что «использование таких терминов как «утопиче-

ская», «мелкобуржуазная», «несоциалистическая», «реакционная» теория в отношении народничества давно устарело и не выдерживает критики»[4]. В своих более поздних работах Зверев плодотворно развивал эту мысль. В монографии, изданной в 1997 г., он писал: «Новый импульс в изучении народничества может дать только изменение самой методологии анализа. Явно просматривается необходимость отказа от ленинских оценок основных составляющих народнической доктрины»[5]. Зверев предложил следующее определение: «Народничество – это, в первую очередь, явление общественной мысли, реакция образованного меньшинства России на происходившие в стране гигантские изменения: становление товарно-денежных отношений, складывание совершенно новой социальной стратификации, разрушение основ традиционной культуры. <…> В конечном счете, народничество – это реакция интеллигенции на происходивший в стране процесс модернизации»[6].

Значительным явлением в историографии 1990-х годов стала монография Е. Л. Рудницкой о «русском бланкисте» П. Н. Ткачеве[7]. Автор поставила перед собой непростую задачу: «Разобраться в его подчас парадоксальной и в то же время по-своему монолитной социально-политической доктрине, взаимосвязи присутствующих в ней начал, выяснить воздействие на Ткачева процессов, происходивших в русском революционном движении, а также показать его роль, его влияние на этот процесс». Исследовав революционную биографию Ткачева, Рудницкая констатировала, что «именно Ткачев с наибольшей остротой выразил разочарование, рожденное неоправдавшимися надеждами на революционную активность крестьянства». Придя к выводу о решающей роли революционного меньшинства, Ткачев критически переосмыслил опыт первой «Земли и воли», а также по-своему интерпретировал идеи Н. Г. Чернышевского. Его установка на централизм в организации революционных сил трактуется Ткачевым в виде идеи заговорщической организации революционеров. Эффективности действия революционеров, по мнению Ткачева, должно способствовать освобождение от «общечеловеческой» морали и выработка новых принципов «революционной нравственности». Общее понимание этих принципов, убежденность в том, что «высокая цель оправдывает средства», сближает позиции Ткачева и Нечаева. По мнению автора, они не случайно пошли навстречу друг другу: «в фанатичном характере Нечаева Ткачев увидел подлинного деятеля Революции»[8].

Представляет интерес трактовка Рудницкой вопроса о степени влияния Ткачева на «Народную волю». Провозгласив необходимость политических преобразований как самостоятельных и первоочередных, Ткачев совершил прорыв в народнической доктрине. Признание же народовольцами заговора в качестве главной движущей силы восстания явилось кульминацией на пути практического осуществления бланкизма в революционном движении России. Вместе с тем, следует согласиться с выводом автора: «При всей близости платформы народовольчества с ткачевизмом, они не идентичны». Для народовольцев было неприемлемо отторжение народа как субъекта социалистической революции. Они «не пошли столь далеко, в отличие от Ткачева, в отстранении народа как активной революционной силы»[9].

В 1990-х годах некоторые молодые историки, стремясь понять мотивы действий революционеров-народников, прибегли к методам социальной психологии и психоанализа.

Е. И. Щербакова попыталась воссоздать коллективную психологию и стиль мышления молодых радикалов 1860–1880-х гг., которых исследовательница объединила в особый историко-психологический тип революционера-разночинца[10]. Их жизненную позицию и образ действий, по мнению Щербаковой, определяла «горькая досада на образованное общество, членами которого они так хотели стать». Именно ощущение своей «несовместимости с традиционным образом жизни общества» приводит к нигилизму разночинцев[11].

Своим учителем «новые люди» считали Н. Г. Чернышевского, который в романе «Что делать?» дал молодежи модель жизненного поведения «нового человека». Однако попытки молодежи действовать по «рецептам» Чернышевского, создавая общества взаимопомощи и мастерские, рушились при столкновении с жизнью. И тогда начинающих революционеров стал привлекать «особенный человек» – Рахметов. Именно влиянием образа Рахметова автор объясняет создание ищутинцами законспирированного кружка «Ад». По словам Щербаковой, это была игра «в конспирацию» молодых людей, «не находивших применения своей бьющей через край энергии». Члены «Ада» составляли «обособленный от остального мира круг лиц», которые «играли» по своим правилам. Осознание ими этого было предпосылкой появления «новой нравственности»[12].

Размышляя о Нечаеве, Щербакова пришла к убеждению, что наиболее глубоким психологическим мотивом его революционной активности было самоутверждение личности. Человек из низов, Не-

чаев не мог не испытывать на протяжении всей своей жизни чувства социальной ущемленности. Оно вызывало у Нечаева «необузданную ненависть ко всему обществу, где ему не находилось роли, которой, по его мнению, он был достоин». Самым надежным путем для достижения своего предназначения Нечаев считал в условиях тогдашней России «поприще революционной борьбы». Он убедил в своем «революционном фанатизме» прежде всего самого себя, тогда как на самом деле в основе его активности лежало «неистовство безумного самомнения». Обманув самого себя, было нетрудно «ввести в заблуждение других». Люди «склонны видеть не то, что есть в действительности, а то, что они хотят увидеть»[13].

В процессе подпольной деятельности складывался особый тип личности, исходная «этическая установка» которого состояла в принципе: «Нравственно все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что помешает ему». Эта новая нравственность была общей как для нечаевцев, так и для их оппонентов и «приносила одни и те же плоды, раскрывавшие ее главные составляющие – рационализм, утилитаризм, индивидуализм, нигилизм». С этой точки зрения, знаменитый «Катехизис» не был порождением фантазии фанатика-одиночки; он отражал настроения определенных слоев молодежи, среди которой находилось немало людей с намерениями и амбициями, схожими с нечаевскими[14].

Общий вывод автора заключался в следующем. Комплекс идей, сформировавшихся в сознании разночинной интеллигенции и невозможность их реализации делали неизбежной и революционную борьбу. А «логика и практика» этой борьбы «вырабатывала тип личности, потенциально способной к террору»[15].

Биография С. Г. Нечаева наиболее подробно описана в книгах Ф. М. Лурье[16]. Он предложил несколько расширительное, но, по сути, верное определение нечаевщины: «вседозволенность в политической борьбе». Лурье выразил распространенную в историографии точку зрения: «Нечаевщина родилась в борьбе революционных сил с абсолютизмом, в ее появлении повинны обе противоборствующие стороны»[17]. Вместе с тем, как считает автор, приверженность нечаевским методам была, якобы, свойственна только вождям, тогда как «рядовые революционеры были высоконравственными людьми». «Вожди революционных партий отвергали постепенное реформирование государственного устройства, не оставлявшее им надежд на сколько-нибудь видное положение в административно-бюрократи-

ческой иерархии державы. Могли ли претендовать на серьезную карьеру недоучка Нечаев, помощник присяжного поверенного Ульянов, заурядный литератор Чернов? Они превосходно понимали, что только собственная революция в силах взнести их на вершины власти, дать им все и сразу. Именно эта простая мысль питала их веру в необходимость быстрейшей революции, разжигала нетерпение и нетерпимость, именно поэтому Нечаев стремился начать всероссийский бунт 19 февраля 1870 года. Опасаясь конституции сверху, лидеры «Народной воли» торопились умертвить Александра II. Конституция из рук царя, бесспорно, привела бы к спаду революционного движения. В. И. Ленин накануне выборов в Учредительное собрание спешил захватить Зимний дворец. Более всего революционных лидеров пугало благополучие народа, тогда они оставались ни с чем»[18]. Как видно из приведенных слов, Лурье достаточно верно подметил мотивы действий «недоучки Нечаева», но совершено произвольно экстраполировал их на народовольцев, лидеров эсеров и большевиков.

Влияние психологического фактора в деятельности «Земли и воли» рассмотрел в своей статье С. В. Калинчук[19]. По признанию автора, при изучении истории народничества 1870-х гг. естественный интерес к вопросам социальной истории сочетается с отсутствием внимания к особенностям «общественной психологии эпохи» и к индивидуальным стремлениям, чаяниям и переживаниям ее представителей. Необходимость психологического подхода обоснована следующим образом: «В реальной жизни действуют не бездушные носители идей, а живые люди, обуреваемые страстями, обладающие специфическими чертами личности, влияющими на их отношения с окружением, что особенно важно при изучении истории развития замкнутых коллективов и узких социальных слоев. Знания о мотивах человеческой деятельности будут неполны без учета столь важных факторов, как сложившиеся в данном кругу традиции, нормы поведения, типичные реакции, оценки, формальная и неформальная иерархия и механизмы продвижения в ней». Именно такой подход позволяет существенно обогатить сложившуюся картину исторической действительности[20].

Исходя из такой посылки, Калинчук стремился проанализировать молодежную субкультуру 1870-х годов с ее «символизмом», эмоциональностью и специфической этикой, построенной на «конфликте поколений». Характерным явлением в революционной среде того периода было наличие «общих квартир» или «коммун», своего

рода «перевалочных пунктов» в странствованиях «неприкаянного студенчества» и одновременно центрами молодежного общения семидесятников. Молодые революционеры чувствовали себя не столько носителями определенной политической программы, сколько «творцами новой культуры», которая проявлялась в отрицательном отношении к образованию и карьере как атрибутам «буржуазной культуры. Социальной нормой становилось состояние «отщепенства», жизненной неустроенности с его характерными чертами: вызывающим внешним видом, презрением к традиционным ценностям, манерами, выдержанными в духе «пощечины общественному вкусу»[21].

Существуя как бы изолированно от внешнего мира, революционная среда «жила по собственным законам и правилам», но демонстрировала их только при интеграции в нее «новичков». Автор доказывает это на примере студента Горного института Г. В. Плеханова. Вначале его образ жизни и привычки разительно отличались от «нигилистических замашек» «бунтарей». Но вскоре его ученая карьера стала «жертвой» сближения с народниками. После активного участия в Казанской демонстрации 6 декабря 1876 года Плеханов переходит на нелегальное положение. После этого его авторитет «несказанно» поднялся, значительно изменилось и его место в «неформальной иерархии»[22].

В заключении Калинчук еще раз подчеркивает, что идейные побуждения интеллигенции были самым важным, но не единственным фактором, влияющим на развитие революционного движения. Народники не были свободны от обычных человеческих привычек, предрассудков, психологических комплексов, которые в свою очередь были обусловлены происхождением, воспитанием и образованием. Все это, переплетаясь с чисто идейными проблемами, «формировало внешний вид того сложного социального явления, которое именуется движением революционного народничества»[23].

Первую в отечественной историографии попытку посмотреть на революционное движение с точки зрения психоанализа предпринял Д. Чернышевский[24]. Заинтересовавшись мотивами, которые «толкали революционеров на опасную и, видимо, безнадежную борьбу с могущественной Империей», историк поставил задачу опровергнуть распространенные представления об их рациональном обосновании. По словам автора, «осуществление воли народа, под которым в те времена понималось прежде всего крестьянство, совершено очевидно, не было главной целью народников: народ никто не спрашивал,

чего он хочет, предполагалось, что партия и так это знает». Иллюзорность таких представлений показывают надежды народовольцев на поддержку 90 % крестьян – членов предполагаемого Учредительного собрания. На самом деле, крестьяне не понимали революционеров-народников, а иногда выдавали их полиции. Не было целью революционеров и достижение политических свобод и демократии. Политическая свобода рассматривалась лишь в качестве средства, условия для более эффективной агитации в народе.

Констатировав, что революционное движение «вдохновлялось идеей социализма», автор заявил, что революционеры и о нем не имели определенного представления. Будучи выходцами из привилегированных слоев, они плохо разбирались в экономике, не знали деревенского хозяйства, а потому «подходили к крестьянству не от жизни, а от теории». Но и их теория общинного социализма в сущности была очередной «интеллигентской утопией»[25].

Чтобы понять, в чем заключалась настоящая цель революционного движения, Д. Чернышевский обращается к психоанализу. Отправной точкой послужило принятое за аксиому утверждение Э. Фромма: «До появления психоанализа считалось, что человек говорит правду, если он верит в то, что говорит. Психоанализ показал, что субъективное убеждение ни в коей мере не является достаточным критерием искренности». По мнению З. Фрейда, человек может совершать поступки, «мотивы которых он не осознает», но при этом всегда стремится «придумать эти мотивы, подыскать рациональные объяснения своим действиям». Фрейд назвал такое обоснование «рационализацией». «Не является ли и революционная идеология подобной… рационализацией, прикрывающей более глубокие подсознательные стремления?», – предположил Д. Чернышевский.

Есть смысл проследить рассуждения автора о различных «тайных причинах» революционного движения. Одна из них – революция (схватка с самодержавием) как «самоцель» и «психологическая доминанта» русских революционеров. К ней они «исступленно стремились», оставляя на потом выяснение черт будущего строя[26]. Тезис о «революции как разрушении» автор стремился доказать многочисленными высказываниями Бакунина, Нечаева и известными словами из «Интернационала», в котором «не случайно» появились слова: «Весь мир насилья мы разрушим до основания…». Еще одним неосознанным мотивом революционеров могла быть «воля к смерти». Речь идет об идеале жертвы, героической гибели во имя

революции. Автор констатировал, что среди революционной молодежи были популярны стихи Н. А. Некрасова, в которых «народному заступнику» предрекались «путь славный, имя громкое, чахотка и Сибирь». Он привел слова Л. Дейча о «привлекательной поэзии смерти с оружием в руках». Процитированы слова одного из авторов «Вех» А. С. Изгоева: «Каких бы убеждений ни держались различные группы русской интеллигентной молодежи, в конечном счете, если глубже вдуматься в ее психологию, они движутся одним и тем же идеалом…. Этот идеал – глубоко личного, интимного характера и выражается в стремлении к смерти». Доказательством распространенности воли к смерти в революционных кругах, по мнению Д. Чернышевского, была и «популярность песен, воспевающих поэзию гибели», т.к. «человек поет только те песни, которые созвучны его настроению». Революционеры пели: «Вы жертвою пали…», «Смело мы в бой пойдем за власть советов, и как один умрем в борьбе за это», «И все должны мы, неудержимо, идти в последний, смертный бой» и т.д.[27].

Весьма интересна психоаналитическая версия о связи революции и «эдипова комплекса». По словам Д. Чернышевского, в работе «Достоевский и отцеубийство» (1928 г.) Фрейд применил концепцию «эдипова комплекса» для анализа «бессознательных душевных движений» писателя, бывшего в молодости революционером. Оказалось, что «революционная психология легко поддается интерпретации в рамках этой концепции. С точки зрения Фрейда, патриархальное общество в России выглядело следующим образом. «Царь-батюшка» выступал в роли общего отца «матери-земли», а народ был «детушками», заботливо и отечески опекаемыми строгим государем. Д. Чернышевский внес принципиальные коррективы в конструкцию Фрейда. По его мнению, у революционеров роль «матери-земли» выполнял народ, а сами они были «детьми», взбунтовавшимися против «отцов». «Хождение в народ» на бессознательном уровне отражало «инфантильное желание» убежать от жестокой «отеческой» власти под материнское крыло. По отношению же к «царю-батюшке» революционеры, после «короткого периода младенческой влюбленности», заняли «типичную эдипову позицию» враждебного соперничества и бунта против его авторитарной власти. Тогда цареубийство выглядит ни чем иным как отцеубийством, к которому «бессознательно тянулись революционеры». Но после триумфа у революционеров наступает «покаяние, жажда наказания

за совершенное (или замысленное) преступление». Народовольцы охотно шли под суд «якобы для пропаганды, но, кажется, чтобы удовлетворить бессознательную жажду наказания». Декабристы тоже хотели убить царя, а потом «каялись на следствии, давая самоубийственные показания, которые историки, не знавшие психоанализа, не могли объяснить»[28].

Таким образом, по мнению автора, революционное движение «обнаруживает черты психической патологии», так как «психобиологические корни революционного движения лежали глубже социальных». Если существуют люди, биологически предрасположенные к преступлениям, то могут существовать и люди, «врожденно склонные к негативной социальной активности», т.е. к революционной деятельности. Революция и преступление «связаны между собой неразрывными узами». Бакунин и Нечаев прямо призывали революционеров соединиться «с диким разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России».

Д. Чернышевский, по его словам, вовсе не отрицал «значения социальных и идейных факторов в истории», а только хотел восстановить в правах «фактор природный». Биологическая предрасположенность «к негативным проявлениям» не означает предопределенности жизненного выбора. «Негативные» люди могли оставаться в рамках «жизнеутверждающего мировоззрения», если они воплощали свои бессознательные влечения в созидательную деятельность. Тогда из них получались выдающиеся реформаторы и преобразователи, основатели новых религий, философы. И только когда человек сознательно выбирал «негативное мировоззрение» (например, социализм), «свободно подчинялся сатане», его деятельность приобретала разрушительный, смертоносный характер. А дальше действуют социальные закономерности. Именно они определяют во что выльется подобная деятельность – в создание средневековой секты или «партии нового типа», опричнины или НКВД[29].

Мы полагаем, что Д. Чернышевский, увлекшись изучением биологического, «природного фактора» в мотивах поведения революционеров-народников, допустил – вольно или невольно – большое искажение исторической реальности. Не отрицая (на словах) «значения социальных и идейных факторов в истории», Д. Чернышевский фактически в данной статье совершенно не коснулся этих важнейших факторов. А без их учета вряд ли можно понять соотношение различных компонентов в мотивации революционной деятельности народников.

Отметим, что изысканием психологических мотивов деятельности революционеров занимались очень немногие историки. Гораздо более значимым явлением в историографии 1990-х годов было формирование нескольких направлений, сопровождавшейся острой полемикой между историками. Защитником традиционного марксистского подхода к истории народничества выступил известный ученый Н. А. Троицкий. Его оппоненты отрицали не только правомерность и объективные предпосылки революционного движения, но и их методы борьбы. Критика революционного движения некоторыми публицистами и историками велась с нигилистических позиций, представляющих смесь дореволюционных охранительной и праволиберальной концепций.

Активная фаза полемической борьбы продолжалась около четырех лет, в 1996–1999 гг. Все это время Троицкий последовательно защищал свои взгляды о месте, роли, значении террора в деятельности «Народной воли», что и было основным предметом дискуссии. Однако менялись оппоненты, против которых была направлена основная критика саратовского историка. Поэтому, на наш взгляд, следует выделить несколько этапов дискуссии. Сначала Н. А. Троицкий спорил с А. А. Левандовским, затем критиковал А. Н. Боханова и П. Н. Зырянова. После этого он вступает в полемику с Г. С. Каном. Свое мнение по дискутируемым проблемам высказали ведущие специалисты по народничеству в ходе «Круглого стола», организованного журналом «Отечественная история» в 1999 году.

Полемика Троицкого и Левандовского развернулась на страницах журнала «Родина» в 1996 г.[30]. Ее сутью было практически противоположное отношение к известным фактам из истории террористической борьбы народовольцев. По мнению Троицкого, под влиянием «политической конъюнктуры» входит в моду критика народников с охранительных позиций. Некоторые историки и публицисты нечаевщину выдают за «уродство, якобы органически свойственное народническому движению», а партию «Народная воля» изображают преимущественно или даже всецело «террористической». Опровержению таких представлений и посвятил свою статью Троицкий. Он утверждал, что в начале 1870-х годов преобладали антинечаевские настроения. В противовес нечаевщине, «народническая молодежь укреплялась нравственно». В отличие от Нечаева, «все народники 70-х годов» руководствовались принципом: «не только для народа, но и посредством народа»[31]. Основной тезис автора заключа-

ется в следующем: «Что же касается “Народной воли”, то неопровержимые факты и документы свидетельствуют: ни в программе партии, ни в ее деятельности террор никогда не занимал главного места». В доказательство были приведены данные о 8 тысячах репрессированных «за участие в “Народной воле”» только за два с половиной года. В терроре же участвовали только «члены и ближайшие агенты Исполнительного комитета да несколько сменявших друг друга метальщиков, техников, наблюдателей». При таком «удельном весе» террора, он «как своего рода боеголовка революционного заряда», оказался на виду, «заслоняя собой остальную, глубоко законспирированную работу партии». Царские охранители «намеренно раздували» представление обо всех народовольцах как о террористах. Автор особо подчеркивал, что «красный» террор народников был исторически обусловлен, что они прибегли к нему вынужденно, в ответ на «белый» террор царизма против участников мирного «хождения в народ»[32].

Троицкий считает несостоятельным утверждение «врагов и критиков» «Народной воли» о том, что она «злодейски преследовала и умертвила Царя-Освободителя». По его словам, при этом «замалчивается неоспоримый, кричащий факт: к концу 70-х годов царь… снискал себе уже новое титло: Вешатель». Троицкий категорически отметал обвинения в адрес народовольцев в том, что «они и не думали умирать за народ, а рвались к власти ради собственного блага и славы». Народовольцы знали, что «начинают борьбу, в которой им самим не дожить до победы». Тип русского народовольца прекрасен тем, что он «соединяет в себе два высочайших типа человеческого величия: мученика и героя»[33]. Такая аргументация в защиту «Народной воли» от ее современных «врагов» в дальнейшем многократно воспроизводилась автором в статьях и книгах[34].

В ответной статье А. Левандовский назвал позицию Троицкого архаичной, восходящей «к революционному подполью» пореформенной России. «Право же, иногда возникает ощущение, что статью писал чудом доживший до наших дней член Исполнительного комитета «Народной воли», – так характеризовал автор позицию саратовского историка[35]. Признав, что на совести Александра II «много загубленных жизней и поломанных судеб», Левандовский напомнил «о несомненных достоинствах и заслугах» убитого царя. К этим заслугам, с точки зрения автора, относилась не только реформаторская деятельность, но и доброта, мягкость, благородство. По мне-

нию автора, не было каких-либо принципиальных различий между нечаевщиной и другими тактическими приемами народников. Он писал: «Мне представляется, что между якобинством Заичневского, нечаевщиной, хождением в народ, “Народной волей” и многими прочими явлениями революционного движения пореформенной России каких-то глухих, непроходимых границ просто не существует. По одной причине: действующим лицом имеет место быть интеллигент-разночинец, причем воинствующий»[36].

Левандовский констатировал, что народовольцы «и есть истинные Герои статьи Троицкого» и, что террористы «описываются автором (Троицким. – *Н. Т.*) с явным, нескрываемым восторгом и преклонением». Но восторги исследователя «неизбежно застилают ему глаза, заставляют искажать логику рассуждений, а нередко и истину». Автор выразил свое возмущение «безапелляционной манерой Н. А. Троицкого истиной в последней инстанции объявлять то, что в лучшем случае нуждается в самых серьезных оговорках, а нередко и просто несправедливо по существу»[37].

Письмо Троицкого в редакцию журнала «Родина», содержащее резкую критику взглядов Левандовского, не было там опубликовано. Поэтому оно было помещено в 16 выпуске сборника «Освободительное движение в России»[38].

Критические замечания высказал историк из Саратова и в адрес П. Н. Зырянова – одного из авторов вузовского учебника, изданного в 1996 году[39]. Многочисленные «оплошности» в разделах об освободительном движении Троицкий однозначно объяснил «желанием П. Зырянова принизить все революционное», а также «его неведением о рассматриваемом предмете». Речь идет о классификации «Народной воли», которую Зырянов назвал «организацией», а на самом деле она представляла собой «первую в России революционную и вообще политическую партию». По мнению Троицкого, в пособии Зырянова неправильно освещены цели, задачи, планы, масштаб и сферы деятельности «Народной воли». Представляя точку зрения оппонента, Троицкий подчеркнул: «По Зырянову, “Народная воля” главной своей задачей считала захват власти. После этого предполагалось созвать Учредительное собрание…. Тактика захвата власти, избранная народовольцами, заключалась в запугивании и дезорганизации правительства путем индивидуального террора. Исподволь готовилось и восстание». Эти, на наш взгляд, достаточно взвешенные и реалистичные суждения Троицкий саркастически назвал «ме-

шаниной из кривотолков» вокруг программы «Народной воли». Сам он расставил акценты следующим образом. «Народная воля» ставила целью «отнять власть у существующего правительства и передать ее Учредительному собранию» посредством народной революции, застрельщиками которой должны были стать военные, студенты, рабочие, а главной силой – крестьянство. «Исподволь» же готовился (в качестве вспомогательного средства) индивидуальный террор с двоякой функцией: дезорганизовать правительство и возбудить народные массы, чтобы затем «поднять возбужденный народ против дезорганизованного правительства»[40]. Мы полагаем, что в данном случае позиции Зырянова и Троицкого совсем не противоречили друг другу. Зырянов исходил из реального соотношения различных тактических приемов народовольцев. Троицкий же, не возражая ему по существу, вел речь о другом – о программных их устремлениях, которые именно в данном вопросе расходились с практикой.

В клевете на революционных народников Троицкий обвинил также автора книги «Император Александр III» А. Н. Боханова, по словам которого, народники «не хотели преобразований, они грезили о крушении», чинили «кровавую оргию». Троицкий утверждал, что на самом деле народники боролись «за уничтожение самодержавного деспотизма, жандармского произвола, кабалы и бесправия народных масс», что к цареубийству народники прибегли в ответ на «кровавую оргию» царизма. «Казнь» царя они считали лишь одним из многих средств, подготовлявших «народную революцию». Общая оценка книги и ее автора выражена Н. А. Троицким чрезвычайно резко: «А. Н. Боханов – монархист вульгарно-агрессивного толка… Его книга об Александре III воспринимается как анахронизм, нечто вроде придворной хроники, каковую мог бы написать сто лет назад кто-нибудь из флигель-адъютантов Его Величества, вооруженных не столько знаниями, сколько остервенением против любого… инакомыслия»[41].

Идейной непримиримостью и жесткостью отличалось полемика Н. А. Троицкого и Г. С. Кана – автора монографии о «Народной воле»[42]. Критикуя эту работу, саратовский историк заявил, что она «проникнута ненавистью» к революции, а ее автор «симпатизирует царизму». В рецензии приведено мнение Кана о том, что Россия в 1870-х годах еще не доросла до «демократического политического устройства» и такие реформы как судебная и цензурная «были явно преждевременными». Такое утверждение Троицкий вполне обосно-

ванно сравнивает с подходом охранительной дореволюционной историографии, в частности, с «Хроникой социалистического движения в России» под редакцией Н. И. Шебеко.

Книга Кана охарактеризована рецензентом как «крайне поверхностная» в научном отношении. Троицкий констатировал, что автор «плохо ориентируется в источниках и литературе о «Народной воле», а вся первая глава книги «представляет собою компилятивную сводку элементарных сведений об организациях т.н. «чайковцев», «москвичей» и землевольцев»[43]. Заявив, что Кан «не знает давно засвидетельствованных в литературе данных об удельном весе террора в практике «Народной воли», Троицкий еще раз сопоставил число репрессированных народовольцев (более 10 тыс. к 1878 г.) и несколько десятков человек – участников покушения на царя. Мотивы деятельности народовольцев Кан «по неведению или предвзятости упрощает донельзя», то есть «приписывает народовольцам патологическую «экзальтацию», жажду «опасности, риска» и даже «мученической смерти». Опровергая такие «выдумки», Троицкий утверждал: «Истинным первоисточником и главным двигателем революционного сознания народовольцев… была идея «долга народу», которую теоретически обосновали идеологи народничества и которой практически руководствовались все вообще народники»[44].

В своем письме в редакцию Г. С. Кан не согласился «с идеологической стороной» рецензии Н. А. Троицкого. По поводу причин 93-х случаев смерти и умопомешательства «среди подследственных по делу 193-х» он писал, что «люди, шедшие в 1874 году в народ с целью поднять его на революцию, должны были понимать, что если таковой не произойдет, то они окажутся в тюрьме, где условия жизни отличаются от обычных». Смертные казни революционеров были объяснены «не только правом, но и обязанностью любого правительства принимать адекватные меры к тем, кто в политической борьбе применяет насилие». По мнению Кана, о неготовности масс «к восприятию идей демократии» свидетельствовали события, последовавшие «после демократической Февральской революции 1917 года»[45].

Откликаясь на это письмо, Троицкий очень подробно и обстоятельно опровергал все «оправдания» Кана, приведя уже многократно использованные аргументы. Полемика двух историков не могла дальше быть продуктивной, так как оппоненты исчерпали свои аргументы. Причем каждый из них ни в чем не изменил свою первоначальную позицию. Видимо, это осознавал и Троицкий, который под-

вел итоги статьи в следующих словах: «Итак, своим письмом в редакцию Григорий Семенович Кан как “разоблачитель” “Народной воли” обличил сам себя, невольно подтвердив все сказанное в моей рецензии о дилетантизме и предвзятости его книги. Для нашего сборника его книга и письмо важны не сами по себе, а в качестве примеров модной сегодня позиции целого отряда “разоблачителей” русского освободительного движения (А. Н. Боханова, Ф. М. Лурье, А. А. Левандовского и др.) – позиции, совершенно неприемлемой для нас ни в научном, ни в политическом, ни в нравственном отношении»[46].

В 1999 г. в редакции журнала «Отечественная история» состоялся «круглый стол» по проблемам освободительного движения[47]. Его участники (специалисты из Института российской истории РАН) попытались подвести определенный итог полемики Н. А. Троицкого и А. А. Левандовского, высказавшись по самым острым проблемам истории народничества. Поводом к их обсуждению стал 16 выпуск саратовского сборника «Освободительное движение в России» со статьей Троицкого «Дилетантизм профессионалов». Кстати, все участники отметили значение этих сборников для изучения проблем освободительной борьбы в России. По словам В. А. Твардовской, в этом плане они не только успешно соперничали с журналами «Вопросы истории» и «История СССР», но и во многом их опережали[48].

В центре внимания историков оказался вопрос о сущности «традиционных» и «современных» взглядов на освободительное движение в России. Глубокое удовлетворение «здоровым традиционализмом саратовцев» выразил В. Я. Гросул. По его словам, авторы сборника «не дрогнули», не пополнили отряд приспособленцев от науки, но и о закостенелой твердолобости ученых-волжан тоже говорить не приходится». Касаясь противостояния между революционной и самодержавной Россией, Гросул заметил, что оно имело объективные причины и началось задолго до революции 1905 года. Альтернативы пути страны «к грандиозной революции» не было, а потому «тщетно искать компрометирующие материалы как на одну, так и на другую противоборствующие стороны»[49].

Е. Л. Рудницкая начала свое выступление с высокой оценки научных заслуг Н. А. Троицкого, труды которого «имеют непреходящее научное значение». Однако в настоящее время над ученым довлеет инерция сложившихся подходов и трактовок. Рудницкая осудила попытки эмоционального «вживания» в революционную стихию с ее идеологическими и нравственно-этическими составляющими,

т.к. это ведет к их апологетике, что в свою очередь «наглухо перекрывает путь к углубленному исследованию, адекватному раскрытию сути явления». Рудницкая очень жестко отозвалась об особой трактовке Троицким места террора в деятельности «Народной воли». «Никакие положения программы общества, выразившего своей деятельностью кульминацию народничества, не меняют того факта, что террор оказался единственной действенной формой борьбы народовольцев за торжество демократических и социалистических идеалов, сосредоточив на себе их духовные и материальные силы. В этом трагедия русского революционного движения, трагедия бесконечно углубленная дальнейшей русской историей». Против такой аргументации трудно что-либо возразить[50].

По основным проблемам полемики Троицкого и Левандовского высказалась и В. А. Твардовская. Она очень точно подметила, что спор историков оказался не очень глубоким – «не из тех, где рождается истина», т.к. каждый из них уверен в своей правоте и не желают прислушаться к аргументам оппонента. Этот спор – «скорее столкновение противоположных оценок нашего революционного прошлого, чем попытка разобраться в истоках его, в социальной и психологической природе его деятелей».

В подобных спорах Твардовская обнаружила опасность отхода от принципа историзма. Нельзя оценивать идеи и действия революционеров вековой давности, исходя из нынешнего миропонимания. «Деятели освободительного движения XIX века не имели в своем распоряжении того исторического опыта, которым вооружены наши современники» и потому «еще могли считать революционный способ решения социальных и политических проблем наиболее верным»[51].

Твардовская аргументировано возразила против тезиса об изолированности революционеров-народников от российского либерального общества. В работах Троицкого как раз и показано, что пореформенное общество было связано с революционным движением множеством нитей – невидимых и зримых. «“Единоборство” народовольцев с самодержавием, – замечает исследовательница, – понятие весьма условное».

Явным просчетом Левандовского Твардовская считает игнорирование им воздействия на революционеров политики самодержавия, которая заключалась не только в репрессиях. Дело в том, что власть по-своему «моделирует» своих противников. Российские революционеры «столь же жестоки и непримиримы, и так же, как эта

власть, не сомневаются в своем праве решать за народ его судьбу». Поэтому не надо снимать с русских революционеров исторической вины, но и не следует возлагать весь ее груз только на них[52].

Актуальность обсуждаемых проблем и суть взглядов противостоящих сторон сформулировал С. В. Тютюкин: «Налицо явная конфронтация двух позиций: одни (в основном, это те, кто давно профессионально занимается данной проблематикой, лично пережив и перестрадав все драматические коллизии, связанные с последовательной сменой сталинских и антисталинских настроений, “перестройки” и “постперестройки”) стремятся хоть как-то защитить историю освободительного движения и русскую революцию как ее составную часть от огульного отрицания и глумления; другие (как правило, более молодые) вполне искренне или чутко уловив настроения нынешних “верхов” и определенной части современного общества, решительно атакуют всех либеральных и тем более революционных “утопистов” и “отщепенцев” XIX – начала XX вв., проложивших, по их мнению, дорогу коммунизму и тоталитаризму»[53].

Тютюкин выразил убеждение, что «давно настала пора… перейти от эмоций к взвешенному и спокойному анализу, научиться слушать и уважать мнение инакомыслящих, не упрощать сложное и не усложнять простое и ясное». По его мнению, нет никаких оснований сомневаться в том, что движение за освобождение общества от «произвола самодержавного режима» существовало и в XIX – начале XX в. «шло по нарастающей и непрерывно расширяло круг своих участников».

Критикуя крайние позиции, Тютюкин пытался найти оптимальный, взвешенный, реалистичный подход к проблеме. Он подчеркнул, что нельзя «закрывать глаза на теневые стороны освободительного движения», но совершенно неправильно «превращать всех участников этого движения в «бесов». Ученый справедливо заметил, что абсолютное большинство революционеров руководствовались самыми чистыми и добрыми побуждениями и были искренними патриотами и защитниками интересов народа. Тютюкин выделил «уязвимые места» в позициях и Троицкого, и Левандовского. Он выразил сомнение в том, что Россия в 1859–1863 и 1879–1881 гг. переживала «революционные ситуации». Вместе с тем, Тютюкина не принимает точку зрения Левандовского, который сбрасывает со счетов те трагические обстоятельства, которые толкали народовольцев на террор. Общий вывод Тютюкина звучит весьма убедительно: «Если нам не нужны новые революции, то это не значит, что мы не

должны изучать историю освободительного движения и историю российских революций. Скорее, наоборот»[54].

Таким образом, в выступлениях Твардовской и Тютюкина был отчетливо сформулирован более адекватный, реалистичный подход к истории освободительного движения. Именно этот подход, отрицающий крайности непримиримых традиционного и нигилистического подходов, представляется в настоящее время наиболее перспективным.

---

[1] См.: *Секиринский С. С., Шелохаев В. В.* Либерализм в России: Очерки истории (середина XIX – начало XX в.) М., 1995; Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М., 1999; Российский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000.

[2] См.: *Балуев Б. П.* Либеральное народничество на рубеже XIX – XX веков. М., 1995; *Зверев В. В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. М., 1997.

[3] *Антонов В. Ф.* Народничество в России: утопия или отвергнутые возможности? // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 18.

[4] *Зверев В. В.* В поисках социалистической перспективы // Наше Отечество. Опыт политической истории: в 2 т. М., 1991. Т. 1. С. 193, 199.

[5] *Зверев В. В.* Реформаторское народничество. С. 23.

[6] Там же. С. 23, 365.

[7] *Рудницкая Е. Л.* Русский бланкизм: Петр Ткачев. М., 1992.

[8] Там же. С. 203–204.

[9] Там же. С. 207–208.

[10] *Щербакова Е. И.* «Отщепенцы». Социально-психологические истоки русского терроризма // Свободная мысль. 1998. № 1.

[11] Там же. С. 88–89.

[12] Там же. С. 89–91.

[13] Там же. С. 93–94.

[14] Там же. С. 96.

[15] Там же. С. 98–99.

[16] См.: *Лурье Ф. М.* Созидатель разрушения. СПб, 1994; *Его же.* Нечаев: Созидатель разрушения. М., 2001.

[17] Там же. С. 12–13.

[18] Там же. С. 19.

[19] *Калинчук С. В.* Психологический фактор в деятельности «Земли и воли» 1870-х годов // Вопросы истории. 1999. № 3.

[20] Там же. С. 46.

[21] Там же. С. 47–48.

[22] Там же. С. 48–51.

[23] Там же. С.55–57.

[24] *Чернышевский Д.* Революционное движение в России с точки зрения психоанализа // Волга. 1994. № 5–6.

[25] Там же. С. 133.
[26] Там же. С. 134–135.
[27] Там же. С. 135–137.
[28] Там же. С. 138–140.
[29] Там же. С. 141–144.
[30] См.: *Троицкий Н.* Друзья народа или бесы? // Родина. 1996. № 2; *Левандовский А.* Бомбисты // Родина. 1996. № 4.
[31] *Троицкий Н.* Друзья народа или бесы? С. 67.
[32] Там же. С. 70.
[33] Там же. С. 71–72.
[34] См.: *Троицкий Н. А.* «Народная воля» и ее «красный террор» // Индивидуальный политический террор в России. XIX – начало XX вв. М., 1996; *Его же.* За что я люблю народовольцев // Освободительное движение в России. Вып. 19. Саратов, 2001; *Его же.* Россия в XIX веке. Курс лекций. М., 1997; *Его же.* Крестоносцы социализма. Саратов, 2002.
[35] *Левандовский А.* Бомбисты. С. 49, 54.
[36] Там же. С. 49–50.
[37] Там же. С. 54.
[38] *Троицкий Н. А.* Дилетантизм профессионалов // Освободительное движение в России. Вып. 16. Саратов, 1997.
[39] *Зырянов П., Боханов А.* История России. С начала XVIII до конца XX века. М., 1996.
[40] *Троицкий Н. А.* Вечное возвращение // Свободная мысль. 1997. № 4. С. 106–107.
[41] *Троицкий Н. А.* «Пустопорожнее словоблудие» // Освободительное движение в России. Вып. 18. Саратов, 2000. С. 157, 159.
[42] *Кан Г. С.* «Народная воля»: Идеология и лидеры. М., 1997.
[43] *Троицкий Н. А.* Еще один суд над партией «Народная воля» // Освободительное движение в России. Вып. 17. Саратов, 1999. С. 146–147.
[44] Там же. С. 147–149.
[45] *Кан Г. С.* «Разоблачители» и «апологеты» «Народной воли» // Освободительное движение в России. Вып. 19. Саратов, 2001. С. 184–185.
[46] *Троицкий Н. А.* Саморазоблачение «разоблачителя» // Там же. С. 191.
[47] Освободительное движение в России: современный взгляд или приверженность традициям? «Круглый стол // Отечественная история. 1999. № 1. С. 3–18.
[48] Там же. С. 3, 7, 8.
[49] Там же. С. 3–5.
[50] Там же. С. 7–8.
[51] Там же. С. 9.
[52] Там же. С. 10–11.
[53] Там же. С. 16.
[54] Там же. С. 16–18.

Мокшин Г. Н.

Народники-культурники в отечественной историографии конца 1970-х – 2000-х гг.

Народники-культурники – это представители правого крыла легального или реформаторского народничества[1] последней трети XIX – начала XX века. Термин «культурник» (производное от «культурничество»[2]) применительно к народничеству появляется на рубеже XIX–XX века первоначально в марксистской литературе. Марксисты первыми разделили легальных народников на «культурников» и сторонников политической борьбы с самодержавием. Народники-культурники (Я. В. Абрамов, В. П. Воронцов, С. Н. Кривенко, Л. Е. Оболенский, А. С. Пругавин и др.) призывали демократическую интеллигенцию идти в деревню, чтобы устраивать там школы и больницы, защищать юридические права крестьянства, оказывать ему агрономическую помощь, т.е. «совершенно очистить поле политической битвы»[3].

В начале XX века появился также термин «культурное народничество», но широкого распространения он не получил[4]. Большинство историков считало, что «культурничество» – это лишь одно из течений народнической мысли, причем имеющее «слабый колер» народничества. Отказ от идеи коренных (социалистических) преобразований страны в пользу т.н. «малых дел» долгое время интерпретировался как начало «вырождения» русского народничества в «пошлый мещанский оппортунизм».

Такой подход, конечно, не способствовал не то что глубокому осмыслению культурнической идеологии правого народничества, но даже систематическому изложению его истории. Из всех народников-культурников внимание исследователей привлекали только П. П. Червинский – «родоначальник» культурного народничества, Я. В. Абрамов, которому приписывалось авторство теории «малых дел» и С. Н. Кривенко – самый крупный теоретик и популяризатор культурнических идей в народничестве 1890-х гг.

Положение с изучением культурнического течения сдвинулось с мертвой точки только на рубеже 1970–1980-х гг. с появлением кандидатских диссертаций В. И. Харламова и Т. М. Канаевой. Впервые в отечественной историографии предметом специальных исследований стали взгляды теоретиков и публицистов главной цитадели пра-

вого крыла «либерального» народничества – газеты «Неделя». Конечно, авторы пока еще не могли выйти за рамки марксистской методологии, что отразилось на их выводах. Но некоторые их идеи и подходы носили новаторский характер.

Первый шаг был сделан В. И. Харламовым, посвятившим свою работу И. И. Каблицу, а фактически формированию идеологии всего «недельного» или «культурнического» народничества[5]. Прежде всего, Харламов установил, что это течение возникло одновременно с революционным народничеством, т.е. еще в конце 1860-х гг. Своеобразным знаменем культурнического народничества стал роман писателя Д. Л. Мордовцева «Знамения времени» (1869 г.). На становление данного течения решающее влияние оказала неудача «хождения в народ» и начало «окрестьянивания» народничества во второй половине 1870-х гг. Главная идея абстрактно-культурнической программы Каблица (смотреть на задачи русской жизни «глазами мужиков») – это, по сути, развитие тактики землевольцев, сузивших свои требования до «народных»[6].

Изучая генезис теории «малых дел», Харламов приходит к выводу, что ее «ведущим создателем» был именно Каблиц-Юзов, а не Абрамов, пришедший в «Неделю» намного позже – в 1885 г. Но и Каблиц только заложил фундамент популярной впоследствии теории. Во второй половине 1870-х – начале 1880-х гг., по наблюдению исследователя, над ее социологическим, политическим и экономическим обоснованием одновременно с публицистами «Недели» работали сотрудники других народнических изданий (В. С. Пругавин, Г. П. Сазонов, С. Я. Капустин, С. Н. Южаков)[7].

В заключении своей диссертации Харламов счел нужным подчеркнуть, что «сама по себе культурническая работа народолюбивой интеллигенции в деревне… не являлась реакционной. Напротив, – эта работа… отражала демократические устремления широких слоев рядовой русской интеллигенции. Теория малых дел была демократической постольку, поскольку ориентировала народолюбивую интеллигенцию на помощь крестьянству в его повседневной борьбе за свое существование, и она же была *реакционной* (курсив мой. – *Г. М.*) постольку (и тогда), поскольку (когда) выступала в качестве социалистической доктрины с претензией решить коренные социальные проблемы страны, поскольку о б ъ е к т и в н о уводила широкие народные массы с пути революционного преобразования общества»[8].

Предметом диссертационного исследования Т. М. Канаевой оказалась газета «Неделя» и ее ведущие публицисты 70–90-х гг. XIX в. (Червинский, Каблиц, Лаврский и Абрамов). По мнению автора, «либеральное» народничество возникло в эпоху подготовки крестьянской реформы. Но его складывание в цельное направление завершилось лишь в 1880-е гг. с окончательным оформлением теории «малых дел». Канаева подробно осветила причины обращения публицистов «Недели» к пропаганде «культурной работы» в деревне. При этом она, вслед за Харламовым, назвала устройство больниц, развитие народных школ и защиту правового положения крестьян прогрессивным по своему характеру явлением. Однако в целом эта деятельность по-прежнему оценивалась как нисходящая линия в развитии народничества[9].

В 1986 г. известный специалист по общественной мысли пореформенной России Н. М. Пирумова опубликовала обстоятельное исследование по истории земской интеллигенции – тех самых «культурных работников», на которых в 80-е гг. XIX века сделали ставку теоретики «малых дел». Автор доказывает, что народническая идеология и в 1880-х гг. «оставалась господствующей над подавляющим большинством как статистиков, так и других земских служащих». Отмечается также значительный рост числа земских служащих и тот факт, что настрой эпохи «хождения в народ» не пропал, а скорее возрос в 1880-е гг., когда культурная легальная деятельность стала преобладающей. Интересны справочные данные о земских служащих, наиболее активно участвующих в общественной жизни 70–80-х гг. XIX в. Среди них оказались некоторые видные народники-культурники (В. С. Пругавин, С. А. Харизоменов, В. П. Воронцов и др.)[10].

На рубеже 1980–1990-х гг. марксизм как теория развития общества и государственная идеология утрачивает свои монопольные позиции. На фоне бурных дебатов о путях выхода страны из охватившего ее системного кризиса назрела потребность в пересмотре ленинских оценок народнического наследия. Вдруг оказались, что культурническая деятельность интеллигенции, направленная на преодоление социокультурных барьеров между «передовым» обществом и народом, не менее важна, чем ее революционная миссия. Наиболее заостренно эта идея прозвучала в историко-публицистических статьях М. Колерова о необходимости «постепенного внедрения цивилизации в тело России». По убеждению исследователя, только после перехода к выполнению своих прямых профессиональных обя-

занностей в эпоху «малых дел» (царствование Александра III) русская интеллигенция, наконец, превратилась в «живую силу общественного строительства», преодолев свой застарелый комплекс «лишних людей» и «отщепенцев»[11].

О пробуждении в первой половине 1990-х годов исследовательского интереса к культурнической идеологии народников свидетельствует серия публикаций В. Г. Хороса, Б. П. Балуева, В. И. Харламова, В. В. Зверева и др.[12]. Впервые было сказано о том, что «социальная работа» интеллигенции в деревне была вовсе не такой бесплодной, как уверяли классики русского марксизма, а масштабы т.н. «второго хождения в народ» на «культурную работу» создали предпосылки для мирного разрешения стоящих перед страной модернизационных проблем. Поэтому марксистам и не удалось одержать победы в знаменитом споре с легальными народниками о путях дальнейшего развития России. Кстати, первым об этом заявил Борис Балуев, много лет изучавший данную полемику[13].

Однако в целом отношение народниковедов 1990-х гг. к идеологии и практике народников-культурников было весьма сдержанным. И дело заключалось отнюдь не в том, что их исследовательская парадигма формировалась под влиянием марксисткой историографии. Размышляя над главной дилеммой позднего народничества («политическая борьба» или «культурничество»), большинство историков, ссылаясь на последующую историю страны, склонялись к «исторической правоте» народников-политиков во главе с Н. К. Михайловским. Деполитизация наиболее «здравомыслящей» части либерально-демократической интеллигенции в условиях *фатальной* незавершенности политических преобразований *неминуемо* обрекало страну на революцию. Иными словами, теория «малых дел», обещающая интеллигенции мирное разрешение самых запутанных общественных проблем, если только каждый на своем месте будет честно выполнять свои профессиональные обязанности – это очередной миф идеологов русского народничества[14]. При этом как то упускалось из виду, что апология политического насилия (вера в то что, только перевернув пирамиду власти, можно построить демократию и социальное государство) – это тоже предпосылка к бунту, «бессмысленному и беспощадному».

Народники-культурники и народники-политики отстаивали противоположные концепции общественных преобразований: социальную и политическую. Первые делали ставку на народ («все для на-

рода и через народ») и соответственно социальные преобразования, вторые – на образованное меньшинство/интеллигенцию («все для народа, но без народа») и потому на первое место ставили политические реформы. Очевидно, что в их противостоянии был внутренний источник развития идеологии правого народничества, т.е. обе концепции были равно необходимы, т.к. не могли развиваться одна без другой. Об этом, в частности, свидетельствует непрерывная и очень жесткая полемика между ними все 1870–1890-е гг. Причем Каблиц и Михайловский даже не пытались договориться и воспринимались современниками как антиподы, хотя и принадлежали к одному народническому лагерю.

К сожалению, в возможность существования только одной истинной точки зрения верили не только сами народники (иначе у них не возникала бы упомянутая выше бинарная оппозиция), но и все последующие поколения исследователей. Именно на этой почве возникает деление народничества 1880–1890-х гг. на истинное и с приставкой «лже», на течения, которые развивали народническую мысль и те, что вели ее в тупик, а самих народников на «умственных вождей эпохи» и «аутсайдеров». А как иначе объяснить существование в литературе своеобразного культа Михайловского, о котором написано больше, чем об остальных теоретиках правого народничества вместе взятых?[15].

Н. К. Михайловский, безусловно, самый авторитетный теоретик позднего народничества, кумир нескольких поколений «передовой» молодежи. И проведение в 1992 г. в Москве конференции в честь его 150-летия – это символическое начало «реабилитации» всего легального народничества[16]. Другое дело – попытки возведение этого народнического мыслителя в «апостолы истины»[17] и интерпретация взглядов его оппонентов (тех же народников-культурников) с позиции их выдающегося критика.

Разительный пример – первая обобщающая монография по истории «либерального» народничества, вышедшая в издательстве «Наука» в 1995 г. Ее автор – ведущий сотрудник Института российской истории РАН Б. П. Балуев – прямо заявил, что в центре внимания данного исследования, каждой его главы является биография и взгляды Н. К. Михайловского[18]. Надо отдать должное этому историку. Он одним из первых попытался взглянуть на правое народничества так сказать «изнутри», т.е. опираясь на труды самих народников, а не ленинские цитаты. Народникам-культурникам (П. П. Чер-

винскому, И. И. Каблицу, В. П. Воронцову) автор посвятил целую главу «Новые идеологи – “новые слова”». Правда, Балуев позиционирует их не как культурников, а как ортодоксальных народников, которые в силу своего аполитизма и «пренебрежения» к интеллигенции, пытались направить развитие народнической мысли по ложному пути[19]. Отбить все их атаки удалось только благодаря «истинному» народнику Михайловскому. Он же сумел идейно подготовить (в «Русском богатстве» 1890-х гг.) либеральных народников «второго призыва» – будущих народных социалистов, а те, в свою очередь, преодолеть отставание народнических идей от действительности и создать собственную политическую партию. Народников-культурников 1890-х гг., объединившихся вокруг С. Н. Кривенко в «Новом слове» и «Сыне отечества», ожидало забвение.

Более оптимистическая история культурного народничества изложена в монографии В. В. Зверева «Реформаторское народничество и проблема модернизации России». Прежде всего, автор гораздо чаще, чем его предшественники, использует термины «культурники» и «культурничество». Впервые подробно анализируется процесс генезиса культурничества (начиная от Герцена) и его теоретическое обоснование в трудах Червинского и Каблица. Отдельная глава посвящена Абрамову, как главному разработчику программы «малых дел». Ставится вопрос о том, почему именно культурническое народничество в 80-е гг. XIX в. потеснило революционное и о причинах кризиса этого течения в 1890-е гг. В отличие от Балуева, Зверев рассматривает взгляды народников-культурников не в связи с их критикой Михайловским, а в контексте становления и развития самосознания народнической интеллигенции. Полемике внутри народнического лагеря вокруг идейного наследства 1860–1870-х гг. отведена специальная глава.

По убеждению Зверева, в противостоянии друг другу культурников и политиков «отчетливо проявились два различных подхода, как в оценке общего состояния российского общества, так и возможных перспектив его развития в будущем: или приспособление к новым условиям существования, или политическое реформирование страны с ориентацией на социалистический идеал». Единственным объединяющим народников-реформистов элементом, по словам исследователя, осталось признание необходимости ненасильственной, мирной эволюции страны. Ответственность за распад правого народничества в середине 1890-х гг. Зверев возлагает на культурни-

ков, их отказ от политики и социалистической перспективы. «Политики», пишет он, отчетливее, чем «культурники» видели, как товарно-денежные отношения разрушают общинные устои крестьянской жизни, но неадекватное понимание последними конкретных задач русской жизни не позволили народникам создать всеобъемлющую и интегральную программу преобразования России[20].

В 1997 году ведущий исторический журнал «Отечественная история» опубликовал две «сочувственные» статьи о теории и теоретиках «малых делах» С. Я. Новака и В. В. Зверева[21]. Впервые в центре внимания оказалась фигура Я. В. Абрамова, которого Новак назвал «пионером» «теории малых дел» (это не вполне корректно, но лучше чем «абрамовщина»). В статьях была подробно изложена отстаиваемая Абрамовым программа культурнической деятельности интеллигенции в деревне, приведены цитаты из его работ, интересные факты из биографии публициста конца XIX – начала XX в., когда он переехал на жительство в Ставрополь-Кавказский.

И Новак, готовивший об Абрамове кандидатскую диссертацию[22], и Зверев, несмотря на высокую оценку практической деятельности культурников, отказывались видеть в них наследников идей 1860–1870-х гг., продолжателей народнической социалистической традиции. И это притом, что по признанию Новака, основу мировоззрения Абрамова составляла идея о потенциальной способности народа к самоорганизации на социалистических началах, а планируемые им практические меры помощи народу должны были привести к постепенному изменению жизни людей и построению справедливого общества. И как следует интерпретировать заявление Абрамова в конце 1905 г. о невозможности установления социализма насильственным путем, которое Новак прокомментировал как возвращение к идее «малых дел»?[23]. Может быть, Абрамов никогда и не отказывался от социалистического идеала, но не считал возможным его осуществления без создания для этого соответствующих предпосылок: определенного уровня просвещения и благосостояния народа.

Появление в середине 1990-х гг. первых обобщающих исследований по истории правого народничества и указанных выше статей способствовало изменению отношения к народникам-культурникам в учебно-справочной литературе. Во многих учебниках и пособиях для средней и высшей школы появились разделы, посвященные «либеральным народникам», где в позитивном ключе излагались их доводы о необходимости для народа «малых дел». Стали крылатыми

выражения «маленькое дело вовсе не является синонимом маленькой цели» (Кривенко), т.к. «из этих маленьких дел слагается жизнь миллионов» (Абрамов). Заметим только, что сами народники предпочитали говорить о «культурной работе», а не о «малых делах»[24]. А в приведенном выше высказывании Абрамова, попавшем в учебную литературу из статей Харламова, Зверева и Новака, вообще-то имелись в виду судебные дела[25].

В отличие от исследователей позднего народничества, авторы современных учебников не отказывают культурникам в праве называться социалистами. Лишь делается оговорка, что приблизить Россию к социалистическому идеалу они надеялись мирным путем: организацией артелей, устранением препятствий для «процветания» общины, заботой о местном самоуправлении, работой в деревне врачей, статистиков и учителей, распространением агрономических знаний, помощью переселенцам, борьбой со злоупотреблениями местных властей и тому подобными «малыми делами»[26]. Интересны, также попытки представить историю русского народничества 1870–1890-х гг. как последовательную эволюцию от просвещения к террору и неизбежное возвращение, после тяжелых потерь, к социокультурной деятельности[27]. Остается добавить, что внешним условием переноса центра тяжести с революционной пропаганды на культуртрегерство явилось легальное земское движение[28].

В XXI в. идейное наследие народников-культурников продолжает привлекать внимание историков. Назовем работы, содержащие новые подходы к изучению данной темы.

В 2003 г. И. А. Гордеева публикует монографию об интеллигентских земледельческих общинах (колониях), в создании которых принимали участие некоторые известные народники. В отечественной историографии эти социальные эксперименты 1870–1890-х гг. (поселки учеников А. Н. Энгельгардта, колония Криница на Черноморском побережье и др.) представлялись скорее как курьезы, а их участники – как странные люди с оторванными от жизни идеями. Гордеева убедительно показала, что движение образованных людей «на землю» (названное ею коммунитарным) выражало стремление определенной части образованного общества к нравственному самосовершенствованию, мыслимому за основной способ улучшения общественных отношений, альтернативный революционному. И хотя далеко не все коммунитарии разделяли теорию «малых дел», с правыми народниками их объединяло общее сочувствие культурничест-

ву в самом широком смысле этого слова[29]. Единственное сомнение вызывает причисление к основным деятелям коммунитарного движения С. Н. Кривенко на том основании, что в 70-е гг. XIX в. он организовал на Кавказе подобную земледельческую колонию-общину. Если верить воспоминаниям Кривенко, цель колонистов состояла в выработке практического образца более рационального и альтруистического (читай, социалистического) уклада жизни с целью его последующей презентации народу[30].

Анализу взглядов известного народника-культурника А. С. Пругавина посвятил свое исследование Б. Б. Сажин. Его внимание привлекло стремление Пругавина создать в 70–80-е гг. XIX в. теоретическую систему, примиряющую правое (культурническое) и левое (политическое) течения легального народничества. Почвой для их сближения мог стать отказ народников от противопоставления «ума» и «чувства», теории и жизни (почвы), умственного и нравственного факторов общественного прогресса, а, в конечном счете, от антитезы «интеллигенция» – «народ», чьи идеалы представляли, по убеждению Пругавина, неразрывное единство. Практическим выражением данной теории стала постановка перед интеллигенцией задачи пропаганды в народной и раскольничьей среде научного социализма, но без разрушения религиозной подкладки народного миросозерцания[31].

В конце 2000-х гг. в связи со 150-летием со дня рождения Абрамова на родине публициста в Ставрополе вышла интересная серия статей о его идейном наследии[32]. Один из ее авторов доктор филологических наук В. М. Головко задался давно назревшим вопросом: справедливо ли теория «малых дел» называется «абрамовщиной»? Ответ Головко, разумеется, отрицательный. Но доказывается это весьма оригинально. Ссылаясь на «малоизвестные» статьи Абрамова («Малые и великие дела», «Свет и тени» и др.), исследователь утверждает, что его герой – сторонник не «малых», а «великих» дел. Приверженцы теории «малых дел» (Каблиц, Кривенко, Воронцов) рассматривали проблемы народной жизни «с опорой на самобытные социальные институты русской деревни», «с учетом моральной природы русского крестьянства, то есть в свете теории „почвы”», тогда как Абрамов никогда не апеллировал к общине и «почве». Он, будучи выразителем идей демократического просветительства И. С. Тургенева и Л. А. Полонского, вообще не разделял народнических иллюзий[33]. Итак, Абрамов не мог быть «апологетом» (а тем более соз-

дателем) теории «малых дел», т.к. он де не народник, а либерал. Можно подумать, что идея «великой культурной работы», т.е. постепенного мирного совершенствования «строя общественных отношений», была доступна одним «либеральным эволюционистам».

Автор данной статьи также занимался историей культурного народничества. В начале наше внимание привлек С. Н. Кривенко – выразитель идеи «органической культурной работы»[34]. Суть ее заключалась в том, что, новый общественный строй должен был «подготавливаться» в недрах старого путем проведения в жизнь отдельных его начал (экономическая солидарность, сочувствие к общему благу, общественное самоуправление и т.д.). В общем виде разрабатываемая Кривенко общественная программа включала два уровня: общекультурные мероприятия, охватывающие экономическую, правовую и духовную жизнь народа и направленные на поднятие общей сознательности населения и увеличение его благосостояния (она была рассчитана на людей «обычной меры» или, «среднего типа», как называли их теоретики «малых дел»); и высшую ступень для деятелей, которые осознают необходимость радикальных общественных преобразований и готовы посвятить свою жизнь борьбе за их практическое осуществление[35]. «Люди, идущие от частного к общему (от «малых» дел к «большим». – *Г. М.*), – любил повторять Кривенко, – нисколько не мешают людям, идущим от общего к частному». Наоборот, при разъединении практиков, занятых конкретным делом, и теоретиков, стремящихся к постановке широких общественных задач, происходит «двойная потеря сил»[36].

Центристская позиция Кривенко, которую он занял в 1890-е гг., его неудачная попытка примирить «культурников» и «политиков» помогли автору сформулировать одну из главных проблем докторской диссертации по истории легального народничества: почему центробежная тенденция, в конце концов, взяла верх над центростремительной. Для ее решения необходимо было выйти за рамки народнического дискурса и изучить механизм и общие закономерности развития народнической мысли.

Опираясь на социокультурный подход, автор интерпретировал идейную историю правого народничество как противоборство двух способов снятия противоречий между двумя ведущими идейно-тактическими направлениями: социальным и политическим. Это инверсия, когда мысль движется от тезиса к антитезису и обратно (наподобие маятника), т.к. каждая сторона уверена только в своей пра-

воте, и медиация – попытка синтеза, примирения и взаимопроникновения противоположностей, которое обеспечивает выход за рамки сложившихся дуальных оппозиций и возникновение «срединной культуры». В легальном народничестве роль медиатора пытались играть идеологи органической «культурной работы», основанной на центристской социально-политической концепции общественных преобразований. Благодаря разработке Воронцовым и Кривенко нового, синтетического, надпартийного типа мышления и действия «культурная работа» стала рассматриваться современниками как лучшее вспомогательное средство к общей работе по обновлению социального и политического строя, осуществляемой совместными усилиями народа и интеллигенции. Все это позволило автору сделать вывод о том, что идеология широкой «культурной работы» 1890-х гг. – не побочная ветвь развития народнической мысли. Это существенный шаг вперед по пути преодоления противоречий между задачами культурно-просветительской работы в народе и борьбой за осуществление социалистического идеала. Только этот шаг был сделан в области теоретической мысли. На практике же верх взяли «политики», которые категорически отвергли идею консолидации различных групп отечественной интеллигенции и народа на культурнической платформе. Слишком сильна еще была надежда создать сразу внешние условия, необходимые для человеческого счастья, минуя главный источник культурных успехов – кропотливую сознательную деятельностью общества и народа в области своего благосостояния. В этом проявилось отсутствие у русской интеллигенции культурности в европейском смысле этого слова[37].

Подведем итоги. Характерной чертой новейшей литературы о легальном народничестве является более взвешенное отношение исследователей к культурничеству и его идейному выражению – теориям «малых дел», «среднего человека», «органической культурной работы» и т.д. Одним из первых историков, отказавшихся квалифицировать культурническую идеологию «Недели», «Мысли» и «Русского богатства» Л. Е. Оболенского как «реакционную» и «чисто мелкобуржуазную» был В. И. Харламов. В дальнейшем этот подход разрабатывался в трудах Б. П. Балуева, В. В. Зверева, С. Я. Новака и автора этих строк. На сегодняшний день относительно подробно проанализированы как общее содержание культурнической доктрины, так и практическая программа деятельности интеллигенции в деревне. Определен вклад в идейное обоснование культурнического

движения И. И. Каблица-Юзова, Л. Е. Оболенского, Я. В. Абрамова, С. Н. Кривенко, В. П. Воронцова, А. С. Пругавина, М. Слобожанина (Е. Д. Максимова).

В тоже время многие современные исследователи по-прежнему убеждены, что все защитники «малых дел» отрицали «большие дела» (т.е. общественные преобразования, призванные не улучшить сложившуюся структуру общественных отношений, а принципиально ее изменить). На наш взгляд, представляя народников-культурников как противников социализма, историки остаются в русле предельно идеологизированной марксистской историографической традиции. Такой подход существенно упрощает понимание причин и характера полемики между народниками о содержании и механизме общественных преобразований страны.

Дальнейшее изучение культурнического течения, вероятно, будет связано со специальными монографическими исследованиями жизненного и идейного пути Я. В. Абрамова, В. П. Воронцова, Л. Е. Оболенского, С. Н. Южакова, В. С. Пругавина, которые пока отсутствуют в историографии. Назрела острая потребность разобраться в особенностях культурничества народников и не народников и у народников революционных и легальных; в типологии течений культурного народничества; в содержании терминов «культурная работа» и «малые дела», которые не являются тождественными. Наконец, до сих пор культурническое народничество изучалось преимущественно как течение общественной мысли. Но кроме публицистов народниками-культурниками были общественные деятели, которые организовывали в провинции земледельческие общины-коммуны, развивали кооперативное движение, активно работали в земстве и в качестве вольнопрактикующих врачей, учителей, агрономов, технологов и т.п. История этого деполитизированного «хождения в народ», развернувшегося в 80–90-е гг. XIX века еще только ждет своего исследователя.

---

[1] В советской историографии правое народничество именовалось «либеральным». В настоящее время этот термин выходит из употребления, т.к. он затемняет принципиальное различие между народниками и либералами.

[2] «Культурничество» – культурно-просветительская работа в массах в отрыве от политики. См.: Толковый словарь русского языка. М., 2000. Т. 1. Стлб. 1546.

[3] Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. М., 1925. Т. 1. С. 240.

[4] См.: *Корсаков И.* Заметки социалиста о текущем // Голос. 1906. 7 июня; *Рубакин Н.* Среди книг. СПб., 1911. Т. I. С. 209; *Аптекман О. В.* Зачатки куль-

турного народничества в 70-х годах (Кружок студентов Земледельческого института) // Историко-революционный сборник. М.; Пг.: Гос. изд., 1924. Т. I; *Карпович М. М.* Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII – начало XX века). М., 2012. С. 177.

[5] Первый термин принадлежит Н. К. Михайловскому, второй – В. И. Харламову.

[6] *Харламов В. И.* Из истории либерального народничества в России в конце 70-х – начале 90-х годов XIX в. Общественно-политические воззрения Каблица /Юзова/: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1980. С. 10, 14, 17.

[7] *Харламов В. И.* Теория «малых дел» Юзова в оценке читателей-современников // Из истории общественно-политической мысли России XIX в. М., 1990. С. 100, 111–112.

[8] *Харламов В. И.* Из истории либерального народничества. С. 18.

[9] *Канаева Т. М.* Газета «Неделя» в общественном движении пореформенной России (1875–1893 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1984. С. 14, 15.

[10] См.: *Пирумова Н. М.* Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе. М., 1986. С. 102–105.

[11] *Колеров М.* Дитя несвободы. Рождение и смерть интеллигенции // Знание – сила. 1992. № 2. С. 109.

[12] *Хорос В. Г.* Драма интеллигенции // СССР: демографический диагноз. М., 1990; *Балуев Б. П.* Либеральное народничество и Г. В. Плеханов (проблема интеллигенции) // Революционеры и либералы России: сб. ст. М., 1990; *Харламов В. И.* Публицисты «Недели» и формирование либерально-народнической идеологии в 70-х – 80-х годах XIX в. // Там же; *Зверев В. В.* В поисках социалистической перспективы // Наше отечество (Опыт политической истории). М., 1991. Т. 1.

[13] *Балуев Б. П.* Н. К. Михайловский и легальный марксизм (К 150-летию со дня рождения) // Отечественная история. 1992. № 6. С. 16, 29–30.

[14] *Зверев В. В.* В поисках социалистической перспективы С. 189–190; *Оболонский А. В.* Драма российской истории: система против личности. М., 1994. С. 185.

[15] Подробнее см.: *Мокшин Г. Н.* К вопросу о «культе» Н. К. Михайловского в новейшей историографии русского легального народничества // Россия: история, наука, культура. М., 2003.

[16] См.: *Володин А. И.* Выдающийся деятель русской культуры [О конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н. К. Михайловского] // Отечественная история. 1993. № 6.

[17] *Слинько А. А.* Апостол истины и справедливости. Н. К. Михайловский: личность, публицистика, литературная критика // Вестник ВГУ. Сер. 1. Гуманитарные науки. 1996. № 2.

[18] *Балуев Б. П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995. С. 260.

[19] Там же. С. 33.

[20] *Зверев В. В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. М., 1997. С. 363–365.

[21] См.: *Новак С. Я.* Я. В. Абрамов – пионер «теории малых дел» // Отечественная история. 1997. № 4; *Зверев В. В.* Эволюция народничества: «теория малых дел» // Там же.

[22] Во второй половине 1990-х гг. С. Я. Новак – соискатель Института российской истории РАН. К сожалению, его кандидатская диссертация о Я. В. Абрамове не была завершена.

[23] *Новак С. Я.* Указ. соч. С. 82, 83–84.

[24] Выражения «теория маленьких дел», учение о «малых делах» принадлежат их критику – Н. В. Шелгунову. См.: *[Шелгунов Н. В.] Н. Ш.* Очерки русской жизни // Русская мысль. 1891. № 4. С. 186.

[25] Преувеличенные обвинения // Неделя. 1885. № 49. Стлб. 1716.

[26] *Азаркин Н. М.* Эволюция народнической идеологии // История политических учений: Учеб. для вузов. М., 2002. С. 736.

[27] *Лачаева М. Ю.* Исторические представления народников // Историография истории России до 1917 г.: в 2 т. М., 2003. Т. 2. С. 337.

[28] *Жеребятьев М. А.* Народничество // Энциклопедический словарь по культурологи. М., 1997. С. 276.

[29] *Гордеева И. А.* «Забытые люди». История российского коммунитарного движения. М., 2003. С. 7, 20–21, 188.

[30] *Кривенко С. Н.* На распутье (Культурные скиты и культурные одиночки). СПб., 1895. С. 4.

[31] *Сажин Б. Б.* Проблема народных религиозных движений в народничестве А. С. Пругавина (70–80-е гг. XIX века): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2005. С. 13–15, 20.

[32] См.: За лучшую будущность России: к 150-летию со дня рождения Я. В. Абрамова. Ставрополь, 2010.

[33] *Головко В. М.* Габитус Якова Абрамова как просветителя и писателя // Экскурсия в мир литературы Ставрополья. Ставрополь, 2008. С. 298–307.

[34] Термин «органическая культурная работа» принадлежит М. Слобожанину (Е. Д. Максимову) – сподвижнику и первому биографу С. Н. Кривенко.

[35] *Мокшин Г. Н.* С. Н. Кривенко. Очерк жизни и деятельности (1847–1906). Воронеж, 1998. С. 104–105.

[36] *Кривенко С.* По поводу культурных одиночек // Русское богатство. 1893. № 12. С. 173, 174.

[37] *Мокшин Г. Н.* Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. Воронеж, 2010. С. 60–62, 288.

Раздел II.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАРОДНИЧЕСТВА

Карпачев М. Д.

К вопросу об определении народничества

В исторической литературе существует немало понятий, смысл и содержание которых отличаются крайней неопределенностью. Удивительно то, что именно такие понятия часто и охотно используются в научных дискуссиях. При этом, не договорившись о точном смысле слова, собеседники по сути дела говорят на разных языках, что только запутывает предмет спора. К числу таких понятий относится и широко распространенный термин «народничество». Особенно горячо и активно понятие «народничество» дебатировалось в отечественной публицистике в последние десятилетия XIX века. В 1885 г. известный в ту эпоху писатель-деревенщик Н. Н. Златовратский в письме к не менее известному литератору А. И. Эртелю писал: «Когда мне приходится на разных журфиксах об этом пресловутом народничестве разговоры разговаривать, я теряю всякую способность понимать и себя и своего собеседника, потому что у меня от всяких там разных категорий и теорий в глазах только рябит»[1].

Само по себе слово не выглядит слишком сложным. С одной стороны, в нем звучит несомненное преклонение перед народом, обобщенный облик которого наделяется исключительно благодетельными свойствами. С другой стороны, очевидно, что люди, разделявшие народничество, по тем или иным причинам не считали себя частью народа, чувствовали свою оторванность от него и стремились эту оторванность каким-то образом преодолеть. Понятно, что ни крестьяне, ни рабочие не могли стать народниками. Они как раз и представляли тот самый народ, который был объектом поклонения со стороны носителей народничества.

Стоит отметить, что у этого термина оказалась весьма непростая история. Устойчивое употребление этого слова просвещенным обществом России началось со второй половины 1870-х гг., а точнее с образования тайного общества «Земля и воля», члены которого и стали именовать себя народниками. Землевольцы так называли себя

потому, что в основу своей революционной пропаганды среди крестьян и рабочих решили положить не отвлеченные социалистические теории, а «народные идеалы, как их создала история в данное время и в данной местности»[2]. Очень скоро, впрочем, землевольцы стали применять этот термин и по отношению к своим предшественникам по революционному движению. В первом же номере нелегального журнала «Земля и воля» публиковалось торжественное заявление: «Земля и воля! – Вот тот девиз, который написали на своем знамени, верные духу и истории своего народа, наши предшественники, социалисты-народники 60-х годов»[3]. Но и члены возникшей после раскола «Земли и воли» партии «Народная воля» тоже сочли необходимым заявить в своей программе: «По основным своим убеждениям мы социалисты и народники»[4]. Между тем, народовольцы вовсе не собирались подгонять свои взгляды под пресловутые «народные идеалы», да еще под такие, какие сохранились в данное время. Лидер «Народной воли» А. И. Желябов и многие его соратники вполне отдавали себе отчет в том, что современные им народные идеалы консервативны и даже монархичны. Следовательно, с точки зрения народовольцев можно было оставаться народниками, но при этом не впадать в своеобразный оппортунизм и не считать существовавшие или мнимые «народные идеалы» предметом интеллигентского обожания. Уже в начале 1880-х гг. многим демократически настроенным интеллигентам было ясно, что землевольческое определение народничества страдает чрезмерной идеализацией крестьянских представлений о «правильной власти» и справедливых социально-экономических порядках.

В последние десятилетия XIX в. контуры понятия «народничество» стали расплываться. В многочисленных работах либеральных и демократически настроенных историков и публицистов употребление термина стало носить все менее определенный характер. Как и писатель Златовратский, видный историк того времени А. Н. Пыпин вынужден был признать, что народничество «о котором теперь говорится так часто, есть нечто весьма неясное, нелегко определимое, произвольное…»[5]. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона еще один крупный знаток истории русской литературы С. А. Венгеров утверждал, что слово «народничество» не имеет вполне точного значения. Это понятие, указывал автор, «часто употреблялось и употребляется как синоним демократизма и вообще интереса к народу». Как заметил Венгеров, именно 1870-е годы «выдвигают на

первый план беспредельное народолюбие, в специальном смысле любви к мужику», а «кающиеся дворяне» «всецело посвящают свою жизнь на то, чтобы загладить перед мужиком великую вину барства-интеллигенции»[6].

В кругах русского образованного общества под народничеством стали понимать и усиленное изучение народной жизни, и тягу к опрощению, и убежденность в моральном превосходстве «народных устоев» перед нравственным климатом привилегированных слоев населения Российской империи. Так понимал, например, свое народничество герой рассказа А. П. Чехова «Моя жизнь», отказавшийся от участи наследника состоятельного отца и посчитавшего, что только мускульная работа в качестве простого рабочего принесет ему удовлетворение от жизни. Народниками нередко называли поклонников Л. Н. Толстого, искателей душевного покоя в тяжелом крестьянском труде.

Пожалуй, с наиболее последовательной попыткой ограничить понятие «народничество» выступили русские марксисты. Сначала Г. В. Плеханов, а затем, естественно, В. И. Ленин. Идя по пути сопоставления соперничавших социально-политических учений, марксисты указали на самый существенный, на их взгляд признак народничества. «Под социалистами-народниками, – писал, например, Плеханов, – мы понимаем всех тех социалистов, по мнению которых община должна составлять главный экономический базис социалистической революции в России»[7]. Примерно так же рассуждал и Ленин. Русское народничество лидер большевиков определял как самобытную разновидность социалистического учения. «Народники, – отмечал он, – проповедовали всегда в своих теориях, начиная с 1861 года (а их предшественники еще раньше, до 1861 года) и затем в течение более полувека, *иной, т.е. некапиталистический* путь для России»[8]. Определяющим признаком народников всех поколений и оттенков, было, по мнению Ленина, то, что все они являлись последователями идей крестьянского социализма. «Человек будущего в России – мужик, думали представители крестьянского социализма, народники в самом широком значении этого слова», – писал Ленин в 1894 г.[9]. Однако соперничество с народничеством ближе к концу XIX в. стало нешуточным. Поклонники марксизма были свято убеждены в том, что именно они располагают научным и единственно верным социалистическим мировоззрением. Подлинным социализм мог быть только у идеологов пролетарской революции. Следова-

тельно, крестьянский народнический социализм, по убеждению русских марксистов, был мнимым, скрывающим под социалистической оболочкой совсем иное содержание. В распоряжении последователей К. Маркса появилось весьма эффективное средство идейной борьбы – методологический принцип сведения всех общественных явлений и идей к материальным интересам определенных классов. Носители народничества вполне искренне считали себя выразителями крестьянских интересов. Но в марксистской социологии крестьянство никогда не считалось носителем подлинно социалистических ценностей. Поскольку крестьянство владело пусть даже небольшой собственностью на средства производство, постольку при господстве капиталистических отношений оно рассматривалось марксистами преимущественно как класс мелкой буржуазии. В. И. Ленин неоднократно утверждал, что мелкое разобщенное в своей трудовой деятельности крестьянство, поставленное в условия товарно-денежных отношений, могло развиваться только как капиталистический класс, но не как социалистический. Настоящая, писал он, «реальная тенденция трудового крестьянина к мелкому предпринимательству неопровержимо доказана фактами жизни. Как и всякие мелкие производители, наши крестьяне тем самым подходят под категорию мелких буржуа»[10].

Надо признать, что у лидера большевиков были веские основания для такой аттестации крестьянской демократии. Народники же неизменно отстаивали идею о диаметральной противоположности трудового крестьянского хозяйства и буржуазного хозяйства. Моральная экономика крестьянского двора – это, конечно, идеализация натурально-потребительского хозяйства русских общинников, действительно заинтересованных при архаичных условиях землепользования не столько в прибылях, сколько в удовлетворении элементарных жизненных потребностей своих семей. Однако теория устойчивости трудового крестьянского хозяйства, основанного на так называемой моральной экономике патриархального общинника, с реальным социализмом никак не согласовывалась. Доказывая насущную необходимость сплошной коллективизации советского сельского хозяйства, И. В. Сталин с присущей ему прямолинейностью объявил «теорию устойчивости» вредным предрассудком политической экономии и выразил недоумение, «почему антинаучные теории “советских” экономистов типа Чаяновых должны иметь свободное хождение в нашей печати»[11]. После такой критики со стороны вождя, судьба одного из последних идеологов народничества была решена. Он пал од-

ной из бесчисленных жертв политических репрессий, организованных «правильными» пролетарским социалистами против всех прочих социалистических оппонентов большевизма, подлинных и мнимых.

Между народничеством и марксизмом было еще одно очень существенное различие. Марксизм в основе своей всегда был интернациональным и по-своему универсальным. Пролетарии всех стран призывались марксистами к классовому единству во имя общей цели мировой революции. Народники же исходили из признания самобытности общественно-политического развития своего народа. Свои социалистические надежды русские народники неизменно связывали с особенностями крестьянской жизни пореформенной России. Речь идет, в первую очередь, о сельской общине, без которой не могла бы возникнуть теория «русского социализма».

Крестьянская община просуществовала в России с древнейших времен вплоть до XX в., а во многих районах даже до сплошной коллективизации сельского хозяйства. По ходу проведения столыпинских аграрных реформ число общин в русской деревне стало сокращаться. Но революция 1917 г. и последовавшая гражданская война привели к своеобразному общинному реваншу: индивидуальное крестьянское землевладение было ликвидировано.

Сельская (или соседская) община сложилась еще в условиях первобытного строя, сменив собой общину родовую. Низкий уровень производительных сил долгое время исключал в суровых условиях России возможность ведения индивидуального хозяйства. В Западной Европе по мере развития средств производства и товарно-денежных отношений все пахотные земли и другие сельскохозяйственные угодья к XIX в. перешли в частную собственность отдельных хозяев. В России же (и не только в ней одной) общинное землевладение продолжало не только сохраняться, но и господствовать.

В чем конкретно проявлялось сохранение общины в русской деревне? Прежде всего в том, что крестьяне (как частновладельческие, так и государственные) не являлись владельцами пахотной земли, они ею только пользовались. Но и пользование предоставленными наделами не было бессрочным. Коллективным распорядителем земельных угодий являлось сельское общество. Периодически (примерно раз в 10–15 лет) общий сход домохозяев производил передел земли в зависимости от числа мужских душ в семье. Трудилась же каждая крестьянская семья на предоставленном наделе самостоятельно и вела, следовательно, вполне самостоятельное хозяйство.

Кроме того, сельские угодья – луга, пастбища, лес – находились в совместном пользовании крестьянского мира. Община проявляла себя и в сохранении мирского самоуправления. Для решения хозяйственных дел деревни, для раскладки повинностей, для рассмотрения всевозможных споров, и даже мелких правонарушений крестьяне избирали сельских старост. Выборный староста и сельский сход придавали крестьянской жизни особый колорит. В просвещенных кругах русского общества всегда была жива тенденция к преклонению перед народными устоями.

Но для того, чтобы народничество сложилось в определенную систему взглядов, нужны были конкретные теоретические предпосылки. В этом отношении неплохо постарались славянофилы. В ожесточенных спорах с западниками еще в 1840-е гг. славянофилы утверждали, что Россия вовсе не должна идти в своем развитии путем Западной Европы. Отстаивая тезис об особой гармоничности внутреннего развития России, славянофилы (особенно И. Д. Беляев) указывали на общину как на одно из основных начал русской народной жизни. Патриархальность русского крестьянина, его врожденная соборность настойчиво пропагандировались славянофилами в качестве величайших достоинств русского народа и его исторической судьбы.

Немалую роль в романтизации русской крестьянской общины сыграл немецкий этнограф и путешественник Август Гакстгаузен. Совершив длительную экспедицию по России, он в середине 1840-х гг. неожиданно для себя обнаружил, что общинные порядки русских крестьян сообщают Российской империи особую привлекательность и политическую стабильность. Результатом его наблюдений стало трехтомное сочинение «Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России», опубликованное в 1847–1852 гг. Гакстгаузен был человеком консервативных убеждений, а в общине он увидел хорошее средство против революционных потрясений. По его описаниям в сельской России господствовала гармония, а не борьба общественных сил. При всем том, славянофилы и Гакстгаузен внесли весомый вклад в изучение жизни русского крестьянства. Тем самым они содействовали повороту социалистическая мысль России в сторону народной самобытности. С такого поворота и начиналось народничество.

Вполне закономерно то, что народничество родилось в эпоху, когда и власть, и общество осознавали насущную необходимость отмены крепостного права. Без освобождения крестьян невозможно

было провести масштабную модернизацию экономической и культурной жизни страны. А без такой модернизации России грозила утрата статуса великой державы; проигрыш в историческом соревновании с промышленным Западом был бы обеспечен. Вопрос о судьбе крестьянства стал особенно актуальным в свете разгоравшихся дискуссий о будущем страны.

Все это так. Но народничество все-таки возникло не в крестьянской среде. Характерной особенностью общественной жизни России являлось то, что интересы крестьянства в течение нескольких десятилетий пыталась представлять русская демократическая интеллигенция, не имевшая деревне сколько-нибудь существенной опоры и поддержки. Без ясного представления о том, что собою представляла русская интеллигенция пореформенной поры, нельзя понять сущности народничества. Как явление сугубо интеллигентское, народничество представляло собой целый букет противоречивых свойств.

Народничество фактически родилось вместе с русской интеллигенцией. Более того, можно со всей определенностью сказать, что именно народничество стало важнейшим симптомом выхода демократической интеллигенции на арену русской общественной жизни.

На рубеже 50–60-х гг. XIX века в структуре русского общества происходили существенные сдвиги. Эти сдвиги были замечены уже наблюдательными современниками. Значительное место в литературе того времени заняла небывалая прежде тема столкновения «отцов» и «детей». Социальная основа этого конфликта поколений прояснилась чуть позднее, к концу первого пореформенного десятилетия, когда в просвещенных кругах и начал широко употребляться термин «интеллигенция». Уже через несколько месяцев после воцарения Александра II было принято важное, имевшее далеко идущие последствия, решение о снятии ограничений по численности вновь поступавших в университеты студентов. Оно было дополнено смягчением условий для получения освобождения от платы за обучение, а также восстановлением категории вольнослушателей (т.е. лиц, не имевших формального права на получение диплома, но имевших свободный доступ на определенные лекционные курсы). В короткое время численность студентов в российских университетах практически удвоилась и достигла почти 6 тыс. человек[12]. Аналогичные процессы наблюдались во всей системе просвещения. При этом тенденция к росту числа лиц, стремившихся получить образование, обещала принять устойчивый характер. В обществе сразу же заговорили о

«молодом поколении», облик которого начал складываться в условиях высоких общественных ожиданий.

Прежде всего, современники заметили изменения в социальном составе учащейся молодежи. На университетские скамьи более решительно стали проникать представители непривилегированных или малоимущих сословий. На образованных лиц самого разного происхождения в предреформенную эпоху быстро распространился термин «разночинцы». Понятие «разночинец», вошедшее в русский язык значительно раньше термина «интеллигенция», характеризовало, прежде всего, социальные источники, из которых формировался слой лиц умственного труда. Если в XVIII в. разночинцами называли тех, кто не платил подушную подать и одновременно не принадлежал к дворянству или духовенству, то в середине XIX в. этим словом именовали получивших образование детей купцов, мещан, священников и отчасти крестьян. Заметной частью слоя разночинцев являлись и дети обедневших дворян, для которых получение образования являлось средством обеспечить существование.

Сам факт возникновения слоя новых разночинцев свидетельствовал об усилившемся процессе размывания традиционной общественной структуры крепостной России и являлся одним из ярких признаков надвигавшегося кризиса старого режима. Разночинцами, замечал Г. В. Плеханов, «становятся люди, деятельность которых не укладывается в сословные рамки»[13]. Словом, понятие «разночинец» не было новым для политической лексики русского общества[14]. Но в годы реформ оно получило новое, более устойчивое определение и стало применяться главным образом к лицам, избравшим интеллектуальные профессии в качестве основного занятия своей жизни. Разночинцы были прежде всего тружениками, «мыслящими пролетариями», а образование являлось для них средством социального самоутверждения.

Число таких новых разночинцев стало заметным с 1840-х гг., что, в свою очередь, было результатом развития системы высшего образования, принявшей планомерный и устойчивый характер в первой половине XIX в.[15]. Предпринятое в 1855 г. увеличение приема в высшие учебные заведения воспринималась малоимущей молодежью как шанс на получение деловых и материальных перспектив. Такая тяга к образованию воспринималась сторонниками обновления русской жизни с естественным оптимизмом. «Огромный прилив желающих поступить в университет», – отмечал в дневниковой записи от 5 августа 1858 г. А. В. Никитенко, совмещавший администрат-

ративную деятельность в цезурном ведомстве с должностью профессора по кафедре российской словесности. «Но я, кроме самых негодных, никому не затворил дверей в университет: при малом знакомстве с наукою у нас и то недурно, что будет побольше людей, которым она хоть сколько-нибудь западет в ум. Все-таки четыре года они будут слышать человеческие речи. Ведь они не провели бы их полезнее, не пошли бы учиться ремеслам, а полезли бы в чиновники, в офицеры»[16]. Действительно, более полезного, чем университетская учеба, применения молодым силам в России на исходе крепостной эпохи найти было сложно.

Положение студента плохо совмещалось с сословной организацией русского общества. Университетские занятия, а затем работа по освоению полученных знаний в большой мере обесценивали значение сословно-классовых различий. Это обстоятельство служило дополнительным стимулом для молодых «тружеников науки» демократического происхождения. В стране пошел весьма интенсивный процесс консолидации новой социальной группы. С понятной заинтересованностью наблюдая за процессом становления разночинцев, А. И. Герцен сразу же определил их как слой, затертый между аристократией и народом. «Среда пестрая, хаотическая, среда брожения и личного вырабатывания, среда алчущая и неудовлетворенная, она состоит из всего на свете – из разночинцев и поповских детей, из дворян-пролетариев, из приходских и сельских священников, из кадет, студентов, учителей, художников; в нее рвутся пехотные офицеры и иной кантонист, писаря, молодые купцы, приказчики... в ней образцы и осколки всего плавающего в России над народным раствором. Вступая при новом брожении в иные химические соединения, они всплывают из народа и распускаются в нем»[17].

Несколько позже, приблизительно со второй половины 1860-х гг. понятие «разночинец» стало вытесняться словом «интеллигент». В последнем понятии смысловой акцент делался уже не на своеобразии социального происхождения его носителей, а на их общественных функциях. Причем первоначальное значение слова «интеллигенция» было уже термина «разночинец». Под этим понятием в те давние годы, отмечал К. И. Чуковский, подразумевался «не всякий работник умственного труда, а только такой, быт и убеждения которого были окрашены идеей служения народу»[18]. В таком смысле понятие «интеллигенция» впервые появилось именно в русском языке и лишь затем, как перевод с русского, стало использоваться в других

языках. В дальнейшем содержание слова менялось, как, впрочем, менялась и структурная организация российского общества.

Облик русской интеллигенции, а также условия ее формирования и деятельности наложили определяющий отпечаток на развитие отечественной общественно-политической мысли. Ее становление проходило в специфических условиях, сильно отличавшихся от условий западноевропейских стран, к уровню которых России предстояло подниматься в процессе предстоявшей модернизации. На Западе процесс складывания интеллектуальной элиты был гораздо более растянут во времени, чем в России. Слои профессионалов-интеллектуалов в странах североатлантической цивилизации накапливались постепенно, по мере развития буржуазных институтов собственности и права. Поэтому в Западной Европе и США лица интеллектуальных профессий были интегрированы в общественную ткань, прежде всего в структуры так называемых средних классов. В России же формирование интеллигенции проходило на качественно ином социальном фоне. Огромное большинство русского народа вплоть до конца XIX в. составляло безграмотное крестьянство, мировоззрение и культурно-психологический облик которого резко контрастировали с культурой и идеями молодых интеллектуалов эпохи великих реформ. Достаточно сказать, что элементарная грамотность сельского населения России в середине столетия едва достигала 5–6 %, а к 1897 г. поднялась всего до 17,4 %[19]. Полнокровный же средний класс собственников в России так и не сложился вплоть до революционных потрясений начала XX в. Образование оставалось доступным преимущественно лишь привилегированному меньшинству общества.

Следствием глубочайшего культурного разрыва было то, что в крестьянских массах прочно держалось чувство социальной отчужденности ко всем просвещенным слоям. В глазах простого народа образованное общество оставалось господским и к тому же чужим по духовному складу. Редкие случаи получения образования выходцами из крестьянской среды не меняли общей картины. «Народ, – с горечью признавал Н. Г. Чернышевский, – не делает различия между людьми, носящими немецкое платье»[20]. Освоение просвещенными людьми России элементов западноевропейской культуры только усугубляло их духовный отрыв от масс крестьянства. Еще А. С. Пушкин заметил, что народ, «упорным постоянством удержав бороду и русский кафтан, доволен был своей победой и смотрел равнодушно на немецкий образ жизни своих бояр»[21].

Социальная обособленность рождавшейся интеллигенции не могла не наложить отпечатка на характер возникавших в ее среде политических взглядов и настроений. В обстановке начавшегося общественного подъема среду разночинцев немедленно захватило резко негативное отношение к только что прожитой эпохе и к состоянию дел в России. «Отрицание самое беспощадное, необходимое для обновления старой жизни, из общества проникло в университет и нашло здесь благодатную почву», – так оценивал современник идейно-психологическое состояние разночинной молодежи той поры[22]. Критика пороков старого режима, начатая М. П. Погодиным, П. А. Валуевым, К. Д. Кавелиным, А. И. Герценом и другими публицистами вызывала особенно острую реакцию в среде демократического студенчества. В ней начинает быстро формироваться своеобразная атмосфера вызова сложившимся ценностям и устоям российской жизни. Как удачно подметил В. Живов, в шестидесятые годы возникает новая культурная парадигма, «и именно эта парадигма, а не происхождение или возрастные параметры, объединяет ту группу людей, которую можно назвать интеллигенцией»[23]. Своеобразная интеллигентская контркультура была ответом молодых маргиналов на кризис элитарной дворянской культуры; в стране начинался новый период в истории культурного сознания. Конечно, становлению новой культурной парадигмы в решающей степени способствовало начавшееся в шестидесятые годы расширение социальных функций молодой интеллигенции и связанная с этим процессом ее ускоренная самоидентификация[24].

Русская литература сразу же заметила небывалые прежде стремления молодых интеллектуалов к самоутверждению. Выше была упомянута проблема столкновения «отцов» и «детей». Поднятая в знаменитом романе И. С. Тургенева, она фактически символизировала начало истории русской демократической интеллигенции. Поскольку кристаллизация нового слоя без его обособления была невозможна, постольку противопоставление шло по всем направлениям. Плебейское происхождение теперь не скрывалось, а, напротив, открыто и вызывающе демонстрировалось. Красные руки труженика приобретали особую моральную ценность при сопоставлении с обанкротившимся барством.

Отвергались не только старые авторитеты, стремительно менялся быт разночинной молодежи. «Опрощение во всем обиходе домашней жизни и в привычках считалось необходимым условием для

людей прогрессивного лагеря, особенно для молодого поколения. Каждый должен был одеваться как можно проще, иметь простую обстановку, наиболее грязную работу, обыкновенно исполняемую прислугою, делать по возможности самому – одним словом, порвать со всеми разорительными привычками, привитыми богатым чиновничеством и барством. Мужчины в это время начали усиленно отращивать бороду: они не желали походить, как выражались тогда, на “чиновалов” и “чинодралов”, не хотели официального штемпеля. Женщины вместо пышных разноцветных платьев с оборками, лентами и кружевами одевали простое, без шлейфа, черное платье, лишенное каких бы то ни было украшений, с узкими белыми воротничками, стригли волосы, – одним словом делали все, чтобы не походить, как говорили тогда, на разряженных кукол, на кисейных барышень. Это опрощение было вызвано распространением демократических идей, с могучею силою овладевших умами и сердцами русской интеллигенции», – так вспоминала о времени становления идейно-психологического климата разночинцев одна из активных участниц демократического движения 1860-х гг.[25].

Конечно, на такой резкий поворот в поведении и умонастроениях «молодого поколения» решающим образом повлияло общественное признание банкротства самодержавно-крепостнической системы. Ответственность за несостоятельность государства, за культурную отсталость народа, за его бесправие и низкий жизненный уровень, молодые интеллектуалы естественно возлагали на поколения «отцов». В ситуации глубокого и системного кризиса общественных отношений конфликт поколений приобретал особенно острые формы. Этот факт сразу же отметил хорошо знавший положение дел А. В. Никитенко. «Сильная склонность в нынешнем молодом поколении к непослушанию и дерзости, – констатировал он. – Беспрестанно слышишь о каком-нибудь скандале то в таком-то университете, то в другом заведении. Нет никакого сомнения, что эти печальные события – прямое следствие подавления в прошлом царствовании всякой мысли, подчинения ее дисциплине, простиравшейся до совершенного пренебрежения высшими началами нравственности, – словом, следствие сурового, всеподавляющего деспотизма. Теперь все, особенно юношество, проникнуты каким-то озлоблением не только против всякого стеснения, но даже и против законного ограничения»[26].

А. В. Никитенко точно подметил зарождение новой тенденции в политико-культурном облике русского общества. Недоверие к рег-

ламентациям властей и к официальным авторитетам все более прочно входило в общественное сознание разночинцев. С самого начала своего существования молодая русская интеллигенция демонстрировала абсолютно непривычные для властей стандарты поведения. В отличие от прочих сословий разночинная молодежь была всегда готова к проявлениям откровенной нелояльности. Особенно острую реакцию противодействия вызывали запретительные меры правительства по отношению к чуждым или «тлетворным» идеям из арсенала западной политической культуры. Больше того, запреты того рода как правило давали обратные результаты. Объявление администрацией каких-либо произведений сомнительными или вредными становилось лучшей для них рекламой. Авторитарные методы руководства оказывались совершенно неэффективными во взаимоотношениях власти с разночинной интеллигенцией. Но другими методами самодержавие в ту эпоху овладеть не могло.

Ближайшим политическим следствием подобного отчуждения стало стремление части радикально настроенных разночинцев к полному и скорейшему уничтожению существовавшего государственного строя как несовместимого с общественными, в том числе и с интеллигентскими свободами. Поскольку же никакой другой социальный слой не подвергал режим системному отрицанию, постольку интеллигентам оставалось взять на себя разработку идеала альтернативного социально-экономического и политического строя. «В старые времена, – признавал В. И. Ленин, – в России была революционной одна только интеллигенция»[27]. Но, конечно, выстраивая собственную модель общественного устройства, интеллигенция просто обязана была в своих теориях лишить самодержавие права на общенародное представительство. Это право она принимала на себя, хотя никакого согласия на такой перехват все прочие социальные слои ей, разумеется, не давали.

Культурная и социальная отчужденность интеллигенции от «простого» народа как раз и была решающей предпосылкой появления народничества. О революционных народниках часто пишут, что они в массе своей практически не знали народа, идеализировали его, создавая в своем воображении романтический образ сказочного богатыря, обманутого и опутанного угнетателями. Однако с еще большим основанием можно говорить о том, что у крестьян пореформенного времени отсутствовало понимание чаяний рвущейся к нему демократической интеллигенции. Народ оставался чрезвычай-

но далеким от народников-интеллигентов и невосприимчивым к их социалистическим идеям.

Задача разрушения глухой стены, отделявшей передовую интеллигенцию от народа, воспринималась народниками как одна из коренных и злободневных. Глубокой горечью дышат слова признания отрыва от народных масс, запечатленные на страницах революционной печати: «Перед лицом народа идет смертельный бой: то лучшие сыны его бьются в кровавом поединке против угнетателей народных. А народ молчит…, молчит, ибо не знает, кто друг, кто враг, не знает, из-за чего идет борьба»[28].

Трагедия русской демократической интеллигенции, выступавшей под флагом народничества как раз и заключалась в том, что ее идеи, при всей их гуманитарной окрашенности, не находили благоприятной социальной поддержки. Крестьянство, к которому обращали свой взор народники, в огромной большинстве своем не обладало даже элементарной грамотностью и уже поэтому не могло сознательно поддерживать интеллигентов. Как ни парадоксально, но именно культурная и социальная удаленность интеллигенции от крестьянства вела к развитию в среде народников необычайной общественно-политической активности. На свои плечи интеллигенция пыталась принять ношу повышенной социальной ответственности и, хотя бы отчасти, попытаться компенсировать слабость народного движения против ненавистного режима.

Вынужденная необходимость ориентироваться, прежде всего, на собственные силы и инициативу создавала условия для возникновения и культивирования теорий о решающем влиянии интеллигенции на историческую судьбу России. Об этом свидетельствовало красноречивое высказывание одного из ведущих и популярных теоретиков народничества Н. К. Михайловского, который в начале 1882 г. заявлял: «Предоставьте русской интеллигенции свободу мысли и слова – и, может быть, русская буржуазия не съест русского народа; наложите на уста интеллигенции печать молчания – и народ будет, наверное, съеден…»[29]. Подобный взгляд на социальную роль интеллигенции был свойствен народникам всех поколений. Характеризуя жизнь кружков начала 1860-х гг., современница тех событий Е. Н. Водовозова так передавала настроение их участников: «Мы, молодое поколение, представители новой силы и духа! Мы призваны обновить мир! Наша задача – прокладывать новые пути, создавать новые формы жизни, все изменив в нравах и обычаях, все перестроить…»[30].

Преувеличенные представления о миссии интеллигенции – характерная черта народнического мировоззрения. Однако народничество потому и было народничеством, что оно совмещало такую идеализацию с не менее сильной идеализацией простого народа. Подобное сочетание легко понять. Признание за интеллигенцией ведущей роли в общественном развитии с необходимостью требовало веры в то, что народ способен и даже готов считать своими выработанные революционерами идеалы. Характерной чертой народнического мышления являлось представление об интеллигенции как об активном ферменте и ускорителе общественного прогресса и о народе как о верной опоре и одновременно объекте интеллигентских социально-политических мечтаний. Ярко и образно такое сочетание идеализаций охарактеризовал один из самых известных народнических публицистов С. М. Степняк-Кравчинский: «Наша интеллигенция – горящая головня. Народ – это уголья. Конечно, уголья, сложенные в кучу, по прошествии долгого времени сами разгорятся от внутренней теплоты. Но умно ли дать бесполезно потухнуть головне?..»[31].

Опыт истории показал, что повышенная социальная активность интеллигенции вообще характерна для стран, отставших в своем развитии, но начинающих более или менее масштабную модернизацию своей экономической и культурной жизни. Поэтому при определенных условиях вполне возможно появление движений, сходных с русским народничеством, и других обществах. Конкретный пример нерусского народничества – идеи и деятельность лидера китайской демократической интеллигенции начала XX в. Сунь Ят-сена. Его народничество, по справедливой оценке В. И. Ленина, состояло в сочетании демократизма «во-первых, с социалистическими мечтами, с надеждой миновать путь капитализма для Китая, предупредить капитализм, а во-вторых, с планом и проповедью радикальной аграрной реформы»[32].

Как и в России, для возникновения народничества в Китае потребовалась интеллигентская среда. При этом, как отмечает современный исследователь В. Г. Хорос, национальная интеллигенция должна быть оторванной от правящих классов, но обладающей достаточно высокой образованностью, отделяющей ее от массы народа. «Такое опережение национального сознания по отношению к “своему” общественному бытию, – замечает Хорос, – имело место вопреки социальному отставанию и во многом им и было обусловлено»[33].

Демократизм народничества очевиден. Однако не менее очевидна близость народничества всех оттенков и эпох к социальной уто-

пии. Об этом необходимо сказать потому, что в последнее время стали культивироваться оценки народничества как реальной альтернативы аграрной политики советской власти.

В частности, идеализирует социально-экономическую платформу народничества его авторитетный исследователь В. Ф. Антонов. В разгар кризиса советской системы он писал: «Вот принцип народников: земля в пределах общины общая, но владение ее участками и продуктами труда – личное. Военный коммунизм и коллективизация сломали эту национальную традицию. Насильственное обезземеливание, экспроприация крестьянства завели наше сельское хозяйство в тупик.

Очевидно, что сохранение при нэпе всесторонне кооперированного единоличника, владевшего средствами и продуктами своего труда… было бы великим благом для социализма. Именно экспроприация крестьянства, обобществление и обезличение собственности, организация тружеников деревни и города в трудовые армии, что было завещано социализму Марксом, и привели к нашим нынешним печальным хозяйственным делам»[34].

Нельзя не подивиться тому, как легко увлекается историк, делая подобные умозаключения. По сути дела автор объявляет себя последователем А. В. Чаянова. Этот последний отечественный народник был блестящим знатоком крестьянской экономики и приложил немало усилий для того, чтобы повернуть нашу страну на путь гуманной модернизации аграрного строя. Однако иллюзорность основных социальных прогнозов Чаянова была очевидной. Нарисованное им путешествие крестьянина Алексея в страну будущего насыщено сентиментальными, но явно нереалистическими мотивами, включая ликвидацию крупных городов и возврат больших масс народа к естественной жизни на земле и в деревенской тиши. Россия, полагал неонародник, могла бы жить без больших городов как громадное сообщество достаточных крестьян-домохозяев. Чаяновым в сущности рисовалось лубочно-сказочное мужицкое царство чрезвычайно подходящее, как он считал, для процветания социализма. Трудно себе представить что-то более далекое от исторических реалий.

В русском народничестве черты глубокого демократизма и гуманизма в общем весьма органично сочетались с ностальгировавшей патриархальностью и, что греха таить, консерватизмом. Народники не могли не быть консерваторами, поскольку консервативны были массы крестьянства. Сама установка на сбережение устойчивости крестьянского хозяйства в условиях ускоренного развития город-

ской экономики, чрезвычайного повышения социальной мобильности и развернувшейся урбанизации была консервативной. Стоит отметить, что видный теоретик русского якобинства П. Н. Ткачев в статье «Народ учить, или у народа учиться?», напоминал, что так называемые «почвенники» уже середине 1860-х гг., выступая против прозападных либеральных реформаторов, самих себя величали «народниками». Статья Ткачева была напечатана еще в 1875 году[35]. Этические установки народников XX в. (А. В. Чаянова, Н. Д. Кондратьева, А. Н. Минина, Н. П. Макарова и их единомышленников среди аграрной интеллигенции 1920–1930-х гг.) у гуманистически настроенных людей могут вызвать чувство неподдельной симпатии, особенно у поклонников современного почвенничества. Однако, с точки зрения рационального политика или экономиста, народнические реверансы перед моральной экономикой устойчивого крестьянского двора – всего лишь интеллигентское приукрашивание отжившего свое анахронизма. Современный историк русской революции В. П. Булдаков совершенно справедливо отметил, что «моральная экономика, поднятая на высоту государственно-имперского существования, превращает державу в вечно догоняющего аутсайдера, послушного только кнуту периодически появляющегося тирана»[36].

Впрочем, народники всегда упрекали марксистов за холодное теоретизирование, за готовность пожертвовать интересами миллионов крестьян ради ускоренного созревания экономических предпосылок для совершения пролетарской революции. Понятно также, что народникам была глубоко чужда, даже враждебна идея диктатуры пролетариата. Однако от этого народничество (как революционное, так и реформистское) не становилось более дееспособной доктриной, отвечающей реальным потребностям модернизировавшейся страны. В XX в. судьба народничества в России была предрешена. Исторически неизбежное раскрестьянивание громадных масс сельского населения подвело черту и под перспективами этого своеобразного общественно-политического и культурного явления.

---

[1] *Козьмин Б. П.* «Народники» и «народничество» // Вопросы литературы. 1957. № 9. С. 130.

[2] Революционная журналистика семидесятых годов. Ростов на/Д, [Б.г.] С. 72.

[3] Там же. С. 71.

[4] Революционное народничество 1870-х годов. М.; Л. 1965. Т. 2. С. 170.

[5] *Пыпин А. Н.* Народничество // Вестник Европы. 1884. № 2. С. 702.

[6] *Венгеров С. А.* Народничество // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1897. Т. 40. С. 586.

[7] *Плеханов Г. В.* Соч.: в 24 т. М.; Пгр., 1922. Т. 3. С. 56.

[8] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. М., 1958–1965. Т. 20. С. 168.

[9] Там же. Т. 1. С. 310.

[10] Там же. Т. 7. С. 47.

[11] *Сталин И. В.* Соч. М., 1949. Т. 12. С. 149–152.

[12] *Эймонтова Р. Г.* Русские университеты на грани двух эпох: от России крепостной к России капиталистической. М., 1985. С. 240.

[13] *Плеханов Г. В.* Избр. философские произведения. М., 1958. Т. 4. С. 60.

[14] Еще в XVIII в. под разночинцами понимались главным образом городские жители, оказавшиеся в роду занятий и по социальному статусу вне рамок основных сословий. Но не только. Разночинцами, например, считались питомцы воспитательных домов для незаконнорожденных детей, а также врачи, художники, ученые. – См.: *Лейкина-Свирская В. Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. С. 23–25.

[15] *Brower D.* Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tsarist Russia. L., 1975. P. 44.

[16] *Никитенко А. В.* Дневник: в 3 т. М., 1955. Т. 2. С. 32.

[17] *Герцен А. И.* Собр. соч.: в 30 т. М., 1959. Т. 18. С. 244.

[18] *Чуковский К. И.* Живой как жизнь. Разговор о русском языке. М., 1969. С. 50.

[19] *Рашин А. Г.* Грамотность и народное образование в России в XIX и начале XX века // Исторические записки. М., 1951. Т. 37. С. 32, 37.

[20] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: в 15 т. М., 1939–1953. Т. 10. С. 92.

[21] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 20 т. Л., 1948. Т. 15. С. 14.

[22] Цит. по: *Эймонтова Р. Г.* Указ. соч. С. 238.

[23] *Живов В.* Маргинальная культура в России и рождение интеллигенции // Новое литературное обозрение. 1999. № 37. С. 49.

[24] *Wirtschafter K.* Social Identity in Imperial Russia. Dekalb, 1997. P. 90.

[25] *Водовозова Е. Н.* На заре жизни. М., 1964. Т. 2. С. 37.

[26] *Никитенко А. В.* Указ. соч. Т. 2. С. 168.

[27] *Ленин В. И.* Указ. соч. Т. 10. С. 281.

[28] Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 287.

[29] *Михайловский Н. К.* Соч. Т. 5. СПб., 1897. Стлб. 566.

[30] *Водовозова Е. Н.* Указ. соч. С. 68.

[31] Цит. по: *Таратута Е. А.* С. М. Степняк-Кравчинский – революционер и писатель. М., 1973. С. 132.

[32] *Ленин В. И.* Указ. соч. Т. 21. С. 403.

[33] *Хорос В. Г.* Идейные течения народнического типа в развивающихся странах. М., 1980. С. 21.

[34] *Антонов В. Ф.* Народничество в России: утопия или отвергнутые возможности // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 18.

[35] *Козьмин Б. П.* Указ. соч. С. 121.

[36] *Булдаков В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 19.

Фурман Ф. П., Фурман Т. Г.

Народнический феномен в русской общественно-политической мысли и его дискурсная составляющая

В истории всякой науки наступает необходимый этап, когда накопленный значительный эмпирический материал должен быть синтезирован в целостную картину, позволяющую не просто подвести итог, а осуществить своеобразную «подгонку частей»: насколько хорошо согласованы различные части этой картины; чтобы, в том числе произвести в случае необходимости коррекцию. В научном исследовании, как известно, важен не только критерий «внешнего оправдания», но и «внутренней стройности». Поэтому-то, как заметил Т. Кун, «нормальная» наука не спешит отказываться от прежней парадигмы, если она достаточно стройно приводит в систему наибольшее количество «фактов».

В отечественной и мировой литературе, посвященной изучению идеологии и практике русского народничества накоплен значительный материал и в тоже время кризис фундаментальных идеологий заставляет проверять внутреннюю стройность картины, складывающейся из большого числа элементов: библиографических и биографических, историко-философских и историко-политических исследований, сравнительного изучения русского народничества в сопоставлении с иными аналогичными.

Духовная жизнь нашей страны отмечена одним парадоксальным свойством: интенсивной актуализацией историко-философских проблем, казалось бы, давно «сданных в архив». К числу таковых следует отнести исследование философских, социально-политических и культурно-исторических корней и особенностей мощного социального и культурного движения в России в XIX в. – народничества.

«Проблема народничества, – как справедливо писал известный отечественный исследователь, знаток истории народничества Н. А. Троицкий, – одна из самых сложных, острых и спорных в нашей исторической науке, проблема поистине с многострадальной судьбой. Это не удивительно, ибо само понятие “народничества” разнолико и противоречиво, его отличают, как подметил Ф. Энгельс, “самые невероятные и причудливые сочетания идей”, из которых одни можно квалифицировать как сверхреволюционные, другие – как либеральные, а третьи – даже как реакционные. Поэтому так

разноголосо оценивают народничество историки разных партий и направлений: одно и тоже в нем либо осуждают, либо превозносят, черпают из него свое и отбрасывают “чужое”. Эсеры находили в нем аргументы для оправдания терроризма; большевики, напротив, – для противопоставления террору повседневной работы в массах; меньшевики – для обвинений большевиков в “бланкизме” и “нечаевщине”; либералы – для обоснования конституционных реформ. Только царские каратели не находили в народничестве ничего “своего”. Но именно они, как ни странно, явились первыми его исследователями»[1]. Другими словами, если силы освободительного движения видели в народничестве «зеркало» русской революции, то каратели находили источник «крамолы», революции. Нельзя не заметить, что в последние десятилетия борьба с идеологией и наследием народничества (особенно революционного) в стране приобрела характер и размах целого направления официальной политики (переименование улиц, переформулирование оценок как движения в целом, так и отдельных его этапов, направлений, персоналий, главнейших событий) и т.п.

Приступая к изучению народнического феномена в русской общественно-политической мысли, мы, прежде всего, задаемся вопросом и его происхождении, сущности и многообразии проявлений этой сущности. Важно определить его конкретные идеологические, культурно-исторические параметры: хронологию, предпосылки, понятие «протонародничества», квинтэссенцию и экзистенцию народнической парадигмы, ее эволюционную логику, наконец, опору на движущую силу историко-культурного развития – русскую интеллигенцию.

Народничество сложное и многогранное явление в истории России. И, поэтому неудивительно, что, пытаясь дать определение народничества, указывают на различные аспекты его формирования, развития и проявления. Например, М. А. Маслин пишет: «Народничество – 1) общественное движение последней трети XIX – начала XX в.; 2) особое явление русской культуры; 3) идеология, составившая комплекс экономических, политических, социалистических, философско-социологических теорий самобытности русского пути общественного развития»[2].

Нас, безусловно, в первую очередь, интересуют положения 1 и 2.

Народничество прошло в России путь от небольших кружков до революционных организаций, и, что показательно, идеология на-

родничества сохраняла свою силу и популярность даже после Октябрьской революции 1917 года, а в известном смысле была усвоена теорией и практикой официального марксизма-ленинизма[3].

Народничество вобрало в себя всю панораму философских, политических дискуссий второй половины XIX столетия. Само народничество так же представлено целым рядом направлений и течений. Но, несмотря на все разнообразие влияний, и направлений «народничество, – по справедливому утверждению В. Ф. Пустарнакова, – представляло собой некую целостность, отличающуюся от рядоположенных течений – славянофильства, почвенничества и толстовства, с одной стороны, дворянского и буржуазного либерализма и демократии постпросветительского, ненароднического типа – с другой. При всех различиях между революционными и легальными, консервативными и либеральными народниками они выступали как одно особое общественное движение, выражавшее интересы крестьянства в период, когда русское общество пореформенного периода, встав на путь капиталистического развития (пройдя по этому пути лишь небольшой отрезок и скорее почувствовав, чем осознав многие его противоречия и опасности, не усвоив его каких-либо положительных результатов), попыталось в лице идеологов народных масс, в первую очередь крестьянства, либо совершенно свернуть с него, пойти по “самобытному”, “общинноартельному” пути, либо, по крайней мере, найти такие самобытные общественные формы, которые сгладили бы трудности и противоречия перехода от одного общественного строя к другому»[4]. Хотя «градус» накала этих направлений и течений был, безусловно, разный, что возможно и предопределило сложные отношения внутри народничества.

Сложное культурно-историческое явление, каким выступает перед нами русское народничество, естественно, питалось *разнообразными источниками*: философия и идеология, литературные каноны Просвещения и Романтизма, исторические споры славянофилов и западников, немецкая философская классика и французские социалистические учения, позитивизм и вульгарный материализм. Интенсивная работа мысли над решением комплекса собственных смысложизненных проблем русского общества (пути общего исторического прогресса и поиски собственной идентичности, выхода из тупиков политической и культурной эволюции) шла по пути интенсивного контакта деятелей русской культуры с западными философскими, политическими и научными течениями.

Если говорить об истоках народничества, то следует сказать, что философские идеи народничества непосредственно связаны с философией русских материалистов 40–60-х гг. XIX века, в ней народничество черпало идейное содержание.

На развитие народнического движения определенное влияние оказала европейская философия. Народничество формировалось на таких идейных традициях европейской мысли, как воззрения Дж. С. Милля, П. Ж. Прудона, Л. Фейербаха, Г. Гегеля, И. Канта. Философские построения народников с европейской просветительской философией роднил, прежде всего, антиклерикальный антропоцентризм, а также ориентация на решение социальных проблем. Наиболее авторитетными представлялись работы Сен-Симона, Фурье и других французских социалистов.

Философские идеи народничества в первую очередь непосредственно связаны с позитивизмом О. Конта и Г. Спенсера. Именно исходя из идейных установок позитивизма, большинство теоретиков народничества «отвергали философию в качестве науки о сущности мира, о началах и природе бытия. Философия, по их представлениям, охватывает не все бытие, а лишь “реальность”, непосредственно окружающий человека мир явлений… они демонстративно подчеркивали свое нежелание “объять необъятное”, “познать непознаваемое”. Их занимала только та часть сущего, которая была доступна мысли, а главное – деятельность человека»[5]. Влиянием позитивизма объясняется тематическая устремленность сочинений философов народнической ориентации: приоритет науки и действия перед философией и религией, особый интерес к философско-антропологическому пониманию личности, наконец, устремленность к социальному конструированию будущего.

Важнейшие аспекты генезиса русского народничества проанализированы в работах Исайи Берлина. Именно он указал на решающее французское влияние – от Вольтера с Гельвецием и Руссо до Кабе, Бабефа и бабувистов. Русское народничество, творчески перерабатывая идеи французского просвещения, адаптировало его вокруг базовых ценностей: антиклерикализма, социального демократизма и свободы личности. Причем тема свободы личности и открытости (непредсказуемости) исторического процесса была поднята даже на большую высоту, чем это принято в традиционном либерализме. Как справедливо пишет И. Берлин: «Вера в человеческую свободу была краеугольным камнем народнического гуманизма. Они не ус-

тавали повторять, что цели выбираются людьми, а не навязываются им свыше…»[6].

Главными целями народников были социальная справедливость и социальное равенство. Основа для справедливого общества уже существует в виде русской крестьянской общины – *мира*. Выбирая между ценностями сильного государства и народного благосостояния, они неизменно выбирали второе. Самый культ власти был чужд народничеству. Даже радикально-революционное крыло воспринимало «гнет революционного меньшинства», как вынужденную, но временную меру. «Народники, – пишет Берлин, – большей частью были истинными демократами; они верили, что любая власть склонна портиться, что любая концентрация власти ведет к стремлению властвовать вечно, что любая централизация – принуждение и зло»[7]. В этом смысле стремление большевиков создать из государства некую «сверхобщину», не вписывается в каноны классического народничества.

Следует различать народничество, как выраженное и достаточно обособленное явление русской философской мысли, и *народнический дух*, пронизывающий всю их целостность, создающий неповторимую ментальность целой культурной эпохи перехода от патриархальности в современность. Это и есть то, что, мы называем народничеством *в узком смысле* слова и народничеством *в широком смысле* слова. В дальнейшем эту дуальность термина *народничество* надо постоянно иметь в поле зрения.

Можно сказать, что поворотным пунктом в истории формирования идей народничества как особого явления явились реформы 60-х годов XIX столетия. Эти реформы ожидались обществом уже давно, но результаты не оправдали чаяний общества. Форма, в которой проходили реформы по отмене крепостного права не вызывали одобрения у передовой интеллигенции. Более того – реакцией на унижающие народное достоинство реформы была новая волна отторжения от власти.

Есть довольно любопытное суждение, смысл которого состоит в том, что во-1-х, часть народничества были под контролем правительства, и правительство, что называется «заигралось» (чем не «протогапонизм»), во-2-х, изначально конкурирующий дискурс, а именно В. И. Ленин, «опорочили» народничество, в своих работах, что предопределило, неоднозначное к ним отношение.

Логику развития движения народников достаточно точно охарактеризовал Н. А. Бердяев: «Интеллигенция шла в народ, чтобы

уплатить ему свой долг, искупить свою вину. Первоначально это не было революционное движение, политическая борьба отступила на второй план. <...> Народническая интеллигенция шла в народ, чтобы слиться с его жизнью, просвещать его и улучшить его экономическое положение»[8].

Движение народников было не понято правительством и вызвало у власти отторжение. Это с одной стороны. А с другой, – оно не было принято и самим народом. В результате – народничество, начинавшееся как вполне умеренное движение передовой интеллигенции, все более стало приобретать революционные черты. Бердяев достаточно ясно описал сложившуюся ситуацию: «Революционный характер народническое движение приобретает лишь после того, как правительство начало преследования против деятельности народников, носившей культурный характер. Судьба народников 70-х годов была трагична потому, что они не только встречали преследования со стороны власти, но они не были приняты самим народом, который имел иное миросозерцание, чем интеллигенция, иные верования»[9]. И все же, несмотря на всю неоднозначность идеологии народничества, она вызвала живой отклик у интеллигенции, деятелей искусства и культуры.

Почему же народничество стало так активно развиваться, почему оно вызывало столь сильный отклик у интеллигенции? Представляется справедливым утверждение, что в России во второй половине XIX столетия у русской интеллигенции складывается определенное ядро ценностных и мировоззренческих ориентаций, работающих на народническую парадигму: Во-первых, это равное неприятие феодальных и буржуазных пороков и желание преодолеть их «одним ударом». Во-вторых, это такой культ личности человека, который делает болезненно неприемлемыми любые формы отчуждения и эксплуатации человека человеком, и как следствие этого провозглашает право на открытое сопротивление против всех видов явного и скрытого (!) насилия над человеком труда и творчества. В-третьих, это существенный выбор в пользу доминанты «непосредственно общественных» форм организации жизни человека над «опосредованно общественными», материально отчужденными, отпущенными в пространство отрицательной свободы, неуправляемой и «противочеловечной» экономической стихии формами[10].

Именно эти обстоятельства и сделали народничество «знаком русской интеллигенции». Можно даже утверждать, что генезис

народничества прямо связан с историей становления русской интеллигенции.

Парадокс русской интеллигенции состоит в том, что, когда ее критикуют с разных сторон, то критикуют не разные ее отряды и даже не разные, заведомо противоречивые стороны этого сложного социально-культурного явления, а критикуют одну и ту же ее сущность, по разному высвечиваемую с того или иного угла обзора.

Главным критерием принадлежности к русской интеллигенции является боль за страдания народа, поставленного в заведомо рабские условия существования. Каждый мог проверить свой подлинно интеллигентский статус готовностью подписаться под радищевским «душа моя страданиями человечества уязвлена стала». Но если этот тест проходили практически все, то второй – готовность действовать конкретно и решительно в этом направлении – становился уделом особого отряда русской интеллигенции – ее левого крыла, находившего свою «идеальную действительность» в грядущей социальной революции.

Трагедия русской интеллигенции была задана задолго до русской революции самим статусом ее в историческом процессе России – быть между молотам власти и наковальней народной стихии, быть социально и культурно принадлежащей к господствующему классу, но душой и всей суммой моральных симпатий принадлежать порабощенному народу, а в результате быть чужой и в том и в другом лагере.

Русская интеллигенция была просто разорвана между двумя крайностями. Сама революция выступила лишь формой реализации этой культурно-исторической заданности народнического *со-бытия* русской интеллигенции. Это интуитивно чувствовали авторы «Вех», но они все еще – вполне идеалистически – надеялись, что простым фактом осознания трагичности ее исторической миссии можно изменить ситуацию.

Таким образом, совершенный экскурс в родословную русской интеллигенции еще раз подвел нас к выводу о существовании двух измерений феномена народничества: *первое* – самое простое и очевидное – констатирование народничества как отдельного, самобытного явления философии и идеологии; *второе* – гораздо более сложное и неочевидное – выведение народничества как важнейшей характеристики всей русской общественной жизни переходной эпохи, как такового явления, признаки которого можно находить в любой точке культурного пространства.

Естественно, возникает вопрос: как соотносятся эти *два измерения* народничества? Идет ли речь об одном и том же понятии, но взятом в разных концептуальных срезах или само качество народничества здесь принципиально разнится. Это значит, что основные параметры народнической парадигмы воспроизводятся и во втором, более широком понимании этого феномена.

Сама логика демократизации общественных отношений в раннебуржуазную эпоху требовала от народничества разворота в сторону простого народа.

Эту историческую миссию они на себя и взяли.

В узком смысле – как общественное движение – оно выполняло функцию прорыва к новому качеству национальной культуры и идеологии. В широком смысле – как общий признак данного периода – оно закрепляло успех первого и адаптировало его к целостности культурно-исторического процесса. Все это объясняет фундаментальный характер генетической линии народничества в русской философии, идеологии и культуре. Но не менее важным является и историко-философский срез этой проблемы. Он раскрывает народничество, прежде всего со стороны его множественности и лишь затем – концептуального единства.

На основе всего выше сказанного, можно сделать вывод о том, что народничество представляет собой сложное и многогранное явление в русской общественной мысли второй половины XIX – начала XX вв. Наиболее типичными являются следующие направления народничества: консервативное, либеральное, революционное, анархическое. Они различаются, прежде всего, по степени радикализации *народнической парадигмы*, которая, включает в себя ряд характеристик:

1) научно-материалистическое мировоззрение в основании социально-философских, идеологических и культурологических концепций народничества;

2) антропоцентризм, выразившийся в философии личности и оценке ее роли в историческом процессе;

3) выявление исключительной роли и значения интеллигенции, сообщества «критически мыслящих личностей», в революционной деятельности;

4) восприятие народа как абсолютной цели и ценности общественного мироустройства, как активного участника строительства справедливого общества, субъекта и объекта общественного прогресса;

5) ориентация на практику и общий приоритет практического над теоретическим;

6) понимание традиций России как наилучших условий для осуществления социалистической революции и построения подлинно гуманного общественного строя.

Народничество представлено разными именами и направлениями: более радикальными и менее радикальными. Но является ли это различие принципиальным для понимания их функционального единства в философии, идеологии, культуре? Разумеется, нет. Как справедливо замечено моим учителем и наставником В. Д. Жукоцким, «в этих индивидуальных склонностях родоначальников народнической мысли действовал не принцип взаимоисключения, а принцип дополнительности. Каждое из отмеченных направлений, при всем их различии, нашло свое воплощение в практике русской революции: и лавровская интеллектуально-критическая способность личности, взятая в ее социально-психологическом измерении, и бакунинская ставка на волю и вольницу, и конечно, ткачевская установка на “делание” революции. Это в полной мере соответствует трем аспектам всякой революционной деятельности: подготовительно-пропагандистский, бунтарско-волевой и деятельно-заговорщический, организационный. <…> Такова общая логика перехода от многообразия и взаимного антагонизма философем к их неожиданному синтезу в единственности совершающегося события»[11].

Таким событием стала русская революция, подготовленная всем ходом русской философской мысли и культуры XIX – начала XX веков, исполненным народнической парадигмы. Ее сила была в том, чтобы быть представленной не только как часть целого, но и как его существенная характеристика. Народнический дух пронизывал все поры русской жизни, он составлял основу широкого «освободительного движения», он был той искрой, которая воспламеняла и облагораживала любую новацию становления светской духовной культуры. Он, безусловно, присутствовал и в «новом религиозном сознании» и в русском символизме и в русском марксизме.

Апелляция к народу в русском народничестве была продиктована не столько политическими соображениями (каким-то исключительным пристрастием социализму), сколько внутренней культурно-исторической потребностью. Эпицентр этого движения находился часто не в сфере социально-политической, а в сфере духовной культуры – науки, философии, искусства, их высвобождения из под цер-

ковной и самодержавной опеки в контексте глобального секуляризационного процесса.

Можно утверждать, что народники имели идеалом *будущее* социальное обустройство России на компромиссной основе сочетания западных заимствований с исконностью своей народной традиции. Решающий ход народнической мысли состоял в умении видеть в факте отставания исторического и культурного развития России ее преимущество. Это сознание преимущества развития догоняющего в одном отношении, но сохраняющего свою самобытность в другом отношении, стало универсальной смыслообразующей парадигмой русской истории и культуры данного периода.

Новый водораздел между народничеством и ненародничеством возник на рубеже веков, на этот раз по критерию *способов продвижения* к этому будущему России. Народнический вектор русской культуры настаивал на революционном характере исторического движения. Причем культивировалась не только идея и практика социальной революции, но не менее радикально истолкованной *культурной революции*, идея духовной реформации, которая и вдохновила «русский духовный ренессанс» Серебряного века. Народнический пафос русской культуры прямо противостоял барству русской власти. Идеологическое столкновение народничества и официального консерватизма приобрело характер столкновения *культуры* и *власти.*

В основе народнического порыва русской действительности лежит исключительный статус ее создателей и носителей – русских интеллигентских слоев. Зажатые между деспотизмом власти и раболепием народа, они видели свое историческое и культурное призвание в возрождении и освобождении народного духа. Народничество и стало той центральной парадигмой русской философии и культуры, которая позволяла надеяться на реализацию этого исторического призвания интеллигенции.

Методология народнической мысли исходит из концепции тождества нравственного, культурного и общественного идеалов, которая в свою очередь опирается на идею тождества личности, культуры и общества в историческом и логическом пределе их совершенствования. Этим она принципиально отличается от методологии либеральной и консервативной мысли, для которой личность и общество образуют онтологические противоположности, а значит, несут в себе непреодолимый антагонизм.

Важнейшее значение сейчас приобретает дискурс-анализ, как одна из возможных новейших методологий изучения народничества, в том числе. Дискурс-анализ, объединяя разнообразный материал социально-гуманитарных исследований народничества, подводит к центральной категории, выражающей «сердцевину» идеологии и практики народничества – дискурсивно-идеологическому комплексу.

Под дискурсивно-идеологическим комплексом того или иного общественно-политического движения (в данном случае – русского народничества) понимается система архетипических категорий-концептов, образующую в совокупности его ценностно-смысловое ядро и задающую характерные особенности его дискурса. Эти особенности реализуются в многоразличных продуктах объективации народнического дискурса: теориях, художественной литературе, изобразительном искусстве, социальных институтах.

Дискурсивно-идеологический комплекс народничества включает целый ряд структурных элементов – концептов-мифологем. Наиболее важными и определяющими «лицо» этого движения и его последующую судьбу являются а) «народ» («народность»); б) «новый человек» («новые люди»); в) «воля» («свобода»); г) «земля» («собственность», «благо»); д) «дело» («борьба»); е) «светлое будущее» (социализм, коммунизм). Каждый из них имел множество вариаций и в последующем, по мере развертывания предлагавшихся этим дискурсом практик и институтов, они начинали «отпочковываться» от основного ядра и обретать самостоятельное существования (как, например, «дело» понималось одними как социальная и политическая революция, другими как реформы, третьими как самоусовершенствование, четвертыми как заговор, террористический акт и бунт). Это, в свою очередь, вело к разложению народничества на ряд направлений и течений.

Дискурсивно-идеологический комплекс русского народничества сыграл огромную роль в жизни России, задав целый ряд смысло-жизненных ориентаций, воплощенных в систему разнообразных антропологических практик, предопределивших главные тенденции развития русского общества (рождение русской социал-демократии и большевизма), сохраняющих свое значение и в современном обществе.

Мы должны признать, что, во-первых, русское народничество своим появлением и развитием обнажило действие ряда фундаментальных закономерностей становления и самоопределения нацио-

нального самосознания, которые в полной мере выявились в XX веке и продолжают действовать и сегодня (самоосознание народами, пробуждающимися к активной социально-политической и культурной жизни в условиях перехода от традиционных обществ к индустриальным и постиндустриальным), во-вторых, оно оказало (и продолжает оказывать – судя по востребованности идейного и литературного наследия) воздействие на мощные социально-политические и культурные движения XX века, такие как популизм, национализм, большевизм.

Дискурс (в нашем конкретном случае, в том числе) представляет собой мощный властный ресурс, посредством которого социальные институты и индивиды осуществляют свою саморепрезентацию и легитимацию, конструирование и продвижение различных образов реальности, производят их позиционирование в социокультурном пространстве[12].

В применение к анализу русского народничества как большого комплекса духовных (идеологических, социокультурных) и материальных (политической борьбы, пропаганды, просветительской и организационной работы и т.д.) практик категория дискурса и дискурс-анализ помогают понять специфические особенности зарождения и причины успеха небывалого прежде духовного-практического явления, составившего, по выражению В. И. Ленина, «целую эпоху», оказавшего огромное преобразующее воздействие как внутри страны, так и за ее рубежами.

Дискурсивно-идеологический комплекс народничества с точки зрения своего состава включает целый ряд структурных элементов – мифологем. Мифологемы (часто употребляются термины: концепты, архетипические категории и др.) давно уже обратили на себя внимание исследователей, занимающихся изучением не готового, ставшего, а становящегося теоретического знания.

Эти категории-мифологемы или концепты обладают рядом отличительных особенностей, которые заметно отделяют их от устоявшихся понятий и категорий науки. Они имеют довольно сложную структуру, в которой отчетливо выделяются во-первых, ценностно-смысловое ядро, во-вторых понятийно-категориальная оболочка (относительно целостная система понятий и категорий, в которых выражается ценность и главный смысл), в-третьих, разнообразные слои объективаций в виде множества текстов, в которых реализуется концепт в процессах коммуникации. Эти слои, представленные

многообразными текстами, и есть та начальная «материя» концепта, с которой исследователь имеет дело.

Мифологемы-концепты, группируясь вокруг реальных смысло-жизненных проблем, образуют относительно целостные комплексы, задающие главные границы и пределы семиотического пространства культуры: в этих границах формируются и определяются различные антропологические практики (как люди определяют то, что они есть, в чем смыслы их деятельности и самого существования и т.п.). Поскольку прежде всего они связаны с ценностями и смыслами и определяют характер ментальностей данного общества – они называются дискурсивно-идеологическими комплексами. Дискурсивно-идеологические комплексы – суть относительно целостные системы концептов-мифологем, существенно предопределяющие семиотическое пространство данной культуры (культуры данного общества).

Дискурсивно-идеологический комплекс русского народничества сыграл огромную роль в жизни России, задав целый ряд новых смысло-жизненных ориентаций, воплощенных в систему разнообразных антропологических практик, предопределивших главные тенденции развития русского общества (упрочение русского освободительного движения, рождение русской социал-демократии и русского социализма и коммунизма (большевизма)).

Влияние дискурсивно-идеологического комплекса народничества поистине огромно.

Это и подвергшиеся мощному преобразованию великая русская литература XIX–XX вв., русская журналистика и публицистика, русская художественная культура в целом (живопись, театр, музыка, декоративно-прикладное искусство). Мифологема «народности» и «борьбы за светлое будущее» поистине «перепахали» русскую духовную культуру и придали ей тот неповторимый колорит, с которым она вошла в мировую историю.

Русская наука и образование усилиями великих ее тружеников, воодушевляемых принципом служения народу, осуществили настоящий прорыв и вывели Россию на уровень передовых стран своего времени.

Русское народничество несло и утверждало разнообразные новые антропологические практики, приведшие, в конечном счете, к преобразованию облика русской жизни, а там, где этого не удалось добиться – русское общество чувствовало и переживало это как «наболевшие вопросы», «очередные задачи» и т.п.

Там, где решаются проблемы демократических преобразований, вновь актуальными становятся споры трех основных направлений русского народничества XIX в.: революционного (в том числе радикально-экстремистского, террористического), анархического, либерального.

Дискурс-анализ позволяет, в сравнении с прежней методологией исторического исследования, учесть то важное обстоятельство, что народничество – это, прежде всего, огромная совокупность локально систематизированных взглядов, идей, теорий, гипотез, учений, смысло-жизненных ориентаций и верований, выраженных главным образом в многообразной знаково-символической форме и в первую очередь в слове. За эти теории и учения люди отдавали свои и чужие благополучие, здоровье, жизнь. Понятно, что за ними стояли (или не стояли) жизненные интересы различных групп населения и эту связь и прочность ее им еще предстояло проверить на практике.

Центральным понятием эвристически ценного метода историко-философского изучения объекта является понятие дискурса, а в применение к исследованию идеологии и практики больших социально-политических движений типа русского народничества – понятие дискурсивно-идеологического комплекса.

Именно он позволяет сформировать «стержни» понимания целостной картины возникновения такого сложного явления как широкое социально-политическое движение, втягивающее в различные социокультурные и политические процессы большинство населения. Дискурс выступает как знаково-символическое действие, задающее контуры новых антропологических практик, в которых отныне будут идентифицировать и реализовывать себя различные социальные группы. Причем, это будет происходить в острой конкуренции различных типов дискурса, в противоборстве различных дискурсивно-идеологических комплексов. В России XIX в. это были: 1) консервативно-охранительский, 2) либеральный, 3) народнический и нарождавшийся 4) социал-демократический.

Дискурсивно-идеологический комплекс русского народничества сыграл огромную роль в жизни России, задав целый ряд смысло-жизненных ориентаций, воплощенных в систему разнообразных антропологических практик (преобразование семьи, брака, художественного и научного творчества, активного участия в социально-политической жизни страны, построение отношений между людьми на принципах сотрудничества (кооперации и взаимопомощи), товарищества и др.), предопределивших главные тенденции развития

русского общества (рождение русской социал-демократии и русского коммунизма (большевизма)), сохраняющих свое значение и в современном обществе.

Один из важнейших исторических уроков, которые можно и нужно извлечь из истории и логики развития народничества в недрах русской культуры и философии XIX–XX веков, связан с пониманием непреходящего значения социальной проблемы и способа ее решения в идее и практике социального строительства.

---

[1] *Троицкий Н. А.* Крестоносцы социализма. Саратов, 2002. С. 6.

[2] *Маслин М. А.* Народничество // Русская философия: энциклопедия. М., 2007. С. 352.

[3] См. об этом: *Жукоцкий В. Д.* Народнические корни ленинизма: «хитрость разума» или «ирония истории» // Вопросы философии. 2001. № 12. С. 61 и др.

[4] *Пустарнаков В. Ф.* Основные черты и особенности мировоззрения народничества // История русской философии. М., 2001. С. 234.

[5] Там же. С. 237. Аналогичный позитивистский уклон в философских воззрениях народников усматривает и Н. О. Лосский, несколько упрощая материалистическую составляющую этого позитивизма. См.: *Лосский Н. О.* История русской философии. М., 1991. С. 13, 73, 167.

[6] *Берлин И.* Русское народничество // *Берлин И.* История свободы. Россия. М., 2001. С. 317.

[7] Там же. С. 314–315.

[8] *Бердяев Н. А.* Русская идея // Мыслители русского зарубежья: Н. А. Бердяев, Г. П. Федотов. СПб., 1992. С. 134–135.

[9] Там же. С. 135.

[10] *Жукоцкий В. Д.* Маркс и Россия в религиозном измерении. Опыт историко-философской реконструкции смысла. Нижневартовск, 2000. С. 144.

[11] Там же. С. 147.

[12] *Русакова О. Ф., Русаков В. М.* PR-Дискурс: теоретико-методологический анализ. Екатеринбург, 2008. С. 98–99.

Зеленин Ю. А.

Опыт периодизации истории российского народничества

Проблема периодизации истории российского народничества как целостного социокультурного феномена представляется особенно актуальной на современном этапе отечественной историографии. Постепенное преодоление стереотипов, доставшихся в наследство современным исследователям народничества от советской историографии, дает возможность попытаться создать целостную периодизацию народничества от его возникновения и до наших дней. Утверждение о существовании народничества в современной России, по-видимому, будет являться наиболее спорным положением, выдвинутым в данной статье.

В советское время самой влиятельной стала «ленинская» концепция периодизации истории народничества, которая в ее различных модификациях сохраняет определенное значение в современном отечественном народничествоведении. Применительно к народничеству XIX века В. И. Ленин выделял два периода – старое народничество (1860–1870-е гг.), которое он квалифицировал как преимущественно революционное и новое (1880–1890-е гг.), оцениваемое как преимущественно либеральное в негативном смысле.

Ленин не использовал термин «неонародничество» для характеристики народничества первой четверти XX века. К народникам XX века Ленин относил эсеров, энесов, трудовиков, максималистов, левых эсеров. По мнению Г. Д. Алексеевой, «изучение трудов В. И. Ленина, посвященных анализу народничества XIX и начала XX века показывает, что народничество раннего и позднего периодов оставалось относительно единым идейно-политическим течением по своей социальной базе, составу, социально-политической доктрине, противостоявшее марксизму с середины 90-х годов»[1].

В ленинской периодизации истории народничества за основу взят принцип «революционности» как показатель прогрессивности идеологии. «Блестящую плеяду» 1870-х, в особенности народовольцев, он ценил именно за тягу к насильственному разрешению социальных проблем и противопоставлял эту «плеяду» так называемым либеральным народникам.

Советская историография, как известно, вслед за Лениным считала народничество потерпевшим полный идейный крах и фактически исчезнувшим в 1920-е гг. после утверждения советского строя[2].

На современном этапе этой точки зрения придерживается большинство исследователей[3]. В частности В. Г. Хорос констатирует, что «с приходом коммунистов история народничества в России была кончена»[4]. Есть и исключения из правил. Например, В. С. Лалаян считает народничество, правда, рассматривая его лишь в идеологическом аспекте, «не как канувшее в лету общественно-политическое и экономическое учение, а как систему постоянно эволюционирующих общественно-политических и экономических взглядов»[5].

Прежде чем перейти к изложению авторской версии периодизации истории народничества необходимо кратко остановиться на структуре, базовых компонентах народнической идеологии, социальной основе, и классификации разновидностей данного феномена.

Народничество в широком смысле слова является сложным социокультурным феноменом России, включающим в себя несколько взаимосвязанных аспектов: (1) умонастроение и идеологию, (2) широкое общественное движение, прошедшее путь от студенческих кружков до массовых политических партий, (3) особое явление русской национальной культуры, проявившееся во многих произведениях литературы, искусства и науки. Таким образом, народничество это единство в трех ипостасях – ментально-идеологической, практической и культурной. Такой подход к народничеству сложился уже в советское время, применяют его и современные исследователи[6]. Но он никогда не использовался для построения периодизации народничества. Все существующие периодизации народничества исходят, прежде всего, из понимания его как общественного движения. Отсюда вытекает неизбежный вывод – отсутствует массовое движение, значит, нет и народничества как такового. Однако если последовательно придерживаться точки зрения о многоаспектности народничества, то можно предположить, что затухание или даже полная ликвидация массового движения не свидетельствует об исчезновении народничества как сложного социального явления. Оно может продолжать свое существование в своих мировоззренческой (идеологической) и культурной формах.

В данном случае можно согласиться с известным неонародническим критиком Р. В. Ивановым-Разумником, сравнившего мировоззренческий и культурный аспекты народничества, прежде всего, в

отношении русской литературы второй половины XIX века, с полноводнейшими реками, из которых может утолять жажду каждый желающий. По его мнению, «преградить плотиной эту Ниагару» большевистский режим мог бы только путем изъятия из обращения всей русской литературы от А. И. Герцена до Л. Н. Толстого включительно[7]. Также он отметил, еще один способ уничтожения культурного наследия народничества – «перекрашивание в марксистов» отдельных представителей народничества. Современный философ М. А. Маслин называет это созданием искусственных двойников-суррогатов настоящих, аутентичных мыслителей. В частности он отмечает, что такие двойники были созданы в советскую эпоху в отношении А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского[8].

Основными ценностями народничества, по мнению автора данной статьи, являются свобода, воплощенная в таких компонентах народнической идеологии как демократический антиэтатизм и федерализм; справедливость, воплощенная в народническом социализме; взаимопомощь (солидарность), обуславливающая приоритетность мирного, эволюционного преобразования общества и государства[9].

Выявление базовых компонентов народничества позволяет в большей или меньшей степени избежать отнесения к народничеству политических сил, представители которых использовали и используют отдельные идеологические элементы народничества или даже называющие себя народниками.

Есть и другие точки зрения на базовые компоненты народничества. Ф. П. Фурман считает, что ценностно-смысловое ядро народничества составляет система концептов (мифологем), которая объясняет силу и влияние данного феномена на все стороны жизни русского общества[10]. К наиболее важным он относит следующие концепты; «народ» («народность»); «новый человек» («новые люди»); «воля» («свобода»); «земля» («собственность», «благо»); «дело» («борьба»); «светлое будущее» (социализм, коммунизм). Каждый из них имел множество вариаций, что вело к появлению различных течений внутри народничества[11].

Основным содержанием и заветной целью народничества было «сближение с народом», то есть, выражаясь современным языком, преодоление психологического, культурного, социально-политического отчуждения интеллигенции от народа. Теоретическим следствием «сближения с народом» стал народнический лозунг «освобождение народа посредством самого народа», а практическим – «хождение в народ».

Идеология народничества была неразрывно связана с практикой и, в соответствующем общественном движении народничества, не исчерпывалось одной лишь политической деятельностью: ее важным органичным элементом являлась просветительская деятельность целой когорты, проникнутой народническим духом, учителей, писателей, художников, ученых.

Важным для построения периодизации народничества также является понимание того, что носителем народнических идей выступает, прежде всего, русская интеллигенция как специфический социальный феномен. Народничество изначально появилось в среде русской дворянской интеллигенции 1840-1860-х гг., для которой были характерны чувства отчуждения, оторванности от народа, вины перед ним, стремления сблизиться с ним, неприятия духа торгашества. Это мироощущение со временем оформилось в политическую идеологию народничества. Ее сторонниками и носителями были выходцы из фактически всех сословий и классов российского общества.

Традиционно в народничестве выделяется два основных течения революционное и эволюционное (либеральное, легальное, реформаторское, мирное и т.д.). Критерием для такой классификации является различие в методах преобразования общества и степени их интенсивности. Революционное народничество в свою очередь обычно делят на бакунизм (бунтарское, анархическое направление), бланкизм (заговорщическое направление, ткачевизм) и лавризм (пропагандистское направление). Более правомерной, на наш взгляд, является точка зрения части исследователей, которые на разных основаниях не относили ткачевизм к народничеству[12]. Основными причинами не считать бланкизм народническим течением являются якобинская тактика, основанная на терактах и заговорах; неверие в народ как активного субъекта освобождения; централизм и этатизм и т.д. Необходимо подчеркнуть, что идеология П. Н. Ткачева отличается от народнической, прежде всего, не тактикой, а на уровне базовых ценностей. Сам Ткачев на первое место, что вообще несвойственно для народничества, ставил полное равенство, включая физиологическое[13]. Это позволяет охарактеризовать его социальный идеал не социализмом, а разновидностью «казарменного коммунизма». Свобода для него не имела большого значения, что сказалось, в том числе, в отрицании им федерализма.

На наш взгляд, можно выделить четыре этапа истории развития народничества от его истоков и до сегодняшнего дня: протонарод-

нический, классический или собственно народнический, неонароднический и современный (постнеонароднический). Критерием периодизации является время появления, эволюция и степень влияния трех ипостасей народничества: ментально-идеологической, практической и культурной.

Протонароднический этап (с конца XVIII в. – до конца 50-х гг. XIX в.) можно охарактеризовать как длительный процесс складывания народничества прежде всего в качестве мироощущения и возможно мировоззрения. Этот этап характеризуется минимальным присутствием практического элемента. Закономерным будет вопрос: правомерно ли вообще выделять протонародничество как этап истории народничества? В данном случае можно провести аналогию с отсчетом возраста человека в Китае (с момента зачатия) и в Европе (с момента появления на свет). Если говорить о народничестве, то момент «зачатия» его произошел примерно в этих хронологических рамках.

Термин «протонародничество», насколько нам известно, принадлежит философу В. Д. Жукоцкому. По его мнению, «первые признаки протонародничества в его синкретической фазе развития отслеживаются уже в начале XIX века в творчестве А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. Н. Радищева, декабристов, а также А. И. Герцена, Н. П. Огарева»[14].

На наш взгляд, к протонародникам, по наличию отдельных элементов народничества, можно отнести также В. Ф. Одоевского, М. Ю. Лермонтова, П. Я. Чаадаева, М. А. Бакунина, К. С. Аксакова и др. Естественно, нельзя все идейное и творческое наследие этих великих персоналий «приватизировать» каким-либо исключительно одним идейным течением – они в большей или меньшей степени также являются предшественниками других идейных течений. К примеру, декабризм по преимуществу был либеральным идейным течением и движением. Однако теоретическое и практическое использование ими насильственных методов для осуществления своих целей позволяет отчасти считать их предшественниками бланкизма и большевизма.

Протонародниками можно по праву считать представителей ранних славянофильства и западничества. Народничество, по сути, является своеобразным синтезом обоих этих течений, но не сводимо ни к одному из них. Правда стоит отметить, что у отдельных представителей народничества наблюдается различное соотношение элементов западничества и славянофильства, часто с перевесом того или другого. Об определенной ментальной и идейной близости со

славянофильством и западничеством говорят сами попытки определить народничество через них. Например, В. Г. Плеханов утверждал, что народники – это «славянофилы от революции»[15], а И. И. Бунаков-Фондаминский определял народничество как «западничество, “вернувшееся на родину”»[16].

Генезис народничества заслуживает отдельного исследования, поэтому остановимся подробно только на фигуре Н. А. Радищева. Советские исследователи, вслед за Лениным считали Радищева первым революционером России и предшественником революционных демократов. Для ленинской концепции освободительного движения было свойственной приписывать крайнюю революционность отдельным персоналиям – сначала Радищеву, затем Герцену и Чернышевскому. Так В. А. Западнов считал, что общими программными положениями, сближающими Радищева и так называемых революционных демократов, были «убежденность в неизбежности народной революции и требование, чтобы земля принадлежала тому, кто ее обрабатывает, земледельцу…»[17].

В большей степени Радищева в идеологическом аспекте сближает с народничеством его эгалитаризм, антиэтатизм, демократизм и федерализм. Но самым важным является вклад данного мыслителя в формирование народничества как умонастроения. Во-первых, он считает простой народ более нравственным по сравнению с высшими слоями общества. Во-вторых, прослеживается его чувство вины по отношению к крестьянам и желание им помочь. Из этого, в-третьих, вытекает его своеобразный призыв к сближению с народом: «Идите, возлюбленные мои, идите в жилища братии вашей, возвестите о перемене их жребия. Вещайте с ощущением сердечным: подвигнутые на жалость вашею участию, соболезнуя о подобных нам, дознав ваше равенство с нами и убежденные общею пользою, пришли мы, да лобзаем братию нашу. Оставили мы гордое различие, нас толико времени от вас отделявшее, забыли мы существовавшее между нами неравенство, восторжествуем ныне о победе нашей, и сей день, в он же сокрушаются оковы сограждан нам любезных, да будет знаменитейший в летописях наших. Забудьте наше прежнее злодейство на вас, и да возлюбим друг друга искренно»[18].

Не правомерно, как это делает ряд современных исследователей, относить только к протонародникам[19] или к преднародникам[20] А. И. Герцена и Н. П. Огарева, у которых идеология народничества сформировалась в целом уже в 1850-е гг., не говоря уже про 1860–1870-е гг.

В связи с этим остро встает проблема выявления основоположника (основоположников) классического народничества в России, которая, на наш взгляд, остается не решенной до сих пор. Это обусловлено не только субъективными (в особенности идеологическими) предпочтениями того или иного исследователя, но и объективным состоянием исторической науки его времени. Она во многом зависит от понимания сущности народничества и ее социального «носителя».

Уже у отечественных дореволюционных историков не было единого мнения по поводу родоначальника народничества. В. Я. Богучарский «истинными отцами народничества» считал А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова[21]. Именно они, по его мнению, в период с конца 1840-х гг. по первую половину 1850-х гг. заложили основу народничества как «умственного течения», сформулировав его основные идеи: необходимость сближения интеллигенции с народом («хождение в народ»); принцип «освобождение для народа и посредством самого народа»; возможность самобытного развития России.

По мнению Б. Б. Глинского, основоположниками народничества являлись А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский[22].

Р. В. Иванов-Разумник в начале XX в. родоначальником народничества считал А. И. Герцена, называя даже точную дату его основания – 1847 год – год написания произведения «С того берега»[23]. Именно в этом произведении, по его мнению, Герцен сделал синтез славянофильства и западничества, в чем заключается социально-философская сущность народничества[24].

В 1930 г. он дополнил свои взгляды, присовокупив к основоположникам народничества как «общего мировоззрения» Н. Г. Чернышевского и М. Е. Салтыкова-Щедрина. Р. Иванов-Разумник подчеркивал, что Салтыков-Щедрин, не примкнул к народничеству в 1870-е гг., а был народником уже в начале 1860-х гг.[25].

В. Г. Плеханов к родоначальникам народничества относил, прежде всего, А. И. Герцена, затем Н. П. Огарева[26], но не считал таковым Н. Г. Чернышевского[27]. Последний являлся, по его мнению, скорее основателем русского социал-демократизма. Это он объяснял, в том числе, тем, что в статье «Критика философских предубеждений против общинного владения», исходя из трактовки вступительных страниц, Чернышевский уже был противником сохранения

общины. Ленин, соответственно, считал отцами русского народничества Герцена и Чернышевского[28].

В СССР с середины 1930-х гг. история окончательно превратилась в «служанку политики», и основоположниками народничества становились в зависимости от политической конъюнктуры, порой даже вопреки цитатам Ленина. Так, до 1956 года, согласно сталинской концепции, А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский были только революционными демократами, а основателями народничества считались М. А. Бакунин, П. Н. Ткачев и П. Л. Лавров. Позже предпринимались попытки скрестить ленинскую и сталинскую концепцию народничества. Согласно мнению А. И. Володина, Герцен и Чернышевский были основоположниками народничества, но сами являлись не народниками, а западниками. По той причине, что им не была свойственна пресловутая идеализация общины[29]. В целом с начала 1960-х годов первенство вернулось к Герцену и Чернышевскому, что обосновывалось просто ссылкой на цитату Ленина[30].

С середины 1980-х гг. предпринимаются попытки расширить круг основателей народничества. «Вполне закономерно, – считает литературовед В. А. Мысляков, – что вместе с Чернышевским одним из «родоначальников» (Ленин) русского народничества – у истоков этого течения стоял и другой последовательный «мужицкий демократ» – Н. А. Добролюбов»[31]. Эту точку зрения позже поддержал видный советский историк М. Г. Седов[32].

Современные исследователи тоже расходятся в своих предпочтениях, хотя в целом приоритет родоначальников народничества, по-прежнему, остается за Герценом и Чернышевским, но со сменой идеологических акцентов. Так, например, В. Ф. Антонов, как и раньше, считает Герцена и Чернышевского родоначальниками народничества, но его изначальную основу теперь видит в анархизме[33]. Е. В. Поликарпова, утверждая сначала, что основателями народничества являются Герцен, Огарев и Чернышевский[34], приходит затем к выводу, что хотя все равны, но Чернышевский равнее: «Из видных деятелей антикрепостнического блока Н. Г. Чернышевский некоторое время остался единственным, кто последовательно и со знанием дела защищал жизненные интересы крестьянства. Учитывая, что именно такого рода деятельность составляет главное содержание и заслугу народничества, считаю август 1858 года временем его возникновения»[35].

Известный философ В. Ф. Пустарнаков считал А. И. Герцена только «первым непосредственным предтечей российского народ-

ничества». Вслед за ним к «преднародникам» он относил братьев Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичей, Н. Г. Чернышевского, М. А. Бакунина периода 1840–1860-х гг., А. А. Слепцова, А. П. Щапова и др. По его мнению, народничество как таковое следует датировать первыми работами Бакунина, написанными в духе анархизма между 1864-м и 1867-м годами, и работой Лаврова «Исторические письма» (1866–1868)[36].

Больше всех в звании основоположника народничества историками был «обижен» М. А. Бакунин, заслуживший лишь титул «отца анархии» или в лучшем случае идеолога народничества. Некоторые же (в основном из-за преувеличения места пресловутого анархизма в его миросозерцании или вообще не аргументируя свою точку зрения) и вовсе отказывали ему в праве именоваться народником[37] или же признавали его народником лишь частично[38]. На наш взгляд, нужно исходить из социальной базы народничества – дворянской интеллигенции, времени вступления в освободительное движение и степени участия в формировании базовых компонентов народнической идеологии, а также авторства программных документов и лозунгов. В этом случае на статус родоначальников, прежде всего, претендуют М. А. Бакунин, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, а затем уже разночинцы Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, А. П. Щапов и др., хотя бы по причине того, что первые трое оказали определенное идейное влияние на последних.

Классический этап (с конца 1850-х до середины 1890-х гг.) включает в себя так называемое раннее народничество (с конца 1850-х по конец 1860-х гг.). Выдвижение и формирование классического народничества как феномена русской истории хронологически четко вписывается в контекст так называемой пореформенной эпохи (конец 1850-х – середина 1890-х гг.).

Данный этап характеризуется формированием в 1850-е гг. целостной, несмотря на все противоречия и разногласия, народнической идеологии в лице А. И. Герцена, Н. П. Огарева, М. А. Бакунина и Н. Г. Чернышевского. Термин «классическое народничество» (от лат. classicus – образцовый) указывает на определенное культурно-историческое и идеологическое единство часто противопоставляемых «революционных демократов», «революционных» и «либеральных народников». Именно их идеологические наработки и ценности во многом послужили «образцом» для неонародничества уже в иных исторических условиях начала XX в.

Видными идеологами классического народничества были также П. А. Кропоткин, В. В. Берви-Флеровский, С. М. Кравчинский, Л. И. Мечников, Н. К. Михайловский, П. Л. Лавров, И. И. Каблиц, Я. В. Абрамов, включая региональные разновидности народничества в Российской империи в Сибири («сибирское областничество», представленное Г. Н. Потаниным, А. П. Щаповым, Н. М. Ядринцевым), в Грузии (И. Г. Чавчавадзе, А. Р. Церетели, Н. Я. Николадзе, Я. С. Гогебашвили, А. Н. Пурцеладзе), на Украине (В. Б. Антонович, М. П. Драгоманов, И. Я. Франко), в Армении (Х. Микаелян, М. Налбандян) и т.д. Этот период также ознаменован расцветом народничества как культурного феномена. Оно оказывало значительное влияние на развитие литературы (Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, Н. А. Некрасов, Г. И. Успенский, Н. Н. Златовратский, М. Е. Салтыков-Щедрин, В. Г. Короленко, Ф. Д. Нефедов, Н. И. Наумов, А. И. Эртель, П. В. Засодимский, Ф. М. Решетников, А. И. Левитов, Н. Е. Каронин-Петропавловский), живописи (передвижники), музыки (композиторы «Могучей кучки»), историографии (И. Г. Прыжов, А. И. Худяков, А. П. Щапов, А. С. Пругавин, В. И. Семевский, А. Я. Ефименко), экономической науки (В. П. Воронцов, Н. Ф. Даниельсон, А. А. Исаев, Н. А. Каблуков, В. Е. Постников, П. А. Соколовский и др.), этнографии и фольклористики (Д. А. Клеменц, А. Н. Афанасьев, С. В. Максимов, А. И. Худяков, С. Ф. Ковалик, П. И. Якушкин).

На этом этапе ярко выражен практический аспект народничества – народническое движение (включающее коммунитарное, общественно-политическое и просветительское направления), начиная с отдельных кружков и единичных попыток «хождения в народ» с разнообразными целями, принимает массовый характер.

Неонароднический этап длится примерно с 90-х гг. XIX в. – по первую четверть XX в. Идеология и движение неонародничества активно исследуется в современном народничествоведении[39]. В меньшей степени исследован его культурный аспект. В ментально-идеологическом аспекте неонародничество теряет господствующее положение, вступив в жестокую конкуренцию с марксизмом и, в конце концов, после прихода к власти большевиков перестает существовать в практическом своем аспекте как массовое общественно-политическое движение. Оно переходит в результате постоянных репрессий в форму идейного сообщества. Например, применительно к левым эсерам это выражалось сначала в качестве существования левоэсеровских фракций и коллективов в местах заключения и

ссылки, а позднее в виде связей между отдельными народниками и небольшими группами единомышленников[40].

Видными идеологами неонародничества являются В. М. Чернов, Р. В. Иванов-Разумник, В. А. Мякотин, А. В. Пешехонов. В практическом аспекте этот этап характеризуется формированием политических партий (партия социалистов-революционеров, трудовая народно-социалистическая партия, партия левых социалистов-революционеров и др.). Значение народничества для духовной жизни страны по-прежнему велико, но начинает утрачивать господствующие позиции. Народничество продолжает ярко проявляется в литературе (В. Г. Короленко, А. А. Блок, С. А. Есенин, Н. А. Клюев, Р. В. Иванов-Разумник), живописи (передвижники и художники АХРР), в экономике (Н. Д. Кондратьев, А. В. Чаянов), этнографии (А. Я. Ефименко, В. Г. Тан-Богораз), истории (Л. Э. Шишко, Е. Е. Колосов, И. И. Игнатович, В. И. Семевский), социологии (П. А. Сорокин), статистике (К. А. Вернер, Н. Ф. Анненский, В. Е. Постников).

О постнеонародническом этапе (с 30-х гг. XX века и до настоящего времени), начиная со сталинской эпохи и до перестройки можно говорить весьма условно. Народничество в этот период существует только как идейное сообщество и то в большей степени в эмигрантской среде. За рубежом оказалось много неонародников различных направлений: В. М. Чернов, М. В. Вишняк, И. И. Бунаков-Фондаминский, Н. Д. Авксентьев, В. А. Мякотин, Р. В. Иванов-Разумник. Наиболее ярко в эмиграции на литературном поприще проявились таланты писателей М. А. Алданова и М. А. Осоргина.

Постнеонароднический этап развития народничества практически не исследован. Проблема народничества в советской и современной России различным образом ставится и решается в ряде публикаций научного[41] и публицистического[42] характера.

К примеру, В. Д. Жукоцкий и Ф. П. Фурман считают, что «дух русского народничества жив и в современном состоянии культуры, он только ждет своего нового яркого проявления»[43]. Однако какие-либо конкретные примеры проявления «духа русского народничества» в современной России они не приводят.

Можно согласиться с Г. Н. Мокшиным, что народничество является самостоятельной интеллигентской субкультурой, имеющей собственную (внутреннюю) логику развития[44]. Поэтому существование народничества неразрывно связано с интеллигенцией.

С этой точки зрения интересны результаты индивидуального письменного интервью, названного «Мой интеллектуально-этический идеал» и проведенного известным интеллигентоведом А. В. Соколовым среди студентов-первокурсников Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов в 2007 году[45]. На первый вопрос интервью: «Какой интеллигентский образ вы предпочитаете: нигилист, народник, террорист-революционер, советский интеллигент, интеллектуал, постсоветский интеллигент-гуманист в виде образованного человека с больной совестью?» студенты ответили следующим образом: первое место было отдано интеллигенту-гуманисту – 37 %; второе место разделили интеллектуал западного образца и нигилист – по 23 %; третье место досталось народнику – 13%; последние места заняли террорист-революционер и советский интеллигент – 4% процента в общей совокупности. Как признался сам Соколов в этом интервью самым удивительным и трудно объяснимым была «…реабилитация идеалов нигилистов и народников, казалось бы, давно осмеянных и позабытых»[46]. Он не ожидал, что в среде постсоветской молодежи могут быть неонигилисты и неонародники. Соколов охарактеризовал этих неонародников как молодых романтиков «с невостребованным альтруистическим потенциалом, которым близки сверстники, студенты позапрошлого века, “ощущавшие свой долг перед народом и стремившиеся его отдать”»[47]. Причем он отметил, что этически окрашенные образы интеллигента-гуманиста и неонародника очень близки между собой, также как и образы неонигилиста и интеллектуала. Это ему позволило обобщить и получить в результате 50 % интеллигентов и 46 % интеллектуалов среди студентов[48]. Таким образом, несмотря на небольшую репрезентативность данного исследования, можно предположить, что в России существует довольно много людей, разделяющих или готовых воспринять ценности и идеи народничества в их современной интерпретации.

Официально народничество было идейно и на практике разгромлено, но в действительности народничество продолжало и продолжает оказывать влияние в явной и в латентной форме, прежде всего, в ментально-идеологическом и культурном аспекте на духовные сферы общества. В советской литературе это были, прежде всего, представители деревенской прозы.

В 2000-е гг. в отечественной литературе на смену литературному постмодернизму, господствовавшему в 1990-х годах (В. О. Пелевин, В. Г. Сорокин, В. В. Ерофеев и др.) пришло новое поколение

так называемых социальных писателей: Захар Прилепин, Г. У. Садулаев, А. В. Рубанов, С. А. Шаргунов, Р. В. Сенчин, Н. В. Ключарева и т.д. Один из представителей этого направления С. Шаргунов характеризует его как народническое: «…читателю дали черный хлеб. Бунт молодежи, опыт войны, тюрьма, маленький город и забытая деревня – ко всему этому, пожалуй, подходит один знаменатель: “Народничество”. Литература начала предъявлять те простые и грубые темы, которые, казалось бы, рядом, стоит руку протянуть (ведь “простых людей” большинство). Но каждая тема затрагивает всякий раз отдельную среду, пусть среды и пересекаются. Это то, про что долго почти ничего не писали и о чем значительная часть литературной публики имеет смутные представления»[49].

Интересно, что этих писателей также критикуют за плохой литературный стиль, как в свое время Н. Г. Чернышевского и писателей-народников XIX века: «Им сопутствует и постепенная политизация критики, готовой порой закрыть глаза на художественные недостатки, лишь бы никто не заподозрил ее в замалчивании правд и зажимании свобод. Так, например, в рецензиях известного критика Льва Данилкина (журнал “Афиша”) не в первый уже раз повторяется такая оценка: написано, может, оно и не очень, но зато насколько остро тут чувство справедливости, сколько гражданского горения!»[50].

Стоит также отметить, что С. А. Шаргунов и Захар Прилепин в июле 2012 года стали соредакторами Интернет-портала «Свободная пресса». Непосредственно после того как писатели возглавили редакцию, они заявили следующее: «Мы никогда не скрывали взглядов, которые у нас двоих, кажется, похожие (и которые принято называть народническими, и, конечно, непримиримо-оппозиционными)»[51]. Оба писателя активно занимаются политикой. Шаргунов в 2007 году был членом центрального совета партии «Справедливая Россия» и лидером молодежного движения «Ура!». Захар Прилепин является членом незарегистрированной партии «Другая Россия» Э. В. Лимонова.

С середины 1980-х гг. начинается частичное возрождение практического аспекта народничества в рамках социалистического, анархического и национально-патриотического движений. Об этом с ортодоксально-марксистских позиций писала Г. Д. Алексеева: «Создалась парадоксальная ситуация: при отсутствии в стране мелкой буржуазии в процессе перестройки и демократизации идеологической жизни под флагом деидеологизации происходит тот же самый процесс распространения концепций и воззрений, полностью тожде-

ственных тем взглядам и позициям, которые имели распространение в начале века и выразителями которых были народники – идеологи мелкой буржуазии, крестьянские демократы и революционеры. Что это такое?.. Может быть, это претензии некоторых слоев интеллигенции, малообразованной молодежи на руководство движением любыми средствами, претензии интеллигенции, не потерявшей или возродившей свою мелкобуржуазную природу в условиях нашего социалистического строя?»[52].

По-мнению общественного деятеля и историка А. В. Шубина на народническое наследство в современной России претендуют следующие политические организации и движения: Конфедерация революционных анархо-синдикалистов – российская секция Международной ассоциации трудящихся (КРАС-МАТ), Лига социал-демократов (ЛСД), антифа, Общероссийское политическое общественное движение «Новые левые» (НЛ), Информационал. К этому спектру близки и такие организации и партии как «Левый фронт», Пиратская партия России, Автономное действие и т.д.

Демократические социалисты являются сторонниками воплощения общественной солидарности, которое не противостоит народовластию и самоорганизации трудящихся. К их предшественникам он относит Прудона и русских народников (А. И. Герцен, П. Л. Лавров, М. А. Бакунин, П. А. Кропоткин). Умеренные сторонники данных идей чаще всего относят себя к социалистам и социал-демократам, а радикальные – к анархо-синдикалистам и анархо-коммунистам[53].

Сам Шубин с середины 1980-х гг. является сторонником «общинного социализма» будучи членом различных анархических организаций. Сейчас он входит в руководящие органы различных политических организаций (Левый фронт, Пиратская партия России и др.) и является основоположником и лидером Информационала. В 2010 году им был опубликован «Манифест информалиата».

По мнению Шубина, прудонизм и народничество (А. И. Герцен, М. А. Бакунин, П. Л. Лавров, Н. М. Михайловский, В. М. Чернов и др.) заложили основы постиндустриального социализма XXI века. Он существенно отличается от «социализма XX века» как порождения индустриального общества[54]. В постиндустриальном социализме, по его мнению, будут преодолены важнейшие черты прежней индустриальной формации: специализация вытиснится многофункциональностью, воспроизводство по шаблонам – креативностью, вертикальные формальные отношения управления – сетевыми гори-

зонтальными неформальными связями, бюрократическая государственность – самоуправлением[55]. Работник будущего для Шубина не мужик и не пролетарий, а информал – человек, включенный в мировые информационные связи, интеллектуал, реализующий свои проекты вместе с товарищами. Эти работники образуют новый класс – информалиат, идущий на смену пролетариату и буржуазии. Название этого класса образовано Шубиным из сочетания слов «информационный» и «неформальный»[56].

Шубин относит себя к сторонникам евразийского федерализма (неимперского евразийства), который, по его мнению, актуален для постсоветского периода пока еще сохраняется единое культурное евразийское пространство[57]. С этих позиций он считает возможным возрождение СССР. В «Декларации советского человека», размещенного на сайте проекта «Советские исследования», научным редактором которого является Шубин, заявлено следующее: «Советский Союз ценен не только тем, чем он был, но и тем, чем он мог стать. Возобладавшая на постсоветской пространстве система полуфеодального номенклатурно-олигархического капитализма не собирается и не способна обеспечить развитие народов к обществу равноправия, народовластия, передовой науки, творческой и рациональной культуры. Эту миссию должны взять на себя советские граждане. Мы заявляем о своей готовности продолжать советскую традицию, очищая ее от антигуманных, бюрократических, авторитарных сторон»[58].

Е. С. Троицкий считает, что «Народнические и неонародническое тенденции просматриваются в деятельности… партии “Народная воля” во главе с бывшем депутатом Государственной Думы РФ, профессором Сергеем Бабуриным, в деятельности Национал-большевистской партии во главе со всемирно известным писателем Эдуардом Лимоновым и других организаций, да, на наш взгляд, и в работе самой КПРФ»[59].

Вызывает определенное сомнение в этом перечне Национал-большевистская партия Э. В. Лимонова, которая была во многом экстремистской организацией с неопределенной идеологией. Современные исследователи противоречат друг другу в идентификации национал-большевистской идеологии. В. П. Сапон считает Лимонова продолжателем леворадикальной традиции и даже сравнивает его с М. А. Бакуниным. Он находит у этих идеологов и политических деятелей много общего: «Оба они ополчаются против всего, что, по

их убеждению, необоснованно ограничивает свободу индивида и препятствует его творческому самовыражению – против Государства (именно так, с заглавной буквы, они оба пишут это слово), против устоев традиционного общества – церкви, семьи и школы»[60].

В большей степени можно согласиться с В. П. Рябовым, который считает, что сходство Бакунина и Лимонова поверхностно, а различия принципиальны: идеология Лимонова насквозь авторитарна, содержит идеи иерархии, элитаризма; идеология Бакунина основана на идеях либертарности и равенства. Также он считает, что Лимонов – человек постмодернистской эпохи, эклектически соединяющий в себе различные идеи[61]. Отсюда следует, что если в национал-большевизме Лимонова и имеются народнические идеи, то они сочетаются в данной идеологии с положениями ничего общего с народничеством не имеющими.

Если проводить параллели между направлениями народничества классического этапа с постнеонародническим этапом, то национал-патриотическое (или социал-патриотическое) движение, можно сравнить с правым крылом легального (эволюционного) народничества, тяготевшего в большей степени к славянофильству. Национал-патриотическую идеологию в целом можно охарактеризовать скорее как современную модификацию славянофильства и «официальной теории народности», чем народничества. В данном случае можно согласиться с А. В. Шубиным, отмечавшим, что в лице С. Г. Кара-Мурзы в том числе, «державное социал-патриотическое сознание тянется к народническому»[62]. Но не более. Это известный публицист среди представителей национал-патриотической идеологии выделяется тем, что в своих многочисленных книгах часто положительно отзывается о народничестве и одновременно резко критикует К. Маркса и марксизм за европоцентризм и русофобию[63].

В народничестве Кара-Мурзу привлекает его антибуржуазность, вера в крестьянскую общину и возможность построить социализм минуя капиталистическую стадию развития без помощи Западной Европы. Однако Кара-Мурза в качестве социального идеала рассматривает так называемый «советский проект», воплощенный на практике большевиками под руководством Ленина и Сталина. Выражаясь словами Бакунина, идеал Кара-Мурзы можно назвать «социализмом без свободы», характерными чертами которого являются крайний антииндивидуализм и этатизм. По мнению этого национал-патриота в мировоззренческой матрице русского народа присутст-

вует триада «самодержавие – православие – народность»[64]. В какой-то мере, с взглядами Кара-Мурзы схожа идеология КПРФ.

Прямо или косвенно о своем «народничестве» заявляют центристские и левоцентристские партии. В 2007 году лидер партии «Справедливая Россия» С. М. Миронов заявил, что его партия «берет свои традиции от позитивных наработок дореволюционных эсеров». Правда дальше он отмечает, что дореволюционные эсеры «прошли долгий путь развития своих идей и дошли от народничества с его терактами до идеи многократного усиления местного самоуправления в России. Категорически отвергая первое, мы решительно поддерживаем второе»[65]. Следовательно, по Миронову получается, что в идейном багаже народников имелся только террор. А «идея многократного усиления местного самоуправления» – это сугубо «позитивная наработка» эсеров и ничего общего с народничеством у нее нет. Таким образом, он отсек «народничество с его терактами» от дореволюционных и современных «эсеров». Возможно, такая позиция была вызвана или плохим знанием Миронова сущности народничества, или же нежеланием бороться со стереотипами общественного сознания, отождествляющего народников с террористами. Так или иначе, отказываясь от имени «народник» Миронов косвенно признает лишь частичную преемственность своей партии с народничеством в ее правой, реформистской версии.

Партия «Единая Россия» долгое время позиционировала себя как центристскую и консервативную партию. Сейчас некоторые видные партийные функционеры, заявляют о том, что «Единая Россия» должна стать левоцентристской партией[66]. Однако, по мнению публициста В. Н. Кирсанова единороссы – это современные народники, так как они являются противниками строительства капитализма в России и даже сторонниками социализма[67]. Причиной ошибочного мнения Кирсанова, возможно, является сложность идеологической идентификации «Единой России», которая как центристская с элементами популизма партия использует идеи и лозунги всех идеологий, включая социализм, консерватизм и либерализм. Поэтому она может дрейфовать чуть-чуть влево или вправо от центра в зависимости от социально-политической ситуации. Антикапитализм «Единой России» сомнителен, просто для нее предпочтительнее государственный, чем свободный рыночный капитализм. Также может ввести в заблуждение активное использование идеологами «Единой России» в своих программных заявлениях и партийных проектах та-

кого, выражаясь терминологией Ф. П. Фурмана, народнического концепта-мифологемы как «народ». Например, они применяют для своих партийных проектов и мероприятий такие названия как «народная программа», «общероссийский народный фронт», «народный политик», «народный контроль» и т.д.

К народникам себя относили и представители «Народной партии Российской Федерации» (НПФР), существовавшей с 2001 по 2007 гг. НПФР позиционировала себя как левоцентристскую партию. На выборах в Государственную Думу Российской Федерации 2003 г. эта пар-тия получила 1,18 % голосов и по партийным спискам в Думу не прошла. 17 членов НПФР были избраны по одномандатным округам и затем присоединились к фракции «Единой России». После отставки Г. И. Райкова в 2004 году Председателем НПФР был избран небезызвестный Г. В. Гудков. В апреле 2007 г. на V съезде НПФР было принято решение о самороспуске и слиянии с партией «Справедливая Россия».

В программе НПФР было заявлено, что «Народничество, в нашем понимании, это опора на традиции, ценности, мировоззрение, которыми определяется самобытность России. Утрата этой самобытности равносильна превращению народа в популяцию, в человеческий материал, в нечто безликое – массу»[68]. Свои идейные корни идеология НПФР видит в славянофильстве. «Новые народники» из НПФР со слов политолога А. В. Кивы объясняли, что народничество как явление, рожденное на почве русской общинно-коллективистской жизни и ментальности никуда не могло исчезнуть. Облик народничества, по их мнению, может меняться, но суть остается неизменной – это борьба за интересы народа[69].

Таким образом, продолжателями традиций революционного и левого крыла эволюционного (легального) народничества можно считать в современной России сторонников демократического социализма, анахро-синдикализма и анархо-коммунизма. Наследниками правого крыла эволюционного народничества можно отчасти считать представителей национал-патриотического движения и левоцентристских партий. Можно предположить, что название и элементы народнической идеологии рядом центристских партий могут использоваться из прагматических соображений, и не иметь ничего общего с базовыми ценностями и целями народничества. Поэтому слова Г. Н. Мокшина, сказанные применительно к ситуации XIX в. вполне применимы и для XXI в.: «Как видно, народники были раз-

ные: “настоящие” – в привычном для нас понимании представителей этого движения, и так называемые “лженародники”, чаще всего сознательно использующие личину народничества для прикрытия своих узкосословных[70] интересов»[71].

В заключение следует сказать, что предложенная нами периодизация истории народничества имеет схематичный характер и требует дальнейших разработок и уточнений. Но главное ее назначение – показать, что народничество является живым социокультурным феноменом современной России, несмотря на его, возможно, достаточно маргинальный характер по сравнению с либерализмом, консерватизмом и марксизмом.

---

[1] *Алексеева Г. Д.* Народничество в России в XX в. (Идейная эволюция). М., 1990. С. 25.

[2] Там же.

[3] См. напр.: *Морозов К. Н.* Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998. С. 7.

[4] *Хорос В. Г.* Русская история в сравнительном освещении. М., 1996. С. 92.

[5] *Лалаян В. С.* Элементы народничества в трудах экономистов 20–30-х годов прошлого столетия и их проекция на проблемы современной России: дис. … канд. экон. наук. СПб., 2002. С. 9.

[6] *Хорос В. Г.* Идейные течения народнического типа в развивающихся странах. М., 1980. С. 20; *Маслин М. А.* Народничество // Русская философия: энциклопедия. М., 2007. С. 352.

[7] *Иванов-Разумник Р. В.* Тюрьмы и ссылки. Нью-Йорк, 1953. С. 131–132.

[8] *Маслин М. А.* Русская философия: от борьбы мировоззрений к диалогу // Вестник Российского философского общества. 2012. № 3 (63). [Электронный ресурс]. Режим доступа: (http://www.intelros.ru/readroom/vestnik-rossijskogofilosofskogo-obshhestva/v3-2012/16365-russkaya-filosofiya-ot-borby-mirovozzreniy-k-dialogu.html).

[9] См. подробнее: *Зеленин Ю. А.* Базовые компоненты идеологии классического народничества в России // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История. Политология. 2007. № 4/3.

[10] *Фурман Ф. П.* Дискурсивно-идеологический комплекс народничества: историко-философский анализ: автореф. дис. … докт. философ. наук. Екатеринбург, 2011. С. 25.

[11] Там же. С. 31.

[12] См. напр.: *Богучарский В.* Активное народничество семидесятых годов. М., 1912. С. 4.; *Рожков Н. А.* Русская история в сравнительно-историческом освещении. Л.; М., 1925. Т. 11. С. 122, 147–148; *Поликарпова Е. В.* Идеология народничества в России. М., 2001. С. 16.

[13] *Ткачев П. Н.* «Набат» (Программа журнала) // Соч.: в 2 т. М., 1976. Т. 2. С. 93–94.

[14] *Жукоцкий В. Д.* Социально-гуманистическая парадигма русского народничества. [Электронный ресурс]. Режим доступа: (http://www.intramail.ru/-~zhukotskiy/narod.htm).

[15] Цит. по: *Троицкий Н. А.* Русское революционное народничество 1870-х годов (история темы). Саратов, 2001. С. 12.

[16] *Бунаков И. И.* Пути России // Современные записки. 1920. Кн. 2. С. 157.

[17] *Западнов В. А.* Александр Радищев – человек и писатель // *Радищев А. Н.* Соч. М., 1988. С. 8.

[18] *Радищев Н. А.* Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1992. С. 72–73.

[19] *Жукоцкий В. Д.* Указ. соч.

[20] *Пустарнаков В. Ф.* Философия народничества // История русской философии. М., 2001. С. 234.

[21] *Богучарский В.* Активное народничество семидесятых годов. М., 1912. С. 13.

[22] *Глинский Б. Б.* Революционный период русской истории (1861–1881). Исторические очерки: в 2 ч. СПб., 1913. Ч. 2. С. 2.

[23] *Иванов-Разумник Р. В.* История русской общественной мысли: в 3 т. М., 1997. Т. 2. С. 20.

[24] Там же. С. 43–44.

[25] *Иванов-Разумник Р. В.* М. Е. Салтыков-Щедрин: Жизнь и творчество. М., 1930. Ч. 1. С. 311.

[26] *Плеханов Г. В.* А. И. Герцен и крепостное право // Соч.: в 24 т. М.; Л., 1926. Т. 23. С. 350–351.

[27] *Плеханов Г. В.* Еще о Чернышевском // Там же. Т. 6. С. 369.

[28] *Ленин В. И.* О народничестве // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1958–1965. Т. 22. С. 304.

[29] *Володин А. И.* Утопия и история. М., 1976. С. 248.

[30] См., напр.: *Волк С. С.* Народная воля 1879–1882. М.; Л., 1966. С. 159.

[31] *Мысляков В. А.* Добролюбов и народничество // Русская литература. 1986. № 1. С. 35.

[32] *Седов М. Г.* Изучение наследия Н. А. Добролюбова в прошлом и в наше время // Вопросы истории. 1987. № 6. С. 36–37.

[33] *Антонов В. Ф.* Народничество в России: утопия или отвергнутые возможности // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 10.

[34] *Поликарпова Е. В.* Идеология народничества в России. М., 2001. С. 4.

[35] Там же. С. 98.

[36] *Пустарнаков В. Ф.* Философия народничества // История русской философии. М., 2001. С. 234.

[37] *Берлин И.* Русское народничество // *Берлин И.* История свободы. Россия. М., 2001. С. 307.

[38] *Поликарпова Е. В.* Указ. соч. С. 16.

[39] См. напр.: *Леонов М. И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997; *Морозов К. Н.* Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг.; *Сыпченко А. В.* Народно-социалистическая партия в 1907–1917 гг. М., 1999.

[40] *Леонтьев Я. В.* Левоэсеровское движение: организационные формы и механизмы функционирования: автореф. дис. … докт. ист. наук. М., 2009. С. 4.

[41] *Жукоцкий В. Д., Фурман Ф. П.* Народничество русской интеллигенции и культуры // Философия и общество. 2004. № 3.

[42] *Быков Д.* Смерть народника // Русская жизнь. 2007. № 15. [Электронный ресурс]. Режим доступа: (http://www.intelros.ru/2007/11/26/smert_narodnika.html); *Кирсанов В. Н.* Единороссы – новые народники, или Почему Ленин должен быть вынесен из Мавзолея. М., 2010.

[43] *Жукоцкий В. Д., Фурман Ф. П.* Указ. соч. С. 175.

[44] *Мокшин Г. Н.* Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. Воронеж, 2010. С. 6.

[45] *Соколов А.* Я хочу быть интеллигентом! – А я нет! // Нева. 2008. № 7. [Электронный ресурс]. Режим доступа: (http://magazines.russ.ru/neva/2008/7/-so15.html).

[46] Там же.

[47] Там же.

[48] По мнению А. В. Соколова интеллигенты – это образованный и творческий человек с гуманистическим этосом, а интеллектуал – образованный и творческий человек с технократическим этосом.

[49] *Шаргунов С.* Читателю дали черный хлеб. [Электронный ресурс]. Режим доступа: (http://glfr.ru/biblioteka/sergej-shargunov/chitatelju-dali-chernij-hleb.html).

[50] *Цветков А.* Социальное измерение вернулось в литературу? [Электронный ресурс]. Режим доступа: (http://chto-chitat.livejournal.com/4269046.html).

[51] *Шаргунов С., Прилепин З.* К читателю. [Электронный ресурс]. Режим доступа: (http://svpressa.ru/all/article/56594/).

[52] *Алексеева Г. Д.* Указ. соч. С. 245–246.

[53] *Шубин А. В.* Как читать карты на сайте. [Электронный ресурс]. Режим доступа: (http://www.informacional.su/garmonyhistory/tools/39-2010-02-18-21-31-47).

[54] *Шубин А. В.* Социализм XXI века. [Электронный ресурс]. Режим доступа: (http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz-67/4243-socializm-xxi-veka.html).

[55] Манифест информалиата. [Электронный ресурс]. Режим доступа: (http://www.informacional.su/home/21-manifest?showall=1).

[56] *Шубин А. В.* Социализм XXI века.

[57] Там же.

[58] Декларация Советского человека. [Электронный ресурс]. Режим доступа: (http://www.soviethistory.ru/sr/a-5.html).

[59] *Троицкий Е. С.* Русская этнополитология. М., 2003. Т. 3. С. 353.

[60] *Сапон В. П.* Сравнительный анализ социально-политических взглядов М. А. Бакунина и Э. В. Лимонова // Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского. Сер. История. Политология. Международные отношения. 2004. Вып. 1(2). С. 253.

[61] Стенограмма Прямухинских чтений на тему: «М. А. Бакунин и Прямухино: единство противоположностей». 30 мая 2004 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: (http://bakunin-fund.hut2.ru/r2004.utf.html).

[62] *Шубин А. В.* Левые идеологии как реальность // Социализм и коммунизм: теория, актуальное состояние, футурологическая проекция. Материалы научного семинара. Вып. 2. М., 2010. С. 138.

[63] См., напр.: *Кара-Мурза С. Г.* Советская цивилизация: в 2 кн. М., 2002; *Его же.* Маркс против русской революции. М., 2008.

[64] Там же. С. 281.

[65] *Миронов Сергей*. «Не хочу достраивать капитализм» // Невское время. 11.07.2007. № 120. [Электронный ресурс]. Режим доступа: (http://mironov.ru/-main/interview/320).

[66] *Морозов К.* Идеологию «Единой России» решит партийный референдум. [Электронный ресурс]. Режим доступа: (http://er.ykt.ru/index.php?option=com_-content&task=view&id=9992&Itemid=316).

[67] См.: *Кирсанов В. Н.* Единороссы – новые народники, или Почему Ленин должен быть вынесен из Мавзолея. М., 2010.

[68] Программа «Народной партии Российской Федерации». Наши убеждения [Электронный ресурс]. Режим доступа: (http://vibory.viperson.ru/main.php?IH-=5301&ID=198293).

[69] *Кива А.* Выборы всех расставят по местам. Парламентская газета. 12 сентября 2003 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: (http://old.pnp.ru/archive/-12973017.html).

[70] Применительно к XXI веку можно добавить также: партийных, клановых, классовых интересов.

[71] *Мокшин Г. Н.* Идеи и жизнь «артельного человека» С. Н. Кривенко (1847–1906). 2-е изд., испр. и доп. Воронеж, 2012. С. 54.

Раздел III.

ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА НАРОДНИЧЕСТВА

Квасов О. Н.

Террористические тенденции народнического движения второй половины XIX века

Терроризм является одной из организационных форм насильственных технологий в управлении политическим процессом. Насилие и принуждение на протяжении тысячелетий являлись и будут оставаться одними из основных управленческих методик, как власти, так и сил политической оппозиции. Индивидуально-террористические эксцессы имеют обширную историю и нет объективных оснований утверждать, что в обозримом будущем от этих управленческих форм субъекты политического процесса откажутся. В зависимости от обстоятельств и условий терроризм постоянно видоизменяется, совершенствуя свою стратегию, тактику и формы, повышая продуктивность и эффективность использования. Применение тех или иных форм и способов террористических проявлений связано с конкретно-историческими обстоятельствами и особенностями политической ситуации. Кроме того, именно субъективное (индивидуальное и общественное) содержание этих факторов значительно увеличивает вариативность форм использования терроризма. Это было продемонстрировано в тенденциях использования, в предпочтениях и самой террористической деятельности народников. Субъективный характер терроризма влияет на то, что этот способ борьбы оказывается наиболее востребованным в условиях неустойчивого политического равновесия, кризисов, революционных потрясений и ситуаций.

Первыми террористическими акциями российских революционеров можно признать волюнтаристские, нелепо организованные и неуклюже осуществленные покушение Д. В. Каракозова 4 апреля 1866 г. на императора Александра II и убийство членами нечаевской организации 21 ноября 1869 г. студента И. И. Иванова. Обе акции не были случайными выходками политических одиночек, имели теоретические и политические обоснования в ишутинском «Аде» и нечаевском «Катехизисе». Из-за своей эпатажности и очевидного амора-

лизма ни «Ад», ни тем более «Катехизис» популярностью в кругу оппозиционно настроенной молодежи не пользовались, чему достаточно есть утверждений современников. Отказ от этих форм деятельности, стимулировал переход к альтернативным. Критическая оценка общественностью и революционными представителями первых террористических акций, сориентировала оппозиционные силы к активной массовой деятельности, последовало «хождение в народ».

Начиная с нападения на Н. Е. Гориновича (11.06.1876 г.), основной и самой многочисленной формой революционного индивидуально-террористического насилия становится убийство предателей и шпионов. Кроме нападения на Гориновича, известно 16 покушений на предателей, совершенных разными революционными группами, среди них: 5 сентября 1876 г. в Одессе на предателя В. А. Тавлеева, 19 июля 1877 г. на агента полиции Н. Ф. Шарашкина (Г. Финогенов), 1 февраля 1878 г. в Ростове-на-Дону на предателя А. Г. Никонова, 8 февраля 1879 г. в Одессе на предателя Н. Гоштофта, 26 февраля 1879 г. на агента полиции Н. В. Рейнштейна, в марте 1879 г. на предателя Т. Курилова, в Киеве 26 марта 1879 г. на агента полиции В. Барановского, в Петербурге 5 февраля 1880 г. на предателя-чернопередельца А. Я. Жаркова, 29 июня 1881 г. на предателя-народовольца С. И. Прейма, под Харьковом 8 января 1884 г. на «изменника» Ф. А. Шкрябу. Кроме того, в 1878 г. революционеры убивают «шпионов» Розенцвейга и Фетисова[1]. Можно упомянуть и об убийстве на Карийской каторге 27 декабря 1881 г. ошибочно обвиненного в предательстве нечаевца П. Г. Успенского. В судебных обвинениях фигурировали и другие, не осуществленные планы покушений.

Закономерным шагом в мстительных тенденциях развития терроризма становится перенос партийной агрессии с предателей и шпионов на официальных высокопоставленных лиц, являющихся, благодаря своему рвению в исполнении служебных обязанностей, символами противоборствующей стороны. 24 января 1878 г. В. Н. Засулич с близкого расстояния стреляет в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова. Причиной покушения явилось самоуправство градоначальника, приказавшего во время инспектирования Дома предварительного заключения 13 июля 1877 г., подвергнуть телесному наказанию поркой, показавшегося ему неучтивым политарестованного А. С. Емельянова. Необходимо учитывать то, что революционеры всегда очень последовательно и щепетильно требовали от власти отношения к себе как к политическим противникам, а

не уголовным преступникам. Отличие это в тюремных условиях было связано, в первую очередь, с уважением личного достоинства политзаключенных. Порка являлась вопиющим наказанием для революционера и требовала таковой же негодующей реакции. Стоит вспомнить неоднократные акты самоубийств революционеров в ответ на применение этой меры наказания, включая «карийскую трагедию» 1889 г. Протестуя против применения администрацией Карийской каторги телесного наказания к политзаключенной, покончили жизнь самоубийством: сама пострадавшая народоволка Н. К. Сигида, каторжницы М. П. Ковалевская, М. В. Калюжная и Н. С. Смирницкая. В мужской каторжной тюрьме в знак протеста и солидарности с ними яд приняли 16 человек, из которых И. В. Калюжный и С. Н. Бобохов скончались. Трагедия стала известна не только российской, но и мировой общественности. Власть распорядилась более телесные наказания к заключенным женщинам не применять, а Карийскую каторгу ликвидировать[2].

Планы покушения на Трепова имели сразу несколько революционных групп. Однако из-за шедшего в это время «процесса 193-х» (18.10.1877–23.01.1878 гг.), чтобы не оказать пагубного воздействия на суд, возмездие решено было отложить до вынесения приговора. Акция, предпринятая В. Н. Засулич и М. А. Коленкиной, частично удалась. Планируемое двойное покушение на Трепова и прокурора В. А. Желеховского, настоявшего на жестоком приговоре в процессе 193-х, закончилось выстрелами только в градоначальника. Коленкина встретиться с прокурором не смогла. Судебный процесс над В. Засулич, прецедент в лице оправдательного вердикта суда присяжных заседателей (31.03.1878 г.), общественная и мировая реакция на решение суда дали своеобразную индульгенцию последующим мстительным терактам землевольцев. Как отмечал еще Б. П. Козьмин, важную, если не ключевую, роль в изменении народнической тактики сыграло и разочарование народников результатами «хождения в народ», революционную пропаганду крестьянство отказывалось воспринимать[3].

Южная группа В. А. Осинского, который ранее имел планы нападения на Трепова (но его опередила Засулич), 23 февраля 1878 г. в Киеве совершает покушение на помощника прокурора М. М. Котляревского. Революционеры вменяли прокурору в вину то, что «желая составить карьеру, он раздувал обвинения, арестовывал невинных, угрозами вынуждал признания и однажды велел жандармам раздеть при обыске двух девушек»[4]. Стреляя с близкого расстояния в проку-

рора, боевики умудрились только напугать жертву. Оправившись от испуга, Котляревский в дальнейшем сделает в борьбе с революционным движением карьеру ретивого прокурора.

Именно южные землевольцы оказались наиболее радикальными сторонниками террористической тактики. 27 мая 1878 г. в Киеве Г. А. Попко наносит смертельный удар кинжалом адъютанту местного губернского жандармского управления Г. Э. Гейкингу. Спасаясь от погони с места преступления, он убивает дворника и ранит городового[5]. В марте в Одессе агентами Исполнительного комитета убит жандармский полковник К. Г. Кноп[6]. Летом 1878 г. «южные бунтари» предпринимают подготовительные меры для покушения на царя в случае посещения им одного из причерноморских городов.

Воспринимая общественную реакцию как одобрение возможных форм защиты от своеволия власти, и зная репрессивность судебных приговоров участникам революционного движения, землевольцы стали активно предпринимать не только бегство из мест заключения и ссылок, но и попытки вооруженного освобождения заключенных. Обыкновением становится вооруженное сопротивление при арестах. Начиная с сопротивления И. М. Ковальского (03.01.1878 г.), каждая попытка ареста для жандармов могла закончиться стрельбою, что вынуждало их быть осторожными и предусмотрительными. Данный тип вооруженной борьбы большинством исследователей к террористическим не относится, однако современники воспринимали его наряду именно с такими боевыми акциями революционеров. Поэтому в начале XX в. в энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона «террором в России» называлась система борьбы против правительства, состоявшая «в организации убийств отдельных высокопоставленных лиц, а также шпионов, и в вооруженной защите против обысков и арестов»[7].

Современные террористические акции в условиях демократизации политических процессов в большей мере ориентированы либо на массовую информационную апелляцию, либо на общественное запугивание. Поэтому и содержание терроризма для большинства современных исследователей, в первую очередь, связано с опасностью обществу, мирным гражданам. Однако, во второй половине XIX в. сам факт применения огнестрельного оружия против представителей власти, а тем более оказание вооруженного сопротивления законным требованиям властей воспринимались в категориях государственного преступления. Наше современное представление по отношению ко многим

формам преступности начала XX в. изменилось, что необходимо учитывать, дабы не потерять историзм в рассматриваемых явлениях.

1 июля 1878 г. группа из более десятка землевольцев под руководством А. Д. Михайлова и М. Ф. Фроленко предприняла неудачную попытку отбить у жандармов конвоируемого в Ново-Борисоглебскую тюрьму видного участника «хождения в народ» П. И. Войнаральского. Несколько боевиков, открыв перекрестную стрельбу по тюремной карете, пытались ее остановить на окраине Харькова. Неудачу революционеров объясняла низкая боевая подготовка землевольцев, «недостаточная продуманность плана и несогласованность в действиях участников предприятия». Сторонникам радикальных действий становилась очевидным необходимость «организационной и тактической перестройки, усиление дисциплины, бóльшей мобильности и маневренности»[8].

Уже убийство 4 августа 1878 г. шефа жандармов Н. В. Мезенцова было организовано на более высоком уровне. Кроме самого исполнителя акта С. М. Степняка-Кравчинского, в нем принимали участие, обеспечивавший отход террориста А. И. Баранников и поджидавший в конном экипаже А. Михайлов. Преступление было связано с жестокостью следствия и суровостью приговора на «процессе 193-х». В брошюре «Смерть за смерть», вышедшей вслед за покушением, прямо говорилось о личной ответственности Мезенцова, указывалось, что «генерал-адъютант Мезенцов убит нами, как человек, совершивший ряд преступлений, которых мог и должен был не совершать». Далее перечислялись эти преступления[9].

9 февраля 1879 г., опять же в Харькове, Г. Д. Гольденбергом был тяжело ранен генерал-губернатор князь Д. Н. Кропоткин. Организация и исполнение в данном покушении оказались на очень высоком профессиональном уровне. Преступник поджидал жертву на единственно возможном маршруте движения, «вскочил на подножку губернаторской кареты и дважды выстрелил в князя из револьвера. Поводом для покушения стали жестокое обращение с заключенными в местных тюрьмах и суровость губернатора к участникам студенческих волнений. Террористу удалось скрыться…»[10]. Вслед теракту от имени Русской социал-революционной партии издается прокламация с объяснениями причин покушения.

Похожая акция, с аналогичными обвинениями была предпринята против нового шефа жандармов генерал-адъютанта А. Р. Дрентельна. Однако ее исполнение взял на себя во многом случайный чело-

век среди революционеров, а в основание теракта в бóльшей мере была заложена эпатажность, чем эффективность. Студент-медик поляк Л. Ф. Мирский 13 марта 1879 г. верхом на лошади на полном скоку выстрелил два раза в окно кареты шефа жандармов, после чего скрылся. Легкомысленная организация покушения и неудачная стрельба закончились арестом Мирского (6 июля), последующей каторгой в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, его раскаянием в содеянном и предательством. Во время следствия Мирский особо отмечал отсутствие личной неприязни к Дрентельну: «Лично же против Генерал-Адъютанта Дрентельна я не имел ничего <…>. Я не желал непременно убивать его <…>. Мне как человеку, не как революционеру, было бы больно, если бы я причинил хоть малейший вред Г. Дрентельну…»[11].

Сразу после покушения появляется новая прокламация, в которой помимо мстительных мотивов, прямо указывается, что Дрентельн «достоин смерти уже за одно то, что был при существующих политических условиях шефом жандармов»[12]. Чуть позже в Листке «Земли и воли» выходит и статья Н. А. Морозова «Значение политических убийств», где наряду с уже известной аргументацией террора как «актов мести» и «единственного средства самозащиты», указывается на их агитационное значение и особо выделяется терроризм как «систематический прием борьбы»[13].

Очередной случайностью становится инициатива революционера из глубинки А. К. Соловьева. Бесповоротно настроенный на убийство Александра II, Соловьев получает рекомендации и техническую помощь от столичных землевольцев. 2 апреля 1879 г. без помех несколько раз стреляя с близкого расстояния в императора, террорист промахивается. В причинах неудачи можно видеть хронические проблемы народнического терроризма − слабый кадровый подбор и плохую личную подготовку боевиков. Именно эти причины проявлялись почти в каждом боевом выступлении землевольцев. Недавно высказанная историком Ю. А. Пелевиным версия о нежелании отличного стрелка Соловьева убивать императора, а лишь своей акцией стремящегося «привлечь внимание» к бесправному положению народа[14], слишком уязвима. Кроме того, она не вписывается в поступательность, логику развития народовольческого терроризма.

В ответ на указ от 5 апреля 1879 г. о введение шести временных военных генерал-губернаторств, что позволяло использовать чрезвычайные меры в борьбе с революционным движением, землеволь-

цы объявляют войну царизму. Всем генерал-губернаторам выносится смертный приговор, что характеризует переход от мстительно-оборонительного террора к наступательному. Однако это приводит лишь к стратегическим изменениям – для качественного скачка у партии не было ни средств, ни кадрового состава, ни времени. В основании террористической деятельности продолжала оставаться лишь инициативность и целеустремленность. Действенных механизмов создано не было. В таких условиях успех акций в большой мере определялся случайными обстоятельствами или самообладанием боевика, что спрогнозировать было очень сложно. Если В. Засулич смогла выстрелить в Трепова, то это не удалось сделать Л. Гильберт. 24 мая 1879 г. она должна была попасть на прием к временному генерал-губернатору Санкт-Петербурга И. В. Гурко. Находясь в сильном нервном возбуждении, Гурко отказалась от террористических намерений и сдалась властям, заявив, что «на нее пал жребий совершить убийство с политической целью, на что она не решилась»[15].

Понимая, что без существенных материальных средств качественного изменения в боевых действиях не добиться, радикальные лидеры «Земли и воли» прибегают к экстраординарным мерам в поисках оптимальных форм организации и финансов. В мае 1879 г. два десятка столичных сторонников радикальных мер в тайне от других членов организации создают особую террористическую группу «Свобода или смерть». Начинают разрабатываться планы по экспроприации государственных сбережений. В ночь со 2 на 3 июня 1879 г. при помощи подкопа из Херсонского казначейства выносится более полутора миллионов руб., но только немногим более 15 тысяч руб. революционеры смогут использовать, − остальную сумму полиция вернет государству[16]. В июле 1879 г. следует ограбление на 9 тыс. руб. почты около г. Каменца[17]. В декабре 1880 г. из-за возможных арестов, незаконченным остался подкоп под Кишиневское казначейство. В дальнейшем, не имея возможности организовывать длительные и сложные планы ограблений банков, народники перейдут к практике тривиальных грабежей на большой дороге. 17–24 октября 1883 г. группа из четырех-шести народовольцев предприняла три попытки ограбить денежные почты, перевозимые из Харькова. Удачей ни одна попытка не увенчалась, а в последнем случае погиб народоволец Я. Л. Бердичевский[18]. Попытки осуществить грабежи почтовых карет предпринимались и позже, но сколько-нибудь удачных акций на этом поприще нам не известно.

Раскол «Земли и Воли», появление организации, открыто заявлявшей свои агрессивные планы, стимулировал объединение всех радикальных сил революционеров. Однако для этого необходимо было время, инвентаризация сил и консолидация кадров, что осложнялось необходимостью партийного раздела с чернопередельцами. 26 августа 1879 г. «Народная воля» к приговорам генерал-губернаторам добавляет смертный приговор и императору Александру II. Если убийства предателей и шпионов, жандармских офицеров и прокурорских работников относились к категории мстительно-оборонительного действия, а покушения на высших чиновников царской администрации демонстрировали переход террористической тактики к дезорганизаторскому воздействию на ответственных за принимаемые репрессивные решения высших чиновников, то планируемое покушение на царя было обусловлено не только дезорганизаторскими задачами, но и регулятивными. Приостановление террористических акций народовольцы связывали с прекращением политических репрессий и началом демократического реформирования государственного строя.

Теоретическое обоснование цареубийства только дезорганизаторскими и ультимативными задачами не ограничивалось. После разочарования в протестных качествах крестьянства и невозможности из-за репрессивных действий заниматься обычной пропагандистской деятельностью, народовольцы посчитали возможным прибегнуть к бланкистской тактике партийного заговора. В секретной инструкции, называвшейся «Подготовительная работа партии», указывалось: «Партия должна иметь силы создать сама себе благоприятный момент действия, начать дело и довести его до конца. Искусно выполненная система террористических предприятий, одновременно уничтожающих 10–15 человек – столпов современного правительства, приведет правительство в панику, лишит его единства действий и в то же время возбудит народные массы, т.е. создаст удобный момент для нападения. Пользуясь этим моментом, заранее собранные боевые силы начинают восстание и пытаются овладеть главнейшими правительственными учреждениями. Такое нападение легко может увенчаться успехом, если партия обеспечит себе возможность двинуть на помощь первым застрельщикам сколько-нибудь значительные массы рабочих и пр.»[19]. Фантастичность этих планов особенно подчеркивается утверждением «легкости» достижения успеха.

Ограниченный в средствах и возможностях Исполнительный комитет «Народной воли», хотя и с колебаниями, решил пользоваться

услугами случайных или инициативных лиц, желающих принять участие в терроре. Одновременно с этим партия начинает разрабатывать сразу несколько перспективных, затратных, организационно сложных, но вероятностно стопроцентных акций. От личного оружия в исполнении акта, несмотря на его прямую связь и символизм с тираноборчеством, революционеры отказываются, предпочитая взрывные устройства как наиболее надежные средства уничтожения. Тем самым партия расстается с мученическим образом террориста, лично карающего своей рукой тирана и жертвующего своей жизнью ради народного счастья. Активно внедряемым и культивируемым становится образ всесильной, могущественной и неуловимой политической партии, вступившей в кровавую схватку с властью.

Прилагая массу усилий, как физических, так и материальных, народовольцы готовят цареубийство. Из большого количества проектов практически осуществлены будут только два: взрыв 19 ноября 1879 г. под Москвой багажа свитского поезда (по счастливой случайности в нарушение протокола царский поезд проехал раньше свитского) и разрушительный и кровавый взрыв в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г.

В череде этих покушений стоит инициативное, задуманное и выполненное самостоятельно нападение, не входившего в какую-либо революционную организацию И. О. Млодецкого. 20 февраля 1880 г. он стреляет в начальника Верховной распорядительной комиссии генерал-адъютанта М. Т. Лорис-Меликова. «Народная воля» заявила, что Млодецкий обращался к партии за содействием, но, не дождавшись ее решения, самодеятельно осуществил акцию. В дальнейшем, такими же самостоятельно предпринятыми были покушение 13 ноября 1881 г. внепартийного мещанина Н. М. Санковского на товарища министра внутренних дел генерала П. А. Черевина и попытка 8 августа 1884 г. народоволки М. В. Калюжной из револьвера застрелить начальника Одесского жандармского управления А. М. Катанского.

8 февраля 1881 г. в Петербурге нелегальная студенческая народовольческая организация идет на явную провокацию с признаками эпатажно-террористического воздействия. По постановлению Центрального университетского кружка во время публичного торжественного заседания в столичном университете студент П. П. Подбельский дал пощечину министру народного просвещения А. А. Сабурову. Одновременно с этим провокационным актом студент Л. М. Коган-Бернштейн произнес с хор революционную речь об университетском уста-

ве и новых правилах для студентов. Провокация привела к резкому росту волнения, размежеванию и конфронтации в студенческой среде.

Аналогичная попытка при помощи провокации активизировать революционную деятельность и обострить конфронтацию была предпринята в Москве 22 ноября 1887 г. Студент А. Синявский в публичной обстановке дал пощечину инспектору московских учебных заведений А. А. Брызгалову. В той ситуации провокация удалась, последовала «брызгаловская история» противостояния московских студентов учебной администрации[20]. Данные действия носили выраженный эксцитативный (возбуждающий) характер. Практика провокационных действий революционерами будет использоваться неоднократно: в Казанской демонстрации, в Чигиринском заговоре, в некоторых силовых акциях. Частое использование данного способа борьбы показывает насколько нереалистичной, необъективной была оценка текущего политического процесса народниками, уверенными, что такими акциями можно было вызвать обострение политического кризиса, поднять вооруженную борьбу.

Кульминацией огромных организационных, кадровых и материальных усилий народовольцев стало смертельное ранение императора Александра II в ходе террористического акта 1 марта 1881 г. Несколько параллельно разрабатываемых планов покушения, закончились двумя последовательными взрывами на Екатерининском канале, в ходе которых императорская карета первоначально была остановлена, а затем взорван и сам император. Теракт удался благодаря самопожертвованию террористов и задействованию больших и разнообразных ресурсов.

Однако ни предъявленный новому императору ультиматум, ни надежды на административную панику и массовые волнения, не оправдались. Для захвата власти у народовольцев, кроме абстрактно-теоретических конструкций и иллюзий, не оказалось ни сколько-нибудь реалистического плана, ни физических сил, ни инициативных действий. В дальнейшем, именно в отсутствие последних факторов и видели причину поражения народовольческого терроризма будущие неонародники. Поэтому в своей террористической стратегии, которую они пытались реализовать в ходе Первой российской революции 1905–1907 гг., они отказались от захвата власти при помощи индивидуально-террористических акций. Неонародники постарались максимально разграничить центральный террор и массовое революционное движение и при этом максимально расширить

границы местного «разлитого» террора. Проанализированный ими террористический опыт народовольцев выразился и в других выводах, реализуемых в революционной борьбе начала XX в.

Члены разгромленной «Народной воли», скрылись за пределы столиц, но, не теряя надежды на восстановление организации, поддерживали взаимосвязь и смогли восстановить центральное руководство. Не имея возможности организовать новое цареубийство или теракт центрального значения, новый состав Исполнительного комитета «Народной воли» принимает решение перейти к мстительно-оборонительным акциям. 18 марта 1882 г. по приговору Исполнительного Комитета[21] Н. А. Желваков и С. Н. Халтурин застрелили в Одессе прогуливающегося по набережной военного прокурора генерала В. С. Стрельникова[22]. Задержанные на месте преступления террористы через четыре дня были повешены[23].

Мстительные основания имело покушение и на Забайкальского военного губернатора генерал-майора Л. И. Ильяшевича. Санкционировав расправу с протестующими против ужесточения режима политкаторжанами Карийской каторги, он был выбран основным объектом мести. Исполнение теракта было поручено вышедшей на поселение М. И. Кутитонской, которая 16 сентября 1882 г. во время аудиенции выстрелом из револьвера тяжело ранила губернатора. Осужденная к смертной казни террористка будет помилована. В 1887 г. она умрет в Иркутской тюрьме. А губернатор поправится и вернется к исполнению служебных обязанностей[24].

16 декабря 1883 г. народовольцы осуществят одну из наиболее громких своих акций, убийство начальника Санкт-Петербургской тайной полиции подполковника Г. П. Судейкина. Ажиотаж вокруг теракта объяснялся не только высоким статусом жертвы, но и участием в нем полицейского агента С. Дегаева. Явившийся для встречи со своим сотрудником на конспиративную квартиру, Судейкин будет убит народовольцами В. П. Конашевичем и Н. П. Стародворским. Расправу над начальником полиции «Народная воля» взяла на свой счет, о чем известила в специальной прокламации[25].

По всей видимости, реальных шансов осуществить покушение на императора Александра III народовольцы больше не имели. И даже почти доведенный до завершения теракт «Террористической фракции партии "Народная воля"» 1 марта 1887 г., никаких перспектив, кроме еще большего ужесточения репрессий, не сулил. Арестованной группе С. М. Гинзбург весной 1889 г. не удалось даже присту-

пить к подготовке цареубийства. О надрывных планах убийства императора говорили многие народники (К. Р. Кочаровский, И. Распутин и др.), но это была лишь риторика, за которой, однако следовали реальные сроки каторги и ссылки.

Дискуссии о народническом движении и наработанный историографический материал позволяет сделать несколько выводов касающихся революционно-террористической деятельности второй половины XIX в.

Во-первых, нет оснований отделять террористическую практику народовольцев от террористических эксцессов народников 1860-х гг. и землевольцев. Это был единый процесс развития одной из форм революционного движения. Несмотря на разные мотивы и побудительные причины, организационные механизмы и формы террористической деятельности, революционный терроризм второй половины XIX в. представляет собой взаимосвязанный, логично обусловленный процесс эскалации политического насилия. Постепенно от акций оборонительно-мстительного насилия народники перешли к терроризму регулятивному и наступательному. Эта смена тактики далась в тяжелых дискуссиях, ценой ломки партийных и организационных механизмов. По всей видимости, это был единственно возможный ход событий, что подтвердила скоротечная история «хождения в народ» и «Черного передела», не поддержавшего террористической тактики.

Во-вторых, народовольческий террор усугубил «кризис верхов» на рубеже 1870–1880-х гг., что выразилось в неспособности власти себя защитить, подверженности панике, неустойчивости правительственного курса (шараханье от репрессий к реформам и обратно).

В-третьих, народовольческая «охота на царя» являлась первоначальной и важнейшей частью бланкистской тактики установления социалистического строя в России в ее народовольческом варианте. Не имея четкой, разработанной программы действий на случай убийства царя, народовольцы были все же втянуты самим ходом событий и разворачивающейся «воронкой насилия» в «охоту на царя». Невозможность легальных форм оппозиционной деятельности, отсутствие сулящих перспективу альтернативных форм борьбы, репрессивно-карательная политика правительства, систематически преследующая и ликвидирующая представителей политической оппозиции, постепенно вела к кульминационному обострению борьбы.

В-четвертых, больше ужасов пугачевщины власть боялась идейного и организационного сближения революционного движения и

крестьянства. Поэтому карательные меры в отношении революционных представителей были подчас неадекватны, чрезмерно репрессивны и мнительно жестоки. Для революционеров была очевидна печальная альтернатива: либо отчаянная, смертельная борьба до победного конца, либо неминуемая ссылка и каторга.

В-пятых, благодаря большому количеству печатной продукции народничества, воспоминаниям и другим источникам, мы можем в достаточно полной мере реконструировать постепенность и обусловленность перехода освободительного движения к террористическим методам. Анализ источников приводит к заключению, что однозначного взгляда на террористическую тактику и стратегию внутри народнического движения не существовало. Разные представления о значение и роли терроризма были обусловлены различиями в трактовках политического процесса и момента, неоднозначными перспективами революционного движения, персональными пристрастиями и пр.

Анализ народнической борьбы с самодержавием позволяет сделать и определенный террорологический вывод: терроризм способен вызвать и обострить «кризис верхов», а на стадии нарастания общественного движения стимулировать рост радикализма в массах. Данный вывод противоречит утверждению Н. А. Троицкого о том, что «опыт «Народной воли» наглядно показал русским революционерам: террор, даже самый героический, поднять массы на восстание бессилен»[26]. В данном случае необходимо учитывать, что радикализируя народные массы террористические эксцессы не обязательно приведут их на баррикады. Накапливаемый массовый протест, примером террористического акта канализированный в агрессию, может иметь разнообразные формы, но очевидно более многочисленные и экстремистские по сравнению с предыдущим периодом.

---

[1] *Карелин А.* Анархисты в народническом движении 70-х годов // Очерки истории анархического движения в России: Сб. ст. М., 1926. С. 203.

[2] Карийская трагедия 1889 г. (Воспоминания и материалы). П., 1920; *Ростов Н.* Карийская трагедия. М., 1927.

[3] *Козьмин Б. П.* Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России // Исторические записки. М., 1959. Т. 65. С. 236–238.

[4] Календарь русской революции издательства «Шиповник». Петроград, [1917]. С. 60–61.

[5] *Лион С. Е.* От пропаганды к террору. Вып. 1. М., 1925. С. 40–42.

[6] История XIX века. М., 1939. Т. 7. Ч. 1. С. 397.

[7] *[Водовозов В. В.] В. В-в.* Террор в России // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1907. Т. 2. Дополнительный.

[8] *Твардовская В. А.* Н. А. Морозов в русском освободительном движении. М., 1983. С. 79.

[9] *Кравчинский С.* Смерть за смерть (Убийство Мезенцева) // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публицистика. М., 1997. С. 397–404.

[10] Былое. 1904. № 5. С. 61–74.

[11] См.: *Лурье Ф. М.* Нечаев: Созидатель разрушения. М., 2001. С. 320–321.

[12] Прокламация «Покушение на жизнь Дрентельна» (Земля и воля. 13.03. 1879. Автор Н. А. Морозов) // Революционный радикализм в России. С. 412–413.

[13] Значение политических убийств (Листок «Земли и воли». № 2–3. 22 марта 1879 г.) // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. 2-изд., доп. и перераб. Ростов на/Д, 1996. С. 91–94.

[14] *Пелевин Ю. А.* Александр Дмитриевич Михайлов // Вопросы истории. 2011. № 6. С. 56–58.

[15] *Гвоздев М. Г.* «Красный террор» против Санкт-Петербургского временного военного генерал-губернатора И. В. Гурко // Вестник Саратовского гос. социально-экономического университета. 2009. № 1. С. 125–126.

[16] *Юрковский Ф. Н.* Подкоп под Херсонское казначейство в 1879 г. // Былое. 1908. № 7. С. 50–76.

[17] *Ушерович С. С.* Смертная казнь в царской России. Харьков, 1933. С. 469.

[18] Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи за время, с 1 июля 1883 г. по 1 января 1884 г., по делам о государственных преступлениях. [Б.м.г.] С. 17.

[19] «Народная воля» и «Черный передел»: Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879–1882 гг. Л., 1989. С. 19.

[20] *Ткаченко П. С.* Московское студенчество в общественно-политической жизни России второй половины XIX века. М., 1958. С. 37; *Овченко Ю. Ф.* Московская охранка на рубеже веков. 1880–1904 гг. М., 2010. С. 99–100.

[21] От Исполнительного Комитета // Былое. 1908. № 11–12. С. 27–28.

[22] Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи за время, с 1 января по 1 мая 1882 г., по делам о государственных преступлениях. [Б.м.г.] С. 9–27.

[23] Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи за время, с 1 мая по 1 сентября 1882 г., по делам о государственных преступлениях. [Б.м.г.] С. 22–30.

[24] *Ивановская П. С.* М. И. Кутитонская // Каторга и ссылка. 1927. № 6 (35). С. 177–192.

[25] Дегаевщина: (Материалы и документы) // Былое. 1906. № 4. С. 18–38; *Перегудов А. В.* От осведомителя до провокатора один шаг: из истории борьбы жандармов и революционеров на рубеже 1870–1880 гг. // Воронеж народниковедческий: Сб. ст. Воронеж, 2012. С. 27–46.

[26] *Троицкий Н. А.* «Народная воля» перед царским судом. Саратов, 1983. С. 32.

Цымрина Т. В.

Взгляды народовольцев на национальный вопрос

Взгляды народовольцев на национальный вопрос освещены в отечественной историографии недостаточно. В значительной степени это объясняется не научными, а идеологическими причинами. Их исследование необходимо, во-первых, для понимания мировоззрения народовольцев, а значит, и мотивов их действий, во-вторых, для изучения истории русского национализма – восходящего, набирающего силу политического движения.

Изучение взглядов народовольцев на национальный вопрос началось в 1970 – начале 1980-х гг. По мнению В. А. Твардовской, народовольцы признавали право наций на самоопределение и «равенство всех национальностей»[1]. Н. А. Троицкий считал их интернационалистами, так как они выражали согласие на отделение национальных окраин, и в «Народной воле» были не только русские[2]. Однако Троицкий отмечал, что народовольцы были патриотами. Он впервые исследовал национальный состав «Народной воли» по материалам судебных процессов. Приведенные им данные свидетельствуют о том, что большинство народовольцев – русские, представители других народов до 1885 г. играли второстепенную роль в партии и не могли определять ее позицию по основным проблемам политического и социально-экономического развития России. Народовольцы признавали право наций на самоопределение, но при этом выражали интересы русского народа, а не какого-либо иного, и допускали отделение национальных окраин только после созыва Учредительного собрания и на выгодных для России условиях.

В. Г. Графский считает народников патриотами и разделяет мнение П. Б. Струве о народничестве как о русском национальном социализме. Графский исследовал национальный состав народнических организаций. Поскольку в официальных, в частности судебно-следственных, документах национальность указывалась не всегда, он использовал косвенные данные. При определении национальности по месту рождения русские, украинцы и белорусы составляли 79,7% участников революционного движения, при определении национальности по вероисповеданию – 76,58%[3]. Это совпадает с данными, приведенными в № 5 газеты «Народная воля»[4].

Таким образом, взгляды народовольцев на национальный вопрос изучены недостаточно. Единого мнения о них в отечественной историографии нет.

Предметом данного исследования являются представления народовольцев об интересах русского народа и способах их защиты, о способах обеспечения внешней безопасности России, об отношениях России с другими государствами и русского народа с национальными меньшинствами, отношение народовольцев к межнациональным конфликтам. Взгляды народовольцев на национальный вопрос рассматриваются в развитии и с учетом объективных обстоятельств.

Чтобы правильно определить предмет исследования, необходимо уточнить понятия. **Нация** – высшая стадия развития этноса. Главное отличие нации от народности – наличие своего государства. **Национализм** – преданность своей нации и защита ее интересов; признание первичности нации по отношению к государству, национальных интересов по отношению к любым другим; взгляд на государство как на форму существования государствообразующей нации и орудие защиты ее интересов.

В качестве источников использовались программные документы, газеты, прокламации «Народной воли» и народовольческих организаций второй половины 80–90-х гг., письма и воспоминания народовольцев. Основными источниками являются «Программа Исполнительного комитета», «Программа рабочих – членов партии Народной воли», программа эмигрантской народовольческой организации 1888–1890 гг., прокламации «Исполнительный комитет – офицерам русской армии», «Исполнительный комитет – украинскому народу», «Честным мирянам, православным крестьянам и всему народу русскому, публикации в газете «Народная воля» об отношении России к национальным окраинам, о состоянии русской армии, о еврейских погромах, договор «Народной воли» с польской партией «Пролетариат», опубликованный в № 10 «Народной воли», статья в «Вестнике Народной воли» 1885 г., «Летучий листок» петербургской Группы народовольцев 1891–1895 гг., письмо А. И. Желябова к М. П. Драгоманову от 12-го мая 1880 г., воспоминания М. Ф. Фроленко, С. А. Иванова, И. И. Попова, В. Л. Бурцева, Е. И. Яковенко.

«Программа Исполнительного комитета» – основной программный документ «Народной воли». Ее автор – Л. А. Тихомиров. В ней дана оценка ситуации в России, сформулированы цели и задачи организации. «Программу рабочих, членов партии “Народная воля”»

написали А. И. Желябов и И. П. Каковский. В ней также сформулированы цели организации. Программные документы «Народной воли» опубликованы в сборниках «За сто лет», «Народная воля» в документах и воспоминаниях», «Революционное народничество семидесятых годов XIX века» и «Освободительное движение и общественная мысль в России XIX в.».

Программа эмигрантской народовольческой организации 1888–1890 гг. цитируется по «Обзору важнейших дознаний» за 1890 г. Ее автор неизвестен. По всей вероятности, это П. Л. Лавров, так как он был идейным лидером русской революционной эмиграции того времени, и многие положения данного проекта совпадают с программой журнала «Вперед», написанной Лавровым[5]. Программу партии «Народного права» впервые опубликовал В. Л. Бурцев в сборнике «За сто лет».

Все номера газеты «Народная воля» были опубликованы в 1907 и в 1930 гг. в сборниках под общим названием «Литература партии “Народная воля”». Первый вышел под редакцией В. Я. Богучарского и состоял из двух выпусков, второй – под редакцией членов Исполнительного комитета А. В. Якимовой и М. Ф. Фроленко и одного из лидеров «Молодой партии “Народной воли”» И. И. Попова. Все номера «Летучего листка» Петербургской группы народовольцев 1891–1897 гг. опубликованы в качестве приложения к книге П. Ф. Куделли «Народовольцы на перепутье. Дело Лахтинской типографии». Прокламацию «Честным мирянам, православным крестьянам и всему народу русскому» написали С. Л. Перовская, Ю. Н. Богданович и Г. П. Исаев. Она опубликована в сборниках «Революционное народничество семидесятых годов XIX века» и «1 марта 1881 года: Казнь императора Александра II». Прокламация «Исполнительный комитет – офицерам русской армии» датирована 24-м августа 1881 г. Ее автор – С. С. Златопольский. Она публиковалась в сборниках «Русская революция в судебных процессах и мемуарах» и «Революционное народничество семидесятых годов XIX века». Прокламация «Исполнительный комитет украинскому народу», написанная Г. Г. Романенко, была опубликована в 1912 г. в книге В. Я. Богучарского «Из истории политической борьбы в 70–80-х гг. XIX в.». Письмо А. И. Желябова к М. П. Драгоманову было опубликовано в 1906 г. в журнале «Былое» и в 1930 г. в сборнике «Народная воля» в документах и воспоминаниях». В настоящей работе оно цитируется по первому изданию.

Взгляды народовольцев на национальный вопрос прошли определенную эволюцию. Народовольцы были патриотами, однако их нельзя назвать последовательными русскими националистами, так как они допустили в свои ряды представителей других народов. В 1879–1884 гг. народовольцы выражали интересы русской нации. Они провозглашали своей основной целью освобождение русского народа: «Мы ставим задачею своей жизни помочь всему русскому народу выйти на новый путь свободы и лучшей жизни»[6]. Взгляды С. Л. Перовской на национальный вопрос известны по воспоминаниям М. Ф. Фроленко: «Все русское – народ, Волгу, Жигулевские на ней горы, русские песни – все это она ставила выше малороссийского и не раз вступала в горячие споры, отстаивая свои симпатии»[7]. В статье «К статистике государственных преступлений, опубликованной в № 4 и 5 «Народной воли», подчеркивалось, что большинство участников революционного движения – русские[8]. В то же время Н. К. Михайловский подчеркивал восточное происхождение М. Т. Лорис-Меликова и называл его «азиатским дипломатом»[9].

Народовольцы рассматривали самодержавие как антинациональную силу и считали борьбу с ним нравственным долгом каждого гражданина России. Об этом свидетельствует обращение Исполнительного комитета к офицерам русской армии: «Составляет ли славу армии охранение одряхлевшего деспотизма, разоряющего страну, развращающего народ и постепенно низводящего Россию в разряд второстепенных держав?»[10]. С. Л. Перовская, Ю. Н. Богданович и Г. П. Исаев ставили в вину Александру II тяжелую и бесполезную для России войну с Турцией, то, что он о других народах заботился больше, чем о русском: «Он погубил сотни тысяч народу на войне, которую затевал без всякой надобности. Другие народы он будто бы защищал от турок, а свой народ отдал на разорение урядникам, становым и полицейским, которые хуже турок мучили и убивали крестьян»[11]. Во внутреннем обозрении в № 6 «Народной воли» война с Турцией 1877–1878 гг. также характеризовалась как абсолютно бесполезная для России[12]. В то же время народовольцы стремились обеспечить безопасность России. Автор передовой в «Листке “Народной воли”» № 4 с тревогой писал об эмиграции немцев в Россию и Польшу и о строительстве немецких крепостей на границах России[13].

Народовольцы считали необходимым предотвратить иностранную интервенцию после революции: «Точно так же заранее следует обезопасить восстание от помощи правительству со стороны евро-

пейских держав»[14]. С той же целью «Народная воля» заключила договор с польской марксистской организацией «Пролетариат». Согласно этому договору, «Пролетариат» не должен был начинать восстание без ведома «Народной воли», революция должна произойти одновременно в России и Польше, с тем, чтобы независимая Польша не представляла опасности для России[15]. Объективно эти меры соответствовали национальным интересам России, так как обеспечивали ее безопасность в первые годы после революции.

Народовольцы признавали право наций на самоопределение, но, во-первых, понимали его как волю всей нации, а не группы лиц, во-вторых, допускали отделение национальных окраин только после Учредительного собрания[16]. При этом они руководствовались интересами русской нации. Отделение окраин было бы благом для нашего народа, так как давало возможность направить все силы на внутреннее развитие. Народовольцы понимали это. Во внутреннем обозрении в № 6 «Народной воли» прямо говорилось о бесполезности для России дальнейшего расширения: «Содержание наших окраин обходится при этом дорого и потому, что они, с полным основанием, недовольны насаждаемым у них порядком вещей. Статистические данные и указывают, что орловские или тамбовские обыватели принуждены прямо уплачивать деньги на управление каким-нибудь Ташкентом или Карсом, так как эти последние, сами по себе, не покрывают этих расходов. Таким образом, Россия от всяких таких завоеваний скорее проигрывает, чем выигрывает»[17].

О том, что народовольцы признавали принцип свободного развития наций и не стремились к устранению различий между ними, свидетельствует и договор «Народной воли» с «Пролетариатом»: «Уважая самостоятельность и свободное развитие каждого народа, Исполнительный комитет партии “Народная воля” не может сверх того не признать, что различие социальных условий русского и польского народов не допускает полного тождества в приемах подготовительной работы русских и польских социалистов. Вследствие этого полное слияние партии “Народной воли” с польской партией “Пролетариат” могло бы скорее тормозить деятельность русских и польских социалистов, стесняя тех и других в выборе наиболее целесообразных способов организации и борьбы. С этой точки зрения ИК, вступая в союз с ЦК, признает, однако, вполне разумным решение последнего сохранить за “Пролетариатом” полную независимость и ответственность в ведении всех дел своей партии в Польше.

ИК даже не решился бы принять на себя ответственность за руководство делами в крае, столь отличном от России, точно так же, как не решился бы поставить ведение своих дел под влияние какой бы то ни было нерусской партии»[18]. Приведенная цитата свидетельствует также о том, что народовольцы считали недопустимым любое вмешательство извне во внутренние дела России.

Инициатива объединения исходила от польской стороны, прежде всего, от Л. Варынского. Он предложил петербургской организации «Народной воли» направить в Варшаву своего представителя, который должен был поддерживать связь между «Народной волей» и «Пролетариатом», согласовывать их действия, организовать в Варшаве народовольческую типографию и имел право контроля над газетой «Пролетариат». «Народная воля» избрала своим представителем С. А. Иванова, но он отказался и объяснил свой отказ не только организационным кризисом в «Народной воле», но и незнанием польского языка и местных условий[19]. Летом 1883 г. харьковские рабочие предложили провести совместный съезд с «Пролетариатом», но народовольцы отклонили это предложение вследствие объективной невозможности проведения такого съезда в данное время[20].

И текст договора «Народной воли» с «Пролетариатом», и позиция С. А. Иванова свидетельствуют о том, что народовольцы рассматривали Польшу как другое государство, соединенное с Россией механически, случайно, признавали за ней право на самоопределение и стремились снять с себя ответственность за нее. Вопрос о границе между двумя государствами, главный спорный вопрос на протяжении всей истории русско-польских отношений, пока не рассматривался. Вероятно, народовольцы считали это делом будущего. Но у нас нет никаких оснований предполагать, что народовольцы готовы были удовлетворить территориальные претензии поляков, то есть отдать им часть украинских и белорусских земель.

В 1881 г. М. Ф. Грачевский установил связь с латышской рабочей организацией. Ее основной целью была борьба с немецкими баронами, но под влиянием народовольцев она включила в свою программу политические требования. После ареста М. Ф. Грачевского связь с латышской организацией прервалась. По предложению С. П. Дегаева М. П. Овчинников поехал в Латвию. После того, как он обратился к С. П. Дегаеву с просьбой прислать деньги, начались аресты. Подозрение пало на М. П. Овчинникова и контакты с латышами прекратились[21].

Сотрудничество «Народной воли» с «Пролетариатом» и латышской рабочей организацией носило тактический характер, то есть допускалось лишь постольку, поскольку не противоречило интересам России и ускоряло свержение монархии. Это был временный союз против общего врага.

Большинство народовольцев допускали, что межнациональные конфликты могут послужить толчком к началу революции. Лучше всего об этом свидетельствует их отношение к еврейским погромам начала 1880-х гг. Общая установка изложена в № 1 «Листка “Народной воли”» за 1883 г.: «Евреи, как это прекрасно объяснял когда-то К. Маркс, будучи народом, исторически несчастным и долго гонимым, сделались народом в высшей степени нервным и восприимчивым; они воспроизводят в себе как зеркало (и даже не в обыкновенном, а в удлиненном виде) все пороки окружающей среды, все язвы известного общественного строя, так что когда начинаются антиеврейские движения, то можно быть уверенным, что в них таится протест против целого порядка, и начинается движение гораздо более глубокое»[22].

Еще в июле 1881 г. В. А. Жебунев в статье «Из деревни» в «Листке “Народной воли”» выразил убеждение, что «антиеврейское движение в деревнях носит на себе следы сознательного отношения к жизни, отпечаток идейности; что городской факт “избиения евреев” деревня в своем сознании переработала в идею, вполне отвечающую умственному складу деревенского человека. Самые выдающиеся из сельчан понимали, что движение только началось изгнанием евреев, что оно и хорошо, что так началось, потому что тут не за что отвечать…»[23]. Та же мысль развивалась Г. Г. Романенко в прокламации «Исполнительный комитет украинскому народу», датируемой августом 1881 г., и во внутреннем обозрении в «Народной воли» (№ 6). Возникновение еврейских погромов на Украине Романенко объяснял экономическими причинами: «Украинец ненавидит еврея всеми силами своей души – не за религию его, конечно, а за эксплуатацию»[24].

На сочувствие народовольцев антиеврейским выступлениям прямо указывают в своих воспоминаниях И. И. Попов и В. Л. Бурцев, хотя сами они погромы осуждают[25]. Дело в том, что многие революционеры увидели в этой вспышке народного недовольства прямое следствие своей пропагандистской и агитационной деятельности: «Антиеврейское движение, не нами вызванное и оформленное, тем не менее, является и по сущности, и по времени отголоском нашей

деятельности. Этот погром, распространившийся на целый край, во многих местах показал в народе неожиданную выработку революционных приемов в борьбе»[26].

Интерпретируя еврейские погромы как пробуждение в народных массах революционных настроений, народовольцы надеялись обрести в них надежного союзника. «Живя в городе, – писал Жебунев, – трудно себе составить правильное понимание антиеврейского движения в народе, вникнуть в его смысл и дать ему правильную оценку, как историческому общественному факту. А между тем это движение, несомненно – самый крупный за последнее время факт в народной жизни, и наблюдение его может на многое пролить свет и приблизить нас к решению многих вопросов, касающихся роли народа в революционном движении»[27].

Разумеется, народовольцы ставили в вину правительству подавление народных выступлений против евреев, а лично Александру III – прием еврейской делегации[28].

Таким образом, в 1879–1884 гг. в мировоззрении народовольцев прослеживается тенденция к национализму. Она проявилась в заботе о внешней безопасности России, в стремлении освободить русский народ от ответственности за другие народы и направить все силы страны на внутреннее развитие, в признании факта эксплуатации не только одного класса другим, но и одной нации другой и, наконец, в положительном отношении к межнациональным конфликтам, если они могли стать началом революции.

Данная тенденция осуществилась не в полной мере, поскольку в рядах «Народной воли» были не только русские. Тем не менее, до 1885 г. представители национальных меньшинств не играли заметной роли в деятельности «Народной воли» и не могли определять ее программу и тактику.

Единственный источник, позволяющий утверждать, что народовольцы были интернационалистами и осуждали межнациональные конфликты, – статья В. С. Лебедева в № 8–9 «Народной воли»: «Излишне доказывать, что народовольство, как социалистическая партия, чуждо каких бы то ни было националистических пристрастий и считает своими братьями и товарищами всех угнетенных и обездоленных, без различия происхождения; что пользоваться племенной враждой, а тем более раздуть ее – вовсе не входит в наши планы, что мы не сделаем подобного шага, как бы ни была велика от этого вре-

менная выгода для партии»[29]. Однако Лебедев выражал мнение меньшинства народовольцев.

Взгляды народовольцев второй половины 80–90-х гг. XIX в. на национальный вопрос были весьма противоречивыми. Особенно ярко это проявилось в эмигрантской печати, например, в № 4 «Вестника Народной воли» (1885 г.): «Целый ряд условий, неблагоприятных для развития узкого патриотизма в большинстве племен России, целый ряд условий, определенных воспитанием интеллигенции, выработали наш космополитизм, необходимый для социалистического миросозерцания. С другой стороны, демократизм нашей интеллигенции и все ее воззрения на условия прогресса подготовили в среде социалистов-революционеров их глубокое уважение к праву и воле национальности, поскольку она является в виде такого общества, в виде чего-то коллективного, сознающего свое единство. Это воззрение могло бы, казалось, держаться в среде социалистов тем прочнее, что оно дает для практической программы действий ясное и точное мерило при каждом столкновении с национальными стремлениями. Таким отношением не может, однако, удовлетвориться слепое чувство привязанности к особенностям своего национального типа, лежащее в основе патриотизма. Это чувство, уже осужденное прогрессом человечества на вымирание, держится, однако, в душе каждого глубокими корнями, выращенными отживающим периодом истории»[30].

Итак, автор проповедует космополитизм, так как считает его «необходимым для социалистического миросозерцания», утверждает, что в России нет условий для развития национального патриотизма, считает его пережитком прошлого и в то же время признает «право и волю национальности». Получается, что он признает право и волю любой нации, кроме русской. Утверждение, что национальное чувство является пережитком прошлого, выглядит бездоказательным. История России в XX в. показала, что это необходимое условие выживания народа.

Изменения во взглядах народовольцев на национальный вопрос отразились в программе эмигрантской организации 1888–1890 гг. В ней отстаивается право наций на самоопределение, но делается оговорка, что «русские социалисты-революционеры никогда не желали и не желают подчинения никакой народности другой, так как для них самое разделение народностей не имеет значения»[31]. Поскольку составитель программы эмигрантской организации признавал право наций на самоопределение, он не отрицал существование различий

между ними, и в то же время сознательно игнорировал эти различия. Однако «для того, чтобы этот строй был лучшим приготовлением к организации рабочей партии и к торжеству социализма, русские социалисты-революционеры должны иметь в виду при установлении его форм такие условия политической жизни, которые соответствовали бы наилучшим образом потребностям русского народа, устранили бы в наибольшей степени недостатки современного западного парламентаризма и позволили бы возможно энергическое и самостоятельное развитие всех частей нашей обширной Родины»[32]. Следовательно своеобразие России все-таки признавалось.

В тоже время многие революционеры в России оставались на прежних позициях. Это подтверждает Е. И. Яковенко, член «Союза землячеств», лично знавший лидеров «Террористической фракции партии Народной воли»: «И те из нас, кто, может быть, не вполне понимал, но скорее чувствовал, что отказаться от русского социализма нельзя, не могли примириться с новыми течениями, идущими с Запада. Поэтому террористический кружок 1-го марта 1887 года ставил себя под щит народовольчества, назвавшись фракцией партии “Народной воли”»[33].

В 80–90-е гг. XIX в. постепенно изменялся национальный состав народовольческих организаций. В частности, более активное участие в их деятельности принимали поляки и евреи. Так, на Екатеринославском съезде в центральную группу южнорусской народовольческой организации наряду с В. П. Бражниковым, Ю. Д. Тиличеевым, А. А. Кулаковым были избраны Л. Ф. Ясевич, Б. Д. Оржих, В. Г. Богораз, Л. Я. Штернберг, А. Н. Шехтер, А. Л. Гаусман. Передовую для № 11–12 «Народной воли» написал Л. Я. Штернберг, внутреннее обозрение – В. Г. Богораз. Однако они не выступали от имени своей нации; хотя Богораз и писал о положении евреев, главная тема статьи – ситуация в России, положение различных слоев русского общества[34]. Одним из лидеров народовольческой организации 1888–1890 гг. был К. Р. Качаровский, поляк по национальности. В тайном обществе «заговорщиков» эта тенденция не проявилась, в «Террористической фракции Народной воли» проявилась незначительно: все члены этой организации – славяне, И. Д. Лукашевич и Б. И. Пилсудский – поляки, остальные – русские.

Эволюция взглядов поздних народовольцев на национальный вопрос была также связана с распространением в России марксизма, ставившего классовые интересы выше национальных. Определенное

влияние имела реакционная внутренняя политика Александр III, дискредитировавшая в глазах радикальной интеллигенции саму идею национализма.

В 90-х гг. XIX в. Петербургская группа народовольцев обращалась к каждому «русскому человеку, думающему о своей Родине»[35], ко «всем, кому дороги интересы родной страны»[36]. Автор статьи «Современное положение» в «Летучем листке» № 2 ставил в вину Александру III не только многочисленные нарушения прав человека, но и срыв перевооружения: «Приходится начинать перевооружение сначала. В этом случае не столько важна потеря такой значительной суммы, сколько опасность, угрожающая со стороны соседей России, армии которых вооружены новыми скорострельными ружьями уменьшенного калибра, стреляющими бездымным порохом. В случае войны русская армия очутится в таком же положении, как во время Крымской кампании, когда русский солдат действовал кремневым ружьем против штуцеров французов и англичан»[37].

В то же время автор большинства материалов в № 3 и 4 «Летучего листка» – А. С. Белевский, поляк по национальности. В отличие от В. Г. Богораза, он открыто выступал от имени своей нации и писал о положении Польши в составе Российской империи: «Таким образом, борьба с Польшей приняла затяжную форму; путем насилия, путем притеснения желают и полагают возможным закрепить политические узы, связывающие два народа. Путем насилия и притеснения поддерживают в польском народе враждебное отношение к России, не только к русскому правительству, но и к России в целом, растравляют старые раны и называют эту политику национальной. Польша – великая страна, поляки – великий народ, сильный духовной и материальной культурой, со славным прошлым и ничтожным таким настоящим. Искоренить в целом культурном народе язык, веру, чувство национальности, скорбь о прошлом – нельзя. В притеснениях народ будет находить только пищу для узко-национального культа, в душе его будет крепнуть и накопляться злоба»[38].

Народоправцы также считали право наций на самоопределение необходимым условием политической свободы: «Принимая во внимание, что Россия не есть однородное целое, признание права политического самоопределения за всеми национальностями, входящими в ее состав, есть необходимое условие политической свободы»[39].

Таким образом, если в 1879–1884 гг. народовольцы стремились защищать интересы русского народа, то во второй половине 1880-х

– 1890-е гг., прежде всего, в силу изменения национального состава революционного движения, они были вынуждены сочетать патриотизм с интернационализмом.

Непоследовательность в национальном вопросе была характерна и для эсеров. Возможно, это помешало им четко определить свою позицию по вопросу о войне и мире в 1917 г., что ослабляло их политическое влияние. Если бы эсеры были последовательными русскими националистами, они смогли бы объяснить народу цели войны и, тем самым, способствовали бы победе русской армии. Тогда вся последующая история нашей страны сложилась бы иначе.

---

[1] *Твардовская В. А.* Революционное подполье // Россия в революционной ситуации на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1983. С. 274.

[2] См.: *Троицкий Н. А.* «Народная воля» перед царским судом. Саратов, 1983.

[3] См.: *Графский В. Г.* Политические и правовые взгляды русских народников. М., 1993.

[4] См.: Народная воля. № 5. 5 февраля 1880 г. // Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 99.

[5] ГАРО. Ф. 829. Оп. 2. Д. 5.

[6] Программа рабочих, членов партии «Народная воля» // Освободительное движение и общественная мысль в России XIX в. М., 1991. С. 359.

[7] *Фроленко М. Ф.* Записки семидесятника. М., 1927. С. 157.

[8] См.: Народная воля. № 5.

[9] См.: Листок «Народной воли». № 2. 1883 г. // Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 73.

[10] Исполнительный комитет офицерам русской армии // Революционное народничество семидесятых годов XIX века: в 2 т. М.; Л., 1965. Т. 2. С. 241.

[11] См.: Честным мирянам, православным крестьянам и всему народу русскому // 1 марта 1881 года: Казнь императора Александра II. Л., 1991. С. 117.

[12] См.: Народная воля. № 6. 23 октября 1881 г. // Литература партии «Народная воля». С. 132.

[13] См.: Листок «Народной воли». № 4. 1886 г. // Литература партии «Народная воля». Вып. 2. СПб., 1907. С. 124–125.

[14] Подготовительная работа партии // За сто лет. Лондон, 1897. С. 154.

[15] См.: Народная воля. № 10. сентябрь 1884 г. // Литература партии «Народная воля». Вып. 2. СПб., 1907. С. 148.

[16] См.: Программа рабочих, членов партии «Народная воля» // Освободительное движение и общественная мысль в России XIX в. М., 1991. С. 361. *Желябов А. И.* Письмо к М. П. Драгоманову от 12-го мая 1880 г. // Былое. 1906. № 3. С. 73. Народная воля. № 8–9. 5 февраля 1882 г. // Литература партии «Народная воля». Вып. 2. СПб., 1907. С. 34.

[17] Народная воля. № 6. С. 132.

[18] Народная воля. № 10. С. 148–149.

[19] См.: Из народовольческих воспоминаний С. А. Иванова // Народовольцы 80–90-х гг. М., 1929. С. 45.

[20] См.: *Панкратов В. С.* К процессу 12-ти 1884 г. в Киеве // Былое. 1907. № 2. С. 307.

[21] См.: *Кубалов Б. Г.* Ветеран «Народной воли» (М. П. Овчинников) // Каторга и ссылка. 1924. № 5. С. 94–95.

[22] Листок «Народной воли». № 1. 20 августа 1883 г. // Литература партии «Народная воля». Вып. 2. СПб., 1907. С. 110.

[23] Листок «Народной воли». № 1. 22 июля 1881 г. // Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 124.

[24] Народная воля. № 6. С. 135.

[25] См.: *Попов И. И.* Минувшее и пережитое. М.; Л., 1933. С. 113–114. *Бурцев В. Л.* Борьба за свободную Россию. Мои воспоминания. Берлин, 1923. Т. 1. С. 31.

[26] Листок «Народной воли». № 1. 22 июля 1881 г. С. 107.

[27] Там же. С. 108.

[28] Там же; Листок «Народной воли». № 1. 20 августа 1883 г. С. 108–110.

[29] Народная воля. № 8–9. С. 34.

[30] Вестник «Народной воли». 1885. № 4 // «Народная воля» в документах и воспоминаниях. М., 1930. С. 225.

[31] ГАРО. Ф. 829. Оп. 2. Д. 5. Л. 12.

[32] Там же. Л. 11.

[33] *Яковенко Е. И.* К 40-летию 1-го марта 1887 г. // Каторга и ссылка. 1927. № 3. С. 27.

[34] См.: Народная воля. № 11–12. октябрь 1885 г. // Литература партии «Народная воля». Вып. 2. С. 193–212.

[35] Летучий листок. № 1 // *Куделли П. Ф.* Народовольцы на перепутье. Дело Лахтинской типографии. Л., 1925. С. 49.

[36] Летучий листок. № 2 // Там же. С. 91.

[37] Там же. С. 89.

[38] Летучий листок. № 3 // Там же. С. 106.

[39] Манифест партии «Народного права» // За сто лет. С. 262.

Талеров П. И.

Судьбы науки и техники в теориях классиков российского анархизма

Вероятно, что наши предки, жившие в XIX – начале XX вв., с трудом могли себе представить, что будет в стране и в мире спустя всего-то сотню-полторы лет. Нынешние сторонники анархистских идей, по большей части вооружившиеся компьютерами, мобильниками, смартфонами и прочими плодами цивилизации, решительно выступают против не только нарастающего удушающего загрязнения окружающей среды, но, зачастую, и вообще против всякой техники и технологий, превращающих, по их мнению, современных людей в рабов. Сегодняшним «луддитам» иногда трудно отказать в логике, слыша от них, например, что «все общество сидит на "игле" индустриального развития, <…> человек закрепощен цепями научно-технического прогресса», поскольку «полностью подстроился под новые условия технического развития». А если бы человек не подстраивался, то, наверное, и не выжил бы в наших условиях глобальной технологизации и автоматизации социума. Таким образом, делает далее прямо-таки парадоксальный вывод автор цитируемой брошюры, технологические блага – это то, «что улучшает условия рабства, тем самым укрепляя его и интегрируя в нашу жизнь. Технология не способна избавить от социального рабства. Бунт против технологий – это бунт против социального рабства»[1]. Социальные проблемы не решаются, а изо дня в день усугубляются. Единственный выход – разрушение и, в первую очередь, техно-промышленной системы. Такие вот неутешительные перспективы!

А что же классики российского анархизма? Как они в свое время смотрели на развитие науки и техники? В чем видели политические и социально-экономические их назначение и последствия такого развития? Какие судьбы предсказывали техническому и технологическому прогрессу общества? И какое вообще внимание уделяли этому важнейшему аспекту цивилизации?

В этом отношении ни М. А. Бакунин, ни П. А. Кропоткин, ни Л. Н. Толстой[2], конечно же, не могли оставаться в стороне. Хотя в их взглядах и существуют определенные различия, а в течение жизни наблюдается эволюционирование по отдельным вопросам, тем не

менее прогрессу науки и техники предсказывается исключительно позитивная роль в судьбе каждого человека и всего общества. Однако для этого необходимо, по их мнению, освободить сам народ и, говоря сегодняшним языком, коренным образом изменить вектор научного творчества.

Михаил Бакунин особо выделяет значение науки в социально-политическом развитии. Так, в своей работе «Федерализм, социализм и антитеологизм», выступая против засилья религии и церкви, ложных и вредоносных идолов, он прославляет проявляющийся в науке человеческий разум, а всеобщее процветание, по его мнению, должно быть основано на труде, справедливости и свободе. «Мы полны уважения к науке, – пишет русский революционер-народник, – мы смотрим на нее, как на одно из самых драгоценных сокровищ, как на одну из лучших слав человечества. Наукой человек отличается от животного, своего меньшего брата в настоящем, своего предка в прошедшем, и становится способным быть свободным». Бакунин заклинает потомков не потерять науку – иначе, вернувшись к своему доисторическому состоянию горилл, «вам придется положить несколько тысяч лет на повторение всего пути, которым должно было пройти человечество, <…> чтобы снова добраться, правда, до несовершенного, но, по крайней мере, реального света, которым мы в настоящее время обладаем»[3].

Вместе с тем Бакунин различал назначение науки в буржуазном и свободном обществе, видя в ней в условиях несвободы и несправедливости инструмент еще большего закабаления, угнетения и обнищания народных масс. «Интересы современной, реальной науки, – писал он, – есть интересы царя и капитала, которым она исключительно служит, исключительно потому, что до сих пор ни из одного открытия не сделано прямого приложения к народной жизни; все открытия или эксплуатированы барством, дилетантами, торгашами, или приноравливаются на увеличение военных сил»[4]. По мнению классика анархизма, при современной ему организации общества, «прогресс науки был причиной *относительного* невежества пролетариата, подобно тому как прогресс промышленности и торговли был причиной его *относительной* бедности. Умственный и материальный прогресс, следовательно, одинаково способствовал увеличению его рабства»[5]. Именно поэтому, предрекает автор, такая наука «должна погибнуть вместе с миром, которого она есть выразитель»,

а на ее обломках, несомненно, народится наука «новая и живая», которая станет проводником интересов и потребностей народа[6]. Перед молодым поколением Бакунин поставил важную задачу: «отвергнуть *эту* буржуазную науку и бороться против нее, так же как мы должны бороться против буржуазного богатства и отвергнуть его». В том смысле бороться и отвергнуть их, что, «разрушая общественный строй, при котором они являются собственностью одного или нескольких классов, мы должны требовать (их – науки и богатств. – *П. Т.*) как общего достояния для всех»[7].

Нынешняя (имеется ввиду буржуазная, классовая) наука – мертвая или подтасованная, преследует одну лишь цель – «провести в народ целую систему ложных представлений и пониманий», и была бы для него исключительно пагубна, поскольку заразила бы «нашим официально общественным ядом», а также отвлекла бы его «от единственно ныне полезного и спасительного дела – от бунта». Однако в послереволюционном будущем Бакунин, бесспорно, признавал для дальнейшего поступательного развития цивилизации огромное значение живой, освобождающейся науки: «удивительные приложения науки к производству и даже сами машины» имеют целью «освободить работника, облегчая труд человека». Речь идет о свободном труде свободного человека, о чем невозможно говорить в условиях нещадной эксплуатации, когда у людей труда нет ни малейшей возможности получать образование и овладевать достижениями науки и техники. В будущем наука, хотя и останется, как и раньше, «одною из многочисленных общественных специальностей», <u>но с той лишь важной разницей</u>, что эта специальность, «доступная теперь только лицам привилегированных классов, тогда без всякого различия классов, раз и навсегда упраздненных, сделается доступною для всех лиц, имеющих призвание и охоту заниматься ею не в ущерб общему ручному труду, который будет обязателен для всякого»[8].

Петр Кропоткин, будучи свидетелем бурного технологического развития (можно сказать – прорыва) конца XIX – начала XX вв., с еще большим участием отнесся с этой проблеме. С помощью современной науки и техники, полагает он вослед Бакунину, «работая умом и руками при помощи изобретенных и имеющих быть изобретенными машин»[9], можно произвести много того, что станет довольствием для всех. Для создания цивилизации, которой сегодня

гордятся многие, потрудились «миллионы человеческих существ», а другие «миллионы, рассеянные по всем углам земного шара, трудятся и теперь для ее поддержания»[10]. Интернациональность научно-технической революции настолько очевидна, что «прогресс умственный, промышленный и социальный <…> переносится через моря, проникает сквозь цепи гор, и степи не составляют для него препятствия»[11]. Целью такого развития ученый-анархист понимает исключительно улучшение социального строя. Очевидно, что наука и литература могут занять достойное место в этом человеческом развитии только лишь тогда, «когда освободятся от денежного и чиновничьего рабства и будут разрабатываться исключительно теми, кто их любит, – для той публики, которая их любит»[12]. На этом пути к лучшему будущему стоит «прежде всего алчность, – алчность человека, который убивает курицу, несущую золотые яйца, а потом – умственная наша лень, трусость ума, тщательно оберегающая прошлое», а не мифическое «"банкротство науки", о котором так много болтают теперь»[13]. В борьбе с этими человеческими недостатками и усматривает Петр Алексеевич предназначение анархизма, который он так же увязывает с научным творчеством, определенно считая и анархистскую теорию «неизбежным результатом <…> умственного движения в естественных науках», получившую «свое полное обоснование лишь после возрождения наук, имевшего место в начале второй половины 19-го века»[14].

Как раз в это время происходит поразительно глубокая перемена – весьма существенная эволюция во всем научном способе понимания и истолкования природы. Анархизм, с точки зрения Кропоткина, в совершенстве овладевшего методологией научного исследования, представляет собой не что иное, как «одно из многочисленных проявлений этой эволюции, как одну из отраслей этой новой, нарождающейся философии». Анархизм – это одна из составных частей нового миросозерцания, и именно по этой причине «анархист имеет так много точек соприкосновения с величайшими мыслителями и поэтами нашего времени». Под знаменем анархизма возникает «новый способ понимания прошедшей и настоящей жизни обществ и новый взгляд на их будущее», причем и то и другое проникнуто тем же духом, каким было проникнуто и изучение природы[15].

В обществе, разделенном на классы, в условиях угнетения со стороны государства и капитала не только наука служит инстру-

ментом угнетения, но и сам ученый преследует узкоэгоистическую цель – личное удовлетворение от творческого процесса, в чем мало отличается от обычного пьяницы, «который ищет в жизни только непосредственного наслаждения и находит его в вине». Таким образом, недоступная большей части человечества (людям напряженного физического труда) наука в буржуазном обществе является «исключительно предметом роскоши» и служит «исключительно для услаждения жизни небольшого числа избранных». Существуя, таким образом, в условиях социального неравенства, разделяющего людей на капиталистов и наемников, только для клана привилегированных, наука «обращает все научные указания относительно улучшения жизни в издевательство над девятью десятыми человечества»[16].

Только в свободном от капиталистической эксплуатации обществе, предсказывает ученый-классик российского анархизма, возможно коренное изменение роли науки и техники: «направляемые наблюдением, анализом и опытом, они ответят на все запросы, сокращая то необходимое для приобретения благосостояния время, так что его будет вполне достаточно для отдыха». Обещать полного счастья они, конечно, не смогут: «счастье зависит настолько же от самого человека, сколько и от его обстановки». Но, по крайней мере, они могут обещать то «удовлетворение, которое человек может найти в разностороннем и полном применении своих способностей, в работе без переутомления и в сознании того, что его благосостояние основано не на страданиях ближних». Уничтожение частной собственности приведет к тому, что «каждое новое промышленное усовершенствование будет служить благу всего человечества». Вся масса работников, сведенных ныне на положение машин, будет тогда «целой армией мыслящих существ, которые внесут в промышленность свою инициативу, развитую наукой и практикой ручного труда». Техника в какие-нибудь пятьдесят лет, предсказывал Кропоткин, достигнет таких успехов, о которых мы теперь не смеем и мечтать. Справедливость в новом обществе потребует того, чтобы все человечество стало способным воспринять научные истины и открытия, «чтоб наука стала основой жизни, вместо того, чтоб быть предметом роскоши». Однако, с другой стороны, важно отметить, что «наука только тогда прогрессирует, когда новые истины попадают в среду, способную их воспринять»[17].

Не может быть сомнений относительно возможности для будущего «коммунистического общества быть богатым, при нашей современной могучей технике». Вместе с тем особый акцент, требует Петр Алексеевич, нужно сделать на развитии опирающегося на «всю мощь современной науки и техники» народного творчества и народной созидательной деятельности, силою которых «анархизм и стремится теперь выработать учреждения, необходимые для обеспечения свободного развития общества»[18]. В этом явно просматривается схожесть с позицией Бакунина, считавшего полезным учиться у народа, в недрах которого есть уникальные самородки, способные и желающие передать свои знания, опыт и навыки на общее благо. Прямым подтверждением таким взглядам может служить революционное творчество российского народа в начале XX в.: как ратное, так и созидательное, прерванное затем в конце 1920-х гг. ростом бюрократизации и развитием тоталитаризма с жестким репрессивным управлением….

Кропоткин провидчески предвещал необходимость превращения пребывающей в полунаучном состоянии политической экономии (к ней тогда относили все отрасли социально-экономических знаний) в реальную науку, «посвященную изучению потребностей людей и способов их удовлетворения с наименьшею непроизводительною тратою сил». И в этом смысле Петра Алексеевича можно смело отнести к предшественникам современного маркетинга. Не именуя особым термином этой, ставшей нынче повсеместно признанной идеологией бизнеса науке и практике рыночной деятельности, классик анархизма еще в приснопамятные времена предсказал быть «физиологией общества»[19]. Политэкономия, по образному выражению ученого, стучится сегодня во все двери – во дворцы и в трущобы – «спрашивая как у богатого, так и у бедного: "В какой степени удовлетворены ваши потребности в необходимом и в предметах роскоши?" И, убедившись, что у девяти десятых человечества не удовлетворены даже самые настоятельные потребности, она ставит себе тот же вопрос, который поставил бы себе физиолог, изучающий какое-нибудь животное или растение, а именно: "Каким путем возможно удовлетворить потребностям всех с наименьшей тратой сил? Каким образом может общество обеспечить каждому, а, следовательно, и всем, наибольшую сумму благосостояния и счастья?"». Именно в таком контексте экономическая наука становится «физио-

логией человеческих обществ» и действительно сможет претендовать на звание науки; ее «можно будет определить как *изучение потребностей человечества и средств к их удовлетворению без лишней траты сил»*[20].

Морально-этическая, нравственная сторона науки и техники, их ответственность за судьбы человечества также красной чертой проходит через все творчество П. А. Кропоткина. Вместе с совершенствованием своего господства над природой и отваги в использовании труда человечество, по мнению классика анархо-коммунизма, совершенствует и свои идеалы и стремления. Уверенность в этом «имеет огромное значение, особенно если она основана на науке, а не на религии, на знании, а не на вере»[21].

Идеолог непротивления злу насилием, сторонник религиозного (христианского) анархизма[22] Лев Николаевич Толстой не только не отрицает необходимости накопления и распространения научного знания, но тоже всячески поддерживает мысль о развитии наук и искусств, полагая их двумя путями передачи знаний. «Науки и искусства, – пишет он, – это то, что двигает людей вперед и дает им возможность бесконечного развития». Люди оставались бы на уровне животного, если бы постоянно не узнавали нового, лучшего и не передавали друг другу того, что они узнают. Хотя, конечно, человек низкого достатка может, посмотрев на тех, кто занимается науками и искусствами, «не имеющими никакого приложения к жизни и пользующихся за этим праздным занятием огромным <…> обеспечением», увидеть «даже несомненный вред, приносимый людям этими деятельностями» и сделать вывод, что лучше б этих наук и искусств не было совсем. Не нужны, оказывается, они рабочим людям потому, что последние «ими не пользуются, не могут пользоваться, занятые работами вне города, да и не желают пользоваться, под условием тех тяжестей, которые они несут для поддержания их». Думать так – хотя и естественно, но, по мнению Толстого, несправедливо[23]. В отрицании наук и искусств он, скорее интуитивно, видит ложное понимание их как таковых. Поэтому для их развития крайне необходимо правильно расставить приоритеты, исходя из пользы самого общества – важности и нужности научной и художественной деятельности для людей.

В своей незаконченной заметке «Что нужнее всего людям» Лев Николаевич приходит к неутешительному для себя выводу: в по-

следнее время «все чаще и чаще, все распространеннее и распространеннее стала проявляться мысль, что знание <…> своего назначения, т.е. религия, вера, совсем не нужно[24] для людей и может быть заменено наукой» – изучением внешних явлений жизни и законов, управляющих ими[25]. Апологет христианского анархизма не мог так просто расстаться с сошедшей к нему на склоне лет божественной благодати, с евангелическими канонами. Глубокая вера в учение Христа и православные заповеди переменили всю его прежнюю жизнь, открыв ее новые горизонты. Вместе с тем великий русский писатель не мог не понимать и не признавать за наукой особого назначения в развитии цивилизации. Особенность же такого восприятия состоит в том, что русский мыслитель и литературный классик всячески пытается подчеркнуть связь науки и религии в «неизбежности и необходимости знания» о назначении жизни и о руководстве в ней. Это знание, по мнению автора, «было давно известно человечеству и проявлялось как в учениях религии, так и в учениях мудрецов не только египетских, греческих и римских, но и позднейших мудрецов до самого последнего времени»[26].

Кропоткин, решительно отвергает обвинение, «повторяемое снова и снова Толстым», в том, что «наука не дает человеку советов относительно того, как он должен жить», и, со своей стороны, утверждает, что вряд ли можно придумать более неосновательный упрек: «С глубокой древности те ученые, которые имели философский склад ума, стремились давать людям советы, "как им жить" – стремились с неменьшей силой, чем религиозные проповедники». Более того, со времен античной Греции до наших дней «лучшие труды по этике были написаны не христианами и не сторонниками какой-либо другой [религии], но философами, которые были людьми науки, а не просто легковерными сторонниками какой-нибудь веры»[27].

Еще менее обоснован, по мнению Петра Алексеевича, просто несправедлив упрек большинства христианских писателей, в том числе Льва Толстого, в том, что «ученые, пишущие по этике, лишь излагают другими словами христианский принцип "поступай с другим так, как хотел бы, чтобы поступали с тобой" или "возлюби ближнего твоего, как самого себя". Этот принцип, безусловно, *не*христианский принцип. Он *до*христианский, точнее – просто общечеловеческий». Более того, этот принцип (он также известен нам как «золотое правило нравственности») – «*до-Моисеев*, так как его находят у самых

примитивных дикарей. Мы увидим, что этот принцип и дочеловеческий. Он лежит в самой основе любого общества»[28].

Утверждая общечеловеческие нравственные идеалы, религия, по мнению Кропоткина, всегда прибегала к суевериям. Она утверждала: «Любите друг друга, ибо я Господь», тогда как «Наука[29] пыталась открыть источник этого чувства, предшествующего всем религиям, действуя в соответствии с *наличными* знаниями данной эпохи. Тысячью различных путей она старалась показать, что это чувство было рациональным и давало и личности, и обществу в целом наибольшее достижимое счастье, личное и общественное»[30].

Подводя итог краткому обзору взглядов российских классиков анархизма на роль и судьбы науки и техники в развитии цивилизации, нужно остановиться на следующих основных моментах:

1) вопросам значения и развития науки и техники, как важнейшим аспектам цивилизации, анархистскими мыслителями уделялось достаточно пристальное внимание;

2) целью развития науки и техники в большей мере они полагали улучшение социального строя общества;

3) П. А. Кропоткин считал анархизм одним из главных направлений научного творчества;

4) классики анархизма проводили грань между ролью науки и техники в буржуазном (классовом, антагонистическом) обществе и в обществе свободном (бесклассовом, коммунистическом):

– в буржуазном обществе наука и техника, являясь инструментами государства, власти и капитала, способствуют закабалению и угнетению народных масс;

– тогда как в свободном от угнетения обществе наука и техника становятся источниками дальнейшего освобождения, служат всестороннему физическому и нравственному развитию всего народа;

5) научно-технические изыскания в условиях антагонистического государства, по мнению классиков анархизма, оторваны от нужд и чаяний простых людей, занятых тяжелым, каторжным трудом;

6) ученый-исследователь в буржуазном обществе по большей части руководствуется собственными эгоистическими амбициями, чем заботой о проблемах социума;

7) в отличие от Бакунина и Кропоткина, Лев Толстой, ввиду своей ангажированности православными догматами, признавал науку, наравне с верой, лишь одним, но важнейшим, источником знания.

Вместе с тем важно отметить, что при всей злободневности указанных проблем и, несомненно, остающейся актуальности анархистских воззрений на них, время и исторический опыт (вспомним, хотя бы, две мировые войны и наши революции, перестройки и реформы), вносят определенные коррективны в наши представления о роли и значении науки и техники в жизни современного общества. В большинстве цивилизованных стран ушел в прошлое тяжелый изнуряющий тело и душу ручной труд, снизилась физическая нагрузка, появилось время, свободное для творческих занятий. Важную роль в этом, наряду с научно-техническим прогрессом и изменением характера самого труда, играет динамично развивающаяся система социальной и правовой защиты трудящихся, активность профсоюзного движения, а также деятельность демократических политических систем. Эксплуатация труда государством и капиталом, с одной стороны, стала более изощренной, а, с другой, – под натиском конкуренции вышла за рамки одной страны, приняв поистине вселенские масштабы.

Если же посмотреть на нашу страну, то в России еще остаются сильными традиции социалистического уклада, которые строились не столько на плановых началах и конкуренции (соцсоревнование), сколько на принципах взаимопомощи и взаимовыручки. Годы Советской власти не прошли бесследно, сформировав в нашем социуме достаточно стойкие представления о свободе и нравственности. Именно поэтому сегодня сложно однозначно классифицировать то общество, в котором мы живем, чтобы правильно применить те анархистские формулы, которые были приведены выше.

Очевидно, что в начале XX века были еще не столь актуальны переживаемые сегодня динамизм и трагизм научно-технической революции. А с ходом времени негативные последствия ускоряющейся НТР будут только усиливаться, если политики, ученые, инженеры не смогут их обуздать и позитивно настроить общество на стабильность и созидание. Не может не волновать современного человека возрастание разрушающего техногенного воздействия на окружающую среду промышленного производства, его особо токсичных отходов, уничтожающих природное начало, снижающих качество жизни человека. Вместе с тем неуклонно растут потребности самого общества, уже не способного от них отказаться или хотя бы несколько поумерить свои аппетиты. А в основе этого роста заложены

мощные стимулы развития всего социума: и производства, и каждого человека. Нельзя забывать, однако, и о частнокапиталистическом сиюминутном интересе извлечения сверхприбылей, который не всегда совпадает с подлинными интересами народа, зачастую становящемся заложником избыточных амбиций и хиреющим под натиском алкоголя, табака, наркотиков, оружия. Существует опасная тенденция нарастания и разрастания социальных, политических, этнических и прочих конфликтов до планетарных масштабов. Где же выход?

Классики российского анархизма были в чем-то мудрее некоторых наших нынешних апологетов анархии, полагая, что наука и техника по своей сути призваны освободить и защитить человека, а не превращать его в беспомощного раба. Пользуясь теми или иными техническими средствами, человек упрощает многое в своей насыщенной разными событиями и появляющимися возможностями жизни. Формируется ее новый уклад, тот ее образ, который создает человеку удобства и комфорт, предоставляет дополнительно свободное время для саморазвития и умосозерцания. То, о чем когда-то мечтали наши предки, испытывая лишения и гонения, мы сегодня принимаем как должное, думая о чем-то новом, более заоблачном, что станет привычным уже для наших потомков. Так устроена жизнь! И трудно это не замечать….

Когда-то Бакунин вывел свою революционно-бунтарскую формулу «Страсть к разрушению есть вместе с тем страсть созидающая!», подразумевая под разрушением диалектику развития нового, пробивающегося через отжившие нормы и правила. Вторая часть формулы определяет ее суть. В этом смысле рассматривалось и разрушение буржуазной науки как некой оторванной от нужд и чаяний народа системы. Само же научное знание, однажды открытое и ставшее достоянием многих (всех), вряд ли можно было «закрыть» либо даже просто ограничить его использование. Бакунин и Кропоткин вряд ли были такими наивными, чтобы этого не понимать. Достаточно вспомнить тезис об интернациональности науки и техники.

В начале XIX в. луддиты в Англии уничтожали станки, считая их причиной своего несчастья – потери работы и источника существования. Классики анархизма корень проблемы видели в ином: кто владеет, управляет ситуацией, в чьих руках находится производство и распределение благ. «Собственность – это кража» – объявил французский анархист П. Ж. Прудон, подразумевая несправедли-

вость при распределении дохода от произведенного продукта собственниками фабрик и заводов, средств производства. Уничтожение права собственности и права наследования – такой был обозначен путь раскрепощения. А фабрики и заводы, высокотехнологичное производство должны работать на пользу всего общества, на развитие человечества, на всеобщую справедливость. По пути такого низложения прав пошли в нашей стране в начале XX в., поставив глобальный социальный эксперимент и создав могучее социалистическое государство, сначала (по Конституции) рабочих и крестьян, затем – общенародное. С честью и достоинством выстояв в войнах, пережив голод, блокады, репрессии, Советский Союз, увы, распался под давлением более комфортной, сытой обыденности цивилизованного Запада, что стало ярким подтверждением того, что для современного общества (обывателя) является главным, приоритетным, что определяет политику в мире….

Таким образом, традиция отечественного классического анархизма существенно отличается от современных европейских подходов в отношении к науке и научно-технической революции и ее последствиям для существования и развития социума. Если русские классики анархизма видели в достижениях науки и техники перспективы всеобщего освобождения и прогресса, довольства для всех, то нынешние западные анархистские теории зачастую отождествляют НТР с разрушением природного начала – основы общественного благосостояния, а отсюда – неотвратимость коллапса самоуничтожения цивилизации. Противостоять этому, по мнению авторов этих теорий, можно лишь энергично атакуя техно-индустриальную систему и игнорируя, по возможности, научно-технические достижения[31]. Но, наверное, тем и отличается русский человек от западного, что, тщательно рассмотрев все возможные варианты, выбирает свой – уникальный, ни на что непохожий, – путь движения вперед.

---

[1] MY Призрак луддитов. [М.,] 2012. С. 7, 10–11.

[2] Если исходить из хронологического принципа, логично было бы поставить Толстого (1828–1910) между Бакуниным (1814–1876) и Кропоткиным (1842–1921). Однако христианские непротивленческие взгляды первого существенно отличаются от анархистских взглядов остальных. Причем Кропоткин всегда считал себя продолжателем идей Бакунина.

[3] *Бакунин М. А.* Избр. соч.: в 5 т. Пб.; М., 1920. Т. 3. С. 130, 156, 159.

[4] Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. Женева, 1896. С. 482.

[5] *Бакунин М. А.* Анархия и порядок. М., 2000. С. 355.

[6] Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. С. 468.

[7] *Бакунин М. А.* Анархия и порядок. С. 355.

[8] *Бакунин М. А.* Философия. Социология. Политика. М., 1989. С. 144, 25, 436.

[9] *Кропоткин П. А.* Поля, фабрики и мастерские: Промышленность, соединенная с земледелием, и умственный труд с ручным. Пб.; М., 1921. С. 221.

[10] *Кропоткин П. А.* Хлеб и воля. Пг.; М., 1919. С. 23, 26.

[11] *Кропоткин П. А.* Поля, фабрики и мастерские. С. 43.

[12] *Кропоткин П. А.* Хлеб и воля. С. 143

[13] *Кропоткин П. А.* Поля, фабрики и мастерские. С. 221.

[14] Там же. С. 234.

[15] *Кропоткин П. А.* Избр. труды. М., 2010. С. 230, 237.

[16] Там же. С. 467–469.

[17] Там же. С. 221–222, 473, 469.

[18] *Кропоткин П. А.* Анархия: Сб.; М., 2002. С. 428, 118.

[19] *Кропоткин П. А.* Поля, фабрики и мастерские. С. 6.

[20] *Кропоткин П. А.* Избр. труды. С. 236–237, 450.

[21] Там же. С. 607.

[22] Важно заметить, что сам себя русский классик к идеологам анархизма не относил. Сочувственно относясь к П. А. Кропоткину и его взглядам, тем не менее видел в анархической практике много негативных черт, в первую, очередь, – допущение насилия над человеком.

[23] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. М., 1928–1958. Т. 30. С. 238–239.

[24] В рукописи как вариант: «совсем-совсем не нужны».

[25] *Толстой Л. Н.* Указ. соч. Т. 90. С. 140.

[26] Там же. Т. 40. С. 428.

[27] *Кропоткин П. А.* Избр. труды. С. 618–619.

[28] Там же. С. 621.

[29] С большой буквы. Так в тексте. – *П. Т.*

[30] Там же. С. 622.

[31] См., напр.: *Качинский Т.* Корабль дураков. Атакуйте болевые точки системы. [М., 2012].

Пудовкин С. В.

Социально-психологические аспекты в деятельности народнических групп 1870-1890-х гг. (на примере народнических организаций Тамбовской губернии)

Народничество, как массовое общественное движение, представляет собой удобный объект для исследования его психолого-социологических особенностей. Ведь в реальной жизни действуют не бездушные носители идей, а живые люди, обуреваемые страстями, обладающие специфическими личностными особенностями[1]. Человеческая деятельность основана на взаимодействии и борьбе порой противоположных устремлений, чувств и эмоций.

Изучение народничества на данном этапе развития исторической науки практически невозможно без использования социально-психологических методов исследования. Применение последних помогает выявить внутренние процессы формирования народнических групп и обществ, объяснить мотивационные и этические аспекты, особенности поведения, социализации, иерархичность и т.п. Социально-психологический анализ позволяет преодолеть также невнимание к общим особенностям эпохи 1870–1880-х гг., рассмотреть индивидуальное и типичное в истории, психологическую составляющую в историческом развитии общества, отобразить своеобразие, неповторимость, собственное лицо, колорит минувшей эпохи[2].

В советское время исследователи не уделяли должного внимания индивидуально-психологическим особенностям народнических групп и обществ, рассматриваемых с позиций устоявшихся марксистских социологических схем. Только в 1980-е гг. появляются первые работы, где предприняты попытки описать отдельные особенности психологии революционеров 1870-х гг.[3]. Внимания заслуживает диссертация Н. В. Джакуповой, где автор на основе народнических мемуаров выявляет особенности психологии революционеров 1870-х гг., а также предлагает методологию социально-психологического изучения малых групп[4].

В 1990-е гг. попытку обрисовать народническую среду, ее внутренний быт, ценности, традиции и эволюцию предпринял С. В. Калинчук[5]. Особенности мотивации и механизмов поведения революционеров в своих работах затрагивали также Д. Чернышевский,

А. Худолеев и Е. Щербакова[6]. В целом же изучение психологических особенностей народнических кружков и групп еще предстоит историкам. В связи с этим важно выявить психолого-социологические характеристики отдельных провинциальных объединений, которые все вместе составляли общность народничества. При этом подчеркнем, что локализация данного исследования позволяет наиболее полезно использовать социально-психологические методы, которые являются нередко необъективными при расширенной зоне охвата революционного движения.

В последние годы народничество с подачи западных исследователей[7] понимается как особая культурно-психологическая среда, молодежная «субкультура», обладающая своими ценностями, этикой, психологией, особой системой межличностных взаимоотношений и поведения[8]. Психологическая школа в исследовании русского радикального движения имеет за рубежом большое влияние. Отмечая приоритет социальных особенностей народнических групп над их классовыми корнями, западные исследователи все же порой неоправданно занижают самодостаточность и завершенность народнической доктрины[9] и сводят все развитие движения к психологическим особенностям отдельных личностей[10]. Вместе с тем, нельзя не согласиться, что изучение народничества с применением психологических методов обогащает историческое исследование.

В современной науке с понятием субкультура сталкиваются чаще социологи и культурологи. Обычно исторической точкой отсчета в исследовании субкультур обозначают рубеж 1950–1960-х гг. и появление протестных молодежных движений на Западе[11]. Субкультура как явление имеет множество определений и подходов к изучению. Наиболее приемлемо в рамках нашего исследования считать субкультурой систему ценностей, установок, моделей поведения, жизненного стиля какой-либо социальной группы, представляющей собой самостоятельное целостное образование в рамках доминирующей культуры[12]. Современные исследователи среди составляющих и признаков субкультуры выделяют: знание или картину мира в узком смысле, ценности, стиль, образ жизни и набор социальных ролей и статусов, социальные институты как системы норм, процедурное знание, включающее в себя навыки, умения и методы, а также потребности и склонности[13].

Попытаемся применить критерии субкультуры к конкретным проявлениям народнического движения, считая отправной точкой в

исследовании единичную общность народников (в данном случае тамбовский кружок середины 1870-х гг.).

Картина мира представляет собой всю совокупность представлений индивида об окружающей действительности, то есть ориентацию в жизненном пространстве. Для народника на основе художественной и публицистической литературы сформировалась определенная парадигма восприятия мира, в центре которой угнетаемый народ, несправедливость общественных отношений, ущербность капитализма, приоритет социалистических идеалов.

Систему ценностей народников определяла идея любви и поклонения народу, его традициям и культуре. Отсюда вытекало желание приобщения к народной жизни путем пренебрежения к деньгам, богатству, скромности в еде, одежде, быте. На определенном этапе развития народнического движения можно выделить стремление к «опрощению», или наоборот желание получить образование для более успешной реализации намеченного социалистического идеала и т.п.

Стиль и образ жизни – одни из главных показателей субкультуры, наиболее наглядно идентифицирующие ее представителя. Сюда относятся такие категории общественного поведения народников как «отщепенство», оппозиционность, критика существующего государственного устройства. Стиль и образ жизни находят свое воплощение в одежде и внешнем виде. Для народнической молодежи середины 1870-х гг. было характерно ношение бород, длинных волос, следование народным традициям в одежде и т.п.

Обязательным критерием субкультуры является наличие социальных институтов как системы норм. В данном случае к подобным проявлениям социализации можно отнести народнический кружок, объединение, организацию. Общность социалистов выступает с одной стороны как формальная организация, часто имеющая устав, но с другой стороны чаще как неформальное объединение, сплоченное харизмой лидеров.

К процедурному знанию относится то знание, которое необходимо для выполнения определенного набора социальных ролей в рамках субкультуры[14]. Для народника-пропагандиста середины 1870-х гг. было важно знание конкретных социалистических теорий, специальной пропагандистской литературы, набора методов и способов пропаганды и т.п.

Среди потребностей и склонностей члена народнической общности выделим стремление к самоутверждению, общению, саморазви-

тию. Но главной являлась все же потребность быть полезным обществу и конкретно народу, вытекающая из идеи вины русской интеллигенции перед народом. Этот посыл был главным стержнем народнической идеологии, изначально развивавшейся в мирном созидательном духе.

В итоге отдельный народнический кружок и движение в целом на определенном временном этапе имели характер субкультуры. Наиболее наглядно это проявилось в середине 1870-х гг., начиная с «хождения в народ». При этом надо понимать, что субкультура постоянно менялась, претерпевала эволюцию, другими словами не была застывшей формой общественной консолидации. Принадлежность к субкультуре носила временный характер. По мнению западных ученых Т. Парсонса и В. Тэрнера, маргинализация и оппозиционность молодежи носит временное состояние, связанное с периодом перехода с одной социальной позиции на другую[15]. В итоге протест заканчивается встраиванием нового поколения в существующую социальную структуру с последующим ее воспроизводством. Для народников середины 1870-х гг. это было особенно характерно. Большинство участников тамбовского кружка быстро отошли от народнических идей и стали впоследствии апологетами официальной культуры (например, А. И. Фаресов).

В 1880–1890-е гг. народническая субкультура развивалась на основе изменений, происходивших как в обществе, так и народническом движении в целом. Постепенно трансформировались основные составляющие субкультуры. Восприятие окружающей действительности отталкивалось уже не от идеалистических представлений о русском народе и его социалистических возможностях, а нередко от неизбежности развития в России капитализма («теория малых дел»).

Серьезные изменения произошли в ценностных ориентирах народников. Деятели 1880-х гг. уже осознали необходимость образования, были не так трепетны к идеям пренебрежения к богатству, которые культивировались их предшественниками в середине 1870-х гг. В 1880-х гг. уже не так ярко выражена внешняя атрибутика народников (внешность, одежда).

Главный социальный институт субкультуры – народнический кружок – эволюционирует в сторону политического клуба, членами которого являются как народники, так и представители либерально-настроенных кругов дворянства и чиновничества. Это особенно заметно в провинциальных городах, таких как Тамбов. Пропагандист-

ская деятельность в народе в 1880-е практически сходит на нет. Члены народнических кружков распространяют свои идеи или среди постоянно увеличивающегося «третьего элемента» или предпринимают попытки пропаганды среди рабочих. Даже знаковая для движения идея долга интеллигенции перед народом претерпевает новое истолкование в трудах И. И. Каблица.

Но один из главных стержней народничества – потребность быть полезным народу – по-прежнему живет в сердцах народников и воплощается в начале 1890-х гг. во «втором хождении в народ»[16], пусть уже и на другой теоретической платформе. Таким образом, народническая субкультура, сформировавшаяся к середине 1870-х гг., в 1880–1890-е гг. заметно угасает, но в то же самое время сохраняет свои основные элементы, воплотившиеся в подпольной культуре начала XX в.

Перейдем теперь к характеристике конкретных психологических особенностей отдельного народнического коллектива. Народнический кружок с точки зрения психологов представляет собой малую группу с непосредственными личными контактами между всеми ее членами, сложившимися эмоциональными отношениями, групповыми ценностями, установками, нормами и правилами поведения. Н. В. Джакупова попыталась построить предварительную модель социально-психологического изучения малых групп. Она отметила три основные особенности, характерные для объединений революционеров: приоритет субъективного фактора в организации группы, замкнутость, полузакрытость в ее функционировании, а также определенный набор функций, как в развитии идеологии, так и в жизни образующих ее индивидов[17].

Развивая указанные особенности, Джакупова выделяет еще ряд характерных черт, свойственных революционным общностям. Одна из таких – высокая мотивация в формировании революционной группы[18]. Другими словами, достижение социалистических целей превалировало над любыми личностными устремлениями. Высокой личной и групповой мотивации соответствует также «глубокая» вера народников в народ и его возможности. «Именно в понятии “народ” сконцентрировалось все, что искала народническая интеллигенция: потребность в нравственном очищении, в растворении личного в надличном, в служении ближнему, с одной стороны, и глубокая вера в торжество социально справедливости начал “общинного” социализма – с другой», – отмечает В. Г. Хорос[19]. Вера в народ

стала фундаментом народничества, своеобразной религиозной основой движения. В. Г. Короленко писал: «Народничество внесло в наше поколение то, чего недоставало “мыслящим реалистам” предыдущего: оно вносило веру не в один формулы, не в одни отвлеченности. Оно давало стремлениям некоторую широкую, жизненную основу…»[20]. При этом вера в народ была не беспочвенна, а носила характер одностороннего преувеличения социалистами реальных черт, народного быта, сознания, истории[21].

Для народнических групп ведущим видом деятельности была революционная[22], которая обуславливала и особенности межличностного общения в революционной среде. Личностное (эмоциональное) общение зависело от межличностного делового общения[23]. На примере тамбовского кружка периода «хождения в народ» видно, что совместная деятельность его членов, направленная на создание рабочей артели, определяла личностные отношения между ними. Соответственно личностное общение Н. С. Никифорова и Г. П. Сазонова с артельщиком С. И. Аревым зависело от задачи устроить рабочую ассоциацию.

Совместная революционная деятельность всегда подразумевает наличие отношений симпатии и антипатии. Как полагает Н. В. Джакупова, «отношения антипатии в таких общностях исключаются на том основании, что революционная борьба приобрела для всех субъектов данной общности революционный смысл»[24]. Но такой вывод не всегда оправдан, так как нередко общность революционной деятельности не исключает личностную неприязнь. Это довольно наглядно проявляется в жизнедеятельности тамбовского народнического кружка и во взаимодействиях его членов. В период «хождения в народ» в среде тамбовских социалистов было известно противостояние Г. П. Сазонова и А. И. Фаресова, претендовавших на роль лидеров в кругу местных народников. Причем «соперничество» Сазонова и Фаресова в теоретическом и идеологическом плане было в большей мере вызвано конфликтами на «любовном фронте» – оба они ухаживали за одной и той же девушкой.

Еще более показателен пример отношений в том же кружке в период существования тамбовского поселения. Тамбовские жандармы были хорошо осведомлены о «дурных» отношениях между членами кружка Ф. М. Снегиревым и А. И. Прозоровским, а также конфликтах между первым и С. А. Петровым[25]. С другой стороны все

вышеперечисленные лица принимали участие в общих сходках и собраниях, проходивших на квартире у Ф. М. Снегирева осенью 1878 г. Таким образом, деловые отношения членов революционной группы не затмевали собой товарищеские отношения, построенные на эмоциях и симпатии, а лишь иногда были интегрирующим фактором во взаимодействиях социалистов.

Субъективный фактор в организации революционного кружка наглядно проявлялся в харизме его лидеров, своим авторитетом притягивающих новых «сторонников» социализма, хотя степень вовлеченности последних в революционное движение была иногда незначительной. В. Г. Хорос полагает, что «подражание радикалам, присоединение к ним, приобщение к революционному движению в значительной степени стимулировалось тем, что можно назвать «романтикой подполья»[26].

Характерный пример тамбовского социалиста, имевшего сильное влияние в кругах гимназической молодежи Тамбова в 1870-е и 1880-е гг. – Аполлон Иванович Прозоровский. Начальник Тамбовского ГЖУ, полковник Поливанов, характеризует Прозоровского как «самонадеянного и самолюбивого человека», имеющего влияние на учащуюся молодежь в Тамбове, в особенности на девочек, которые смотрят на него как на «страдающего за правое дело»[27]. Свой авторитет Прозоровский приобрел не только участием в процессе «193-х», но и работой корреспондентом некоторых центральных газет. Плоды влияния Аполлона Ивановича на тамбовскую молодежь жандармы отмечали даже в середине 1880-х гг. Вместе с тем, необходимо отметить и его личные качества, которые в немалой степени способствовали установлению положительного контакта с молодежью. Чтобы оградить местных гимназистов от «вредного» влияния Прозоровского, начальник тамбовских жандармов полагал полезным разрешить ему продолжить образование в Харьковском ветеринарном институте, где «он в силу своего невысокого умственного развития не будет иметь влияние на студентов»[28].

Харизматичность, способность находить контакт в общении с разными людьми влияли на конкретную пропагандистскую деятельность и способствовали успеху или неудаче в распространении социалистических идей. Открытость и общительность помогали достичь доверия крестьян, обеспечивали их расположение и симпатии[29]. Личные качества непосредственно влияли и на формы рево-

люционной деятельности. Как вспоминал И. Г. Ширяев, «каждый социалист занимался пропагандой по-своему: кто-то действовал осторожно, кто-то – “на ура!”»[30].

Замкнутый, полузакрытый характер кружковых объединений менялся с течением времени и зависел от внешних условий. Так в период «хождения в народ» практически любой представитель тамбовской учащейся молодежи мог влиться в ряды социалистов, стать элементом новой субкультуры. В первой половине 1870-х гг. восприятие народничества как «модного» поветрия в глазах молодежи еще не наткнулось на жесткое сопротивление полиции и властей. Со временем результаты нескольких судебных процессов (прежде всего «193-х»), а также усилившееся преследование правительства способствовали превращению объединений народников в полузакрытые организации, со своей структурой и уставом.

В 1880-е гг. народнические группы подвергались жесткому контролю со стороны властей. Сыскной государственный аппарат достиг больших успехов, практически в каждом кружке у жандармов действовали осведомители и шпионы. Тамбовский кружок середины 1880-х гг. не представлял собой единой организации и по степени открытости походил чем-то на своего предшественника десятилетней давности. В сходках участвовали как «замеченные в неблагонадежности», так и гимназисты, либерально настроенные чиновники, земские деятели, сочувствующие народникам представители интеллигенции. К тому же жандармы были хорошо осведомлены не только обо всех членах тамбовской группы, но и об их деятельности. В итоге наиболее закрытая и законспирированная организация у тамбовских народников была в период существования поселения – в 1878–1879 гг.

Ячейками субкультуры народничества были не только кружковые объединения, но и более малые по размерам «общие квартиры». Последние являлись «своего рода перевалочными пунктами в странствиях неприкаянного студенчества и одновременно центрами молодежного общения «семидесятников»[31]. Студенты или гимназисты, проживая в городе, совместно снимали жилье, которое и становилась феноменом «общей квартиры». Так в Тамбове в 1873 г. вместе жили Г. П. Сазонов, Н. К. Кульчицкий, В. М. Бурцев и А. Гребенников[32]. У них на квартире часто собирались представители молодежи, обсуждавшие различные вопросы, в том числе и касавшиеся

идеологии социализма. Л. Г. Дейч в своих воспоминаниях писал, что в такие квартиры заходили «без всякого дела, а лишь затем, чтобы узнать новости и вообще побеседовать»[33]. В итоге именно на основе «общей квартиры» часто формировались народнические кружки. Тамбовский народнический кружок как раз пример такого рода.

Молодые революционеры воспринимали мир через призму субкультуры, частью которой они были. Причем, как отмечает С. В. Калинчук, народники, «чувствовали себя носителями не столько определенной политической программы, сколько творцами новой культуры и соответствующим образом стремились организовать свой быт»[34]. У новой субкультуры развивалась своя система ценностей, поведения, внешнего вида. Характерен пример А. И. Фаресова: «…он ходил всегда с огромной дубиной, с молотком, чтобы “истреблять врагов народа”, и говорил самые бунтовские речи»[35]. Интересно, что уже через несколько лет Фаресов резко сменил имидж и за свою «благолепную внешность», напоминавшую модель для суздальского богомаза, получил прозвище – «икона»[36]. Другой тамбовский народник, Г. П. Сазонов, сказал однажды В. И. Дмитриевой, что ненавидит гимназию и с удовольствием бы ее «сжег до основания»[37]. Уже в 1880-е гг. И. Д. Болдин заявлял, что «его стесняют распоряжения полиции» и намеревался «бить полицмейстера и губернатора на улице»[38].

Таким образом, причастность к субкультуре народничества порождала состояние неприкаянности, «отщепенства», противопоставления ценностей новой культуры устоявшимся традициям общества. «Неудовлетворенность, нетерпение и нетерпимость становились спутниками нового человека», – пишет Е. А. Щербакова[39]. В поведении Фаресова, Болдина и Сазонова наглядно проявились свойственные молодости радикализм, стремление быстро разрешить сложные общественные вопросы. Таким образом, презрение к традиционным ценностям, на наш взгляд, было свойственно не только бакунистам, но и в целом всей молодежной субкультуре.

В революционной среде 1870-х гг. были заметны идеи разрыва с системой высшего образования (или образования вообще), которое считалось символом привилегированного общественного положения. Часто, давая объяснение этому явлению, в историографии используют термин «опрощение», то есть приобщение к народной жизни путем разрыва с нормами городской жизни. Т. В. Цымрина считает,

что стремление к «опрощению» было свойственно только тем, кого Н. К. Михайловский назвал «кающимися дворянами». Представители же других слоев общества стремились к знаниям и не хотели возвращаться в прежнее состояние[40]. В итоге Цымрина приходит к заключению, что идеи «опрощения» были «свойственны только самым молодым участникам «хождения в народ», не состоявшим ни в каких организациях и в большинстве своем отошедших от революционного движения после первых неудач»[41]. С. В. Калинчук рассматривает «опрощение» (или «сожжение за собой кораблей») как явление, характерное прежде всего для бакунистов-бунтарей и вытекающее из новых ценностных установок молодежной субкультуры, направленных на презрение традиционных ценностей.

На наш взгляд, стремление к «опрощению» не всегда зависело от идейной направленности и общественного положения народников. Большое влияние на разрыв с традиционной системой образования оказывали конкретные условия формирования личности социалиста, среда его общения и проживания. В итоге идеи «опрощения» были явлением «временным», свойственным определенному этапу развития новой молодежной субкультуры. Так, Г. П. Сазонов еще в 1874 году негативно отзывался о системе образования вообще и о Тамбовской гимназии в частности[42] (он был дважды исключен из гимназий – Воронежской и Тамбовской). Но впоследствии Сазонов окончил Юридический факультет Петербургского университета[43]. Фаресов и Кульчицкий даже предлагали своей знакомой Е. И. Понятовской деньги для поступления в Медико-Хирургическую академию. Из показаний Понятовской видно, что члены тамбовского кружка отмечали пользу образования для дальнейшей пропагандистской деятельности[44].

У большинства тамбовских народников было заметно стремление к получению образования, причем, как правило, высшего. А. И. Прозоровский, находясь под надзором полиции в Тамбове во второй половине 1870-х гг. неоднократно просил губернатора разрешить ему продолжить образование в Харьковском ветеринарном институте. Причем, как видно из аттестационных списков, Прозоровский считался старательным и способным слушателем[45].

Таким образом, во время массового движения в народ идеи «опрощения» проявились наиболее ярко, хотя в целом они были не свойственны молодежной субкультуре народничества. В 1880-е гг.

молодежь осознавала необходимость образования и к идее «опрощения» уже не возвращалась.

Народническая среда, как и любая общность, имела свою иерархию. В период «хождения в народ» она была формальна, так как еще свежи были в памяти отголоски деятельности Нечаева и его «Народной расправы». «При одном лишь упоминании об «организации», а тем более «централистической», многим из нас уже рисовалась мистификация Нечаева», – вспоминал Л. Г. Дейч[46]. Иерархичность в основном базировалась на индивидуально-психологических особенностях конкретных личностей, их харизме, лидерских качествах. Здесь на первое место выходила способность приобщить к идеям социализма других людей, повести их за собой. Авторитет, приобретенный в такой среде в первое время, обеспечивал влияние человеку на всем протяжении его революционной деятельности. Здесь показателен пример А. И. Прозоровского, пользовавшегося значительным влиянием в кругах тамбовской молодежи все 1870-е гг. В итоге, неформальный характер иерархической структуры народнической среды периода массового движения в народ выдвинул в свою очередь категорию деятелей, заслуживших авторитет и признание.

Дальнейшее развитие народнического движения привело к образованию централизованных политических организаций, имевших устав, определенную структуру, согласованную программу действий. Соответственно лидерство в подобных объединениях приобретало формальный статус. Теперь значение имело членство в центральных организациях, определявших программу и направление деятельности (например, «основной кружок» «Земли и воли», «Исполнительный комитет» «Народной воли»). Как отмечает С. В. Калинчук, «новое состояние подпольной субкультуры требовало нового типа людей – теоретиков и практиков организаторов, а привычки, образ жизни, круг ценностей “семидесятника” нимало не соответствовали этим потребностям времени». При этом историк неоправданно считает «семидесятников» лишь носителями деструктивного начала, отождествляя их с бакунистами. Но главное, он показывает, что во второй половине 1870-х гг. в народническом движении происходит смена элит, которая на первый план выдвигает умных, талантливых, убежденных, образованных, преданных делу людей[47]. Происходят перемены в психологии народнических деятелей. От негативного отношения к организации и централистским принципам

наметился переход к партийности, организационной устойчивости, четким программным установкам.

И все же сведение эволюции народнического движения к определенным схемам выглядит несколько искусственно. Анализ развития народнических групп и обществ, в том числе провинциальных, показывает, что подпольные «элиты» оставались часто неизменными, трансформируясь лишь в связи с арестами и необходимостью скрываться от преследования жандармов.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что лидер тамбовских социалистов М. В. Девель был народником «нового типа». Он не вполне типичен для образа социалиста середины 1870-х гг.: земский деятель, занимавший стабильное легальное положение. О какой-либо революционной деятельности Девеля до 1878 г. нам неизвестно[48]. Именно блестящие организаторские способности позволили ему выдвинуться в лидеры тамбовских социалистов. Таким образом, относя Девеля к деятелям 1870-х гг. «второй волны», нельзя абсолютизировать приоритет какого-либо одного фактора в трансформации народнического движения, его идеологии и практики.

«Смена элит» не имела определяющих последствий для тамбовских социалистов. Кроме Девеля, во второй половине 1870-х да и в 1880-е гг. в среде тамбовских народников не появилось личности (за исключением М. С. Яковлева), претендующей на лидерство и не проявившей себя ранее. Фактически менялись не люди, а психология, ценностные и мировоззренческие установки уже устоявшихся членов субкультуры. Большое влияние на это оказывали не только идеологические перемены, но и усилившееся преследование со стороны власти. После отъезда из Тамбова в конце 1870-х гг. лидеров тамбовского кружка (Девель, Никифоров, Прозоровский, Снегирев) трансформировалась соответственно и элита тамбовских народников. Причем это изменение произошло не путем вызревания новых кадров, а приходом на место арестованных и сосланных лидеров рядовых членов.

Важным показателем, характеризующим психологический климат и степень межличностных отношений в революционном кружке, является уровень групповой сплоченности. Он рассматривается как важнейшее качество группы, один из центральных показателей развития коллектива, позволяющий выявить межличностную взаимоприемлимость, сходство мнений и установок[49]. Н. В. Джакупова предприняла попытку выявить уровень групповой сплоченности в

революционных общностях 1870-х гг. на основе количественного подсчета скрытой в мемуарах и воспоминаниях народников информации[50]. Но в целом ее подход отличается схематизмом и страдает наличием большой погрешности в полученных результатах.

Групповая сплоченность тамбовских социалистов 1870-х гг. наглядно проявляется путем сравнения двух периодов деятельности тамбовского объединения народников – 1874 г. (массовое «хождение в народ») и 1878–1879 гг. (время существования тамбовского поселения). В 1874 г. степень вовлеченности в революционное движение была различной, причем для значительной части тамбовских социалистов народничество представляло собой скорее модное поветрие, чем осознанный выбор. Во второй половине 1870-х гг., когда преследование правительством инакомыслия особенно усилилось, в народническом движении уже было меньше «случайных» людей. Состав тамбовского кружка с течением времени, конечно, менялся, но основной костяк, лидеры оставались неизменными. Следовательно, возможность идейной, теоретической и практической трансформации была низкой. В период 1878–1879 гг. резко усилилась конспирация тамбовских социалистов. Собрания членов кружка были уже конкретно направлены на обсуждение отдельных элементов программы. Вместе с тем острота конфликтов в среде тамбовских народников в конце 1870-х гг. была выше, чем в 1874 г. (например, неприязнь Снегирева и Прозоровского). Но это обстоятельство не оказывало разлагающего внимания на кружковцев, отношения между которыми часто носили характер взаимопомощи (например, помощь Девеля супругам Никифоровым)[51].

Таким образом, приведенные выше доводы, позволяют утверждать, что уровень сплоченности тамбовского кружка социалистов возрастал на протяжении 1874–1879 гг. Говорить же о сплоченности тамбовского кружка после 1879 г. сложно, так как он фактически на время прекратил активную деятельность. При этом тамбовские жандармы отмечали в 1880 г., что «после дознания все эти лица (кружковцы, за исключением арестованных. – *П. С.*) сблизились между собой еще более и почти не скрывают своего сближения»[52]. Что касается мнения Джакуповой о спаде уровня сплоченности в народовольческий период, то оно вызвано по большей мере идеологическими установками автора и не отражает реального развития революционного движения.

Тамбовский кружок середины 1880-х гг. имел немало сходств с организацией десятилетней давности, среди которых нечеткость идеологических принципов и программных установок, нестабильность структуры группы. Но отсутствие мемуарных источников не дает исследователям возможности провести детальное сравнение тамбовских народнических кружков середины и конца 1870-х и середины 1880-х гг. Можно лишь предположить, что тамбовская организация 1878–1879 гг. была наиболее сплоченной и целеустремленной, так как опиралась на прописанную программу и имела внутреннюю (Девель) и внешнюю (землевольцы-поселенцы) поддержку.

В 1990-е гг. историки пытались объяснить мотивацию и механизмы поведения революционеров на основе теории З. Фрейда. Д. Чернышевский, применяя отдельные положения психоанализа, проанализировал деятельность революционеров второй половины XIX века[53]. Считая социализм в целом негативным мировоззрением, Чернышевский обвиняет революционеров в духовной некрофилии и патологических бессознательных отклонениях, выраженных в форме «эдипова комплекса»[54]. Тем самым он подчеркивает роль биологического фактора в истории и, по мнению А. Н. Худолеева, упрощает сложную социально-психологическую проблему[55]. Чернышевский сводит жизненную активность, радикализм и революционность к проявлениям психологических патологий и отклонений отдельных деятелей. Основная же масса кружков, состоящая из «вполне обыденных людей, без отклонений», по мнению Чернышевского «была заражена активистами по законам массовой психологии»[56].

В работе Худолеева справедливо отмечается, что «трансформация ценностных ориентаций и психологических установок в определенные моменты исторического времени не зависит от внутренних психопатических отклонений…»[57]. Другими словами, приобщение к ценностям новой субкультуры, радикализм в поведении зависят от индивидуальных особенностей личности и факторов, влиявших на ее формирование. Так, Г. П. Сазонов проявлял желание сжечь гимназию из-за постоянных конфликтов с гимназическим начальством. Сюда же можно отнести и «революционность» Фаресова периода «хождения в народ». Но говорить о психических отклонениях как указанных, так и других тамбовских народников не приходится.

Отдельная общность революционеров, представляющая собой ячейку субкультуры народничества, на протяжении 1870–1880-х гг.

постоянно развивалась. В социально-психологическом плане она претерпевала изменения не путем роста и спада (данное объяснение было свойственно советской исторической науке, которая сводила развитие освободительного движения к восходящей и нисходящей стадиям), а посредством эволюции, как отдельных элементов, так и целых групп.

Народническая среда 1870-х гг. представляла собой сложную модель психологического взаимодействия людей, ее составляющих. Каждый социалист, помимо определенных психологических и мировоззренческих характеристик, свойственных народнической группе, оставался, прежде всего, человеком, не свободным от предрассудков, стереотипов, комплексов, привычек, которые вырабатывались под воздействием воспитания и образования и часто зависели от происхождения. Возрастные психологические особенности личности также оказывали воздействие на социально-психологический облик народнической среды. Но став элементом субкультуры, человек откликался на внешние и внутренние события через призму этой культуры.

Народническая психолого-социологическая реальность 1870-х гг. сохранила свои основные особенности и в последующее десятилетие, но вместе с тем, претерпела и существенную эволюцию. Кризис народнической идеологии, выход на сцену марксистов, социально-экономические изменения 1880-х начала 1890-х гг. ознаменовали собой угасание народнической субкультуры и депрессию в движении в целом. Но, вместе с тем, именно на основе народнической субкультуры 1870–1880-х гг. формировалась особая подпольная культура, ставшая в последствие одной из главных особенностей российского освободительного движения. Отдельные элементы психологии народников были свойственны как эсерам, так и марксистам.

---

[1] *Калинчук С. В.* Психологический фактор в деятельности «Земли и воли» 1870-х гг. // Вопросы истории. 1999. № 3. С. 46.

[2] *Королев А. А.* Историческая психология: некоторые вопросы теории и методологии. [Электронный ресурс]. URL: (http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/professor.ru/korolev).

[3] См.: *Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г.* Революционная традиция в России. М., 1986. С. 226–241.

[4] *Джакупова Н. В.* Мемуары народников как источник для изучения социальной психологии революционеров-семидесятников: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1986.

[5] *Калинчук С. В.* Указ. соч.

[6] *Чернышевский Д.* Революционное движение в России с точки зрения психоанализа // Волга. 1994. № 5–6. С. 133–145; *Худолеев А. Н.* Социально-психологические аспекты в формировании мировоззрения П. Н. Ткачева [Электронный ресурс]. URL: (http://www.sciteclibrary.ru/rus/catalog/pages/7186.htm); *Щербакова Е. А.* «Отщепенцы». Путь к терроризму (60–80-е гг.) XIX века. М., 2008.

[7] «Психологическое» понимание народничества в западной историографии сложилось еще в 1950–1960-е гг. См.: *Маслин М. А.* Критика современных буржуазных интерпретаций идеологии народничества. М., 1977. С. 14.

[8] В западной историографии одним из первых применил понятие «субкультуры» к русским народническим группам американский историк Дэниэл Брауэр. См.: *Brower D.* Training the Nihilists. N.Y., 1975. P. 36.

[9] *Маслин М. А.* Указ. соч. С. 13.

[10] *Лейкина-Свирская В. Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. С. 324–325.

[11] *Мастерова Ю. И.* Молодежные субкультуры как средство политической социализации [Электронный ресурс]. URL: (http://www.jurnal.org/articles/2009/polit5.html).

[12] *Глушкова О. Н.* Теоретические аспекты анализа субкультуры // Архитектон. 2009. № 26. Приложение. [Электронный ресурс]. URL: (http://archvuz.-ru/numbers/2009_22).

[13] *Слюсаревский Н. Н.* Субкультура как объект исследования // Социология: теория, методы, маркетинг. 2002. № 3. С. 122.

[14] Там же. С. 124.

[15] См.: *Омельченко Е.* Субкультуры и культурные стратегии на молодежной сцене конца XX века: кто кого? // Неприкосновенный запас. 2004. № 36. С. 20.

[16] См.: *Мокшин Г. Н.* Проблемы периодизации истории легального народничества // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 294.

[17] *Джакупова Н. В.* Мемуары народников как источник для изучения социальной психологии революционеров-семидесятников. С. 8–9.

[18] *Джакупова Н. В.* Мемуары как источник для изучения организационной сплоченности революционеров 1870-х гг. // История СССР. 1984. № 1. С. 89.

[19] *Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г.* Указ. соч. С. 238.

[20] *Короленко В. Г.* История моего современника. М., 1990. Т. 1. С. 454.

[21] *Мокшин Г. Н.* Концепция «народа» в социально-революционной доктрине русского народничества // Вестник ВГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2005. № 1. С. 365.

[22] В данном случае термин «революционная» используется широко и подразумевает весь спектр пропагандистской деятельности в рамках народнической группы.

[23] *Джакупова Н. В.* Мемуары как источник для изучения организационной сплоченности революционеров 1870-х гг. С. 90.

[24] Там же.

[25] ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2962. Л. 59 об.

[26] *Пантин И. К., Плимак И. К., Хорос В. Г.* Указ. соч. С. 240.
[27] ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2816. Л. 17–18.
[28] Там же. Л. 17 об.
[29] *Попов М. Р.* «Земля и воля» накануне воронежского съезда // Былое. 1906. № 8. С. 27.
[30] Революционное народничество 1870-х гг.: Сб. документов: в 2 т. М., 1965. Т. 1. С. 93.
[31] *Калинчук С. В.* Указ. соч. С. 47.
[32] ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 271. Л. 88.
[33] *Дейч Л. Г.* Г. В. Плеханов. Материалы для биографии. Вып. 1. М., 1922. С. 23.
[34] *Калинчук С. В.* Указ. соч. С. 47.
[35] *Дмитриева В. И.* Указ. соч. С. 67.
[36] *Анзимиров В. А.* Крамольники. М., 1907. С. 138.
[37] Там же.
[38] ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3305. Л. 6. Жандармы объясняли такое поведения И. Болдина несогласием с распоряжением губернатора о запрете Тушинской посещать Тригуляев монастырь.
[39] *Щербакова Е. А.* Указ. соч. С. 96.
[40] *Цымрина Т. В.* Софья Перовская. Политический портрет. Таганрог, 2006. С. 58.
[41] Там же. С. 84.
[42] *Дмитриева В. И.* Указ. соч. С. 67.
[43] Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1900. Т. 28. С. 72.
[44] ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 272. Л. 54 об.
[45] ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2816. Л. 10, 16, 22–24.
[46] *Калинчук С. В.* Указ. соч. С. 49.
[47] Там же. С. 51.
[48] *Пудовкин С. В.* М. В. Девель – организатор тамбовского поселения народников // 14 Державинские чтения. Академия гуманитарного и социального образования: материалы Общерос. науч. конф. Тамбов, 2009. С. 157.
[49] *Донцов А. И.* Методологические проблемы исследования групповой сплоченности // Социологические исследования. 1975. № 2. С. 43, 47.
[50] *Джакупова Н. В.* Мемуары как источник для изучения организационной сплоченности революционеров 1870-х гг.
[51] *Никифорова-Мацнева О. И.* М. В. Девель // Каторга и ссылка. 1927. № 7. С. 236.
[52] ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2962. Л. 153 об.
[53] *Чернышевский Д.* Указ. соч.
[54] Там же. С. 139.
[55] *Худолеев А. Н.* Указ. соч.
[56] *Чернышевский Д.* Указ. соч. С. 142.
[57] *Худолеев А. Н.* Указ. соч.

Салтык Г. А.

Неонародники Центрального Черноземья в 1918-1937 гг.

Партия социалистов-революционеров (эсеров) была единственной в России партией, которая могла соперничать по популярности с большевиками как в рабочей, так и в крестьянской среде. Их численность в 1917 г., по разным оценкам, колебалась от 400 тыс. до 1 млн. членов. С начала своего основания эта партия не была однородной, поэтому неоднократно ей приходилось переживать многочисленные расколы, очередной из которых произошел после убийства 6 июля 1918 г. немецкого посла графа Мирбаха. О положении неонародников – левых и правых эсеров (ПЛСР и ПСР), партии революционных коммунистов (ПРК) и народников-коммунистов (ПНК), социалистов-революционеров-максималистов (ПСРМ) имеются десятки работ[1]. Вместе с тем судьба сторонников этих партий в одном из крупнейших регионов России – Центральном Черноземье освещена недостаточно, хотя в советской и российской историографии затрагивался вопрос об отношении РКП (б) к левым и правым эсерам[2]. В последние годы появились исследования, в которых представлены судьбы эсеров в период необоснованных политических репрессий 1920-х–1930-х гг.[3].

К лету 1918 г. в губерниях Центрального Черноземья сложилась прочная правящая советская коалиция, состоящая из РКП (б) и неонароднических партий – левых эсеров и эсеров-максималистов. Они входили в различные органы власти, возглавляли Советы всех уровней и были реальной оппозицией правящей партии. Однако события 6 июля 1918 г. в Москве нанесли сильнейший удар по этой коалиции и изменили положение всех партий неонароднического направления.

Отметим, что на местах неонародники неоднозначно отнеслись к «мятежу левых эсеров»: одни из них осудили действия ЦК ПЛСР, другие – его поддержали, третьи – заняли нейтральную позицию. В Курске, например, на заседании губкома левых социалистов-революционеров «царила полная растерянность» – часть встала на защиту своего ЦК, другая – выступала за разоружение большевиков. «В это время большевистский латышский отряд окружил здание, в котором заседали левые эсеры. Несколько человек ворвались в

помещение и скомандовали: “Руки вверх!”. Большевики потребовали сдать оружие», – вспоминал позже эсер И. Г. Рогачевский[4].

Руководство ЦК ПЛСР поддержала большая часть воронежских эсеров, о чем свидетельствует текст телеграммы, отправленной в Москву участниками левоэсеровской конференции, проходившей в Воронеже 22 июля: «Колегаеву, Биценко, ЦИК, фракции левых социалистов-революционеров. Воронежская конференция партии единогласно одобрила тактику ЦК, требует освобождения Спиридоновой, других арестованных...»[5].

Убийство Мирбаха «всецело приветствовала» и губернская конференция левых эсеров Тамбова, состоявшаяся 17 июля. Ее участники требовали от коммунистов немедленного освобождения ЦК ПЛСР. Несколько тысяч солдат, находящихся в Тамбове, «поклялись, сражаться до последнего момента, если выступят левые эсеры»[6].

По данным Н. К. Кононова, осудили действия ЦК ПЛСР фракции левых эсеров исполкома Советов Землянского уезда Воронежской губернии и Корочанского уезда Курской губернии, а вот исполком Борисоглебского уездного Совета (8 коммунистов, 7 левых эсеров) принял резолюцию, в которой говорилось следующее: «Пусть урок, преподнесенный Совнаркомом левоэсеровским авантюристам, покажет всем, кто вздумает попуститься на Советскую власть…»[7]. Некоторые левоэсеровские фракции в местных Советах поспешили отмежеваться от собственного центра и заявляли об уходе из партии. Об этом, например, объявили левые эсеры Острогожского уездного исполкома Воронежской губернии, продкомиссар Воронежской губернии – левый эсер А. А. Никитин, глава фракции левых эсеров Новохоперского уездного исполкома – Бахмутский и др.[8].

Нужно заметить, что в это время в деревне Центрального Черноземья было неспокойно. Эсеры продолжали занимать позицию бойкота многих социалистических мероприятий. Так, военный комиссар Корочанского уезда левый эсер Дедов предлагал распустить комбеды, освободить арестованных левых эсеров, созвать 6-й Всероссийский съезд Советов для пересмотра Советской Конституции. Вскоре Дедов и его сторонники были арестованы, комитеты левых эсеров распущены[9].

В ряде воинских частей события 6–7 июля были восприняты как призыв к решительным действиям. Так, под руководством эсеров началось восстание солдат Курского отряда Льговского направления,

продолжавшееся более двух недель. Советскими властями был принят приказ о запрещении железнодорожных перевозок пассажиров и грузов в Льгов. Во время восстания командир 3-го полка коммунист З. С. Быч был убит. Для подавления выступления солдат из Москвы прибыл Н. И. Подвойский с отрядом матросов. Сопротивление оказала Дмитриевская батарея под командованием левого эсера Полянского. После «усмирения» восстания он был расстрелян[10].

Однако в отдельных воинских подразделениях солдаты осудили выступление левых эсеров. Так, собрание 1-й Тамбовской советской роты и 2-й роты Козловского советского полка в Тамбове приняли постановление, в котором говорилось следующее: «Считать выступление левых эсеров предательством интересов пролетарской социалистической революции». Подобное решение было принято и Курским полевым штабом[11].

В августе 1918 г. активизировали свои действия, направленные против Советской власти, и максималисты Центрального Черноземья, занимавшие ранее нейтральную позицию. Так, в Курске этому способствовал приезд из Москвы в начале сентября максималиста Б. М. Волоха. Ему удалось собрать «старых подпольщиков» и «активных максималистов» на конференцию. По заданию ЦК он предлагал немедленно «приступить к организации ряда экспроприаций» и к террору против «отдельных ответственных работников-коммунистов». Такую тактику он объяснял тем, что «к коммунистам можно относиться как к захватчикам, держащим власть насилием и террором». Предложения Волоха вызвали горячие прения и полное расхождение в лагере курских максималистов. Вскоре о конференции стало известно в губернской чрезвычайной комиссии (губчека), которая начала повальные аресты. Однако Волоху удалось скрыться. После этих событий многие максималисты покинули ряды своей партии[12]. Даже председатель исполкома Курской губернской организации максималистов П. Д. Сошников написал заявление, в котором, в частности отмечалось: «На знамени максималистов написано: “Трудовая республика и вся власть Советам”. Я, Сошников, под этим знаменем шел 11 лет. Почему же я должен защищать партию, почти явно выступившую против коммунистов и тем самым против Советской власти?». Далее Сошников осуждал выступление эсеров в Москве, оправдывал создание комитетов бедноты и т.д. Вскоре союз эсеров-максималистов в Курске прекратил свое существование[13].

А между тем коммунисты все активнее проводили в жизнь политику, направленную на исключение левых эсеров и максималистов с Советов всех уровней. Все громче они заявили о том, что в Советах останутся лишь те эсеры, которые «подадут заявления о своей не солидарности с ЦК». Сразу же после 6 июля они не отказывались от совместной работы с левыми эсерами, но условия, которые им при этом выдвигались (осуждение своего ЦК, личная подписка о лояльности и т. д.), были неприемлемы для многих эсеров, не утративших понятия о партийной чести. По мнению Д. Б. Павлова, В. И. Ленин предлагал вести гибкую тактику по отношению к левым эсерам, но «он очень заблуждался на счет способности партийных функционеров к гибкости, необходимой для привлечения на свою сторону возможного союзника»[14]. На местах предпочитали принцип, «отлившийся в железную формулу: «Кто не с нами, тот против нас». Или вы с нами в одной партии, или вы должны выйти из состава Совета», – заявила левым эсерам большевистская часть членов Суджанского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов[15].

Однако на практике власти начали смещать левых эсеров со всех ответственных постов, исключать их фракции из состава Советов. Уже тогда многие левые эсеры были арестованы. Заметим, что из Тамбовского уисполкома, Совета Тамбовского пригородного поселка, Курского губисполкома фракции левых эсеров были исключены еще летом 1918 г. «Результаты достигнуты довольно крупные», – заявили курские большевики 10 августа. Если принять во внимание то преобладание, каким до сих пор пользовались эсеры в Курском уисполкоме, состоящем из 10 коммунистов и 18 левых эсеров, то теперь все руководящие посты заняты коммунистами. В Дмитриеве власть перешла в руки большевистского ревкома, в Обояни вся фракция левых эсеров перешла в РКП (б)»[16]. В Козлове, Кирсанове, Борисоглебске, где левые эсеры отмежевались от своего ЦК, они оставались в Советах до конца 1918 г. В приказе губисполкома местным Советам указывалось, что в «исполкомах, в которых фракция левых эсеров вынесла порицание» своему ЦК, «допустима совместная работа»[17].

«Уволить всех уездных и волостных комиссаров не принадлежащих к коммунистическим и социалистическим партиям не позднее 1 октября 1918 г. предписывал уездвоенкомам Курский губвоенком Мазалов[18]. В сентябре этого же года во все исполкомы Советов рабо-

чих, красноармейских и крестьянских депутатов было направлено обращение Курской губЧК с просьбой «в кратчайший срок» подготовить анкеты, в которые, помимо прочих, обязательно должен быть включен вопрос о числе членов Совета и президиума с указанием партийности[19].

По отношению к правым эсерам коммунисты применяли более жесткие меры. Уже в сентябре 1918 г. Г. И. Петровский приказал всем Советам немедленно арестовывать всех известных им правых эсеров. Но многие эсеры скрывали свою былую партийную принадлежность. Поэтому власти широко использовали старые избирательные списки, т.е. арестовывали людей исключительно по причине их (часто бывшей) партийной принадлежности.

Зачастую по отношению к своим бывшим союзникам большевики стали применять физическую силу. Так, по данным Д. Б. Павлова, на заседании уездного совета левый эсер А. В. Барышников был избит, арестован и помещен в тюрьму только за то, что попросился выступить[20]. Его обвинили в попытке «возбудить массы против Советской власти». И хотя у местной ЧК не было оснований для содержания его под стражей, а сам он обладал неприкосновенностью как член ВЦИК, на свободу его выпустили лишь в середине августа 1918 г. Был арестован и заведующий отделом юстиции Курского губисполкома эсер Чайкин[21].

Значительную помощь коммунистам в процессе ликвидации партии левых эсеров оказывали чрезвычайные репрессивные органы – губчека, в которых служили и представители неонароднических партий. Так, в Курскую губчека входили левый эсер А. Праведников, эсер-максималист П. Д. Сошников. Возглавил ее большевик И. Г. Озембловский[22]. Первое крупное дело, которым занималась Курская ГубЧК, было дело председателя губисполкома, эсера-максималиста Е. Н. Забицкого и командующего войсками Курской губернии левого эсера М. В. Слувиса. Их обвинили в причастности к «контрреволюционному мятежу» в Курске и 9 июля 1918 г. арестовали[23].

Однако во многих волостных и уездных Советах Центрального Черноземья до конца 1918 г. левые эсеры продолжали играть заметную роль. В это время, к примеру, в Курском уездном Совете лишь 10 мест принадлежало большевикам, 18 – левым эсерам; во Льговском уезде в исполком Совета входили только левые эсеры (22 человека); в Суджанском – 14 левых эсеров; в Тимском – 7 большеви-

ков и 8 левых эсеров; в Фатежском – 17 большевиков, 14 левых эсеров и 1 максималист. В Тамбовской губернии, по данным Е. Гимпельсона, в 1919 г. из 2923 делегатов уездных съездов Советов коммунистов и им сочувствующих было 1709 человек, представителей других партий (эсеров, максималистов, анархистов) – 186 человек[24].

Одним из последствий левоэсеровского выступления 6 июля стал раскол в ПЛСР. Были образованы две новые партии: революционных коммунистов (ПРК) и народников-коммунистов (ПНК). Они начали свою деятельность с заявления о намерении отстаивать позиции «революционного народничества», которым изменили правые и левые эсеры, вставшие на путь поддержки противников Советской власти.

В течение августа-сентября 1918 г. ячейки новых партий начали возникать на местах. 31 августа на губернском совещании левых эсеров в Воронеже, ранее осудивших ЦК своей партии левый эсер Н. Григорьев предложил по примеру Москвы создать в Воронежской губернии ячейки партии народников-коммунистов (ПНК). Многие из собравшихся поддержали инициативу Григорьева. В программе новой партии, опубликованной 5 сентября газетой «Воронежский красный листок», говорилось о том, что народники-коммунисты будут сотрудничать с РКП (б) и поддерживать внешнюю и внутреннюю политику СНК РСФСР[25].

Однако за месяц в ПНК записалось только несколько десятков человек. Вскоре в губернском центре и ряде уездов стали раздаваться голоса сторонников объединения ПНК и РКП (б). Так, на собрании левых эсеров Воронежа, состоявшемся 6 октября 1918 г. было приняло решение в самое ближайшее время «влиться в партию коммунистов»[26].

Немногочисленными были народники-коммунисты Курской губернии. Известно, например, что осенью 1918 г. среди работников Льговского городского комиссариата был один народник-коммунист – Владимир Вячеславович Могалев[27]. Анализируя анкетные данные членов сельских и городских Советов рабочих и крестьянских депутатов, волостных исполкомов Льговского уезда Курской губернии за 1920 г. удалось выявить 5 бывших членов ПНК. Учитывая тот факт, что все 5 народников-коммунистов являлись членами Воронинского сельского Совета, мы предполагаем, что в сентябре-октябре 1918 г. в этом селе могла быть создана небольшая группа народников-

коммунистов[28]. Одноименная ячейка была зарегистрирована и в Козловском уезде Тамбовской губернии[29].

Нам удалось обнаружить документы подтверждающие факт существования в исследуемом регионе и организаций партии революционных коммунистов (ПРК). Самой многочисленной из них являлась Льговская уездная организация ПРК (Курская губерния). Ее учредительная конференция состоялась 8 октября 1918 г.[30]. Тогда же был сформирован уездный комитет, в который вошли бывшие левые эсеры В. Г. Гриш, В. М. Синяев, Ф. М. Фрундин, М. О. Третьяков, В. А. Коротеев. Возглавил уездную организацию В. М. Синяев[31]. По данным, представленным Льговской организацией в ЦК ПРК, в апреле 1919 года в ее рядах насчитывалось 700 человек, объединенных в 30 сельских групп, 1 железнодорожную ячейку и 3 волостных комитета[32].

Комитеты ПРК с первых дней существования заявили о сотрудничестве с РКП (б). Так, в ревком вошел представитель ПРК В. М. Синяев. Городской комитет ПРК, например, отправил в волости 19 своих представителей. Представители ПРК входили в военно-революционный комитет Износковской волости (Д. П. Бруквин и К. И. Загородний), из 15 членов ревкома Афанасьевской волости 2 являлись членами ПРК (И. Ф. Маслов и В. К. Долженков) и т.д. Аналогичные шаги были предприняты ПРК и в других волостях[33]. Революционные коммунисты также возглавляли продовольственные отряды Нижне-Деревенской волости – С. С. Петрикеев, Ивницкой волости – Симченков и Городецкой волости – Г. Плетнев[34].

Члены ПРК принимали активное участие и в советской работе. Так, среди 37 членов сельских исполкомов Шептуховской волости из 37 человек 30 были членами ПРК, 5 – РКП (б), 2 – беспартийными. В той же волости в пять из девяти сельских исполкомов входили только революционные коммунисты, в трех они составляли большинство. В Афанасьевской волости из 38 членов сельских исполкомов – 11 были представителями ПРК, 18 – сочувствовали этой партии, 4 – сочувствовали РКП (б) и 5 являлись беспартийными. Председателями многих сельских исполкомов также были революционные коммунисты.

Все это говорит о том, что местное население поддерживало революционных коммунистов. Это подтверждает и партийный состав 9-го уездного съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, из 224 участников которого, 75 – являлись членами ПРК[35].

В ПРК понимали, что в условиях гражданской войны и иностранной интервенции в России партия может сохранить свое влияние среди трудящихся только в том случае, если будет вместе с большевиками отстаивать власть Советов от «белогвардейской контрреволюции». Поэтому, подчеркивая «наличие теоретических разногласий с РКП (б)», ПРК заявляла, что «она останется до конца с большевизмом в его разрушительной борьбе с мировым империализмом»[36].

Льговский уезд Курской губернии в это время являлся прифронтовым районом. Поэтому уездный комитет ПРК обратился с призывом к населению уезда «принять участие в неделе фронта», поддержать Красную Армию. Выступая на заседании съезда представителей волисполкомов с докладом «О самообороне Льговского уезда», В. Г. Гриш отмечал следующее: «Фронт находится в Белгороде, поэтому нам необходимо принять срочные меры к преграждению дальнейшего наступления Деникина»[37].

Революционные коммунисты принимали участие в организации партизанских формирований осенью 1919 г. В одном из таких отрядов особого назначения служил член партии Иван Федорович Никулин[38]. Многие члены партии в это время несли «военную службу» в других городах России. Так, В. Гриш в сентябре 1919 г. находился в Дмитриеве, где являлся членом военно-укрепленного Совета города; И. Н. Мухин и Ф. М. Фрундин – в г. Брянске (они принимали участие в эвакуации грузов из Курской губернии), Козин был мобилизован на Западный фронт командиром маршевой роты. Семь рядовых членов партии были направлены в распоряжение военных комиссариатов Льговского уезда[39].

Таким образом, в годы Гражданской войны революционные коммунисты показали, что они являются союзниками правящей партии в деле утверждения Советской власти. Однако отношения между партиями складывались не просто. Еще зимой 1919 г. члены ПРК все больше стали ощущать на себе давление со стороны РКП (б). Имели место случаи исключения революционных коммунистов из советских органов. К примеру, 16 февраля 1919 г. Льговский уездный комитет РКП (б) принял следующее постановление: «В качестве предупредительной меры против восстания или нежелательных эксцессов арестовать членов Льговского уездного комитета партии революционных коммунистов В. Г. Гриша и В. М. Синяева». В помещении, где размещался комитет организации и на квартирах вы-

шеназванных товарищей произвести обыск «с выемкой изобличающих их документов». Все материалы, касающиеся ареста членов ПРК, довести до сведения Курского губисполкома и губкома. Активистам Льговской организации ПРК вменялось в вину следующее: «прикрываясь маской партии ПРК они агитировали против существующего порядка», а именно «извращали смысл создания сельскохозяйственных коммун и советских хозяйств; обвиняли коммунистов-большевиков, как партию, стоящую у власти, в стремлении передать все земли новым помещикам под видом коммунаров, сделав крестьян батраками; агитировали против централизации власти, что вело к неисполнению декретов и распоряжений Центра теми Советами, в которых революционные коммунисты имели большинство; требуя социализации земли, лесов, фабрик, заводов и всей промышленности, толкали население на дележку народного достояния».

18 февраля 1919 г. В. Г. Гриш был арестован и препровожден в тюрьму. На квартире В. М. Синяева коммунисты произвели обыск, в результате которого были найдены печать и документы партии левых социалистов-революционеров. Однако Синяева арестовать не удалось, так как в это время он находился в Москве.

Нужно отметить, что события, подобные льговским, наблюдались во многих городах Советской России. Поэтому 28 февраля 1919 г. Президиум ВЦИК принял постановление, в котором отмечалось, что «ввиду поступающих из разных мест жалоб на репрессии, чинимые местными советскими организациями по отношению к членам партии революционных коммунистов и социал-демократов интернационалистов, Президиум ВЦИК разъясняет, что указанные партии являются лояльными советскими партиями и за принадлежность к этим партиям никаких репрессий не должно приниматься». 9 марта 1919 г. в губернии было разослано циркулярное письмо, подписанное Председателем ВЦИК Я. Свердловым, в котором разъяснялось содержание данного постановления[40].

Однако к лету 1920 г. численность ПРК составляла 200 действительных членов и 30 сочувствующих. К этому времени в уезде имелось 15 сельских, 3 волостных, 1 городская и 1 железнодорожная организации[41]. Ряды революционных коммунистов таяли….

Непосредственным толчком к вступлению ПРК в РКП (б) явилось решение 2 конгресса Коминтерна о том, что в каждой стране должна быть только одна коммунистическая партия. Окончательно

вопрос о вхождении в РКП (б) был решен 6-м съездом партии революционного коммунизма, который состоялся 21–22 сентября 1920 года[42]. Это решение поддержала и 10-я Льговская уездная конференция ПРК, проходившая в сентябре 1920 г.[43]. В РКП (б) вступили В. М. Синяев, И. Н. Мухин, Ф. М. Фрундин и др.

Анализ анкетных данных членов РКП (б) Курской губернии свидетельствует о том, что в ее рядах бывших революционных коммунистов было не много. Так, в 1920 г. среди 150 членов волостных и уездных исполкомов Льговского уезда числилось 2 бывших социалиста-революционера и 2 революционных коммуниста, в Обоянском уезде из 284 человек – 1 бывший социалист-революционер и 1 революционный коммунист. Среди 428 ответственных работников и служащих губернских и городских учреждений Курской губернии в 1920 г. только один принадлежал ранее к ПРК (В. Г. Гриш)[44]. Бывшие члены ПРК предпочитали оставаться беспартийными и не спешили менять свои убеждения....

А как обстояли дела в рядах правых эсеров Центрального Черноземья? Еще в мае 1918 г. VШ Совет ПСР объявил о вооруженной борьбе партии с Советской властью. Однако, в июне 1919 г. в условиях Гражданской войны и иностранной военной интервенции состоялся IX Совет партии, закрепивший ее позицию «третьей силы». В работе Совета принимали участие и посланцы губерний Центрального Черноземья. По возвращении на места они всеми доступными средствами пытались донести трудящимся решения Совета партии. Воронежский городской комитет ПСР, в состав которого входил известный эсер В. И. Попов, провел в августе 1919 г. конференцию ПСР, участники которой поддержали решение ЦК[45]. Загнанные в подполье эсеры пытались активизировать нелегальную деятельность. Но в октябре 1920 г. практически все члены эсеровского комитета были арестованы[46].

Более удачно проходила деятельность Тамбовского комитета ПСР. С февраля по сентябрь 1920 г. губернскому комитету партии удалось выпустить несколько прокламаций: одна из них была посвящена празднованию 1-го Мая, другая – «неделе трудового фронта». Кроме того, было издано два номера нелегального органа губернского комитета «Земля и Воля». И все же главным направлением деятельности Тамбовский губернский комитет ПСР, как и раньше, считал работу в крестьянстве. Она шла по двум направлениям: восстановление пар-

тийных крестьянских братств и создание беспартийных, но строго классовых по составу Союзов трудового крестьянства (СТК). Что касается братств, то в это время их действовало не много. Так, в 3-х уездах Тамбовской губернии их насчитывалось не более 10-ти.

План работы Тамбовской организации в крестьянстве был одобрен на заседании ЦК ПСР от 16 апреля 1920 г.[47]. Весной 1920 г. состоялась Тамбовская уездная конференция ПСР, на которой присутствовало всего 7 человек (из них 4 человека в качестве представителей сельских организаций). Летом того же года удалось провести губернскую партийную конференцию, в работе которой принимали участие посланцы Тамбовской городской организации ПСР, а также делегаты от Тамбовской, Моршанской и Козловской уездных организаций. Эсеры настаивали на необходимости «пойти навстречу нарастающему в массе трудового крестьянства стихийному протесту против большевистского режима и дать ему свои испытанные в борьбе лозунги»[48].

Крестьянские братства стали создаваться к концу лета 1920 г. Тогда же развернулась борьба по созданию Союза трудового крестьянства. Эта инициатива была подхвачена крестьянами и отделения СТК возникли во многих волостях Тамбовского, Кирсановского, Борисоглебского и Усманского уездов.

На Всероссийской конференции ПСР в сентябре 1920 г. представители от Тамбовской губернии пытались склонить партийное руководство к необходимости поддержать и возглавить стихийный крестьянский протест. Однако ЦК ПСР не подписал директив или инструкций, в которых бы брал на себя обязанности возглавить крестьянское движение. Центральное руководство справедливо полагало, что изолированные выступления крестьян против коммунистов могут привести лишь к их жестокому подавлению. Восстание тамбовских крестьян под руководством А. С. Антонова ЦК расценил как «дезорганизаторское выступление». Даже видный тамбовский эсер Ю. Н. Подбельский характеризовал это восстание как «голую партизанщину, без лозунгов, без идей, без программ»[49].

Губернский комитет ПСР, как и ЦК, также осудил выступление Антонова. Против вооруженной борьбы высказался и Тамбовский СТК. Однако известно, что многие СТК возглавляли эсеры. Они же входили в губкомы, уездкомы, а также волостные СТК[50]. Таким образом, ни губернское, ни общероссийское руководство партии

эсеров не были прямо причастны к «антоновщине». И все же влияние эсеров на повстанческое движение, его идеологию и организацию является несомненным.

Восстания крестьян, направленные против власти большевиков-коммунистов вспыхнули не только в Тамбовской губернии. В Курской губернии, например, они были зарегистрированы в Ново-Оскольском, Старо-Оскольском, Суджанском, Грайворонском, Дмитриевском уездах. В Воронежской губернии так называемые «кулацко-эсеровские» восстания наблюдались в с. Белое Валуйского уезда, в Марьевской волости Острогожского уезда и т.д.[51].

После подавления крестьянских выступлений репрессии по отношению к ПСР усилились. Ее объявили «самым опасным врагом» советской власти[52]. В сентябре 1920 г. Курской губчека были арестованы правые эсеры: Ф. И. Кутепов, И. М. Неймарк, М. А. Пискунов, А. М. Власов и П. Ф. Щекин. В это время в Курске под наблюдением Курсгубчека находилось 25 эсеров[53]. В августе 1921 г. в список задержанных попали видные эсеры И. Е. Пьяных, Н. И. Пьяных, И. Е. Свежинцев, И. Т. Харин, Г. М. Вечера и др.[54]. В мае чекистам удалось выявить 66 эсеров[55]. Что касается «контрреволюционных» выступлений, то в 1922 г. на территории Курской губернии их не наблюдалось. Зато в 1924 г. было зарегистрировано 231 такое выступление. Однако, считать только эсеров виновниками беспорядков в губернии у нас нет оснований[56]. По данным ОГПУ, в 1926–1934 гг. в Курске и губернии в это время насчитывалось 82 члена ПСР[57].

В октябре 1921 г. Воронежская губЧК вела наблюдение за 123 эсерами. Их них 66 человек назывались активными, т.е. способными вести антисоветскую деятельность. На 12 июля 1922 г. среди рабочих и служащих Юго-Восточной железной дороги Воронежским отделом ГПУ было выявлено: правых эсеров – 19, левых эсеров – 10, меньшевиков – 13, кадетов – 4, монархистов – 4. Действия эсеров, по мнению чекистов, выражались в «выступлениях на собраниях в защиту интересов рабочих»[58]. Отдельные эсеры имелись также в с. Кочетовке Нижнедевицкого уезда, г. Калаче Богучарского уезда, на территории Воронежского уезда. Но, как и в Курской губернии, они не проявляли активности[59].

Вместе с тем, даже само членство в этих партиях, стало расцениваться как преступление. Правящей партией активно нагнетался в обществе коллективный психоз. Об этом говорил хотя бы тот факт,

что летом 1922 г., в связи с организованным правящей партией судебным процессом над членами ЦК ПСР, на собраниях и митингах сотни человек требовали вынесения эсерам смертного приговора. Так, на общем собрании служащих Новооскольского гарнизона отмечалось: «Признаем, что решение Революционного Трибунала по делу эсеров вполне справедливо и партия предателей пролетариата понесет заслуженную кару». «Высшей меры наказания эсерам требовали курсанты, красноармейцы и военнослужащие 4-й Курской военной пехотной школы», – отмечалось в газете «Курская правда»[60]. Однако по этим публикациям трудно судить об истинном отношении крестьян, рабочих, служащих, солдат к ПСР, так как в связи с подготовкой к московскому процессу над эсерами коммунисты развернули беспрецедентную по масштабам кампанию травли и дискредитации партии социалистов-революционеров. В 30-е годы эсеры были поставлены на учет в ОГПУ, где фиксировались все высказывания «бывших», относительно строительства социализма в СССР[61].

И все же, документы архивов свидетельствуют о том, что «организованной работы» среди эсеров, а также их открытых выступлений против Советской власти не велось[62]. Вместе с тем, не остались незамеченными местными властями в 1929 г. похороны одного из виднейших эсеров Курской губернии – депутата II-й Государственной думы, члена Учредительного собрания, члена Всероссийского общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев – И. Е. Пьяных[63].

Заметим, что отделение этого общества появились в Центральном Черноземье в 1923 г.[64]. В них вошли бывшие эсеры, отбывавшие ссылку и находившиеся на каторге до февраля 1917 г. Так, членами Курского отделения общества стали эсеры В. Е. Каменев, В. А. Титов, Т. П. Шутенко, И. Е. Пьяных, М. А. Меркулов, П. Н. Шавердо и др.[65], Тамбовской губернии – В. А. Ананьева-Пономарева, И. В. Афанасьев, П. И. Акшин, И. С. Иванов, Д. З. Мордовин, А. А. Зуев и др.[66], Воронежской губернии – Я. И. Алексеев (член боевой дружины ПСР), А. И. Костин, А. М. Князев, А. А. Житный и др.[66]. Нам удалось выявить более 100 эсеров региона, являвшихся в 1923–1934 гг. членами Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Многие из них были расстреляны в годы массовых политических репрессий. В Курске, например, в январе 1937 г. было арестовано 15 человек по делу № 4703 «О контрреволюционной троцкистско-эсеровской организации». В обвинительном заключении отмечалось,

что В. Е. Каменев и П. Н. Шавердо установили связи с бывшими эсерами-боевиками Ф. М. Ситник, Н. Р. Савенковым, С. С. Котовичем и вместе с ними создали эсеровскую организацию на базе садово-полеводческой артели бывших политкаторжан «Вторая пятилетка», артели инвалидов «Печатное дело» (Курск), в с. Лебяжье, с. Михайловском, с. Расховец. 9 декабря 1937 г. на заседании тройки при Управлении НКВД по Курской области было принято решение всех арестованных по делу № 4703 расстрелять[67]. Всего же, с 1928 по 1937 гг. только в Курской области было арестовано около 600 бывших эсеров[68].

Таким образом, события 6 июля 1918 г. послужили причиной раскола в рядах ПЛСР, следствием которого стало создание ПРК и ПНК. Однако, вскоре, как и ПСРМ, они были ассимилированы РКП (б). В отношении правых эсеров правящая партия развернула массовые репрессии. В стране утверждалась однопартийная диктатура….

---

[1] *Суслов А. Ю.* Партия правых социалистов-революционеров в Советской России (октябрь 1917–1930-е годы): источники и историография. Казань, 2000; *Литвин А.* «В борьбе обретешь ты право свое!» Судьба самой многочисленной партии России // Наука и жизнь. 1991. № 3. С. 20–27; *Разгон А., Овруцкий Л.* «В борьбе обретешь ты право свое!» левые эсеры // Там же. № 4. С. 66–74 и др.

[2] *Комаров А., Крошицкий П.* Революционное движение. Хроника 1918 года (губернии Воронежская и Тамбовская). Воронеж, 1930; *Гимпельсон Е. Г.* Советы в годы иностранной интервенции и гражданской войны. М., 1968; *Кононов Н. К.* Тактика большевиков в отношении левых эсеров в местных Советах (лето – осень 1918 г.) // Вопросы истории КПСС. 1974. № 6. С. 75–84; *Переверзев А. Я.* Социалистическая революция в деревне Черноземного Центра России. Воронеж, 1976. С. 126; *Салтык Г. А.* Неонародничество России: региональный аспект (1917–1918 гг.). Курск, 2000; *Она же*: Неонародническое движение Черноземного Центра России: 1901–1923 гг. М., 2002. С. 382–463 и др.

[3] *Павлов Д. Б.* Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 1950-х годов. М., 1999*; Лаппо Д. Д.* В красно-белом отсвете трагедии. Воронеж, 1994*; Леонтьев Я.* Как это было. Аресты и репрессии членов ОПК в провинции: Воронеж, Новосибирск, Хоста // Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Образование, развитие, ликвидация (1921–1935). М., 2004. С. 222–277; *Салтык Г. А.* Судьбы эсеров Курской губернии – членов ОПК // Там же. С. 181–197 и др.

[4] ГАОПИ КО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 73. Л. 74–77.

[5] *Комаров А., Крошицкий П.* Указ. соч. С. 103.

[6] РГАСПИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 5. Л. 69; ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 309. Л. 5.

[7] *Кононов Н. К.* Борьба Коммунистической партии против левых эсеров за крестьянство в первый год Советской власти: (По материалам центрально-черноземных губерний): дис. … канд. ист. наук. М., 1968. С. 193.

[8] Там же. С. 193–195.

[9] *Переверзев А. Я.* Указ. соч. С. 126.

[10] ГАОПИ КО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 73. Л. 66, 67.

[11] Известия Тамбовского губсовета. 1918. № 100; Известия ВЦИК крестьянских, рабочих, солдатских и красноармейских депутатов. 1918. № 150.

[12] ГАОПИ КО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 59. Л. 6–7.

[13] *Комаров А., Крошицкий П.* Указ. соч. С. 96.

[14] *Павлов Д. Б.* Указ. соч. С. 32.

[15] ГАОПИ КО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 45. Л. 27.

[16] Курская губерния в годы иностранной интервенции и гражданской войны. 1918–1920: сб. док. и матер. Воронеж, 1967. С. 45.

[17] Советы Тамбовской губернии в годы гражданской войны. 1918–1921. Воронеж, 1989. С. 74.

[18] ГАКО. Ф. Р-1812. Оп. 1. Д. 1. Л. 283.

[19] ГАКО. Ф. Р-496. Оп. 1. Д. 5. Л. 28.

[20] *Барышников Александр Васильевич* (1896 – не ранее 1937) родился в деревне Борисовке, Грайворонского уезда Курской губернии. Из дворян, сын ремесленника. В 1902 г. сдал экзамен на учителя. Поднадзорный с 1903 г., эсер-боевик, участник «эксов» и убийств. Дважды бежал из тюрем. Находился в эмиграции (Франция, Швейцария). Вернулся в Россию в 1917 г. Левый эсер. Делегат II Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов. Участник заседания Учредительного собрания 5 января 1918 г. Делегат IV съезда партии левых эсеров. В том же году направлен ЦК левых эсеров в Англию для революционной работы. В 1926 г. был арестован, осужден на 3 года. В 1937 г. вновь арестован как член партии левых эсеров, осужден на 8 лет. Дальнейшая судьба неизвестна.

[21] ГАОПИ КО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 59. Л. 6.

[22] *Карнасевич В. Г., Свиридов Г. А.* Курская губчека: 1918–1922 гг. Курск, 2005. С. 146–154.

[23] *Забицкий Евгений Николаевич* родился в 1887 г. в Бобруйском уезде Минской губернии. Окончил юридический факультет Московского университета. С 1905 г. примкнул к эсерам-максималистам. В 1917 г. был направлен в Курск в качестве уполномоченного Московского областного продовольственного комитета. Вошел в группу курских эсеров-максималистов, вскоре стал их руководителем. После реорганизации Революционного Совета (февраль–март 1918 г.) был назначен председателем губсовнаркома, затем губисполкома (май, 1918 г.). Одновременно он стал председателем полевого штаба по борьбе с контрреволюцией, являлся организатором вооруженных сил Курского фронта. Обвинен в причастности к выступлению анархистов в апреле 1918 г., но вскоре оправдан. Арестован в июле 1918 г. Со второй половины 1918 г. работал в издательстве ВЦИК, затем – управляющим делами Московского Совнаркома. В

1921–1922 гг. был председателем Центрального Совета народного хозяйства (Татарская АССР). В 30-е годы – занимал должность заместителя начальника экономического управления ВСНХ ЦУТТОРФа, Союзторфа и др. В 1932–1934 гг. являлся членом президиума Замоскворецкой РКК РКИ. В годы Великой Отечественной войны был назначен управляющим Челябинсклеса. В 1946–1948 гг. работал в Брянске; в 1949 г. являлся уполномоченным Министерства химической промышленности. Умер 26 ноября 1960 г.

Слувис Михаил Васильевич родился 22 июля 1888 г. в Бессарабии. Окончил гимназию и три курса Новороссийского университета. В 1914 г. после окончания Виленского военного училища получил чин подпоручика. Служил в 148-м пехотном Каспийском полку. В 1918 г. участвовал в организации Вооруженных сил республики, член Полтавского ревкома, начальник отрядов Красной гвардии и военных моряков Балтийского флота. С 4 апреля 1918 г. – помощник командующего, а с 11 апреля – командующий войсками Курской губернии. 18 сентября назначен командиром 1-го Особого Советского унтер-офицерс-кого маневренного батальона. 25 сентября – убыл с батальона на Южный фронт в распоряжение 9-й армии. С 1 января 1919 г. вступил во временное командование 15-й стрелковой дивизии. С 28 апреля 1919 г. по 16 октября 1919 г. – начальник 56-й стрелковой дивизии. В марте 1920 г. получил назначение на должность помощника Киевского окружного военного комиссариата. С октября 1920 г. находился в распоряжении Политуправления РВС республики. В 30-е годы занимал пост начальника отдела Центрального управления снабжения РККА. Репрессирован в 1936 г. Реабилитирован посмертно в 1956 г. Партийная принадлежность: с 1906 по 1917 гг. – социалист-революционер, левый эсер; с 1918 г. – член РКП (б). Награжден орденом Красного Знамени (приказ РВС РСФСР № 74 от 21 мая 1923 г.).

[24] *Гимпельсон Е. Г.* Указ. соч. С. 484–485.

[25] *Лаппо Д. Д.* Указ. соч. С. 169.

[26] *Комаров А., Крошицкий П.* Указ. соч. С. 114, 117. С. 123; ГАОПИ ВО. Ф. 1. О. 1. Д. 12. Л. 2–3.

[27] ГАКО. Ф. Р-865. Оп. 2. Д. 15. Л. 206.

[28] ГАКО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 156. Л. 17.

[29] РГАСПИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 5. Л. 36–37.

[30] Известия Льговского Совета рабочих и крестьянских депутатов. 1918. № 49.

[31] *Синяев Василий Максимович* родился в 1891 г. Принимал участие в революционной деятельности в Льговском уезде. 28 марта 1917 г. являлся председателем Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов; с 6 мая 1917 г. – товарищ председателя исполкома. С 15 октября 1917 г. – член ПЛСР; с 1 октября 1918 г. – член ПРК. Председатель Льговского эвакуационного комитета; в марте-апреле – член районного Льговско-Дмитриевского и Рыльского военного штаба по обороне Курской губернии от гайдамаков.

[32] Там же. Оп. 1. Д. 58. Л. 1–34; Оп. 16. Д. 62. Л. 1–2, 26, 28, 36.

[33] ГАКО. Ф. Р-865. Оп. 16. Д. 57. Л. 5; Д. 61. Л. 18, 20; РГАСПИ. Ф. 272. Оп. 2. Д. 25. Л. 118.

[34] ГАКО. Ф. Р-865. Оп. 16. Д. 2. Л. 19.
[35] РГАСПИ. Ф.282. Оп.2. Д. 25. Л. 118.
[36] Воля труда. 1919. № 8 (75).
[37] ГАКО. Ф. Р-865. Оп. 3. Д. 95. Л. 2–3.
[38] РГАСПИ. Ф. 282. Оп. 2. Д. 24. Л. 10–11.
[39] Там же. Оп. 1. Д. 36. Л. 2; Воля труда. 1919. № 14 (81).
[40] Декреты Советской власти. Т. 4. 10 ноября – 31 марта 1919. М., 1968. С. 451–452.
[41] РГАСПИ. Ф. 282. Оп. 1. Д. 22. Л. 21–22, 88.
[42] Воля труда. 1920. № 20.
[43] РГАСПИ. Ф. 282. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.
[44] ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 13; 21. Л. 143-147; Д. 24, 25, 595. Л.19, 35; Д. 596. Л. 17.
[45] ГАВО. Ф. И-214. Оп. 1. Д. № 3. Л. 282.
[46] Революционная Россия. 1924. № 39–40. С. 17–18.
[47] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д.7. Л. 45.
[48] Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 138. Л. 18.
[49] Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. «Антоновщина». Документы и материалы. Тамбов, 1994. С. 11.
[50] ГАТО. Ф. 5201. Оп. 2. Д. 1306. Л. 14.
[51] ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 888. Л. 8–206; Д. 889. Л. 25, 124, 210.
[52] *Павлов Д. Б.* Указ. соч. Док. № 1. С. 131.
[53] АУФСБ РФ по КО. Ф. П. 7025. Л. 48.
[54] Революционная Россия. 1922. № 16/18. С. 55.
[55] ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 787. Л. 19, 134, 165, 206; Д. 788. Л. 74, 146, 165, 436.
[56] ГАКО. Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 5. Л. 2–70.
[57] АУФСБРФ по КО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 2. Л. 49, 187–188.
[58] ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 470. Л. 11.
[59] ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1277. Л. 8.
[60] ГАОПИ КО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 147. Л. 32; Курская правда. 1922. № 124.
[61] АУФСБ РФ по КО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 2. Л. 128–131.
[62] Там же. Л. 6.
[63] Там же. Л. 102–103.
[64] *Салтык Г.* Судьбы эсеров Курской губернии – членов ОПК. Указ. соч. С. 181–197.
[65] Там же. Л. 8.
[66] *Салтык Г. А.* Неонародническое движение Черноземного Центра России 1902–1923 гг. М., 2002. С. 508–574.
[67] *Леонтьева Я.* Указ. соч. С. 222–277.
[68] В 1989 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР их реабилитировали посмертно. АУФСБ РФ по КО. Ф. 10. Д. П. 12850. Л. 75, 256, 275.
[69] Там же. Ф. 8. Оп. 2. Д. 6. Л. 13–19.

Сыпченко А. В.

Трудовая народно-социалистическая партия в эмиграции (1920-1940 гг.)

После Гражданской войны и интервенции большевики последовательно претворяли в жизнь план ликвидации политической оппозиции. В результате с политической арены России исчезли все партии, кроме правящей партии большевиков. Политические деятели небольшевистских партий вынуждены были эмигрировать из России. За пределами родины они пытались воссоздать организационные структуры своих партий и продолжить борьбу за свержение большевистской диктатуры в СССР.

Процесс консолидации народных социалистов (энесов, членов Трудовой народно-социалистической партии – ТНСП), эмигрировавших из России, начался еще в период Гражданской войны. Существенную роль в этом сыграло состоявшееся 26 мая 1920 года в Париже совещание членов ЦК ТНСП, оказавшихся в эмиграции. На нем был обсужден вопрос об объединении членов партии и согласовании их деятельности. На совещании был образован Заграничный комитет партии в составе Л. М. Брамсона, А. А. Титова, Н. В. Чайковского, Н. Д. Несельроде, А. С. Альперина, М. А. Ландау-Алданова и Н. Н. Пораделова (позднее, в сентябре 1920 года, в состав комитета вошел Р. М. Бланк). Председателем Заграничного комитета был избран Н. В. Чайковский, а членами Исполнительного бюро – Л. М. Брамсон, М. А. Ландау-Алданов и А. А. Титов[1].

С 26 мая 1920 года по 31 января 1921 года состоялось 28 регулярных, а также несколько экстренных заседаний Заграничного комитета. Комитет пытался выявить и объединить всех оказавшихся за рубежом народных социалистов. Он разослал в 34 русские газеты, издававшиеся в Европе, Америке и Азии, извещение об образовании Заграничного комитета и обратился к единомышленникам с просьбой сообщить о своем местопребывании. Число откликнувшихся людей оказалось незначительным. Тем не менее, энесы в эмиграции продолжали считать себя полноценной политической партией. Всем членам партии, адреса которых стали Комитету известны, были разосланы письма, приглашавшие их вступить с Комитетом в постоянные отношения. Завязавшаяся переписка дала

возможность выяснить подробности о положении членов партии. Многие из них оказались вдали от родины без материальных средств, без документов и без работы. По мере возможности Заграничный комитет принимал меры к тому, чтобы облегчить их тяжелое положение[2].

На заседании 23 ноября 1920 года Заграничный комитет принял резолюцию, в которой была определена политическая линия партии: признание необходимости свержения власти большевиков, объединения всех антибольшевистских сил для борьбы с большевиками, устройства России после свержения советской власти как Федеративной Демократической Республики. Комитет оповестил членов партии о выработанной им позиции[3].

Заграничный комитет ТНСП на заседании 11 декабря 1920 года поддержал предложение инициативной группы о созыве в Париже Совещания членов Учредительного собрания. Отмечалось, что инициаторы созыва правильно встали на путь создания такого коллегиального органа, который мог бы поднять свой голос в защиту чести и достоинства Российского государства. Указывалось, что вне Учредительного собрания ни отдельные члены его, ни Совещание неполного собрания не могут представлять волю народа и действовать его именем. Энесы возлагали на Совещание членов Всероссийского Учредительного Собрания большие надежды, полагая, что оно сможет выйти за пределы партийных рамок и достичь соглашения всех входящих в состав Совещания элементов, а затем объединить вокруг Совещания всех, кто борется за новую свободную республиканскую Россию[4]. Резолюция заседания была опубликована в газетах «Последние новости» и «Общее дело», а затем подверглась обсуждению и критике в других органах печати[5].

Заграничный комитет ТНСП создал особую комиссию, которая вела переговоры с представителями партии социалистов-революционеров о необходимости согласования деятельности различных партий, ведущих борьбу с большевиками[6].

На заседаниях 3 и 23 декабря 1920 года, а также 7 января 1921 года Комитет выработал общие положения партийной платформы, с которой ТНСП вышла на Совещание. Отмечалось, что народно-социалистическая партия в качестве первоочередной задачи считает борьбу за скорейшее свержение советской власти. В связи с этим указывалась важность работы, как в России, так и в эмиграции. При этом говорилось, что центр тяжести борьбы лежит в самодеятельно-

сти оставшегося в России населения, в выступлении против советской власти широких кругов самого народа. Вместе с тем подчеркивалась необходимость избегать напрасного и бесцельного кровопролития. Указывалось на необходимость сплочения русской эмиграции для совместной борьбы с большевиками, установления тесных связей с сочувствующими группами в Советской России, широкой постановки информации, углубления агитационной работы, координации действий между различными политическими группами для подготовки в нужный момент подходящего аппарата власти и для обеспечения ему поддержки. В связи с этим отмечалась важность того, чтобы эмигранты нашли в решениях Совещания твердый призыв к единению за освобождение родины. ТНСП категорически высказалась против признания Советской России иностранными державами, мотивируя это тем, что официальное признание власти большевиков со стороны других стран явилось бы предательством по отношению к русскому народу, а также по отношению к важнейшему принципу международной жизни, провозглашенному союзниками во время войны, – принципу национального самоопределения. Вместе с тем, отмечалась неизбежность коммерческих отношений различных стран с Советской Россией[7].

Для ознакомления энесов с этой платформой и их консолидации в рамках партии в 1921 году было опубликовано «Обращение Исполнительного Бюро Заграничного Комитета ТНСП к членам партии с изложением деятельности и программы Заграничного Комитета партии»[8].

Частное Совещание членов Всероссийского Учредительного Собрания состоялось 8–21 января 1921 года в Париже. В его работе участвовал Чайковский как председатель Заграничного комитета ТНСП. На Совещании Чайковский огласил декларацию своей партии, содержащую следующие положения: демократическая федеративная республика; демократически созванное Учредительное собрание с правом определения основ государственного устройства России; организация массового народного восстания против большевистского режима; выступление против признания Советской России иностранными державами и др.[9]. В ходе работы Совещания был сформирован исполнительный орган – Исполнительная комиссия. Однако в ее состав не был избран Чайковский[10]. Факт его неизбрания был расценен и самим Чайковским, и его соратниками по партии как оскорбление энесов, а также как попытка эсеров провес-

ти в состав исполнительного органа больше представителей своей партии. Это событие вызвало очередное охлаждение отношений энесов с эсерами. 25 января 1921 года состоялось заседание Заграничного комитета ТНСП, на котором было решено выразить протест против подобного поведения эсеров и был принят проект этого протеста. Исполнительное бюро подготовило окончательную редакцию протеста. Вскоре протест был опубликован. Кроме того, на указанном заседании Заграничного комитета Чайковский выразил сомнение в возможности наладить совместную работу с партией эсеров. Однако несколько членов Заграничного комитета (Титов, Брамсон и Бланк) подчеркнули возможность и необходимость совместной работы с эсерами и кадетами, отметив, что «больше объединяться для совместной работы не с кем». В связи с этим большинство членов комитета признало идею коалиции с эсерами и кадетами[11].

В сентябре 1922 года представители ТНСП участвовали в работе Совещания левых и правых социалистов, на котором было создано «Российское демократическое объединение» во главе с П. Н. Милюковым.

Предпринимая попытки сплочения энесов, Заграничный комитет ТНСП провел 31 декабря 1922 года конференцию Трудовой народно-социалистической партии. Конференция была посвящена анализу международного положения России и определению задач энесовской эмиграции в новых условиях. С докладом о международном положении России на конференции выступил Р. М. Бланк. Он подчеркнул, что наиболее злободневной задачей является освобождение России от большевистской тирании. Именно с этих позиций он подошел к анализу международного положения. Бланк отметил, что Россия в настоящее время настолько обессилена, что это неминуемо приведет к экономической интервенции великих держав в Россию. При этом он обратил внимание на то, что экономическая помощь в широком государственном масштабе неразрывно будет связана с политическим влиянием. Учитывая это, Бланк призвал русскую демократию к активной деятельности. Он отметил, что пока политическая деятельность в самой России невозможна для демократии, зарубежная деятельность является единственным плодотворным приложением ее сил, единственной возможностью реального воздействия на политическое положение внутри России: поднятия настроения, поддержания веры и возрождения самодеятельности русской общественности, противодействия мерам подавления всякой свобо-

ды мысли со стороны Советской власти. Проанализировав политику ряда стран, Бланк отметил, что русская демократия в своей борьбе с большевизмом вполне может опереться на Чехословакию, США и Великобританию. Особое значение Бланк уделял сотрудничеству русской демократии с Чехословакией, так как она занимает очень влиятельное положение в Лиге наций. Бланк призывал русскую демократию заблаговременно обеспечить себе симпатии Лиги наций, поскольку именно она будет играть значительную роль при окончательном решении российской проблемы.

Учитывая важность задач, стоящих перед русской демократией, конференция призвала демократическую русскую эмиграцию стать передовым отрядом русской демократии. Кроме того, конференция обратилась к энесам, проживающим в эмиграции, с призывом сплотиться в рамках ТНСП и занять достойное место в рядах русской демократии[12].

Деятельность Заграничного комитета ТНСП по сплочению энесов, а также активное участие членов комитета в жизни русской эмиграции способствовали консолидации народных социалистов. Постепенно в 1921–1922 годах сложились три центра энесовской эмиграции: Берлин, Париж и Прага.

Такие центры энесовской эмиграции сложились не случайно. Они соответствовали трем основным центрам русской эмиграции. Первоначально интеллектуальной столицей русской эмиграции стал Берлин[13]. Именно в Берлине С. П. Мельгунов в 1923 году организовал издательство «Ватага», в котором начал издавать исторический сборник «На чужой стороне» (позднее – «Голос минувшего на чужой стороне»). Этот сборник издавался в Берлине и Праге. В нем публиковались статьи известных русских политических деятелей об отношении к Советской России и о путях освобождения России от большевиков. Париж стал центром концентрации политических сил русской эмиграции[14]. Вторым по значимости центром стала Прага. Именно в Париж и в Прагу в 20-е годы происходил отток эмигрантов из Германии, усилившийся после прихода к власти фашистов.

Одной из первых, по-видимому, оформилась Берлинская группа ТНСП. В состав группы входили: А. С. Ермолаева, Е. В. Кудрявцева, В. М. Кудрявцев, Е. А. Фальковский, А. И. Ханох, Р. Н. Эттингер. Руководителем группы и наиболее яркой ее личностью являлся Л. М. Брамсон. Неслучайно, что вскоре после его переезда из Берлина в Париж в конце 20-х годов группа прекратила свое существование[15].

Наиболее крупными и действенными были Парижская и Пражская группы ТНСП. Парижская группа сложилась под руководством А. А. Титова. В ее состав входили: Н. В. Чайковский, С. П. Мельгунов, А. С. Альперин, Р. М. Бланк, Д. М. Одинец, М. А. Алданов, Т. И. Полнер и др. Председателем группы был Н. Д. Несельроде[16]. В Пражскую группу входили: А. Ф. Изюмов, В. В. Водовозов, В. С. Озерецковский, В. И. Менцель, Л. А. Крезе, С. И. Карцевский, Е. А. Ляцкий, А. А. Виноградов, В. С. Грабовой, А. Я. Дрезян. Руководителем группы являлся В. А. Мякотин[17].

Народные социалисты в эмиграции оставались верными идеям либерального народничества и представлениям о демократических началах устройства партии. Как и прежде, ТНСП не являлась жестко централизованной организацией. Партийные группы существовали как автономные единицы[18]. Неслучайно, что они имели несколько отличные структуры. Во главе Парижской и Берлинской групп стояли комитеты[19]. Руководящими органами Пражской группы были президиум и распорядительное собрание группы. При этом президиум группы избирался распорядительным собранием группы на один год. В его состав входили председатель группы, два его товарища и секретарь. Президиум должен был представлять группу во внешних отношениях, хранить и расходовать средства группы, вести отчетность и исполнять текущую работу группы[20]. Группы поддерживали между собой тесные связи путем совместных совещаний, переписки, присутствия представителей других групп на заседаниях[21]. Кроме того, в 1924 году было решено обмениваться протоколами заседаний групп[22]. Функции центрального партийного органа первоначально выполняло Исполнительное бюро в составе трех человек: Брамсона, Алданова и Титова. По мере оформления партии планировалось избрать Центральный комитет[23]. Однако он так и не был создан. В 1927 году было решено вместо Исполнительного бюро в составе трех человек создать Заграничное бюро партии в составе пяти человек. Бюро располагалось в Париже, но в него входили также представители Пражской и Берлинской групп[24]. Указания Бюро местным партийным группам носили рекомендательный характер. Зачастую местные группы оспаривали решения и предложения партийного Бюро. В таких случаях Бюро прислушивалось к мнению групп и пересматривало свои решения. Большинство решений Бюро было основано на обсуждении платформ, выработанных группами. Для выработки общей платформы наиболее авторитетные деятели

ТНСП устраивали объезды групп и выступали перед ними с лекциями и докладами. Бюро информировало группы о необходимости принятия решения по тому или иному вопросу и, тем самым, выносило данные вопросы на всеобщее обсуждение. Проводились совещания и конференции заграничных групп[25]. Однако в эмиграции несколько строже стала партийная дисциплина. Так, в частности, устанавливалась как одна из причин исключения из партии неуплата членских взносов в течение трех месяцев после напоминания казначея. Кроме того, вводился штраф за опоздание на партийные собрания[26]. По-видимому, такие нововведения были связаны с очень тяжелым материальным положением партийных групп. Народным социалистам, которые, в отличие от представителей более правых партий, не имели крупных сбережений, главным источником обеспечения служил по-прежнему собственный труд. Однако найти работу в эмиграции было непросто. Особенно тяжело было первое время. Позднее многие энесы, являвшиеся известными деятелями науки и литературы, нашли работу. Они занимались в основном литературной и преподавательской деятельностью. Некоторые из них преподавали в Парижском и Пражском университетах, сотрудничали в крупнейших эмигрантских изданиях. Большинство же энесов имели лишь эпизодический и незначительный заработок в виде частных уроков или редких публикаций. Даже лидеры ТНСП жаловались в письмах друг другу на тяжелое материальное положение. Так, например, известный деятель ТНСП А. Ф. Изюмов в своем письме А. Б. Петрищеву от 3 января 1933 года писал: «Трудно в общем живется. Кроме тяжести моральной тяжело стало жить и материально. Надо подрабатывать, а негде…»[27]. Для того, чтобы обеспечить элементарное выживание своим семьям, многие из энесов вынуждены были заниматься подсобным хозяйством: разводили кур и домашний скот, выращивали огородные культуры. Безусловно, в таких условиях средств на партийные нужды не хватало. Особенно тяжелым было материальное положение Пражской группы[28].

Общая численность энесовских групп была незначительна. В 20-е годы ТНСП насчитывала около 30 человек. При этом следует обратить внимание на то, что идеи ТНСП продолжали привлекать людей и в ее в состав вступали новые члены[29]. Однако это явление не было массовым и не могло существенно увеличить ряды партии.

Об основных тенденциях развития энесовской эмиграции хорошо говорит та полемика, которая проходила в 20-е годы в российской

эмиграции. Основными обсуждаемыми проблемами являлись: отношение к советской власти, отношение к социализму, борьба с СССР.

Одна из первых дискуссий была вызвана публикацией в 1923 году книги известного экономиста Б. Д. Бруцкуса «Социалистическое хозяйство». В своей работе Бруцкус доказывал неизбежность краха «советского коммунизма». В связи с этим он говорил и о крахе всей социалистической идеологии, утверждал неразрывную связь коммунистической идеологии с социалистической. Бруцкус упрекал все социалистические партии в максимализме[30]. Народные социалисты, для которых идея социализма всегда была свята, выступили с критикой книги Бруцкуса. Особенно активную полемику с Бруцкусом вели Пешехонов и Мельгунов. Они доказывали, что не всем социалистам свойственен максимализм, ТНСП никогда не ставила максималистских целей, а в понимании классовой борьбы энесы всегда расходились с представителями других социалистических направлений, являясь наиболее последовательными наследниками идей либерального народничества[31].

После поражения открытой борьбы с большевиками, энесы выступили за пересмотр тактики своей партии. Некоторые из них считали, что необходимо перейти к конспиративной работе с партизанскими действиями внутри России. С этой целью в 1920 году по инициативе и под руководством народного социалиста Чайковского была создана конспиративная организация «Центр действия». В ее состав входили Н. П. Вакар, Н. К. Волков, И. П. Демидов, А. В. Карташев и др. Члены этой организации должны были проникать в Россию и связываться с людьми, готовыми вести борьбу с Советской властью. Целью организации являлось свержение власти большевиков[32]. В составе «Центра» было создано несколько комиссий: конституционная, земельная, военная, комиссия по восстановлению местного самоуправления, комиссия по восстановлению денежного обращения. Выяснить всю совокупность действий «Ценра», а также участие в нем кого-либо из энесов, кроме Чайковского, не представляется возможным, так как протоколы заседаний не велись по конспиративным соображениям. «Центру» удалось создать свои отделения в Киеве, в Крыму, в Варшаве, в Константинополе, в Праге, в Финляндии. Кроме того, были созданы агентства в Германии и в Эстонии. Однако к осени 1921 года стала ясной невозможность организовать вооруженный переворот. Поэтому «Центр» сосредоточился на литературно-пропагандистской деятельности. С ноября 1922 года

он стал издавать журнал «Новь». В 1923 году «Центр» прекратил свою деятельность. Это было вызвано двумя причинами. Во-первых, отсутствием средств. Во-вторых, арестом в июле 1923 года членов наиболее крупной Киевской организации «Центра», что нанесло не только численный, но и моральный удар по организации[33].

Последовательно отстаиваемая идея необходимости борьбы с большевиками способствовала сближению энесов с другими антисоветскими деятелями, а также созданию совместных эмигрантских антисоветских организаций.

Так, народный социалист В. М. Вершинин являлся одним из наиболее активных деятелей «Административного центра внепартийного объединения»[34]. Эта организация была основана в Париже в 1920 году с целью свержения власти большевиков и создания единой федеративной республики России. Организация была задумана как «внепартийная». Однако осуществить это в полной мере ей не удалось, так как в подавляющем большинстве она состояла из эсеров. В нее входили такие известные эсеры как Н. Д. Авксентьев, И. М. Брушвит, В. М. Зензинов, А. Ф. Керенский, Е. Ф. Роговский. Деятельность «Центра» осуществлялась в Париже и в Праге. «Центр» пытался установить связь с участниками антибольшевистских восстаний в Кронштадте и на Северном Кавказе, с «Союзом возрождения казачества», проводил агитацию среди военнопленных и интернированных российских граждан на территории Германии и Польши. «Центр» возглавлял также издание эсеровской литературы: газет «Воля России» и «Народное дело», журнала «Современные записки», информационного бюллетеня «Pour la Russie»[35]. Большое внимание «Центр» уделял сбору сведений о ситуации в Советской России, особенно о работе антибольшевистских организаций[36]. «Центр» неоднократно пытался установить более широкое сотрудничество с народными социалистами. Эсеры, входившие в «Центр», были заинтересованы в привлечении к работе близких им по народническому направлению деятелей. Кроме того, среди энесов было много литераторов, которые могли бы быть полезны в работе «Центра», так как в литераторах у него была «большая нужда». Вопрос о сотрудничестве энесов в «Центре» неоднократно ставился на рассмотрение Заграничного комитета ТНСП осенью 1920 года. Однако четкого решения о партийной позиции по данному вопросу не было принято. При этом указывалось на участие энеса Вершинина в «Административном центре», но факт такого участия не осуждался[37].

Вершинин был корреспондентом «Центра» в Праге и в своих письмах сообщал о жизни пражской эмиграции[38]. Он выступал с докладами на заседаниях «Центра»[39], неоднократно являлся секретарем на его заседаниях[40]. Неслучайно, что именно у Вершинина отложилась значительная часть документов «Административного центра». Поэтому Вершинин сыграл большую роль в формировании архива «Административного центра», передав в 1932 году хранящиеся у него документы Русскому Заграничному историческому архиву. Анализ документов фонда «Административного центра», предпринятый нами, не выявил представительство в нем кого-либо еще из энесов, кроме Вершинина[41]. По-видимому, ТНСП так и не выработала последовательной позиции о сотрудничестве с этой организацией. Вполне вероятно, что ТНСП просто не успела этого сделать, так как «Центр» прекратил свое существование в 1922 году. Кроме того, деятельность «Центра» приходилась на период активного процесса создания целого ряда антибольшевистских организаций, и процесс самоопределения ТНСП в таком калейдоскопе, конечно же, проходил непросто.

Энесы поддерживали отношения с такими организациями как «Народный союз защиты Родины и Свободы» (руководитель – Борис Савинков), «Братство Русской Правды» (руководители: генерал П. Н. Краснов, герцог Г. Н. Лехтенбергский, публицист С. А. Соколов-Кречетов), «Русский Общевоинский Союз» (РОВС) (организатор – генерал П. Н. Врангель), «Крестьянская Россия» (председатель ЦК – А. А. Аргунов). Именно народный социалист Мельгунов разоблачил многих большевистских провокаторов, действующих в среде русской эмиграции. Он выступил в печати с разоблачением «Братства Русской Правды» и «Треста», которые были созданы чекистами. Мельгунов первым выявил так называемую «Внутреннюю линию в составе РОВСа»[42]. Тот факт, что несколько антисоветских организаций, на которые эмиграция возлагала огромные надежды в деле свержения большевиков, оказались созданными деятелями с Лубянки, повергло многих эмигрантов в смятение. Это привело к новым идейным разногласиям и дискуссиям в среде русской эмиграции в целом, и в энесовской, в частности.

Наиболее важная дискуссия в среде русской эмиграции была связана с выступлением П. Н. Милюкова 1–2 ноября 1924 года в Праге. В ходе выступления Милюков заявил, что сложившаяся международная обстановка неблагоприятна для нового похода против Рос-

сии, жертвы в старой форме бесполезны и необходимо искать новые пути[43]. Данное заявление вызвало шок в среде русской эмиграции, так как терялся смысл эмиграции. В таких условиях выступление Мельгунова 22 мая 1926 года на заседании Русского академического союза с лекцией «Герцен, Россия и эмиграция» имело большое значение. В своей лекции Мельгунов обосновал предназначение русской эмиграции, доказывая необходимость ее «активных действий», «непримиримость к совершаемому насилию в России»[44]. Данные идеи Мельгунов пропагандировал и в последующих выступлениях. Для осуществления этих идей Мельгунов призывал к консолидации всех эмигрантских сил – и социалистических, и несоциалистических. При этом Мельгунов отмечал, что в настоящее время граница внутри эмигрантских сил проходит не по партийным направлениям, а по отношению к «активизму». Он доказывал, что миссия эмиграции на современном этапе заключается в том, чтобы свободным словом будить русских эмигрантов и призывать их к сплочению[45].

Однако не все эмигранты разделяли позицию Мельгунова, даже соратники по партии. Лидер ТНСП А. В. Пешехонов выступил с идеей возвращения русской эмигрантской интеллигенции на родину и отказа ее от вооруженной борьбы с большевизмом. Являясь по-прежнему сторонником демократии и социализма, Пешехонов отстаивал позицию, согласно которой борьба за осуществление этих идей должна начаться с новых позиций и на той почве, какую представляет собой новая Россия. Пешехонов считал, что в России не должно быть новой революции и, следовательно, возвращаться в Россию «физически» бессмысленно. Поэтому он призывал к «духовному возвращению» на родину, полагая, что это будет способствовать эволюции ее нравственной жизни. При этом Пешехонов не отрицал борьбу как таковую, но считал, что она должна вестись в самой России под лозунгом «демократизация Советов». Именно этот лозунг, полагал он, должна учитывать эмиграция и способствовать его реализации. В связи с этим Пешехонов доказывал, что эмигранты, возвращающиеся на Родину, заслуживают не осуждения, а одобрения, так как они могут способствовать пропаганде среди крестьян необходимости борьбы с Советами. При этом он отмечал, что «возвращенчество» – это целое общественное течение[46]. В своих публицистических выступлениях Пешехонов осуждал враждебное отношение русской эмиграции, в том числе и энесовской, к Советской России. Он критиковал то идеологическое обоснование интер-

венции против России и необходимости ее экономической блокады, которое пытались дать некоторые политические деятели.

Став идеологом «возвращенчества», Пешехонов вызвал в эмиграции в целом и в энесовской в частности всеобщее осуждение. В результате против него оказался настроенным весь состав ЦК ТНСП[47]. Однако Пешехонов не мыслил своей жизни без Родины. В конце ноября 1925 года он написал письмо Мякотину: «Считаясь же с тем, что мои публицистические выступления вызывают смущение и неудовольствие в моих товарищах по Комитету, я прибегаю к выходу, о готовности воспользоваться которым я говорил с самого начала: при сем прилагаю заявление о выходе из состава ЦК ТНСП». К письму прилагалось заявление Пешехонова о выходе из ЦК ТНСП: «Ввиду существенного расхождения моего с большинством находящихся заграницей членов ЦК народно-социалистической партии в отношении к современной России, я считаю за лучшее выйти из состава ЦК, о чем и извещаю Вас, как его председателя»[48].

Мякотин пытался образумить Пешехонова, удержав его от выхода из ЦК партии. В своем письме к Пешехонову от 1 декабря 1925 года он приглашал его прийти на заседание ЦК и спокойно обсудить создавшееся положение. При этом Мякотин выражал уверенность, что удастся добиться понимания. Он также отмечал, что если даже не удастся этого достичь, то нет оснований выходить из ЦК. Мякотин опасался, что уход Пешехонова из состава ЦК может послужить причиной раскола не только ЦК, но и партии. В связи с этим он писал Пешехонову: «Разногласия в нашей сфере, конечно, есть, но есть ведь они незаметно между Вами и другими членами комитета…. И в то же время я думаю, что у всех нас найдется много общего и это общее всем нам известно. Так можно ли усиленно подчеркивать разногласия и оформлять их позициальными поводами? Позвольте надеяться, что Вы передумаете и разрешите мне Ваше официальное письмо о выходе из комитета считать яко не бывшее»[49].

Пешехонов в ответном письме к Мякотину от 8 декабря 1925 года указал, что не заберет заявление. При этом Пешехонов отмечал: «Его давно нужно было сделать, чтобы развязать комитету руки. Фактически это мало что изменит, но мне не будет упрека, что моя позиция затрудняет в чем-либо комитет»[50]. Следует заметить, что в эмиграции Пешехонов почти не принимал участия в партийной работе. Более того, он относился весьма враждебно к заграничной делегации[51].

В конце 1925 года Пешехонов вышел из ЦК и партии. 11 мая 1925 года Пешехонов подал в советское полпредство в Праге заявление о желании вернуться в Россию[52]. В связи с отсутствием ответа, Пешехонов неоднократно повторял свой запрос[53]. В июле 1925 года он получил официальный ответ полномочного представительства СССР в Чехословакии, согласно которому «центральные органы СССР не нашли возможным удовлетворить… просьбу»[54]. Однако Пешехонов продолжал добиваться права возвращения на Родину. В 1927 году он вновь подал заявление о разрешении возвращения в Россию. На этот раз советское полпредство в Чехословакии предложило Пешехонову получить работу в советских заграничных учреждениях, но въезд Пешехонова в СССР сочло пока невозможным. Вместе с тем супруге Пешехонова, Антонине Федоровне, был разрешен въезд в СССР[55]. Поэтому, неслучайно, Пешехонов надеялся, что и ему со временем будет разрешен въезд на родину. В связи с этим, он принял предложение советского полпредства о сотрудничестве в советских заграничных учреждениях и переехал в Ригу.

С 8 августа 1927 года по приглашению Наркомторга Пешехонов служил экономическим консультантом по Прибалтике[56]. Вскоре Пешехонов занял должность заведующего экономическим Торгпредством СССР в Латвии[57]. В 1929 году Пешехонов был восстановлен в гражданских правах[58]. В 1930 году Пешехонову были предоставлены избирательные права[59].

«Возвращенчество» Пешехонова вызвало осуждение всей русской эмиграции. Представители различных направлений стремились отмежеваться от Пешехонова. Его обвиняли в «отступничестве» от прежних идеалов, в «предательстве» целей русской эмиграции, в приспособленчестве к более «сытной» жизни, в «сменовеховстве»[60]. Практически не было ни одного эмигрантского издания, которое не откликнулось бы на поступок Пешехонова. Публикаций было так много, что сам Пешехонов собрал их в своем архиве под названием «80 000 верст вокруг господина Пешехонова»[61].

Такая шумиха вокруг Пешехонова была поднята неслучайно. Как отмечали его критики, «А. В. Пешехонов – весьма заметная фигура русского общественно-политического горизонта последних дореволюционных десятилетий. И в своем зарубежном бытии он не легкомысленный сменовеховец…»[62]. Поэтому русская эмиграция опасалась, что позиция Пешехонова может найти сторонников. Эти опасения оказались не напрасны: позиция Пешехонова получила поддерж-

ку среди молодежи. В связи с этим Е. Д. Кускова констатировала появление целого «течения» политической мысли. Группа последователей Пешехонова получила название «пешехоновцев». Для обозначения же явления «возвращенчества» и течения политической мысли, олицетворявшего его, был введен термин «пешехоновщина»[63].

Переход к большевикам старейшего лидера и идеолога партии Пешехонова подвергся обсуждению всех энесовских групп. Народные социалисты решительно осудили Пешехонова[64]. Тем не менее, «возвращенчество» Пешехонова нанесло серьезный удар по ТНСП. Часть энесовской эмиграции стала искать пути совершенствования мира через масонство. Масонами были многие лидеры ТНСП: Чайковкий, Альперин, Одинец, Титов, Брамсон, Булат, Алданов, Вершинин, П. Н. Переверзев[65]. При этом энесы были авторитетными масонами. Так, Алданов являлся одним из основателей парижских лож «Свободная Россия» и «Северная Звезда», Альперин был Мастером «Северной Звезды»[66].

Непримиримую воинственную позицию по отношению к большевикам и Советской России продолжал занимать Мельгунов. Вокруг его личности консолидировались не только энесы, но и представители других направлений. Будучи убежденным, что большевистский режим не способен ни на какую эволюцию, он выступал за создание широкого фронта борьбы с большевиками, объединяющего не только сторонников демократической республики, но и сторонников конституционной монархии. Единственно действенными методами борьбы он признавал вооруженную борьбу и иностранную интервенцию.

Именно в это время происходит сближение Мельгунова с Трудовой крестьянской партией «Крестьянская Россия» (ТКП). Эта партия была образована в 1921 году с целью организации русского крестьянства для борьбы за его политические и экономические интересы. Партия входила в «Республиканско-демократическое объединение»[67]. При непосредственном участии энесов в конце 1923 года в Праге состоялся съезд республиканско-демократических организаций, на котором было достигнуто соглашение об образовании «Союза» для объединенных политических действий между «Крестьянской Россией» и демократическими группами партии «Народной свободы»[68]. Вопрос о вступлении Мельгунова в состав «Крестьянской России» неоднократно ставился этой организацией. Однако Мельгунов так и не решился вступить в нее, чем вызвал сарказм ее членов[69]. В 30-е годы на Лубянке было сфабриковано дело о существовании разветв-

ленной ТКП в СССР, по которому ряд советских деятелей, в том числе бывших народных социалистов (Г. И. Баскин, В. П. Арапов), были репрессированы[70].

8 февраля 1927 года в Берлине состоялась встреча Мельгунова с убежденным немецким антикоммунистом Г. А. Рехберг, в ходе которой было достигнуто соглашение о необходимости вооруженной интервенции против СССР и обсужден ее план[71]. Эта непримиримая позиция в отношении большевиков все больше отдаляла Мельгунова от народных социалистов. В 1926 году Мельгунов создал группу «Борьба за Россию» и одноименный еженедельник. В группу вошли кадеты В. Л. Бурцев, А. В. Карташев, М. М. Федоров, П. Я. Рысс, а также народные социалисты Т. И. Полнер и В. С. Озерецковский[72]. Целью группы являлась борьба с советской властью «до победного конца»[73]. При организации группы Мельгунов заявил, что в основу «Борьбы за Россию» будет положен персональный принцип, а не партийный[74]. Тем не менее, многие народные социалисты одобрили создание группы[75]. 31 января – 3 февраля 1927 года в Париже состоялось Совещание Заграничных групп ТНСП по вопросу об участии членов партии в журнале «Борьба за Россию». На нем было признано, что «Трудовая народно-социалистическая партия, как таковая, не имеет никакого отношения к названному журналу. Те же члены ее, которые участвуют в журнале, выступают в настоящем случае персонально»[76]. Такое официальное размежевание ТНСП с группой «Борьба за Россию» еще больше оттолкнуло Мельгунова от народных социалистов[77].

Официальное партийное размежевание с Мельгуновым было связано с непримиримостью Мякотина как председателя ЦК ТНСП в отношении «своеволия» Мельгунова. По-видимому, сказывалось и опасение со стороны Мякотина ярко проявлявшегося «лидерства» Мельгунова. Пытаясь противопоставить Мельгунову свою идейную позицию, Мякотин доказывал невозможность использования вооруженных методов борьбы против большевиков, так как это может повлечь за собой окончательный разрыв с Россией. Он предлагал сочетать революционные и эволюционные способы борьбы. При этом Мякотин считал невозможным политическое сотрудничество энесов и монархистов, а также республиканцев и монархистов[78].

В 30-е годы деятельность ТНСП выражалась в основном в устройстве лекций для идейно близких кругов российской эмиграции, участии в литературных и общественно-политических изданиях. Наиболее

ярко общественно-политическая деятельность энесов выражалась в участии в Земгоре, в который они вступили официально в 1930 году[79].

Большую роль сыграли народные социалисты в создании в Праге Русского Заграничного исторического архива (РЗИА), который стал не только ценнейшим центром хранения архивных документов, но и важным общественно-политическим центром российской эмиграции. Один из лидеров ТНСП Александр Филаретович Изюмов являлся заместителем директора архива и заведующим его рукописным отделением[80]. Мякотин являлся членом Совета РЗИА[81].

Некоторые энесы входили в ряд благотворительных обществ. Например, Изюмов являлся в 1926–1927 годах членом Благотворительного общества помощи заключенным в России[82].

Партийная же деятельность энесов начинает затухать в конце 20-х – начале 30-х годов. Очень метко о состоянии партийных дел в эмиграции сказал Изюмов в своем письме к А. Б. Петрищеву от 3 января 1933 года: «…Мы тут как пауки в банке»[83]. Даже лидеры партии не надеялись на активизацию партийной деятельности. Так, 18 февраля 1930 года Мельгунов в своем письме к коллеге по партии и по группе «Борьба за Россию» В. С. Озерецковскому писал: «считаю, что создавать партию в эмиграции бесполезно. Единственно, что было бы целесообразно для народных социалистов, это отбросить социалистическое название, и упирать на трудовую. Но наша группа мертва. Все новые организации без денег тоже будут мертвы». При этом Мельгунов выражал определенные надежды на получение американской помощи. В случае, если американцы дадут деньги на партийную деятельность, Мельгунов считал целесообразным лишь организацию небольшой по численности группы, но сплоченной и серьезно работающей по установлению связей с Россией[84]. В 1939 году Мельгунов даже намеревался выйти из ТНСП в знак протеста против ее бездеятельности[85]. Другой лидер партии того времени Изюмов в 1939 году в письмах к Мельгунову отмечал, что существующая в Праге группа народных социалистов всего лишь «фикция» и она уже три-четыре года является недейственной. При этом Изюмов писал, что он лично «никогда не придавал большого значения эмигрантской политике» и «давно уже отошел от всякой общественности» кроме исторического общества[86].

Непоправимым уроном для партии явилась смерть Чайковского в 1926 году и Мякотина в 1937 году, являвшихся крупнейшими фигурами не только ТНСП, но и всей российской эмиграции.

Берлинская группа ТНСП прекратила свое существование, по-видимому, еще в конце 20-х годов с отъездом Л. М. Брамсона, Пражская – в 1935–1936 годах, а Парижская – в 1940 году, в связи с оккупацией немцами Парижа.

Начавшаяся вторая мировая война внесла значительные изменения в «географию» энесовской эмиграции. Ряд лидеров партии (С. П. Мельгунов, М. А. Алданов, А. Б. Петрищев и др.) перебрались в Нью-Йорк, в связи с общим перемещением российской эмиграции в США. Именно Нью-Йорк в 1940 году стал единственным центром остатков энесовской эмиграции. Однако материалов, подтверждающих наличие у народных социалистов партийной организации после распада Парижской группы, не обнаружено. Тем не менее, энесы являлись весьма авторитетными людьми среди эмигрантов, их позиции были значимы, в связи с чем вокруг них группировалась определенная часть русской эмиграции. Неслучайно, некоторые энесы стали ключевыми фигурами многих антисоветских организаций и изданий 40–60 годов, а народный социалист Мельгунов был инициатором создания и руководителем целого ряда таких организаций и изданий, одним из наиболее последовательных и непримиримых деятелей антисоветской борьбы русской эмиграции[87].

Таким образом, вынужденные покинуть Родину, народные социалисты в эмиграции пытались восстановить партийную деятельность и объединить антибольшевистские силы. Однако ТНСП была немногочисленна. Поэтому энесы стремились консолидироваться с представителями других политических направлений, особенно в рамках антибольшевистских организаций. При этом они, как и прежде, проявляли чистоту нравственных принципов, идейную честность по отношению к политическим союзникам и противникам, пытались сохранить партийную платформу. Однако идейный и политический максимализм некоторых энесовских деятелей сыграл роковую роль в те моменты, когда необходимо было соглашение на этапе выработки новых тактических установок. Это определило то обстоятельство, что, являясь крупными фигурами российской эмиграции, лидеры народных социалистов лишь на время консолидировали вокруг себя политические силы и не смогли создать стабильные широкие блоки. Более того, в годы эмиграции усилились идейные разногласия в ТНСП. Энесы не смогли прийти и к внутрипартийному согласию, что существенно ослабило партию. Постепенно происходило затухание деятель-

ности ТНСП, как и других политических партий, путем переориентации партийной деятельности в антисоветскую в рамках ряда внепартийных антисоветских организаций. Формально ТНСП продолжала существовать в эмиграции до 1940 года. Активная же деятельность ее завершилась раньше.

---

[1] ГА РФ. Ф. 5805. Оп.1. Д. 582. Л. 1.
[2] Там же. Л. 1–2.
[3] Там же. Л. 3.
[4] Там же. Л. 4–5.
[5] Там же. Л. 6.
[6] Там же. Л. 4.
[7] Там же. Л. 6–14.
[8] Там же. Л. 1–20.
[9] ГА РФ. Ф. 5804. Оп.1. Д. 2. Л. 8, 9, 11.
[10] Там же. Л. 8 об.
[11] ГА РФ. Ф. 5805. Оп.1. Д. 583. Л. 76–77.
[12] ГА РФ. Ф. 5917. Оп.1. Д. 121. Л. 8 об.
[13] *Струве Г.* Русская литература в изгнании. Париж, 1984. С. 24–25; *Гессен И. В.* Годы изгнания. Жизненный отчет. Париж, 1979. С. 22–23.
[14] *Гуль Р.* Я унес с собой Россию. Нью-Йорк, 1984. Т. 2. С. 92.
[15] ГА РФ. Ф. 5962. Оп. 1. Д. 22. Л. 16.
[16] ГА РФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 583. Л. 91.
[17] ГА РФ. Ф. 5962. Оп. 1. Д. 24. Л. 9, 11.
[18] ГА РФ. Ф. 5917. Оп. 1. Д. 121. Л. 11.
[19] ГА РФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 583. Л. 91; ГА РФ. Ф. 5962. Оп. 1. Д. 22. Л. 16.
[20] ГА РФ. Ф. 5917. Оп. 1. Д. 121. Л. 11.
[21] ГА РФ. Ф. 5962. Оп. 1. Д. 4. Л. 7 об., 53–53 об., 54; ГА РФ. Ф. 5962. Оп.1. Д. 7. Л. 106–106 об.; ГАРФ. Ф. 5962. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–15, 18; ГА РФ. Ф. 5962. Оп. 1. Д. 24. Л. 9, 11.
[22] ГА РФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 583. Л. 91.
[23] Там же. Л. 1.
[24] ГА РФ. Ф. 5962. Оп. 1. Д. 22. Л. 16.
[25] ГА РФ. Ф. 5917. Оп.1. Д. 121. Л. 3–8 об.; ГА РФ. Ф. 5962. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–18; ГА РФ. Ф. 5962. Оп.1. Д. 24. Л. 9–9 об., 11.
[26] ГА РФ. Ф. 5917. Оп. 1. Д. 121. Л. 11–11 об.
[27] ГА РФ. Ф. 5962. Оп. 1. Д. 7. Л. 106–106 об.
[28] ГА РФ. Ф. 5962. Оп. 1. Д. 2. Л. 9, 10, 16 об., 17, 30 об., 31 об.
[29] Там же. Л. 1–4.
[30] *Бруцкус Б. Д.* Социалистическое хозяйство. Берлин, 1923.
[31] *Пешехонов А. В.* Беззаботное незнание // Дни. Берлин. 1924. 19 марта; *Мельгунов С. П.* Недоуменный вопрос Б. Д. Бруцкусу (Письмо в редакцию) // Дни. Берлин. 1924. 8 марта.
[32] ГА РФ. Ф. 5784. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

[33] Там же. Л. 160.
[34] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 85, 169, 204.
[35] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–36.
[36] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 72. Л. 1–7.
[37] ГА РФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 583. Л. 50–51.
[38] ГА РФ. Ф. 5893. Оп. 1. Д. 85. Л. 1–65.
[39] ГА РФ. Ф. 5893. Оп. 1. Д. 169. Л. 1–20.
[40] ГА РФ. Ф. 5893. Оп. 1. Д. 204. Л. 1–7.
[41] ГА РФ. Ф. 5893. Оп. 1. Д. 1. Л. 206.
[42] ГА РФ. Ф. 9105. Оп. 1. Д. 20. Л. 29 об.; Дни. Берлин. 1924. 8 ноября; *Емельянов Ю. Н.* С. П. Мельгунов: в России и эмиграции. М., 1998. С. 70.
[43] Дни. Париж. 1926. 28 мая.
[44] Дни. Париж. 1926. 23 марта; Руль. Берлин. 1927. 20 ноября.
[45] «Пешехоновская молодежь» // Последние новости. 1926, 21 января. С. 1.
[46] ОР РНБ. Ф. 581. Д. 39. Л. 1.
[47] Там же.
[48] Там же.
[49] ОР РНБ. Ф. 581. Д. 51. Л. 1.
[50] Там же.
[51] ОР РНБ. Ф. 581. Д. 4. Л. 9.
[52] Там же. Л. 1.
[53] Там же. Л. 3, 4.
[54] Там же. Л. 5.
[55] Там же. Л. 6, 7, 10.
[56] ОР РНБ. Ф. 581. Д. 7. Л. 1 об.
[57] ОР РНБ. Ф. 581. Д. 5. Л. 1.
[58] Там же. Л. 3.
[59] ОР РНБ. Ф. 581. Д. 6. Л. 1.
[60] ОР РНБ. Ф. 581. Д. 67. Л. 2, 3, 6; *Р-нъ А.* Возвращение А. В. Пешехонова // Сегодня. 1927. 10 августа; *Варшавский С.* С гордо поднятой головой // Слово. 1927. 16 августа.
[61] ОР РНБ. Ф. 581. Д. 66. Л. 1–241.
[62] ОР РНБ. Ф. 581. Д. 67. Л. 2.
[63] Там же. Л. 3.
[64] ОР РНБ. Ф. 581. Д. 4. Л. 9.
[65] *Серков А. И.* Русское масонство. 1731–2000 гг. Энциклопедический словарь. М., 2001.
[66] *Берберова Н.* Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Харьков; М., 1997. С. 131, 224.
[67] ГА РФ. Ф. 9105. Оп.1. Д. 1. Л. 1–83; ГА РФ. Ф. 9105. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–7; ГА РФ. Ф. 9105. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–17.
[68] ГА РФ. Ф. 9105. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–7.
[69] ГА РФ. Ф. 9105. Оп. 1. Д. 7. Л. 10 об.
[70] Архив ФСБ по Самарской области. Ф. П-88.44. Д. 3632. Т. 1, 2, 3.

[71] ГА РФ. Ф. 6738. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–7.
[72] ГА РФ. Ф. 6110. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–1 об.; ГА РФ. Ф. 6110. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–37.
[73] Дни. Париж. 1926. 6 ноября.
[74] Дни. Париж. 1926. 3 декабря.
[75] ГА РФ. Ф. 5962. Оп. 1. Д. 22. Л. 4.
[76] Там же. Л. 15.
[77] ГА РФ. Ф. 5962. Оп. 1. Д. 4. Л. 53–53 об.
[78] Республиканско-демократический союз в Праге // Последние новости. 1926. 6 января. С. 2.
[79] ГА РФ. Ф. 5962. Оп.1. Д. 4. Л. 7 об.
[80] ГА РФ. Ф. 5962. Оп.1. Д. 2. Л. 33 об.
[81] ГА РФ. Ф. 5917. Опись.
[82] ГА РФ. Ф. 5962. Оп.1. Д. 27. Л. 318–319.
[83] ГА РФ. Ф. 5962. Оп.1. Д. 7. Л. 106.
[84] ГА РФ. Ф. 6110. Оп. 1. Д. 6. Л. 12–12 об.
[85] ГА РФ. Ф. 5962. Оп. 1. Д. 4. Л. 53–53 об.
[86] Там же. Л. 53–53 об., 54.
[87] Там же; ГА РФ. Ф. 5962. Оп. 1. Д. 7. Л. 106 об.

Раздел IV.

ТЕОРЕТИКИ НАРОДНИЧЕСТВА И ИХ КРИТИКИ

Худолеев А. Н.

Революционная теория П. Н. Ткачева в исторической ретроспективе

Имя Петра Никитича Ткачева в истории русского освободительного движения стоит в одном ряду с именами М. А. Бакунина и П. Л. Лаврова. Однако, по сравнению с социально-политическими взглядами Бакунина и Лаврова, революционная теория Ткачева изучена недостаточно. Между тем в начале XX века она сыграла значительную роль в идейной борьбе большевиков с другими направлениями отечественной социалистической мысли и способствовала их победе. Поэтому, думается, небезынтересным будет обратиться к сути основных положений теории Ткачева, позволяющих понять исторические корни ленинской концепции социалистической революции.

Уже в ранних статьях Ткачева прослеживается доброжелательное отношение к методу экономического детерминизма. В 1863 г. Петр Никитич писал о влиянии экономического фактора на развитие юриспруденции и применял термин «антагонизм»[1]. Спустя два года, он первым в русской легальной печати назвал автора этой концепции – «немецкого изгнанника» Карла Маркса, взгляд которого на общественное развитие «сделался почти общим достоянием всех мыслящих порядочных людей, и едва ли умный человек найдет против него хоть какие-нибудь серьезные возражения»[2]. Экономический принцип оказался созвучным системе взглядов Ткачева, настаивавшего на том, что все явления политического, нравственного и интеллектуального мира в последнем анализе сводятся «к явлениям экономического мира и "экономической структуре" общества»[3].

В 60-е гг. XIX века в публицистическом творчестве Ткачева обозначились основы идей, выразителем которых он станет в эмиграции. Прежде всего речь идет об этатизме, понимании значения государственных институтов в социалистическом обществе, роли личности и масс в истории, а также о трактовке принципов революцион-

ной морали. Мысли об особой роли государства в жизни общества, о праве государства вмешиваться в распределение материальных благ, регулировать экономические отношения и социальный быт звучали еще в первых работах Ткачева[4]. Но впервые ясно и определенно уверенность в необходимости использования государственных институтов для разрушения старого порядка и создания нового, он выразил в предисловии к вышедшей в 1868 г. книге немецкого социалиста Э. Бехера «Рабочий вопрос в его современном значении и средства к его разрешению».

По мнению Ткачева, для успешного развития социальных преобразований необходимо государство буржуазии превратить в государство рабочих, в котором работники сделаются единственным центром социального порядка и кроме них «никто не должен быть терпим в обществе»[5]. Государство понималось Ткачевым как воплощение силы, а значит и власти, имеющей полную возможность заставить повиноваться своим распоряжениям[6]. Здесь же Ткачев проявил себя сторонником метода революционной диктатуры. Э. Бехер надеялся, что своевременное решение рабочего вопроса посредством реформ уничтожит опасность столкновения между имущими и неимущими и поможет избежать замены эксплуатации олигархов на эксплуатацию пролетариев, поскольку в таком случае «переменятся лица, но сущность дела останется все та же»[7].

С этим утверждением Ткачев категорически не был согласен. Во-первых, по его мнению, «говорить об естественном переходе старого порядка в новый нелепо, – нелепо потому, что... принципы первого диаметрально противоположны принципам второго», а, во-вторых, в случае прихода к власти рабочих «изменятся не только лица, но и самая сущность дела»[8]. Думается, что более отчетливо о концепции политической революции в подцензурной печати выразиться было нельзя. Это чутко уловили цензоры, отметив, что русская редакция, составив предисловие и примечания к книге Э. Бехера «Рабочий вопрос», входит «в полемику с переведенным автором и при том, обнаруживает в отношении теории коммунистическое, а в отношении к проведению ее в действие революционное направление»[9]. Уверенность Ткачева в том, что революционное государство нетождественно государству буржуазному, а революционная диктатура – диктатуре буржуазной, войдет затем, как неотъемлемый элемент, в его революционную доктрину.

С проблемой революции, вписанной в исторический процесс, связана постановка Ткачевым вопроса о роли личности и масс в истории. Петр Никитич высоко оценивал роль и возможности отдельной личности, подчеркивая, что «личная деятельность может разрушить то, что создали века, и проложить новую дорогу для дальнейшего развития человечества»[10]. Данный вывод содержал в себе понимание Ткачевым значения передовой интеллигенции. В одной из статей за 1868 г. он разделил российское общество на меньшинство, «стоящее по своему миросозерцанию в аванпосте европейской интеллигенции» («цивилизованная толпа») и на большинство, «по складу своего ума и по образу своей жизни приближающееся к состоянию первобытных людей» («нецивилизованная толпа», то есть – народ)[11].

Стоит отметить, что эта идея не была новой. Еще в 1863 г. обозреватель журнала «Современник» Г. З. Елисеев высказал мысль, что «народ наш разделяется на две неровные половины. Огромное большинство его составляют миллионы неразвитых масс, почти еще не тронутых цивилизацией, другую составляет небольшое образованное общество, воспринявшее в себя идеи современной европейской цивилизации с разнообразными оттенками различных партий»[12]. Ткачев, внимательно следивший за новинками периодической печати, скорее всего, был знаком с данной публикацией.

Как соединить столь разные элементы в одной системе исторического процесса? Ткачев отвечал на этот вопрос посредством анализа возможностей, заложенных в «цивилизованной» и «нецивилизованной» толпе. Начиная с «нецивилизованной» толпы, он предлагал отказаться, во-первых, от «иллюзии народного саморазвития», когда говорят, что «призывать ее («нецивилизованную» толпу. – *А. Х.*) к деятельности еще слишком преждевременно; что надо подождать, покуда она поумнеет», а, во-вторых, от «иллюзии народного гения», когда утверждают, что «нецивилизованная толпа... стоит несравненно выше толпы цивилизованной... не ее нужно учить, а у ней нужно учиться»[13]. Здесь Ткачев вплотную подходил к той стержневой установке, которая затем легла в основу его модели революции. «Нецивилизованная» толпа, взятая во всей ее совокупности, не верит и не может верить в свои силы. Она никогда по собственной инициативе не начнет и не может начать борьбы с окружающей ее бедностью.

И тут на авансцену выходит «цивилизованная» толпа – передовая интеллигенция, как авангард революционной борьбы народа, его благодетель и защитник. Все стремления «цивилизованной» толпы должны быть направлены на создание силы, в которую бы поверил народ. Она должна найти эту силу «в самой себе, в своем сознании, в своем более высоком умственном развитии, в своих нравственных и интеллектуальных условиях, среди которых она живет и действует»[14].

Для нравственного обоснования деятельности цивилизованного меньшинства («людей будущего»), Ткачев разработал особую мораль, своеобразный «кодекс чести» революционера. Основой стал популярный роман немецкого писателя Фридриха Шпильгагена «In Reih und Glied» («Один в поле не воин»). Ткачев восторженно отозвался о произведении и о его главном герое – молодом аристократе Лео, желавшим облагодетельствовать народную массу и одновременно презиравшим ее, не гнушавшимся для достижения «святой» для него цели интригами, ложью, подкупом и подлогом. Для Ткачева Лео – символ молодого поколения, человек «нового типа», привыкший «жертвовать всем в жизни, для достижения своих целей», тот, о котором все близко знавшие его единогласно говорили бы, что «для него нет ничего святого кроме его принципов...»[15].

По-настоящему обосновать и развить свою социально-политическую концепцию, известную как «русский бланкизм», Ткачев смог в эмиграции. Своеобразным манифестом «русского бланкизма» стала брошюра «Задачи революционной пропаганды в России», направленная против Лаврова. Ее смысл заключался в объяснении Ткачевым принципиального несогласия с взглядами Лаврова на революционный процесс. Для Петра Никитича Петр Лаврович был человеком другого поколения – поколения «сороковых годов», которое о поколении шестидесятых годов знало только теоретически, «по слухам и по книжкам»[16]. Отсюда следовал вывод, что «человек, никогда ни в теории, ни на практике не занимавшийся революционным делом, не может быть верным представителем революционной партии», и, следовательно, не имеет никакого морального права занимать ответственный пост редактора радикального журнала[17]. Призыв Лаврова к русской молодежи подготовить себя к революционным преобразованиям самым тщательным образом посредством накопления знаний и жизненного опыта был для Ткачева категорически неприемлемым, так как этот процесс мог затянуться на продол-

жительное время и тем самым отодвинуть революционное действие на неопределенный срок. Для него только стремительная, «кровавая и неумолимая» революция имела настоящее значение и истинную ценность. Убежденность Ткачева в неизбежном революционном действии, приводила его к крайнему нетерпению, к нежеланию ждать того момента, когда большинство народа дойдет до ясного понимания и осознания своих потребностей[18].

Главные надежды Ткачев по-прежнему связывал с революционным меньшинством, которое в силу своего высокого умственного и нравственного развития имело полное моральное право «навязать» народу новое сознание. Следует отметить, что в развертываемой перед революционной общественностью концепции, народ не представал пассивной массой. Напротив, «народ в силу самих условий своей социальной среды есть революционер, он всегда может; он всегда хочет сделать революцию; он всегда готов к ней» и революционеру остается только в определенный момент призвать народ к восстанию[19].

В письме к Лаврову Петр Никитич дал понять, что он отчетливо видит процесс разложения русской поземельной общины, углубление имущественного расслоения в крестьянской среде, появление категории кулаков, проникновение в деревню товарных отношений, развитие фабричного производства и городской жизни. Неизбежное движение России по пути капитализма не отрицалось им, но одновременно и пугало, так как укрепление капиталистических отношений грозило уничтожением основы русского крестьянского уклада – общины. И поэтому в порыве революционного нетерпения Ткачев бросал призыв: «Революция в России настоятельно необходима и необходима именно в „настоящий момент”, мы не допускаем никаких отсрочек, никакого промедления. Теперь или очень не скоро, быть может никогда»[20].

Отрицая лавровский «культ знаний», Ткачев предложил взамен три вида революционной деятельности, позволяющие, по его мнению, в короткий срок достигнуть намеченной цели: путь государственного политического заговора, путь народной пропаганды (просветительской деятельности) и путь непосредственной народной агитации (то есть, подстрекательства народа к бунту). При этом вновь без внимания был оставлен вопрос об устройстве будущего общества, о «другом дне революции», образ которого к тому времени, похоже, еще не до конца сформировался в мировоззрении Ткачева[21].

Большое значение для Ткачева имело появление своего печатного органа. Именно на страницах «Набата», превратив его в действенное орудие революционной пропаганды, Ткачев заявил о себе как о сложившимся идеологе политического направления в революционном народничестве. Первый выпуск «Набата», изданный в ноябре 1875 г. в Женеве, вызвал негативно-ироничную реакцию со стороны русской революционной эмиграции. В. Н. Фигнер вспоминала, что «первые номера „Набата" не только не вызвали сочувствия, над ними просто смеялись»[22]. В свою очередь, С. М. Кравчинский в конце 1875 г. в письме к Лаврову следующим образом отозвался о «детище» Ткачева: «Ткачев издает журнал под именем „Набат". В сущности, это будет одна мерзость – политическая революция, но она прикрыта, разумеется, социальной... у него (Ткачева. – *А. Х.*) нет ни одной капли революционного инстинкта, но у него есть революционный зуд»[23].

Что же, с одной стороны, так насторожило, а с другой – «рассмешило» русскую эмиграцию? Значительное место в первом выпуске «Набата» занимало программное заявление, написанное Ткачевым, которое должно было, по замыслу автора, задать тон идейному содержанию этого печатного органа. В нем Ткачев снова обнаруживал трезвый взгляд на изменение социально-экономической ситуации в России. Для него не секрет, что «огонь "экономического прогресса" уже коснулся коренных основ нашей народной жизни» и под его влиянием разрушается самый «принцип общины», принцип, долженствующий лечь краеугольным камнем в основание будущего общественного строя[24]. Не отказываясь от мысли об иллюзорной силе русского государства, автор признавал, что экономический прогресс может дать ему силу и крепость, пробудить в нем жизнь, поэтому нельзя медлить и тратить время на подготовление, а надо «делать» революцию[25]. Переходя затем к изложению задач журнала, Ткачев основное внимание уделил первоочередным целям революции, принципам организации революционных сил и устройству будущего социалистического общества.

Последний момент следует подчеркнуть особо, потому что до этого, как отмечалось выше, вопрос о другом дне революции он обходил стороной, считая его второстепенным по сравнению с задачей захвата власти. Вполне в духе Бакунина, конечной целью социалистических преобразований Ткачев называл достижение анархиче-

ского общества, но в отличие от теоретика анархизма, русский бланкист признавал анархию «только как желательный „идеал" отдаленного будущего»[26]. Тем самым проводился четкий водораздел между революцией политической и социальной, причем последняя являлась продолжением первой.

Для того чтобы достигнуть конечной цели, необходимо, по мнению автора, коренным образом перестроить экономические, социальные, политические структуры общества путем уничтожения старых форм и введения новых. Свои надежды на осуществление этой задачи Ткачев, естественно, связывал с революционным меньшинством, которое «в силу своего более высокого умственного и нравственного развития всегда имеет и должно иметь умственную и нравственную власть над большинством»[27]. Для выполнения своей миссии революционное меньшинство с необходимостью должно обладать политической властью[28].

Однако захват политической власти и создание революционного государства – это только прелюдия революции. Дальнейший ее ход определялся самим революционным государством, которому отводилось две роли: революционно-разрушительная и революционно-устроительная. Сущность первой – «борьба, а, следовательно, насилие», борьба без всяких колебаний и компромиссов; суть второй – постепенность, эластичность, «прочность и удобоприменяемость вводимых в жизнь перемен»[29]. В схеме Ткачева находилось место и органу народного представительства – Народной думе, которая должна была санкционировать реформаторскую деятельность революционного правительства.

Реформы охватывали все сферы общественной жизни и состояли в следующем: преобразовании современной крестьянской общины в «общину-коммуну», основанную на принципе общего пользования орудиями производства и совместного труда; экспроприации орудий производства и в передаче их в общее пользование; во введении таких общественных учреждений, которые «устраняли бы необходимость какого бы то ни было посредничества при обмене продуктов»; устранении физического, умственного и нравственного неравенства между людьми путем одинакового для всех общественного воспитания; уничтожении института семьи и, в конечном итоге, «упразднении центральных функций государственной власти», то есть достижения анархического идеала[30].

Завершалось программное заявление «Набата» изложением принципов устройства и внутреннего функционирования революционной партии. Истинно боевая организация революционеров должна, по мнению Ткачева, строиться на принципах строгой конспирации, дисциплины, централизации власти и децентрализации революционных функций[31]. При этом Ткачев более отчетливо, чем в письме к Лаврову, сумел выразить свое отношение к различным видам революционной деятельности. Предпочтение он отдавал государственному заговору, как если и не единственному, то, по крайне мере, главному и наиболее целесообразному средству для насильственного переворота.

В то же время настойчивые поиски места для народа в революционном преобразовании привели Ткачева к признанию необходимости для партии революционеров, с одной стороны, «подготовлять захват власти наверху» путем заговора, а с другой – «народный бунт внизу», и что первое без второго имеет такие же минимальные шансы на успех, как и второе без первого[32]. Завершая изложение программы «Набата», Ткачев ратовал за принцип интернационализма, полагая, что «нашей революционной партии было бы в высшей степени полезно находиться в постоянном общении с революционными партиями Западной Европы»[33].

Пропагандируемая им концепция политической революции в качестве необходимого условия для революции социальной, не вписывалась в устоявшийся и широко распространенный в среде народников взгляд об аморализме и вредности государственной власти, в чьих бы руках она не находилась. Как вспоминал Л. Э. Шишко, «тогда среди русских революционеров господствовало сильное предубеждение против политического якобинства, против революционной диктатуры, против мысли о пересоздании общественного строя путем декретов...»[34].

Отстаивая свои теоретические позиции, Ткачев уже в первом номере «Набата» вступил в полемику с Бакуниным, тем самым наглядно продемонстрировав принципиальную разницу между своими взглядами и идеями анархистов. Он отметил серьезные расхождения с ними по вопросам тактики, средств, отношения к государству и народу. Петр Никитич раскритиковал тезис Бакунина о том, что научное знание и мысль сами по себе не в состоянии изменить общественную жизнь. Такая постановка вопроса Ткачева в корне не устраивала, так как вела, по его мнению, к принижению значения рево-

люционной теории. Поэтому он настоятельно подчеркивал, что научные теории и общественные факты взаимосвязаны между собой и взаимно влияют друг на друга[35].

Ткачев не мог согласиться также и с тем, что бессознательные стремления масс стоят выше сознательных идеалов меньшинства, которое, хотя и «не может так сильно чувствовать страдания народа, как их чувствует сам народ», но, с другой стороны, способно лучше понимать эти страдания, поскольку относится к ним объективнее, всесторонне анализируя их[36]. Продолжая развивать заявленную в программе «Набата» мысль о постепенности социальных преобразований, Ткачев указывал на продолжительный их характер и предлагал анархистам заняться исправлением «недостатков народного идеала» после революции, а не накануне[37]. В итоге Ткачев пришел к выводу, что теория Бакунина постоянно «виляет между Сциллой и Харибдой – между метафизическим идеализмом и грубым житейским реализмом»[38].

Вместе с тем Ткачев не склонен был абсолютизировать разногласия между «бланкистами» и «анархистами», вся разница между которыми состояла только в том, что «одни уверены будто анархические идеалы могут быть осуществлены тотчас же по ниспровержении существующего порядка; по мнению же других, периоду их осуществления должен предшествовать период подготовления и что в этот подготовительный период вся правительственная власть должна находиться в руках революционного меньшинства…» и готов был пойти на сотрудничество[39]. Он призывал все революционные фракции сплотиться, несмотря на идейные и тактические разногласия, ради достижения одной, главной для всех цели[40]. Необходимо отметить, что мысль о единстве революционных сил не покидала Ткачева на протяжении всей его активной литературной деятельности и неоднократно встречается в его работах. Он проводил четкий водораздел между частными, пусть и принципиальными, расхождениями и одним общим делом.

В серии статей за 1876 г. Ткачев довел до кристальной ясности основные положения теории «русского бланкизма». Показательны в этом отношении статьи «Революция и государство» и «Накануне и на другой день революции». В первой из них, обращаясь к фракции анархистов, взгляды которых он так жестко критиковал, Ткачев вновь выразил надежду, что пропасть, разделяющая два направле-

ния, со временем «сама собой уничтожится...»[41]. Обрисовывая далее контуры революционного меньшинства, Ткачев уточнял состав этой главной руководящей силы, подразделяя ее на «привилегированную среду» (революционная интеллигенция) и «среду непривилегированную», в которую входит «среда мещанства, крестьянства, среда так называемых разночинцев»[42].

Ниже Ткачев опять остановился на проблеме государства, поднятой им еще в программном заявлении «Набата». Главными атрибутами государственного устройства, по его мнению, являются сила и власть. Сквозь призму этих понятий Ткачев и определял смысл существования государства[43]. Только обладая силой и властью, меньшинство может «заставить большинство, то косное рутинное большинство, которое не доросло еще до понимания необходимости революции и не уяснило себе ее цели и задачи... переустроить свою жизнь сообразно с его истинными потребностями, сообразно с идеалом наилучшего и наисправедливейшего общежития»[44].

При этом Ткачев, видимо, не боялся вполне возможного при переделке «косного, рутинного большинства» потока крови. Критикуя в статье «Накануне и на другой день революции» Лаврова, он сформулировал основной принцип своего социально-нравственного кредо: «что полезно для общества, что способствует осуществлению человеческого счастья, то и справедливо»[45]. В своем безудержном фанатизме, порождавшим установку «революция, во что бы то ни стало», Ткачев выходил за рамки моральной ответственности за свои призывы, через принцип целесообразности, постепенно скатываясь в лоно экстремизма. «...Мы не боимся риску, – рубил с плеча Ткачев, – ни нам, ни народу нечего жалеть, нечего терять! Пораженные раз, мы поднимемся в другой раз, мы будем подниматься и рисковать до тех пор, пока не победим. И мы победим, потому что с нами наша вера»[46].

Из ряда работ, написанных Ткачевым в 1876 г., особо выделялась статья «Народ и революция». Смысл высказанных в ней суждений о роли и месте народа в революции можно понять только соотнеся их с реальной ситуацией, сложившейся к середине 1870-х гг. в русском революционном движении. В первую очередь это, конечно же, провал «хождения в народ». Причина неудачи этой акции заключалась не столько в области практической (незрелости, неорганизованности, массовых арестов участников), сколько в сфере идеологиче-

ской, – крестьяне оказались глухи к проповеди идей «светлого будущего» со всеобщим равенством. Тем не менее, Ткачев, вообще скептически относившийся к просветительской, пропагандистской работе накануне революции, внимательно следил за событиями в России и готов был использовать любую возможность для организации скорейшего социального взрыва.

Разочарованность в созидательных потенциях русского народа Ткачев выразил в названной выше статье. Здесь он целенаправленно и методично изобличал «пошлость и бессмысленность фраз о каком-то народном гении», особо подчеркивая, что народ «ничего не видит, ничего не знает и знать ничего не хочет»[47]. Это позволило Ткачеву сделать вывод о консервативности идеалов русского народа, его неспособности выполнять созидательные функции. Роль народа в революции ограничивается только функцией разрушительной. Народ, по мнению Ткачева, способен разрушить старый мир, «но дальше он не пойдет». И поэтому честь строительства нового общества принадлежит исключительно революционному меньшинству, которое в своей реформаторской деятельности не может рассчитывать на «активную поддержку народа»[48].

Можно констатировать, что Ткачеву, несмотря на все усилия, не удалось представить народ в виде действенной, созидательной силы. В итоге роль народа была сведена им до уровня «мяса революции», а революционное меньшинство постепенно превратилось под его пером из благодетелей, покровителей народа в диктаторов, которые, говоря словами А. И. Герцена, «методом просвещений и освобождений, придуманных за спиною народа», втесняют ему «его неотъемлемые права и его благосостояние топором и кнутом...»[49].

Неудача «хождения в народ» привела к смещению деятельности русских революционеров в сторону политических методов борьбы. Ткачев с нескрываемым удовлетворением встретил сообщение о создании централизованной, конспиративной организации «Земля и воля», рассматривая ее как наглядный пример торжества своих принципов[50]. Вместе с появлением «Земли и воли» отчетливо наметилось новое направление в русском революционном движении – политический терроризм. Как отмечал известный дореволюционный юрист Н. А. Гредескул, «некоторая часть русской интеллигенции с середины семидесятых годов избрала иной путь для борьбы с абсолютизмом. Она решила вести эту борьбу путем насилия и устраше-

ния. И так как в ее руках физической силы было мало, то она решила пустить в ход эту силу в форме тайного заговора против жизни тех, кто были носителями абсолютизма»[51].

Ткачев не сразу смог ясно сформулировать отношение к этому методу, что вызвало его столкновение с ближайшим соратником по «Набату» и горячим приверженцем террора Г.-М. Турским, после чего Ткачев в сентябре 1876 г. был вынужден покинуть Женеву, поселиться в Париже и практически отстраниться от непосредственного участия в определении позиции «Набата». После отъезда Ткачева в Париж тон статей «Набата» заметно изменился. Так, тот же Турский в состоянии психопатической эйфории напутствовал: «…каждый имеет право сразить врага рода человеческого, и не только имеет право, но это прямая и святая обязанность каждого, кто не может хладнокровно видеть горе и мученье народа… Кому не представляется случая устранить большого тирана, пусть устранит помельче. Пусть каждый в этом случае действует по возможности»[52].

Свое понимание сути и значения террористических методов борьбы Ткачев впервые обозначил в 1878 г. в статье под символичным названием «Новый фазис революционного движения». Он не отрицал необходимости террора, поскольку «насилие можно обуздывать только насилием же», но предупреждал, что это не самоцель, так как «на подобные казни… следует смотреть лишь как на одно из средств, а совсем не как на цель и главную задачу революционной деятельности»[53]. В 1879 г., продолжая рассуждать на данную тему в статье «Что же теперь делать?», Ткачев прямо ответил на поставленный вопрос: «С систематическою последовательностью, неуклонною настойчивостью… стремиться дезорганизовать, терроризировать и уничтожить с корнем существующую государственную власть»[54].

Позже, в статье под названием «Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России», написанной в 1881 г., Ткачев из всего арсенала методов и приемов политической борьбы считал целесообразным на данный момент лишь один – террор, как единственное средство «к освобождению русского человека из-под гнета оболванивающего и оскотинивающего его страха»[55]. Устранить страх человека перед государственной властью можно, по его мнению, лишь одним способом: методом дезорганизации и ослабления этой власти, путем терроризирования «отдель-

ных личностей, воплощающих в себе, в большей или меньшей степени, правительственную власть», скорой и справедливой расправой с носителями самодержавной власти и их «клевретами»[56]. В этом же году вышли еще две «террористические» статьи Ткачева. В первой из них в массы бросался лозунг: «Смерть палачам, смерть тиранам без различия ранга и места, занимаемого ими в той прессовальной машине, которая зовется русским самодержавным государством; смерть всем висельникам; смерть всем эксплуататорам народа!»[57]. Во второй звучал призыв почтить память казненных народовольцев «кибальчичевскою бомбой»[58].

Однако причисление Ткачева к числу сторонников и одного из самых ярких пропагандистов терроризма, как это делается в некоторых современных исследованиях[59], мы считаем несправедливым, потому что этот вывод не согласуется со всей совокупностью публицистического наследия данного мыслителя. Ткачев никогда не был сторонником террора (хотя и принципиальным противником тоже), а тем более его проповедником. Надо обратить внимание на то, что вышеназванные статьи отвечали текущему моменту, доминирующей тенденции в русском освободительном движении. Однако Ткачев был далек от абсолютизации террора и признавал его только как одно из действенных средств, способствующих революционному перевороту. Удачные террористические акты подталкивают революцию в России, приближают ее начало. Эта мысль была для Ткачева главной. Он готов был приветствовать и поддерживать любые шаги по направлению к желанной цели, любые методы для ее достижения. В свое время Ткачев также поддержал «хождение в народ», хотя всегда оставался убежденным противником данной акции и предрекал ее провал.

Ткачев не был оригинален в восхвалении террора в определенный момент. Эту черту можно встретить у других радикальных мыслителей, даже у тех, которые были принципиальными противниками терроризма. Например, К. Маркс в полемике между «Черным переделом» и «Народной волей» встал на сторону последней. Об этом он недвусмысленно заявил в письме Ф. Зорге. К. Маркс критиковал фракцию чернопередельцев, которые вели революционную пропаганду в эмиграции, и ставил им в пример «террористов», рисковавших «собственной шкурой» в России[60]. Г. В. Плеханов, который в свое время подверг обстоятельному критическому анали-

зу программу и практическую деятельность «Народной воли», в начале XX в. писал, что «…это не значит, что я безусловно „отрицал” и „отрицаю террор”. Повторяю, обстоятельства меняются, а террор – не принцип. Может быть, скоро придет такое время, когда я не менее энергично стану высказываться в пользу террора»[61].

Такое время скоро наступило. В период Первой русской революции Плеханов признавал по отношению к черносотенной «сволочи» только один прием борьбы: террор. Он в сочувственном тоне говорил о замечательной плеяде революционеров семидесятых годов, которые великолепно владели револьверами и кинжалами, и призывал «товарищей» как можно скорее «пополнить этот пробел своего революционного образования»[62].

В том же «террористическом духе» высказывался в начале XX в. и В. И. Ленин. Еще в работе «С чего начать?» он указывал на то, что социал-демократы никогда не отказывались и не могут отказываться от террора, так как это «одно из военных действий, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения…»[63]. Во время октябрьской политической стачки 1905 г. Ленин призывал студентов и рабочих создавать небольшие отряды от 3-х до 10-и человек, вооружаться «кто как может»: кто револьвером, кто ножом, кто тряпкой с керосином для поджога, и тренироваться на взрывах полицейских участков, грабежах банков, избиении и убийствах городовых, дворников, шпиков, бросании им в лицо песка, молотого стекла, плескания кислоты[64].

Приведенные примеры, на наш взгляд, доказывают правоту умозаключения о влиянии определенного момента на взгляды. Ткачев не был среди апологетов терроризма, как не являлись ими К. Маркс, Г. В. Плеханов и В. И. Ленин. Их объединяла абсолютизация революционного пути переустройства общества. Отсюда возможность поддержки любого средства для достижения желаемой цели, особенно если эта цель кажется близкой и осязаемой.

Таким образом, в революционной теории Ткачева отразились элементы неоднозначности и противоречивости пореформенной эпохи. Его социально-политические взгляды по определенным параметрам не вписывались в народническую доктрину. Ткачев не верил в устойчивость общины перед экономическим прогрессом, не творил кумира из народа, настаивал на доминате политической составляющей в революционном действии, считал целесообразным

использование в переходный период государственных институтов, сформулировал принципы организации и построения партии профессиональных революционеров. Ему нельзя отказать в логичности, цельности и стройности формулировок, его аргументация проникнута острым социальным чутьем.

---

[1] См.: *Ткачев П. Н.* Наши будущие присяжные // Время. 1863. № 4. С. 107.

[2] *Ткачев П. Н.* Библиографический листок // Русское слово. 1865. № 12. С. 31.

[3] *Ткачев П. Н.* По поводу книги Дауля «Женский труд» и статьи моей «Женский вопрос» // *Ткачев П. Н.* Кладези мудрости российских философов. М., 1990. С. 397.

[4] См.: *Ткачев П. Н.* Быть или не быть сословию адвокатов // Эпоха. 1864. № 3. С. 175, 177.

[5] *Ткачев П. Н.* Предисловие и примечания к книге Бехера «Рабочий вопрос» // Соч.: в 2 т. М., 1975. Т. 1. С. 326.

[6] Там же. С. 309.

[7] Цит. по: *Шахматов Б. М.* Примечания // *Ткачев П. Н.* Соч.: в 2 т. М., 1975. Т. 1. С. 626.

[8] *Ткачев П. Н.* Предисловие и примечания к книге Бехера «Рабочий вопрос». С. 310, 327.

[9] Цит. по: *Рудницкая Е. Л.* Русский бланкизм: Петр Ткачев. М., 1992. С. 219.

[10] *Ткачев П. Н.* Рец. на книгу Циммермана «Крестьянская война в Германии» // Избр. соч. на социально-политические темы: в 4 т. М., 1932. Т. 1. С. 259.

[11] *Ткачев П. Н.* Подрастающие силы // Дело. 1868. № 9. С. 5.

[12] *Елисеев Г. З.* Внутреннее обозрение // Современник. 1863. Т. 94. С. 270.

[13] *Ткачев П. Н.* Разбитые иллюзии // *Ткачев П. Н.* Люди будущего и герои мещанства. М., 1986. С. 162.

[14] Там же. С. 204.

[15] *Ткачев П. Н.* Люди будущего и герои мещанства // *Ткачев П. Н.* Люди будущего и герои мещанства. С. 131.

[16] «...ваша революция есть не что иное, как утопический путь мирного прогресса», – бросал вызов П. Л. Лаврову П. Н. Ткачев. *Ткачев П. Н.* Задачи революционной пропаганды в России. Письмо к редактору журнала «Вперед». Лондон, 1874. С. 7.

[17] Там же. С. V.

[18] «...к тому времени, когда „большинство осознает и поймет свои потребности”, – иронизировал Ткачев, – солнце, быть может, давно уже потухнет...». Там же. С. 9.

[19] Там же. С. 17.

[20] Там же. С. 16.

[21] «...нам некогда, нам не до того, чтобы вперять свои взоры в будущее и развлекать себя созерцанием его красот», – заявлял Ткачев // Там же. С. 40.

[22] *Фигнер В. Н.* Очерки автобиографические // Полн. собр. соч.: в 7 т. 2-е изд., пересм., допол. и исправ. М., 1932. Т. 5. С. 107.

[23] Цит. по: *Любатович О. С.* Далекое и недавнее. М., 1930. С. 57.

[24] См.: *Ткачев П. Н.* В набат! (Программа журнала) // Набат. 1875. ноябрь. С. 1.

[25] Там же. С. 1, 2.

[26] Там же. С. 3.

[27] Там же. С. 4.

[28] «Ближайшая, непосредственная цель революции, – декларировал Ткачев, – должна заключаться не в чем ином, как только в том, чтобы овладеть правительственною властью и превратить данное, консервативное государство в государство революционное» // Там же.

[29] Там же. С. 5.

[30] Там же.

[31] Там же.

[32] Там же. С. 6.

[33] Там же.

[34] *Шишко Л. Э.* Сергей Михайлович Кравчинский и кружок чайковцев. Из воспоминаний и заметок старого народника. СПб., 1906. С. 24.

[35] См.: *Ткачев П. Н.* Анархия мысли // Набат. 1875. № 1. С. 35, 36.

[36] Там же. С. 37.

[37] «...разве подобная задача может входить в программу революционной деятельности? Разве дело революционера воспитывать народ?», – спрашивал П. Н. Ткачев М. А. Бакунина. *Ткачев П. Н.* Анархия мысли // Набат. 1876. № 2/3. С. 21.

[38] Там же.

[39] *Ткачев П. Н.* Итоги // Набат. 1875. № 1. С. 13.

[40] Там же. С. 17.

[41] *Ткачев П. Н.* Революция и государство // Набат. 1876. № 2/3. С. 5.

[42] Там же. С. 6.

[43] «...государственная власть есть высший тип организованной власти, то есть власти наиболее прямой и могущественной, – заявлял Ткачев. – Государство – это только одна из наиболее совершенных форм проявления власти…» // Там же. С. 9–10.

[44] Там же. С. 9.

[45] *Ткачев П. Н.* Накануне и на другой день революции // Набат. 1877. № 1/2. С. 18.

[46] *Ткачев П. Н.* Революционеры-реакционеры // Набат. 1876. № 5. С. 5.

[47] *Ткачев П. Н.* Народ и революция // Набат. 1876. № 4. С. 2.

[48] Там же. С. 4.

[49] *Герцен А. И.* Мясо освобождения // Собр. соч.: в 30 т. М., 1959. Т. 16. С. 27.

[50] Радость от коренного изменения настроений в русских революционных кругах П. Н. Ткачев выразил в одной из статей за 1876 г., где не без гордости отметил, что «революционное движение за последние два года значительно продви-

нулось вперед», в сторону проповедовавшихся «Набатом» идей. *Ткачев П. Н.* Минута настала // Набат. 1876. № 9. С. 1. Этот же оптимизм, вызванный переходом русских революционеров от «дезорганизаторских», пропагандистских приемов к «организаторским», политическим методам борьбы, Ткачев выразил несколько позднее в статьях «За прошлый год» (Набат. 1877. № 1/2. С. 1–6) и «Жертвы дезорганизации революционных сил» (Набат. 1878. С. IX–XLII).

[51] *Гредескул Н. А.* Террор и охрана. СПб., 1912. С. 11.

[52] *Турский Г.-М.* Революционная пропаганда // Набат. 1878. № 3–6. С. 7.

[53] *Ткачев П. Н.* Новый фазис революционного движения // Набат. 1878. № 3–6. С. 6.

[54] *Ткачев П. Н.* Что же теперь делать? // Набат. 1879. № 3–5. С. 5.

[55] *Ткачев П. Н.* Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России // Набат. 1881. 1 сентября.

[56] Там же. С. 438. Такой подход привел П. Н. Ткачева к следующему выводу: «Революционный терроризм является... не только наиболее верным и практическим средством дезорганизовать существующее полицейско-бюрократическое государство, он является единственным действительным средством нравственно перерродить холопа-верноподданного в человека-гражданина». – Там же.

[57] *Ткачев П. Н.* Казнь тирана и ее последствия // Набат. 1881. 20 июня.

[58] *Ткачев П. Н.* Герои-мученики // Набат. 1881. 1 июля.

[59] См., напр.: *Будницкий О. В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половине XIX – начало XX в.). М., 2000. С. 66, 68.

[60] См.: К. Маркс – Ф. Зорге. 5 ноября 1880 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967. С. 86.

[61] *Плеханов Г. В.* Предисловие к первому тому первого издания собрания сочинений // Соч. 2-е изд. М.; Пг., 1923. Т. 1. С. 27.

[62] *Плеханов Г. В.* Наше положение // Там же. М.; Л., 1926. Т. 13. С. 351, 352.

[63] *Ленин В. И.* С чего начать? // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1958–1965. Т. 5. С. 7.

[64] См.: *Ленин В. И.* В боевой комитет при Санкт-Петербургском комитете // *Его же* // Там же. Т. 11. С. 336–338; *Его же.* Задачи отрядов революционной армии // Там же. С. 339–341.

Милевский О. А.

Ранний период революционной деятельности Льва Тихомирова: 1871-1873 гг.

Участие Льва Александровича Тихомирова в революционном движении начинается, как и у абсолютного большинства тогдашних радикалов в годы студенчества. В августе 1870 он приезжает в Москву для поступления в университет. Обычная практика тех лет определила алгоритм поведения Тихомирова. Основная масса вновь прибывших в первопрестольную молодых людей сразу попадала в окружение своих земляков. Не стал исключением и Тихомиров.

Вообще, землячество в форме коммуны тогда представляло собой чрезвычайно распространенную форму студенческого общежития. Обычно для этого в складчину нанимались квартиры вблизи учебного заведения. Материальное положение живущих в коммунах юношей и девушек, естественно, различалось, но все полученные средства поступали в общее пользование, делились также и всяким имуществом. «Главным принципом такой жизни была взаимопомощь, как того требовала этика нашего поколения», – вспоминала А. И. Корнилова-Мороз, подчеркивая, что «такие коммуны являлись центрами для сближения молодежи между собой, увеличивали влияние более развитых и зрелых на вновь приезжающих, способствовали успеху пропаганды социалистических идей. Вместе с тем они давали возможность, при увлечении социализмом, применять его принципы на практике в своей личной жизни, действительно отрекаться от всех благ “старого мира”, живя в обстановке не лучшей, а даже худшей, чем у заводских рабочих, не различая между “моим” и “твоим” и отказываясь от личного пользования состояниями, чтобы употреблять их на общественные дела и цели»[1].

Первый опыт общения с такой формой жизни студенчества произошел у Тихомирова сразу после вступительного коллоквиума. Он оказался у туляков, туда его затащил новый знакомый – студент В. А. Вагнер. Там же, Тихомиров впервые встретился с Н. А. Морозовым и В. А. Гольцевым. Пребывание среди туляков не открыло ему ничего нового: «От них разило той же писаревщиной, какая пропитывала меня. На столе валяются Карл Фогт и т.п. Толки о развитии, последних словах науки и т.п.», – отмечал много позже Тихомиров[2].

Первоначально Тихомиров – студент медицинского факультета, проявил к занятиям большой интерес. Он вспоминал: «Я сначала набросился с большим жаром на лекции, мертвое мясо и т.п. <…> Я засел вплотную, усердно, никуда не выходя, ни с кем не знакомясь. Ходил, конечно, на лекции»[3]. Однако, привитое в гимназии, и оказавшееся чрезвычайно живучим среди студенчества той поры убеждение в абсолютной правильности пропагандируемых Д. И. Писаревым понятий вульгарного материализма стало тормозом для постижения научной истины.

Молодежь жаждала для приложения своих сил деятельности внешней и по первому зову готова была отдаться любым крайностям. Как вспоминал Тихомиров: «это самое крайнее – значит туда и идти. “Московские ведомости” ругают – значит хорошо... неприлично не быть передовым»[4].

Студенческая среда быстро и радикально менялась. Повсюду возникают студенческие учреждения: библиотеки, кухмистерские (столовые), кассы взаимопомощи. Первоначально многие из этих ассоциаций возникали с позволения университетского начальства, не усматривающего в них потенциальной опасности. Однако вскоре сходки на базе этих учреждений становятся обычным явлением. Этим оживлением в студенческой среде успешно воспользовались уже выработанные, убежденные представители революционного направления мысли (М. А. Натансон, Н. В. Чайковский, Ф. Н. Лермонтов, А. И. Сердюков и др.) и повели активную пропаганду в кругах учащейся молодежи. Они же стояли у истоков создания кружка, ставшего известным, как кружок «чайковцев» или, как его еще называют в отечественной историографии – «Большое общество пропаганды». Окончательное оформление кружка исследователи относят к началу осени 1871 года[5].

С 1871 по 1874 гг. филиалы «Общества» возникли в Москве и в ряде других городов[6]. Тихомиров не чуждый передовых идей быстро освоился в университетских кругах, став членом студенческой кухмистерской. В ней он свел знакомство со всем цветом передового московского студенчества, в том числе и с членами местного отделения «чайковцев» С. Л. Клячко и Н. П. Цакни. Сближение между ними и Тихомировым произошло в конце 1871 г.[7]. «Чайковцы» ставили целью на первом этапе своей деятельности способствовать более широкому распространению революционной литературы по всей России, создавая для этого сеть филиалов по университетским горо-

дам. Кроме того, кружок стал издавать книги за границей. В. М. Александрову поручается устроить типографию в Швейцарии[8].

В начале 1872 г. к распространению книг в Москве привлекли и Тихомирова, тогда еще официально к «Обществу» не принадлежавшего. К этому времени он водил дружбу с Цакни. Их сближало не только недовольство политической системой, сложившейся в России, но и южное происхождение – Цакни окончил Симферопольскую гимназию, Тихомиров – Александровскую в Керчи.

Не вызывает сомнения и тот факт, что большую роль в формировании Тихомирова, как революционера сыграл нечаевский процесс, состоявшийся летом 1871 г. и широко освещавшийся в официальной печати. На нем подсудимые, несмотря на все старания правительства дискредитировать их помыслы и всю тяжесть обвинения против них, смогли максимально открыто донести до публики свою приверженность делу освобождения народа. «Странное отношение установилось к этому громкому политическому делу: к людям, участникам процесса, положительное, – вспоминал очевидец тех событий, – а к организации как таковой, с которой они были связаны, – безусловно отрицательное»[9]. Процесс способствовал чрезвычайно быстрой радикализации молодежи, вдохновленной к тому же еще и революционной проповедью П. Л. Лаврова.

Многие материалы нечаевского процесса оказались напрямую связаны с Москвой, в первую очередь – с Петровской земледельческой академией. Естественно, такое знаковое для радикально настроенной молодежи событие не могло оставить Тихомирова равнодушным. Вращаясь в студенческой среде, он лично знал многих членов кружка А. В. Долгушина («долгушинцев») – пионеров «хождения в народ» – самого Долгушина, И. И. Папина, Н. А. Плотникова, Д. И. Гамова. Более того, в 1872 году он проживал в меблированных комнатах, около Тверской, там же жили Папин и Плотников[10]. И хотя, по его собственным позднейшим утверждениям, особенно близок к их затеям он не был и о деятельности их кружка тогда мало что знал, тем не менее, такого рода знакомства как нельзя лучше характеризуют общественно-политические настроения студента Тихомирова на тот момент времени.

Первоначально такие «новообращенные», как Лев Тихомиров, Н. А. Армфельдт, В. Н. Батюшкова и другие, лишь исполняли поручения более крупных революционеров Цакни и Клячко, сами не проявляя особой инициативы. Тихомиров тогда же проводил еще

и первые «литературные опыты». К концу 1872 г. он закончил свою дебютную брошюру под названием «Америка» и приступил к работе над историей Е. И. Пугачева. В связи с этим он много времени проводил за чтением. Само собою, предметом увлечения являлись отнюдь не медицинские учебники, а литература по истории и социальным вопросам.

Деятельность московских «чайковцев» в начале 70-х гг. не отличалась большой активностью. Руководители московского студенчества Клячко и Цакни «были какие-то тряпки, вялые, кислые, занимавшиеся радикальными делами как будто бы по обязанности службы и как будто сами от этих дел ничего не ожидавшие», как вспоминал Тихомиров[11]. После их ареста в 1872 г. и отхода от революционных дел Л. Ф. Рагозина оппозиционная деятельность Тихомирова замерла. Основную часть времени он проводил в литературных упражнениях, предоставленный сам себе. Но такое бездействие продолжалось недолго. В том же 1872 году под влиянием событий внутри страны и под впечатлением революционного брожения в Европе (Парижская коммуна – 1871 года, развитие социалистического движения и деятельность I Интернационала) радикальная жизнь в Москве вновь оживает. Петербургский кружок «чайковцев» становится центром социалистической пропаганды среди учащейся молодежи и естественным посредником в отношениях между провинциальными его отделениями[12]. Затем у петербуржцев под впечатлением призывов Лаврова явилось настойчивое желание на практике связать социалистическую пропаганду с народом. Для такого рода деятельности внимание «чайковцев» привлекали рабочие кварталы Петербурга. Подобные рекомендации получили и провинциальные кружки других городов. Переход к такой форме революционной работы датируется весной 1872 года.

Естественно, для такого рода деятельности необходимо было рекрутировать новые силы. С такой целью, для восстановления связей с Москвой, туда из Петербурга прибывает Н. А. Чарушин. При первом знакомстве с положением дел он пришел к выводу, что все окружение Цакни и Клячко – люди, безусловно, отличные, искренне преданные делу народа, но им не достает спаянности и инициативности, присущих центральному кружку. Целью Чарушина стала реанимация московского отделения «Общества», а для этого требовались свежие силы. Ставку Чарушин сделал на лиц, о которых в столице Империи уже слышали, в том числе и на Тихомирова.

Первая встреча Тихомирова с Чарушиным прошла несколько настороженно, выяснилось, что если в Петербурге о Тихомирове как перспективном революционном работнике слышали от московских руководителей кружка, то сам Тихомиров оставался об этом в полном неведении. Вскоре дело разъяснилось, и сближение Тихомирова с Чарушиным проходило очень быстро. Всем ходом своего развития Тихомиров уже был подготовлен к восприятию радикальных идей, а здесь перед ним предстал «человек, способный к вере, человек с потребностью жить чем-нибудь широким»[13]. Тихомиров также чрезвычайно понравился Чарушину. Последний, так описывал свое знакомство с ним: «Это был молодой человек небольшого роста, умный, спокойный и рассудительный, чуждый громких фраз и какого-либо позерства и в то же время, несомненно, настолько убежденный, что на него можно было положиться. Качества эти невольно привлекали, и я, в бытность мою в Москве, ежедневно бывал у него и едва ли не больше всех беседовал с ним»[14].

Именно Чарушин побудил Тихомирова взяться за реорганизацию отделения «Общества» в Москве и помог ему в этом. Чарушин познакомил Тихомирова с возвратившимся из ссылки Н. М. Аносовым, а тот, как бывший студент Петровской академии, способствовал установлению Тихомировым контактов с рабочими, «распропагандированными» еще с нечаевских времен. По заявлениям самого Тихомирова, к рабочим он очень стремился. Такое направление мыслей Тихомирова полностью устраивало Чарушина, так как совпадало с целями центрального кружка.

Проблемы организации пропаганды среди рабочих в Москве неоднократно обсуждались на встречах Чарушина, Тихомирова и Аносова. Вопрос рассматривался не только в теоретической плоскости, но касался и практических способов активизации такого рода деятельности. Горячее стремление Тихомирова к пропаганде среди рабочих еще сильнее сблизило его с Чарушиным, их отношения стали по-настоящему дружескими. После отъезда Чарушина Тихомиров, казалось бы, увидевший истинный смысл своего предназначения, полностью отдается пропагандистской деятельности. Университет им больше не посещался, заброшенными оказались лекции и занятия наукой. Все время поглощала деятельность, заключавшаяся в общении с миром радикалов, куда его ввел Чарушин. Это и организация «книжного дела», то есть распространение запрещенной литературы, и, наконец, сношение с рабочими.

Положение Тихомирова как организатора осложнялось еще и тем, что в Москве оказалось очень мало действительно революционных кадров. Через Аносова он познакомился с В. И. Князевым и его окружением из Петровской академии. Ценным для московских «чайковцев» человеком стал К. В. Аркадский, с которым Тихомиров быстро сошелся, свободно обсуждая различные политические вопросы.

С ним Тихомиров решил начать деятельность в народе, а иначе говоря – пропаганду среди рабочих. Однако дело едва-едва продвигалось. Видя свою «неумелость» в этом начинании, Тихомиров вынашивает планы поездки в Петербург, дабы поучиться вести дело с рабочими, а пока все контакты с рабочими сдает Аркадскому.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что к началу 1873 г. Тихомиров выдвигается на ведущие роли среди московских «чайковцев». А это в свою очередь способствовало расширению его радикальных связей. Он ближе сходится с членами кружка Долгушина, знакомится с И. А. Богдановым и Ф. М. Любавским. Последнее знакомство в дальнейшем имело для Тихомирова тяжелые последствия[15]. Наконец удалось ему предпринять и долгожданную поездку в столицу Империи. Это было его первое знакомство с Санкт-Петербургом. Об этом визите информации практически не сохранилось, но представляется, что, используя конспиративные сведения, полученные от Чарушина, Тихомиров смог не только наладить контакты с членами «центрального кружка», но и имел с ними тесные, неформальные отношения.

Главной целью поездки являлось решение вопросов, связанных с распространением запрещенной литературы. Более того, центральный кружок поручил Тихомирову, Гольцеву и Морозову учреждение студенческой библиотеки. На заседаниях кружка Тихомиров также обменялся опытом по организации пропаганды среди рабочих и получил совет от петербуржцев, как ее лучше вести. Тогда же обсуждался вопрос об издании заграничного журнала. В целом программа визита Тихомирова оказалась довольно насыщенной. И все же представляется, что главное впечатление, вынесенное им из столичной поездки, – это ощущение той особой ауры, сложившейся внутри самого кружка, покоившейся на высочайшей нравственной выработке его членов.

Много говорилось о том, что кружок «чайковцев» формировался как антипод нечаевской организации. Тем не менее, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что те нравственные критерии, которые «чай-

ковцы» прилагали к своим товарищам, не имеют аналога в истории русского революционного движения. В такой оценке сходятся и сторонники, и противники «чайковцев». В 1877 году Д. А. Клеменц писал Чайковскому: «Много мне пришлось повидать народу за свою жизнь, – столько, сколько и десяток других людей не перевидит, но чище и лучше людей нашего кружка <…> я не видал. В той совокупности, как мы были, мы были очень сильны, сильны своим нравственным влиянием на всех»[16]. В своих полицейских показаниях их давний недруг, студент Медико-хирургической академии А. В. Низовкин, отмечал, что «Чайковцы, в высшей степени скрытны в отношении посторонних, но между собой вполне и абсолютно доверяют друг другу.... Между ними нет ни старших, ни младших – все равнозначащи»[17]. Такая необыкновенная нравственная атмосфера братства и доверия не могла не очаровать Тихомирова и не заронить в его голову мысль о переезде в Петербург. Тем более что задуманное на широкую ногу издание нелегальной литературы для народа требовало наличия в центре людей, обладающих литературным талантом.

Увиденное в столице заставило Тихомирова во многом по-новому посмотреть и на постановку революционного дела в Москве. Ведь до этого местные радикалы, близкие к «чайковцам» (Тихомиров, Аносов, Армфельдт, Батюшкова, Князев), несмотря на то, что действовали вместе, формального кружка не составляли. Насущная же необходимость требовала реорганизации всего революционного дела в сторону большего единства. Эту же мысль «москвичам» настойчиво внушал и вернувшийся из «инспекторской» поездки по стране Чарушин. В пример им он ставил одесский филиал кружка, которым руководил Ф. В. Волховский. В работе одесского кружка в первую очередь бросалась в глаза прекрасная организация и четкая специализация всех сфер деятельности. В нем каждый занимался своим делом. Одни вели пропаганду среди молодежи, другие – среди рабочих, третьи занимались отысканием средств для кружка, четвертые – литературным делом.

Подобного же решено было достичь и в Москве, о чем много говорили между собой Чарушин и Тихомиров, ставшие настоящими друзьями. И главную роль в организации кружка в Москве сыграл именно Чарушин[18]. Окончательное оформление московского кружка произошло весной 1873 г. на квартире Армфельдт, где присутствовали 7–8 человек, включая Тихомирова и Чарушина. На этом и ряде следующих собраний кружка решено было активизировать занятия с

рабочими, и для привлечения новых лиц к работе кружка снять на лето дачу в московском пригороде Мазилово[19]. Тогда же Чарушин обратил внимание на первые литературные пробы Тихомирова.

Как упоминалось выше, он уже закончил свою «Америку», которая хотя и не была пропущена цензурой, стала известна в петербургских радикальных кругах и читалась среди рабочих в рукописи. Осваивал Тихомиров и новый жанр – сказки. Именно это направление в его творчестве наиболее заинтересовало Чарушина, агитировавшего Тихомирова переехать в Петербург, где как раз «на очереди стояла большая задача – создание народной нелегальной литературы»[20]. Пока же решили, что Тихомиров больше времени будет уделять литературным занятиям и временно устранится от пропаганды среди рабочих. Лев Александрович вспоминал, что в это время «делал свои первые литературные пробы, и именно преимущественно в виде сказок. Моя «Америка» (в сущности чушь, так же похожая на Америку, как свинья на апельсин), не пропущенная цензурою, читалась, однако рабочими в Петербурге в рукописи. Ее пропагандисты очень одобрили»[21]. И Тихомиров, вдохновленный похвалой его агитационным произведениям, по собственному выражению «усердно кропал».

Несомненно, предложение Чарушина переехать очень заинтересовало Тихомирова, поскольку оно обещало новые знакомства в мире радикалов, причем с его наиболее знаковыми фигурами. Все это не могло не льстить самолюбию начинающего революционера. Не последнюю роль в переезде сыграла и особая атмосфера «кружка чайковцев» в Петербурге, а главное – величина задач, стоящих, по мнению Тихомирова, перед ними.

Переезд Тихомирова в столицу состоялся в начале сентября 1873 года. Оказавшись в Петербурге и будучи принят в дружную семью «чайковцев», Тихомиров сразу ощутил те особые товарищеские отношения, которыми был проникнут кружок. Даже на склоне лет, полностью разочаровавшись в революционных идеях, при воспоминании о том времени он с теплом отметит, что «чайковцы» выбирали людей не только умных, но и возможно более проникнутых идеями, а также нравственных. Правила приема в кружок были очень жесткими: чтобы стать его членом, необходимо было получить добро всех его участников. По свидетельству самого Чайковского «кружок являлся чем-то большим, нежели обыкновенная организация политических заговорщиков, так как здесь были узы действительного братства, подвергшиеся в течение последующих лет

всевозможным испытаниям. Более крупные организации, возникшие в позднейший период русского революционного движения, никогда не могли похвастаться такою сплоченностью, как наш кружок»[22]. Иными словами, попадание Тихомирова в эту среду свидетельствовало о полном к нему доверии и о его готовности служить делу освобождения народа.

Действительно, в петербургском кружке Тихомиров работал рядом с неординарными людьми, оставившими яркий, пускай в условиях современной России и негативно воспринимаемый многими историками, след в революционном движении. Этими людьми были – С. Л. Перовская, С. М. Степняк-Кравчинский, П. А. Кропоткин, Н. А. Морозов и другие. Громадное влияние на мужчин «чайковцев» имели их соратницы-женщины. В первую очередь нужно сказать о Перовской, т.к. ее особую роль в кружке как некоего «нравственного эталона» отмечают практически все мемуаристы. «Со всеми женщинами в кружке у нас были прекрасные товарищеские отношения. Но Соню Перовскую мы все любили», – писал Кропоткин[23].

Пример этой девушки из аристократической семьи, действовал вдохновляюще и заставлял забывать обо всем ради идеи служения народу. Она первая шла в борьбу и жаждала наиболее опасных постов. Это и давало ей, быть может, такую власть над сердцами товарищей по борьбе. Видимо, при первом знакомстве не избежал ее чар и Тихомиров. Хотя справедливости ради надо отметить, что Перовская крайне требовательно относилась к революционерам-мужчинам и не позволяла себе даже легкого флирта. Недаром самым страшным упреком-приговором в устах этой юной ригористки являлось слово «бабник»[24].

К осени 1873 г. окончательно оформилось основное направление в деятельности «Большого общества пропаганды» – пропаганда среди рабочих. Напрямую с ней связывали и деятельность по распространению пропагандистской литературы, хотя уже первые занятия с рабочими показали их крайне низкий уровень развития. Отметим, что «чайковцы» вели занятия в основном с фабричными рабочими: считалось, что они не утратили связи с деревней и после определенной обработки смогут донести идеи, почерпнутые от революционеров, в крестьянские массы[25].

Для такого рода пропаганды требовалась особого рода литература, в современной историографии получившая название «литература для народа». Она представляла из себя небольшие повествователь-

ные произведения, где в доступной форме излагались факты и идеи, приводящие к выводу о необходимости социальной революции ради освобождения народа от нищеты, невежества и эксплуатации его труда[26]. Для подготовки такого рода сочинений в недрах кружка «чайковцев» сформировали специальный литературный комитет.

Ядро комитета составляли Клеменц, Степняк-Кравчинский, Кропоткин, Л. Э. Шишко и Тихомиров. Его членам вменялось в обязанность не только подбирать подходящие для пропаганды произведения из того, что было издано легально, но и писать их самим. В Швейцарии у «Общества» находилась типография, где печатались их сочинения. Деятельность «чайковцев» в этом направлении шла чрезвычайно активно: с 1872 по 1877 гг. они издали 12 брошюр, а всего в революционном лагере – 29. Из них в 1872–1874 гг. – 8, а за это же время остальными кружками – всего 9[27]. Переправляли нелегальную литературу в основном через южную границу, где члены одесского кружка, как тогда выражались, «держали границу».

Именно на литературной стезе Тихомиров и получил наибольшую известность в кружке. Самыми популярными сочинениями Тихомирова, написанными в жанре литературы для народа, стали «Сказка о четырех братьях» (другое название «Счастливые встречи, или Любовь к Родине») и «Емельян Иванович Пугачев или бунт 1773 года». Обе брошюры высоко оценили в революционных кругах. Очень лестно отзывался о «Сказке» известный революционер-эмигрант И. Л. Линев, писавший Л. Б. Гольднбергу[28]: «Честь и хвала вам за новое издание ваше... Форма рассказа бесподобная. Вы издали образцовую штуку»[29]. Более того, сказка была переведена на украинский язык, так как очень понравилась не только украинским народникам-пропагандистам, но и «особенно мужикам»[30]. Впоследствии она была переведена на грузинский язык[31]. В несколько сокращенном виде сказка вошла в фольклорный репертуар, закрепилась в устном бытовании[32].

О признании сочинений Тихомирова свидетельствует и то обстоятельство, что они несколько раз переиздавались довольно большим тиражом. Обращает внимание то, что при переиздании той или иной брошюры в первую очередь учитывался факт ценности ее для пропаганды, когда это подтверждалось непосредственным опытом практической деятельности в народе. Именно апробация в условиях российской сельской и городской глубинки и приводила к росту либо сокращению тиража издания. Например, третье издание ти-

хомировской «Сказки о четырех братьях» достигло 15 тыс. экземпляров, для сравнения: «Чтой-то, братцы» Шишко – 4 тыс., а «Хитрая механика» В. Е. Варзара – 10 тыс. экземпляров. Первое издание «Сказки о Мудрице Наумовне» Степняка-Кравчинского и вовсе не превысило 3 тысяч.

В обвинительном акте по «процессу 50-ти» «Сказка о четырех братьях» упоминается 41 раз, а в обвинительном акте по «процессу 193-х» 75 раз[33], что намного больше, чем остальные сочинения для народа.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что, несмотря на установление авторства Тихомирова, две эти его работы все еще недостаточно изучены. Даже в фундаментальном исследовании В. Ф. Захариной разделу, посвященному анализу сочинений для народа, написанных Тихомировым, отводится не слишком много места. Однако представляется, что более детальное знакомство с этими произведениями может многое рассказать о мировоззрении Тихомирова-чайковца.

Первой из написанных оказалась «Сказка о четырех братьях». Захарина совершенно справедливо отмечала, что в «немудреный сюжет “Сказки” автору удалось включить много злободневных тем и идей. Там мы находим и беспощадную критику реформы 1861 г., подымается в ней вопрос и о политическом бесправии масс, говорится о необходимости солидарности между трудящимся людом и о многих других актуальных вопросах»[34]. Все это, несомненно, так, но все же остановимся на рассмотрении этого произведения подробнее.

Уже на первых страницах мы убеждаемся в том, что автор является сторонником коллективистских начал общежития, как бы примеряя на них тот социалистический идеал, который был почерпнут им из существующей тогда литературы. Так, характеризуя представления братьев о жизни людей, он пишет: «Много их, всякую работу они осилят. Лес ли рубить, болото ли осушить, дорогу ли проложить… – все они могут, потому что много их вместе живет и силы у них много»[35]. В своем сочинении автор жестко критикует грабительский механизм крестьянской реформы, причем весьма детально вплоть до методов ее проведения (деятельность мировых посредников, отрезки и т.д.)[36]. Причем в сказке Тихомиров дает социальный срез всех групп, по его мнению, угнетающих народ от крестьян-мироедов, становых, помещиков, опирающихся на полицию и армию, до фабрикантов и священнослужителей.

Рисуя картины безрадостной народной доли, Тихомиров, однако, по мнению литературного комитета, не смог должным образом отобразить финал сказки. Поэтому, его собственные варианты были изменены, по решению кружка, на более радикальные. «Сказка всем нам очень понравилась, – вспоминал позже Кропоткин, – но когда мы прочли ее заключение, мы совсем разочаровались. У автора четыре брата, натерпевшись от капитала, государства и т.д., сошлись все четверо, на границе Сибири, куда их сослали, и заплакали. Сергей (Степняк-Кравчинский. – *О. М.)* и я настаивали, чтобы конец был переделан, и я переделал его и сделал так, как он теперь в брошюре, что они идут на север, на юг, на запад и на восток проповедовать бунт[37]. Т.е. фактически Кропоткин вывел в финале анархический идеал, сторонником которого являлся он сам.

Однако при внимательном прочтении текста мы можем убедиться, что и в центре повествования идеал безгосударственного общества рисуется весьма отчетливо. Например, описывая странствия брата Степана на юге и поднятое им выступление крестьян, подавленное солдатами, говорится следующее: «Всем, кто станет народу противиться, – веревку на шею, и конец. Начальство тоже побоку. Крестьяне и сами сумеют управляться своими делами»[38].

Таким образом, представляется, что проникновение идей анархизма в среду «чайковцев» было весьма существенным. Недаром даже Тихомиров, не являвшийся явным приверженцем М. А. Бакунина, вынужден был использовать в своих сочинениях для народа анархистскую фразеологию. Но это был скорее не идейный, а стихийный анархизм, основанный на неприятии той формы политической власти, которая существовала в Российской империи.

Подобные же пертурбации произошли и со вторым его сочинением для народа, а именно брошюрой «Емельян Иванович Пугачев или бунт 1773 года». Революционерам работа о Пугачеве понравилась. Возвращаясь к письму Линева к Гольденбергу, находим и строки посвященные ей: «Вы сделали хорошее дело, издав полезную книжку…. Хорошо, что народная литература пополняется дельными вещами»[39].

При анализе этой работы следует учитывать то обстоятельство, что при оценке полной завершенности этого сочинения самим Тихомировым имеются разночтения. Так, в своих воспоминаниях Чарушин пишет, что «на Тихомирова было возложено написать о Пугачевском бунте, на Кравчинского – по экономическим вопросам.

Первый свою работу еще до своего ареста в ноябре сделал, Кропоткин потом снабдил ее анархическим концом»[40].

Но существует и мнение исследователя Ш. М. Левина, считающего, что Тихомиров не довел работу над рукописью до конца. Исследователь при этом ссылался на воспоминания самого Тихомирова, указывавшего, что он не успел окончить «Историю Пугачева»[41]. Левин вслед за Тихомировым отмечал, что «окончена она была Кропоткиным, который еще в рукописи читал ее фабричным рабочим на Выборгской стороне. В печатном виде под названием «Емельян Пугачев или бунт 1773 года» (в цитируемом нами оригинале указан, видимо по конспиративным соображениям, год издания 1871 г. – *О. М.*), она появилась в Петербурге перед самым разгромом кружка в 1874 г.»[42].

Сам Кропоткин в своих воспоминаниях так описывал эту ситуацию: «Точно так же и в “Пугачевщине” конец был плох…. Решили приделать конец, где бы изображен был идеал безгосударственного послереволюционного строя. Я и написал этот конец в несколько страниц. Моя рукопись попалась потом в руки жандармов»[43]. В комментариях к его «Запискам революционера» В. А. Твардовская отмечала: «Концовка брошюры о Ем. Пугачеве, написанная П. А. Кропоткиным, отличается от текста Л. А. Тихомирова усилением анархистского начала в послереволюционном обществе»[44].

Еще более детальную сравнительную работу произвела Захарина, она смогла сопоставить тексты Тихомирова (его фрагмент был найден ею в деле студента И. И. Гауэнштейна) и Кропоткина. Из анализа текстов явствует, что Кропоткин не только дописал финал рукописи, но и существенно переработал тот раздел, где Тихомиров пишет о государстве.

Сравним два подхода авторский и Кропоткина. У Тихомирова: «Единственное средство помочь горю – это так устроить народ, чтобы он сам управлял своими делами, за всем смотрел и всякое начальство сам выбирал»[45]. У Кропоткина: «Одно средство помочь горю, это чтобы народ сам управлял всеми до единого своими делами, без всяких начальников, сам бы за всем смотрел и все свои дела сам решал по деревням и городам. Так, было прежде в России, прежде чем развились цари и дворяне, и было не в пример лучше. Если бы, к примеру, всякая волость управляла своими делами, тогда дела бы шли лучше»[46].

Исходя из выше написанного Захарина делала вывод, что «если текст Тихомирова можно трактовать двояко – либо как необходи-

мость создания народного правительства взамен уничтоженного царского, либо как призыв к установлению общинного самоуправления, то о тексте, переделанном Кропоткиным не может быть двух мнений: здесь совершенно четко говорится о борьбе против государственной власти вообще, о безгосударственном строе»[47].

Так все-таки идеал какого общественного устройства пропагандировал Тихомиров? Ответ на этот вопрос попытаемся найти, более глубоко проанализировав текст его брошюры. Собственно тексты оригинала тихомировской рукописи подтверждают мысль о том, что он был сторонником создания народного правительства: «Итак, стало быть, народ должен быть свободным, должен сам управлять собой, а начальство и царя не нужно, потому что они могут только навредить, а пользы от них никакой нет»[48].

Вообще проблема послереволюционного устройства и возможной узурпации народной власти весьма остро звучит в брошюре на примере перерождения самого Пугачева: «Назвавшись императором и видя, что другие признают его царем, он и в самом деле стал жить по царски…. Уж на что хороший человек был Пугачев: бойкий, смелый, сам всякое горе терпел и всякую нужду знал, и тот избаловался. Видимо всегда так. Дай человеку силу над людьми, да покоряйся ему, – избалуется, изленится»[49]. В этом же трагическом перерождении формы власти Тихомиров видит и причины поражения Пугачева.

Обращает на себя внимание и такая характерная деталь: оба сочинения Тихомирова, несмотря на свою революционную направленность, оказались без убедительного идейного завершения. Это позволяет говорить о том, что он еще полностью не сформировал своего социального идеала, и выработка его революционного мировоззрения еще не была окончательно завершена.

Да он и сам впоследствии указывал, характеризуя свое настроение в то время и взгляды большинства окружающих его радикалов: «Анархизм только наиболее соответствовал смутности наших политических понятий…. В действительности мы не имели на душе ничего, кроме мечтаний о будущем счастье человечества, безусловной свободе, всеобщем братстве, но как все это сделать, как даже подойти к осуществлению этого – на этот счет мы не имели даже приблизительно ясных представлений…»[50].

Программные вопросы, первоначально мало интересующие «чайковцев» и не мешающие их совместной работе, тем не менее, требовали разрешения. Осенью 1873 г. в кружке пришли к выводу о необ-

ходимости иметь свою программу. С инициативой ее написания выступил Кропоткин. В целом разработанный им документ под названием «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?» был выдержан явно в духе бакунизма. До сих пор, как в мемуарной, так и в научной литературе нет единого мнения, является ли данный текст программой всего «Большого общества пропаганды».

Вероятно, в первую очередь кропоткинская программа отражала настроения петербургских членов кружка, да и то не всех. Так Кропоткин, вспоминая об обсуждении его проекта, указывал, что «когда мне поручили составить программу нашего кружка и я ставил целью движения крестьянское восстание и намечал захват земли и всей собственности, на моей стороне были только Перовская, Кравчинский, Чарушин и Тихомиров»[51]. Оригинал рукописи Кропоткина имеет большое количество замечаний и вставок. Тихомиров свидетельствовал, что программу, предложенную Кропоткиным в духе крайнего анархизма, «мы долго продолжали еще обсуждать… и дополнять»[52].

Тем более что, как подчеркивал Тихомиров, «среди нас было несколько действительно убежденных анархистов; другие же довольствовались не вполне ясными мечтаниями о будущем, об абсолютной свободе, о безграничном братстве, о всеобщем счастье. Но это была еще далеко не программа, это была скорее мечта, заменявшая для нас утраченную веру в будущую жизнь»[53].

В целом, оценивая общественно-политическое мировоззрение Тихомирова-чайковца, следует признать, что последний в это время разделял идеи скорее культурно-просветительские, наивно социалистические, нежели бунтовские. Также выдвинем тезис о том, что «государственный инстинкт», пускай пока и в весьма размытых формулах народного правительства в начале 70-х годов уже наличествовал в политических воззрениях Тихомирова. Не любитель готовых формул, он много размышлял над фактами русской истории, стремился постичь ее самобытный характер. Свидетельство тому – его знакомство уже в то время с работами славянофилов. Тихомиров признавал: «Я был из самых начитанных в кружке и между прочим перелистывал когда-то Киреевского и Хомякова. Но только перелистывал. Они были слишком сложны для наших голов, избалованных соблазнительной простотой механического миросозерцания»[54].

Кроме литературной работы Тихомиров большое количество времени уделял и пропаганде среди рабочих. Этой стороне дела, как уже говорилось, многие члены кружка отводили особое внимание.

Еще в январе 1873 г. состоялось общее собрание кружка, на котором рабочее дело «без возражений не только санкционировалось, но ему отводилось в задачах кружка самое почетное место»[55]. В Петербурге у «чайковцев» было несколько точек для пропаганды, ведущейся в основном на фабричных окраинах. Степняк-Кравчинский, Клеменц, С. С. Синегуб, Д. М. Рогачев, Тихомиров и Перовская вели занятия за Невской заставой (где были заводы Семенякова и Торнтона. – *О. М.*). Особенно тесно Тихомиров сошелся с супругами Синегуб. Они вместе нанимали одну квартиру в рабочем квартале, за Невской заставой, в шутку называя место своего обитания Сент-Антуанским предместьем. Жили просто, без особых запросов, стремясь во всем подражать быту рабочих.

В отличие от Москвы, пропаганда в Петербурге шла значительно оживленнее, хотя и здесь оставалось та же проблема–трудность в заведении знакомств с рабочими. Обычно контакты устанавливались с помощью посредничества уже знакомых революционерам рабочих. Использовалась также практика устройства на работу в мастерские или на фабрику. Так, Рогачев некоторое время трудился кочегаром на Путиловском заводе, а Степняк-Кравчинский и Синегуб находились в артели каменщиков, где вскоре завели связи и выступали перед большой аудиторией[56].

Тихомирова, как мало приспособленного к физическому труду, использовали для пропаганды, когда контакты с рабочими оказывались уже налажены. Сама же пропаганда не представляла никаких затруднений. По воспоминаниям Тихомирова, рабочих интересовало «решительно все… мы объясняли нашей аудитории, каким образом измеряют, например, расстояние между землей и солнцем и пр. …Наши уроки не отличались систематичностью, но они упражняли умственные способности учеников, которые в общем делали большие успехи…»[57].

В сущности, это были курсы общего развития для взрослых, и не более. Велись беседы по истории, политэкономии и ряду других предметов. Свидетельство тому – многотомные полицейские дела, хранящиеся в архивах Москвы и Петербурга.

В 1873 г. пропаганда среди рабочих находилась в зачаточной форме. Идейно зрелых рабочих, приверженных революционной идее, насчитывались единицы. Большинство же из них, только слегка задетые агитаторством, оказывались еще не готовыми к усвоению основных идей, развиваемых пропагандистами, либо ими интуитив-

но улавливалось лишь общее настроение, острое ощущение несправедливости своего положения. Но и такое развитие пропаганды вширь, причем ведущейся практически открыто, не могло не настораживать власти.

К такого рода опасности прибавилось и еще одно обстоятельство, не учтенное пропагандистами по своей неопытности и слабому знанию действительной обстановки в фабричной среде, – это агрессивное неприятие идей, проповедуемых радикальной интеллигенцией некоторой (и немалой!) части рабочих, для которых авторитет мастера и фабричного старосты по-прежнему оставался чрезвычайно высок.

Сохранилось свидетельство самого Тихомирова: «Рабочая среда, в широком смысле, не оказалось без людей, которые в нас самостоятельно признали каких-то “врагов” в то время, когда официально мы не были еще объявлены вредными…, противодействие среды нарастало очень быстро. Немного месяцев действовала наша дальнезаставская группа, а уже окружающая атмосфера стала как-то омрачаться. Количество рабочих, являвшихся “учиться”, сначала так быстро возраставшее, начало уменьшаться. Наши “ученики” все чаще стали передавать о тех спорах, которые им приходилось выдерживать о нас на квартирах»[58].

Получалась парадоксальная вещь: силой обстоятельств пропаганда среди рабочих, задуманная как массовая и имеющая просветительский характер, стала со временем все более принимать характер тайный, заговорщический, ориентированный лишь на отдельных представителей рабочего сословия. И все же именно тогда, невзирая на все просчеты и неудачи, связанные с этим начинанием, у Тихомирова зародилось трепетное отношение к справедливому решению «проклятого» рабочего вопроса. Данная проблема занимала его на протяжении всей его жизни.

Пребывание Тихомирова среди петербургских «чайковцев» оказалось непродолжительным. Полиция, напуганная ростом пропаганды в столице Империи, используя промашки еще не искушенных в конспирации молодых людей, вскоре вышла на их след. В ночь с 11 на 12 ноября 1873 г. полицейские нагрянули на квартиру за Невской заставой, нанимаемую семейством Синегубов и Тихомировым[59].

Аресты пропагандистов стали тогда уже обычным явлением. Все могло еще кончиться более-менее сносно, но знакомство Тихомирова с Синегубом, который был сильно скомпрометирован перед властями,

а также московские дела Тихомирова, ставшие частично известными полиции, и его упорное нежелание сотрудничать с властями и помогать им – все это в совокупности выставило Тихомирова перед полицейским дознанием как серьезного врага существующего строя.

Именно из тюрьмы, где Тихомиров пробыл более 4-х лет с ноября 1873 по январь 1878 г. начинается его путь в мир революционного подполья, приведший Тихомирова сначала в «Землю и волю», а затем сделавший его ведущим идеологом народовольчества.

---

[1] *Корнилова-Мороз А. И.* Перовская и кружок чайковцев // Революционеры 1870-х годов. Воспоминания участников народнического движения в Петербурге. Л., 1986. С. 67.

[2] Воспоминания Льва Тихомирова. М.; Л., 1927. С. 36.

[3] Там же. С. 37.

[4] Там же. С. 47.

[5] *Троицкий Н. А.* Крестоносцы социализма. Саратов, 2002. С. 132.

[6] *Троицкий Н. А.* Большое общество пропаганды. Саратов, 1963. С. 44.

[7] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 55.

[8] *Чарушин Н. А.* О далеком прошлом. Из воспоминаний о революционном движении 70-х годов XIX в. М., 1973. С. 115.

[9] Там же. С. 100.

[10] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 52.

[11] Там же. С. 58.

[12] *Кропоткин П. А.* Записки революционера. М., 1990. С. 289–290.

[13] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 58.

[14] *Чарушин Н. А.* Указ. соч. С. 152.

[15] См.: *Репинков А. В., Милевский О. А.* Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011. С. 66.

[16] Цит. по: *Таратута Е. А.* С. М. Степняк-Кравчинский – революционер и писатель. М., 1973. С. 36.

[17] ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. 1874. Д. 213. Л. 97 об.

[18] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 73–74.

[19] Там же. С. 75.

[20] *Чарушин Н. А.* Указ. соч. С. 165.

[21] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 75.

[22] Цит. по: *Перрис Д.* Пионеры русской революции. СПб., 1906. С. 22.

[23] *Кропоткин П. А.* Указ. соч. С. 290.

[24] Там же. С. 284.

[25] Положение заводских и фабричных рабочих было различным. Заводские рабочие были значительно лучше обеспечены, нежели фабричные, соответственно более развиты. В среднем заводской рабочий получал до 2 рублей в день, т.е. около 60 рублей в месяц, а фабричные работали более 12–14 часов, а зарабатывали 20–25 рублей в месяц. Фабричный рабочий носил ситцевую ру-

баху и долгополую поддевку, над которой посмеивались заводские // *Плеханов Г. В.* Русский рабочий в революционном движении. Л., 1989. С. 65–66.

[26] См.: *Захарина В. Ф.* Голос революционной России. (Литература революционного подполья 70-х годов. «Издания для народа»). М., 1971. С. 237.

[27] Там же. С. 135.

[28] Л. Б. Гольденберг ведал типографией «чайковцев» после В. М. Александрова. См.: *Гинев В. Н.* Блестящая плеяда // Революционеры 1870-х годов. Воспоминания участников народнического движения в Петербурге. Л., 1986. С. 13–14.

[29] *Захарина В. Ф.* Указ. соч. С. 237.

[30] Там же. С. 60.

[31] Там же. С. 61.

[32] Уральский фольклор. Свердловск, 1949. С. 167–175.

[33] Агитационная литература русских революционных народников. Потаенные произведения 1873–1875 гг. Л., 1970. С. 486.

[34] *Захарина В. Ф.* Указ. соч. С. 59.

[35] Агитационная литература русских революционных народников. С. 268.

[36] Там же. С. 274.

[37] *Кропоткин П. А.* Указ. соч. С. 322

[38] Агитационная литература русских революционных народников. С. 282.

[39] Цит. по: *Захарина В. Ф.* Указ. соч. С. 55.

[40] *Чарушин Н. А.* Указ. соч. С. 192.

[41] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 75.

[42] *Левин Ш. М.* Примечания // *Чарушин Н. А.* Указ. соч. С. 368.

[43] *Кропоткин П. А.* Указ. соч. С. 322.

[44] *Твардовская В. А.* Комментарии // *Кропоткин П. А.* Указ. соч. С. 506.

[45] Цит. по: *Захарина В. Ф.* Указ. соч. С. 212.

[46] Емельян Иванович Пугачев или бунт 1773 года. М., 1871. С. 108–109.

[47] *Захарина В. Ф.* Указ. соч. С. 212.

[48] Цит. по: Там же. С. 213.

[49] Емельян Иванович Пугачев. С. 81.

[50] *Тихомиров Л. А.* Пропагандисты // Имперский вестник. 2010. № 4. С. 32.

[51] *Кропоткин П. А.* Указ. соч. С. 274–275.

[52] *Тихомиров Л. А.* Заговорщики и полиция. М.; Л., 1928. С. 15.

[53] Там же. С. 15.

[54] *Тихомиров Л. А.* Пропагандисты. С. 31.

[55] *Чарушин Н. А.* Указ. соч. С. 144.

[56] *Таратута Е. А.* Указ. соч. С. 39.

[57] *Тихомиров Л. А.* Заговорщики и полиция. С. 21.

[58] *Тихомиров Л. А.* Пропагандисты. С. 40.

[59] См.: *Репников А. В., Милевский О. А.* Указ. соч. С. 61–62.

Арсланов Р. А.

«Неизбежная вражда»: П. Л. Лавров и К. Д. Кавелин о судьбах пореформенной России

Современное российское общество, как и в эпоху модернизации, начавшуюся после освобождения крестьян, переживает сложный, пронизанный различного рода противоречиями и спорами о путях их разрешения период своего развития. В этих условиях обращение к полемике теоретика народничества П. Л. Лаврова и известного идеолога либерализма К. Д. Кавелина, которые разработали свои оригинальные проекты общественного развития, представляется актуальной и назревшей научной задачей. В их идейном противостоянии нашла отражение борьба демократической и либеральной оппозиции пореформенной России во многом определявшая судьбы страны. Особое звучание теме придает то, что в современном протестном движении, выступающем с критикой власти, идет острая полемика между сторонниками либерального проекта и левыми силами.

Исследование диалога и личных контактов двух мыслителей позволяет разобраться и в том, почему люди одного социального круга, среды воспитания, близких взглядов и нравственных установок в условиях модернизации оказались по разные стороны баррикад. Кроме того, обращение к теме дает возможность лучше рассмотреть основные особенности демократической и либеральной мысли в России. Тем более что в научной литературе существуют различные оценки не только характера взглядов их представителей, но и сущности взаимоотношений.

Так, в дореволюционной историографии существовала точка зрения на Лаврова как идеолога одного из направлений русского либерализма. К примеру, Н. И. Кареев, высоко оценивший вклад Лаврова в разработку теории личности, видел в нем, прежде всего, сторонника концепции буржуазного индивидуализма и оппонента марксизма, противника революционных изменений, «отдававшего решительное предпочтение идейной эволюции»[1]. М. И. Булгаков (псевдоним М. Антонов. – *Р. А.*) полагал, что признание в конце 1870-х гг. Лавровым роли политической борьбы привело его к мысли о необходимости союза с либералами[2].

Для советской историографии характерной чертой становится противопоставление двух течений общественного движения в Рос-

сии, обоснование теоретического превосходства революционной демократии, разоблачение антинародной буржуазной сущности либералов, их склонности к соглашательству с царизмом. Во многом такой подход был обусловлен методологической установкой, заданной еще в начале XX в. В. И. Лениным, который вел бескомпромиссную идейно-политическую борьбу с либерализмом, «спасая» от его развращающего влияния «демократическое сознание масс»[3].

В советской историографии 1920-х – начала 30-х гг. шла борьба за творческое наследие Лаврова, велись острые споры о характере его теории, месте и роли воззрений в освободительном движении страны. Лавров представлялся либо как предтеча эсеров[4], либо как мыслитель, тяготеющий к марксизму[5]. При этом отмечалось непримиримое отношение Лаврова в эмигрантский период его деятельности к идеологии буржуазии – либерализму, вызванное «разорением крестьянства и ростом капитализма, особенно в его наиболее паразитических формах»[6].

В обстановке 1930-х гг., с утверждением официальной точки зрения на народничество и его идеологов, взгляды Лаврова квалифицировались как враждебные марксизму, а сам он представлялся отцом реакционной теории «героев и толпы». В это же время и до конца 1950-х гг. было прекращено издание сочинений Лаврова и книг о нем.

Всплеск нового интереса к Лаврову приходится на 1960–1980-е гг.[7]. Ряд авторов затрагивали и проблему отношения Лаврова к либерализму, останавливаясь, прежде всего, на его философской критике либеральных теорий[8].

В современной литературе революционное народничество вообще и его идеология в частности не только отошли на второй план, но и стали объектом критики со стороны представителей так называемого нигилистического направления в историографии, пытающегося представить революционное движение в стране лишь как проявление «бесовщины»[9]. Наряду с этим появляются работы, объективно освещающие историю народничества[10], в том числе деятельность и взгляды Лаврова[11]. Более того, наметилась тенденция, не только представляющая Лаврова сторонником крайних революционных методов борьбы, сочувствующим терроризму «Народной воли», но и позитивно оценивающая эту сторону его взглядов[12].

И все же современных исследователей волнует не столько идеология Лаврова, сколько более широкая проблема взаимодействия либерального и народнического течений в условиях пореформенной

модернизации страны. В трудах историков отмечается, с одной стороны, восприятие некоторыми народниками определенных либеральных идей, а с другой, – радикализация в условиях модернизирующейся России части либералов, становление социального либерализма. При этом ученые, констатируя происходящее с конца XIX в. идейное сближение реформаторского народничества и социального либерализма, объясняют его как потребностями развития общественного движения в стране, так и вызовами процесса модернизации[13]. Вместе с тем в историографии существует точка зрения, отрицающая данную тенденцию и подчеркивающая неизбежность отчуждения либерализма и демократии в пореформенной России. Именно этот раскол, по мнению И. К. Пантина, предопределил их историческую неудачу в эпоху, когда «на протяжении второй половины XIX – начала XX в. основной исторической и социально-культурной задачей было не столько достижение политической свободы, независимости лица от государства, сколько создание условий в деревне, <…> для становления человеческой личности, формирования основополагающей клетки общества и экономики»[14]. Именно в разрыве либеральной идеи свободы личности с настроениями основной массы населения, тяготевшей, прежде всего, к принципам общинной уравнительности, а также пытавшейся сформулировать и защитить ее интересы народнической теорией, историк и видит основную причину трагической судьбы либерализма и демократии в России. По его словам, «невозможность объединения или хотя бы взаимопонимания этих враждующих в России тенденций деформировала и демократическую и либеральную идеологию. <…> В результате демократизм в России все больше принимал плебейский разрушительный характер, а либерализм вынужден был сближаться с охранительной тенденцией…»[15].

Анализ развития общественного движения пореформенной России подтверждает взгляд ученого на социальную разъединенность либерализма и демократии как основную причину их исторического поражения. Однако его суждения об идеологической несовместимости и даже «невозможности взаимопонимания» двух тенденций требуют дополнительного рассмотрения. Думается, что обращение к истории взаимоотношений Лаврова и Кавелина не только даст новый фактический материал, но и расширит наши представления о взаимодействии народнической и либеральной теорий в условиях модернизирующегося общества.

Личное знакомство Лаврова и Кавелина произошло в Петербурге в годы подготовки крестьянской реформы. По свидетельству современников, представители либеральной бюрократии и интеллигенции, в том числе и Лавров, посещали созданный Кавелиным кружок, внесший заметный вклад в дело освобождения крестьян. В трактовке историка В. Н. Розенталь, Кавелин предстает лидером «либеральной партии», но его общественная активность, объяснялась, согласно установкам советской историографии тем, что в предреформенные годы он еще «…не видел политической опасности в деятельности русских революционных демократов…»[16].

Кавелин, с лета 1857 г. занимавший должность профессора кафедры гражданского права Петербургского университета, содействовал вхождению Лаврова в комитет Литературного фонда. Кроме того, после знаменитых публичных лекций Лаврова о философии, прочитанных в ноябре 1860 г., Кавелин, ставший, по словам Л. Ф. Пантелеева, его «большим почитателем», ходатайствовал, правда, неудачно, о занятии им кафедры философии»[17]. Об этом же факте свидетельствуют и воспоминания цензора А. В. Никитенко, которого огорчила поддержка, оказанная Кавелиным Лаврову[18].

Представляется, что двух мыслителей в это время связывали не только личные симпатии, порождаемые широтой эрудиции, близостью научных интересов и даже характеров, особой требовательностью к нравственной стороне, как любого общественного дела, так и личности, но и определенная общность теоретических и политических взглядов. Их объединяли такие черты как неприятие крайностей идеализма и материализма, переход от гегелевской системы к позитивизму, признание плодотворности мирных реформ, а главное – обоснование и защита начала личности, в котором им обоим виделся источник и смысл общественного развития. Для Кавелина и Лаврова, воспринятая теоретическая идея превращалась в нравственный императив, и, в итоге, ее служению они и посвятили всю свою жизнь. Однако с начала 1860-х гг. они начинают вкладывать разный смысл в эту идею. Для Кавелина основной задачей становится создание в России условий, необходимых для развития личности, т.е. воплощение либеральных ценностей, для Лаврова – изменение общества на принципах солидарности и справедливости, т.е. осуществление социалистического идеала. Сам Лавров в своей «Биографии-исповеди» писал, что долгое время его крупнейшей ошибкой было признание возможности «гармонии интересов личности гос-

подствующего класса и интересов большинства подчиненного класса»[19]. Наметившееся в начале 1860-х гг. расхождение во взглядах вызывалось различным отношением к крестьянской реформе, к власти, проводившей преобразования, к проблеме развития личности в условиях России, а главное, к целям и средствам исторического прогресса.

Лавров в целом критически оценивал последствия «великой реформы» и отмечал, что власть пошла на нее не по собственной воле, а лишь под давлением обстоятельств и общественного мнения. Более того, в дальнейшем он отметил вклад самого Кавелина в дело ее подготовки, высоко оценив в статье «Кавелин как психолог» его «Записку об освобождении крестьян»[20]. В статье «Постепенно» (1862 г.) Лавров заявил о потере веры в возможность мирных, постепенных преобразований России силами «государства чиновников», противопоставил либералам сторонников радикального переустройства общества[21].

Кавелин, напротив, восторженно встретил реформу, назвав Положения 19 февраля «величайшим законодательным актом нашего времени»[22]. Правда, в обстановке эйфории, утвердившейся в либеральном обществе после реформы, он пытался занять самостоятельную позицию, осуждал насилие, откуда бы оно не исходило, критиковал как реакционные шаги и непоследовательность правительства, так и крайности революционного движения. Например, принципиально не поддержав студенческие волнения, охватившие осенью 1861 г. Петербургский университет, он одновременно осудил действия администрации по наведению порядка и с рядом других либеральных профессоров в знак протеста ушел в отставку.

Позднее, находясь уже в Вологодской ссылке, Лавров в «Письме провинциала» не совсем объективно упрекал их за то, что «они не сумели быть руководителями молодежи, которая им верила. Они не умели понять своего времени, <...> остались в стороне от движения идей». Более того, по его мнению, именно с этого момента русские либералы потеряли влияние на интеллигентную молодежь, «потеряли даже возможность бороться со злом», уступив кафедры «безнравственным ничтожествам»[23]. Следует заметить, что сам Лавров принял активное, хотя и несколько сумбурное участие в студенческих волнениях, чем вызвал подозрение властей в подстрекательстве[24].

Для понимания различия позиций двух мыслителей очень характерным представляется эпизод, связанный с попыткой Лаврова в начале 1865 г. с помощью Литфонда облегчить участь ссыльного

Н. Г. Чернышевского. Узнав, что Лавров собирается публично выступить по этому поводу на заседании фонда, Кавелин, не желая придавать делу общественное звучание и опасаясь в связи с этим ухудшить положение ссыльного, попытался уговорить Лаврова отказаться от выступления. Кавелин настоятельно ему советовал: «для успеха дела <...> не делать этого вопроса предметом комитетских обсуждений и заявлений. Последние, напротив, могут существенно повредить страдальцу...»[25]. Несмотря на эти пожелания, Лавров выступил в Литфонде с предложением выдать денежное пособие Чернышевскому и просить правительство пересмотреть приговор. Но эта инициатива, впрочем как и другие, не получила поддержку, что и дало в дальнейшем Лаврову основание утверждать: «Михайлов и Чернышевский пошли на каторгу, и ближайшие друзья последнего трусили перед всякой мыслью явно выступить в его защиту»[26]. Едва ли этот упрек имеет прямое отношение к самому Кавелину, который, кстати, из принципиальных соображений поддержал в свое время арест Чернышевского и открыто заявил об этом в своем известном письме к Герцену: «Аресты меня не удивляют, и признаюсь тебе, не кажутся возмутительными. Это война: кто кого одолеет. Революционная партия считает все средства хорошими, чтоб сбросить правительство, и оно защищается своими средствами…. Чернышевского я очень, очень люблю, но такого brouillon, бестактного и самонадеянного человека я никогда еще не видел. И было бы за что погибать! Что пожары в связи с прокламациями – в этом нет теперь ни малейшего сомнения»[27].

Долгое время это письмо, ставшее основанием для известной ленинской характеристики Кавелина как одного «из отвратительнейших типов либерального хамства»[28] (в рукописи, скорее всего, – «ханжества». – *Р. А.*), служило в советской историографии доказательством его поворота в сторону оправдания реакционных действий правительства, перехода на позиции «охранительного либерализма». Но подобное восприятие Кавелиным ареста Чернышевского, если взглянуть на него без идейных шор и политической предвзятости, явилось лишь проявлением его отношения к насилию, откуда бы оно не исходило. Он выступал против действий как реакционных, так и революционных сил, никакой публичной поддержки правительству не оказал и, более того, осуждал его за произвол. К тому же он был юристом и считал, правда, не зная многих деталей дела, что с правовой точки зрения арест Чернышевского был вполне обоснован.

Вместе с тем Кавелин проявлял и решительность, оказав, например, содействие самому Лаврову, когда тот очутился в Вологодской ссылке. Дело в том, что именно благодаря усилиям Кавелина знаменитые «Исторические письма» Лаврова, ставшие на долгие годы настольной книгой русской революционной молодежи, были опубликованы в газете «Неделя»[29].

В советской историографии разрыв отношений Кавелина с Герценом и Лавровым трактовался как окончательное размежевание либеральной и демократической тенденций в освободительном движении России[30].

Однако представляется, что дифференциация общественного движения проходила более сложно и противоречиво, и шла она не только по линии либералы – революционеры. Поляризация общественно-политических сил страны протекала в нескольких направлениях и являлась по своему существу многовекторным процессом. Так, например, продолжалось противостояние между славянофилами и западниками, отражавшее социокультурный раскол России, ищущей свой цивилизационный дискурс; внутри самого западничества складывалось два течения – радикальное и либеральное. После реформы наметилось размежевание либерального направления, отразившееся, например, в разрыве отношений Кавелина и его бывшего соратника, перешедшего на позиции либерального консерватизма Б. Н. Чичерина. Да и в самом народничестве складывались различные формы и типы революционности, например, от экстремистской «нечаевщины» до умеренного «лавризма», а с 1880-х гг. все активнее заявляет о себе реформаторское народничество[31]. Представляется, что эти расхождения вызывались поиском наиболее адекватного для российской действительности пути модернизации, сами же границы между различными течениями были достаточно подвижны и зачастую прозрачны, что отражало противоречия развития русской общественной мысли.

Оказавшись к началу 1870-х гг. по разные стороны государственных и идейных границ, Лавров и Кавелин, представляя различные общественные силы, повели полемику по самым различным теоретическим и политическим вопросам. При этом зачастую она принимала форму личного противостояния. Лавров, не отрицая достижений либеральной мысли и практики, пытался преодолеть их неполноту, оторванность от реальной жизни, стал осуждать служение устаревшим, по его мнению, идеалам. Так, например, он говорил о

либералах как о «представителях капитала», «адвокатах того класса, который их создавал и поддерживал», подчеркивал «несостоятельность либерально-буржуазных попыток решить современные общественные вопросы»[32].

Особое внимание революционный мыслитель уделял идеологическим основам либерализма и, прежде всего, «органической теории», обосновывающей не только неизбежность борьбы индивидуумов и негативных последствий рыночных отношений, но и естественный характер социального неравенства, вытекающего, как полагал, например, Кавелин из естественного неравенства людей, самой природы человека и общества, основанного на разделении труда[33].

В концентрированном виде свое отношение к либерализму Лавров изложил в статье с красноречивым названием «Неизбежная вражда»[34], написанной в форме диалога революционера и либерала. В отличие от теоретиков либерализма источник развития человеческого общества он находил не в частной собственности, конкуренции и свободе личности, преследующей свои интересы, а в деятельности критически мыслящей личности, в становлении и укреплении принципа солидарности. Общество он воспринимал, с одной стороны, как условие развития личности, а с другой – результат ее деятельности, направленной на воплощение в жизнь идеи о личном достоинстве и справедливости. Противоречия между личностью и обществом возникают или в случае отсутствия у личности чувства собственного достоинства и идеи справедливости, – т.е. «идеи равноправности всех людей на всестороннее развитие», или в результате несправедливого, безнравственного устройства общества. В первом случае общество обязано развивать личность, во – втором, – личность нравственно обязана перестроить общество на принципах «общественной солидарности и справедливости» и тем самым реализовать свои субъективные потребности в развитии[35].

Именно таким образом Лавров обосновывал активную жизненную позицию личности, которая в силу внутренних потребностей создает нравственный, социалистический в своей основе, идеал. Воплощая же его в общественных формах, личность тем самым создавала себя и творила историю. В итоге, решающим фактором общественного прогресса Лавров признавал не развитие частной собственности, порождающей борьбу всех против всех, а «сознанную солидарность», которая с неизбежностью приведет к победе «социалистических обществ»[36]. Разоблачая либеральные принципы, он под-

черкивал, что их реализация приносит блага лишь немногим, «несправедливо устраняя массы от пользования достижениями цивилизации»[37]. При этом Лавров считал, что в России созрели условия для утверждения социалистического идеала, т.е. для «развития личности в физическом, умственном и нравственном отношении; воплощения в общественных формах истины и справедливости»[38].

При этом, допуская закономерность существования социального неравенства на определенном этапе развития общества, Лавров отрицал «неизбежность его сохранения в настоящем и будущем», полагая, что «человечество в продолжении долгих веков накопило достаточное количество сбережений и достаточно узнало силы природы, чтобы у него вопрос о борьбе за существование перешел, наконец, в вопрос о более разумном, более справедливом, более человеческом существовании». Лишь в борьбе за эти цели, полагал он, и «заключается настоящий исторический прогресс человечества»[39].

Лавров пытался также опровергнуть либеральные обвинения социализма как общества, в котором личность будет подавлена коллективом, оспорить либеральный постулат, что в принципе невозможно соединить свободу личности с социальным равенством. Согласно его убеждениям, «общественные цели могут быть достигнуты исключительно в личностях. Поэтому истинная теория (т.е. социалистическая в его понимании. – *Р. А.*) требует не подчинения общественного элемента личному и не поглощения личности обществом, а слития общественных и частных интересов…»[40]. Даже в основной ценности либералов – идее свободы личности – он видел, во всяком случае, до начала 1880-х гг., лишь прикрытие для эксплуатации большинства, стремление «отнять у него всякие средства поправить свое положение»[41]. Иллюзорными Лавров считал и надежды либералов примирить в условиях господства частной собственности классовые противоречия, противопоставляя «буржуазной идеологии прогресса путем всеобщей конкуренции, космополитических спекуляций биржи…, идеал солидарности трудящихся и только трудящихся»[42].

Однако насколько был прав редактор «Вперед!», обвиняя русских либералов в безоговорочной поддержке идеи частной собственности и капитализма? Тот же Кавелин, действительно, видел в частной собственности основу свободы личности, источник развития человеческого общества. Но, в отличие от ортодоксальных либералов, он отнюдь не абсолютизировал роль частной собственности в жизни общества, полагая, что ее исключительно монопольное

положение может привести к «вражде сословий и общественной анархии»[43]. Разрабатывая в пореформенные годы модель либерально-демократического развития, он отстаивал необходимость сохранения крестьянской общины. Правда, его взгляды на общину заметно отличались от народнических, которые он характеризовал как «фантазии социального свойства», называя «пошлостью» попытку представить общинное землевладение в качестве «коммунистического института»[44]. Кавелинский же план обновления общины, предполагавший ликвидацию ее наиболее архаичных черт – переделов земли, круговой поруки, чересполосицы, был ориентирован на ее превращение в объединение самостоятельных крестьянских хозяйств[45]. В итоге, ратуя за сочетание частной и общественной форм собственности, он надеялся создать условия для экономического процветания и свободы личности, обеспечить стабильность и хотя бы минимум социальной справедливости, спасти крестьянство от разорения, к которому мог привести «дикий рынок».

Для Лаврова, как и других народников-семидесятников, община представляла собой основное условие самостоятельного продвижения России к социализму. Вместе с тем мыслитель, как бы парируя критический выпад Кавелина, не считал ее готовой ячейкой будущего общества, указывал на недостатки и, прежде всего, «отсутствие в ней движения мысли, <…> замкнутость…»[46]. Примечательно, что и народник, и либерал при всех различиях своих взглядов видели основную отрицательную сторону общины в «поглощении личности миром».

Лавров отмечал и начавшийся процесс разложения общины, ведущий к разорению крестьянства. Но спасение деревни от «ужасов капитализма» он связывал лишь с социальной революцией[47].

Редактор «Вперед!» критиковал либеральную интеллигенцию даже не столько за ее взгляды, сколько за слабость и пассивность, нежелание бороться за собственные идеалы. «Русская либеральная партия, – писал он, – неспособна не только отвоевать у императора какие-либо свободные права, которые России дать не хотят, но даже неспособна постоять за права легально данные, но которые подвергнуты на каждом шагу осмеянию и поруганию»[48]. Лавров пытался доказать, что прогресс в России, даже в его либеральном понимании, невозможен при сохранении самодержавия, а надежды, которые либералы возлагали на реформаторский потенциал власти и возможность конституционного переустройства России сверху, он называл «пустыми фантазиями»[49]. С народнических позиций Лавров

оценивал и содержание политических проектов либералов, считая, что даже самые последовательные из них, отстаивающие конституционные принципы, не затрагивают «экономические потребности большинства»[50].

Само либеральное движение вызывало интерес Лаврова, прежде всего, как свидетельство бесперспективности использования в пореформенной России мирных легальных средств общественного прогресса, как одно из доказательств неизбежности революции. Причину же оппозиционности либеральной интеллигенции он находил в ее естественном стремлении к свободе и развитию личности, ибо в условиях самодержавия «всякий мыслящий русский» становился оппозиционером «того или другого оттенка». Однако при этом Лавров подчеркивал, что «массе народа невыносимо не только оно, а еще в большей степени экономический порядок, им охраняемый и поддерживаемый. Для конституционалистов тяжелее первое, т.к. большинство их пользуется вторым»[51]. Вот почему, во всяком случае, до конца 1870-х гг., Лавров первоочередной считал задачу социальной революции, а не достижения политических свобод, борьба за которые отвлекала бы народников от главного и была на руку лишь их политическим оппонентам-либералам.

Лавров не раз говорил о слабости либеральной оппозиции, вызванной как упованием на способность власти осуществить ее реформаторскую программу, так и отсутствием социальной опоры в лице буржуазии[52]. Однако решающим фактором, обрекающим либералов на бездеятельность, народник считал тот страх, который они испытывали перед нарастающим революционным движением. По его мнению, либералы отказывались от реальной борьбы с самодержавием потому, что «всякий резко-оппозиционной шаг с их стороны был бы помощью их врагам – социальным революционерам»[53]. С другой стороны, отказ либералов от реальной борьбы приводил к тому, что «живые элементы русской интеллигенции» пополняли ряды «социально-революционного движения»[54]. В итоге Лавров ставил интеллигенцию перед следующим выбором: тот, кто идет с либералами – обрекает себя на бездействие и моральную деградацию; кто вступает в ряды революционной партии – «работает» на будущее России, создает условия для собственного развития, служит народу, спасая его от рабства самодержавия и капитализма. Так, критика Лавровым либерализма, теряя черты объективности, превращалась в инструмент революционной пропаганды.

Представляет интерес и отношение Кавелина к народникам, в которых он видел, с одной стороны, наследников лучших традиций славянофильства и западничества, а с другой, – их альтернативу. У славянофилов народничество взяло, как полагал Кавелин, «горячую веру в творческие силы русского народа, не зараженного европейским влиянием», а у западников – «идеалы передовых европейских мыслителей, сосредотачивающиеся в наше время преимущественно в сфере социальной и экономической». Вместе с тем, в отличие от своих предшественников, народники в большей степени осмысливали настоящее и обращались к действительности. При этом новые общественные формы они надеялись создать, опираясь на «правовые воззрения крестьян, экономический строй их быта». Таким образом, народники, в трактовке Кавелина, пытались соединить представления народа о справедливости и форму организации его жизни – общину с современными социалистическими учениями, разработанными европейскими мыслителями. Созданная в результате этого синтеза модель развития была призвана не допустить в России «ужасов капитализма» и воплотить в общественных формах тот идеал, который народники приписывали крестьянскому сознанию. Кстати, к заслугам народников Кавелин как раз и относил их стремление не навязывать народу тот или иной социальный проект, а вывести его из «народной мысли», придав ему соответствующую научную форму.

Естественно, что в народническом учении либерал находил и слабые стороны, которые со временем становились очевидными для интеллигенции и вели к утрате популярности и влияния в ее кругах. Одну из причин идейного кризиса народничества, Кавелин видел в том, что его теоретики «слишком сузили задачу, сосредоточив все внимание на одной социальной и экономической жизни русского народа». Пренебрежение другими сферами, а именно – духовной, политической и правовой, не позволило народникам осмыслить все противоречия русской действительности, наметить пути их преодоления. В результате, остановившись на внешней социально-экономической сфере жизни народа, они не сумели избежать идеализации крестьянства, просмотрели, как и славянофилы, «темные стороны» его жизни и быта. К тому же вслед за западниками они «не разглядели в европейских идеалах их исторической и местной подкладки, делающей их непригодными у нас без важных и существенных оговорок». Но главное заключалось в том, что в пореформенной России народники

«не заметили неразвитости» крестьянства, утверждения в его среде «грубого индивидуализма» и стремления к частной собственности и личному хозяйству[55]. Таким образом, идеал крестьянства, как полагал Кавелин, не только не соответствовал постулатам социалистической теории, но и отражал его патриархальность, частнособственнические устремления и крайне низкий уровень культуры.

В процессе модернизации русского общества, утверждения рыночных отношений, этот идеал разлагался вместе с общиной, а ему на смену шли не ценности либерализма, а тем более – социалистического сообщества, а грубый индивидуализм эпохи хищнического капитала. К тому же народники не учли, как подчеркивал Кавелин, что воплощение их доктрины возможно лишь при условии существования высокоразвитой нравственной личности, без которой «идеалы останутся одними благожеланиями и отвлеченностями».

Таким образом, видение Кавелиным народничества представляется более объективным и взвешенным, чем восприятие либералов народником Лавровым.

Кавелин осуждал и те средства, с помощью которых революционеры надеялись осуществить свою программу. Уповая на особую прогрессивную роль государства, проводящего реформы, на постепенное просвещение народа усилиями интеллигенции, на естественный характер исторического процесса, он выступал против какого-либо насилия. Вот почему особой остроты спор между двумя мыслителями достиг по вопросу даже не сущности и целей прогресса, а средств их достижения. В брошюре Кавелина «Разговор с социалистом-революционером», кстати, написанной, как и статья Лаврова «Неизбежная вражда» в форме диалога, автор пытался убедить своего условного оппонента отказаться от революционных методов и отдать все свои силы мирному преобразованию России.

Правда, при этом он признавал, что в стране существовали реальные условия общественной жизни, порождающие «революционные тенденции». Вместе с тем Кавелин пытался доказать бессмысленность и вред самого революционного движения, показать его опасные последствия для судеб России.

Учитывая популярность идей социализма в народнической среде, свой спор с ее представителем он начал с противопоставления социалистического идеала насильственным методам его воплощения в жизнь. В социализме как учении Кавелин видел две стороны: положительная, по его мнению, заключалась «в будущем, им созидае-

мом обществе», а отрицательная – «в том отношении, в какое ставят себя социалисты к существующему порядку вещей». Кавелин, ссылаясь на народнический постулат – «царство справедливости начнется через революцию», пытался доказать, что насильственный характер преобразований исказит и саму цель, какой бы справедливой и гуманной она не была. «Характер отрицания, – пророчествовал он, – непременно окрасит собой все учение, даст ему тон и, если не навсегда, то надолго привяжется к его будущей судьбе». Вред революции он видел и в том, что она вызывает бесчисленные жертвы и немыслима без установления диктатуры. Притом «из всех диктатур, – убеждал он, – самая жестокая, самая убийственная будет диктатура социалистическая, по той простой причине, что она ему (т.е. социализму. – *Р. А.*) не по характеру, не по нраву...»[56]. Тем самым Кавелин пытался доказать несовместимость подлинной свободы и принципов социализма с насилием и диктатурой, используемых ради их достижения, но с неизбежностью приводящих к негативным результатам.

В своей брошюре Кавелин вступил и в непосредственную полемику с Лавровым, выбрав в качестве объекта критики его работу «В память столетия пугачевщины». Не упоминая из этических и цензурных соображений самого имени автора, он достаточно резко обрушился на него за пропаганду идеи социальной революции, восхваление крестьянского выступления под руководством Е. Пугачева, которое он сам характеризовал как «дикую, необузданную, тупую и крайне бессердечную месть, очень понятную со стороны невежественной, угнетенной массы». Признание же Лавровым «…хотя и отважного, но пьяного, <…> невежественного казака великим историческим деятелем, да еще реформатором» он резко назвал «умственным помрачением»[57]. Кавелин пытался убедить оппонента в том, что революции задерживают прогресс, искажают общий ход общественного развития. Особую же опасность они представляли для России с ее невежественным народом и общей отсталостью.

Лавров, понимая всю актуальность споров о революции, стремился, с одной стороны, обосновать ее закономерный характер, а с другой – доказать, что она более действенное орудие прогресса, чем мирная реформа. «Революции искусственно вызвать нельзя, – утверждал народник, – они суть продукт не личной воли, не деятельности небольшой группы, но целого ряда сложных исторических процессов». Народный характер грядущей революции должен был, как надеялся Лавров, предотвратить установление диктатуры. Этому

обязана была воспрепятствовать также пропагандистская работа революционной партии, призванная «вызвать в народе сознательную постановку целей, сознательное стремление к этим целям», что в итоге, должно было исключить «захват власти революционным меньшинством после победы революции»[58]. Соглашаясь с мнением либерала о том, что революции ведут к значительным жертвам, Лавров все же полагал, что «при сохранении существующего строя человечество платит больше».

Вместе с тем народник не отрицал и возможности эволюционного пути развития, рассматриваемого им, наряду с революционным, как фазисы одного и того же процесса. Однако в пореформенной России он не видел условий для мирного разрешения ее противоречий. Исходя из разного отношения революционеров и либералов к вопросу о путях прогресса, Лавров и делал вывод о том, что «борьба между ними неизбежна»[59].

В 1870-х гг. Лавров хотя и старался побудить либералов к действию, все же видел в них, прежде всего, прямых врагов социальной революции, а потому не допускал даже тактических компромиссов с либеральной оппозицией[60].

Однако с начала 1880-х гг. отношение Лаврова к либералам начинает меняться. Теперь, исходя из необходимости первоочередного решения политических задач и достижения свободы, позволяющей вести социальную пропаганду, он выступил за сотрудничество с ними, полагая, что против общих врагов – «самодержавия, полицейской бюрократии, милитаризма» революционеры и либералы «могут бороться одновременно по специальному соглашению, но оставаясь строго разделенными»[61].

Правда, и в это время Лавров подчеркивал не только пассивность либеральной оппозиции, но и различное понимание политической свободы. Для народника она имела смысл лишь в том случае, если гарантировала защиту прав большинства и создавала условия для достижения социального равенства. Основную цель политической борьбы, Лавров, в отличие от либералов, видел не в установлении конституционного порядка и обеспечении свободы личности, а в «…борьбе за права большинства обездоленных жить человеческой жизнью, <…> проповедовать свои убеждения и победить эксплуатирующее его меньшинство»[62]. Таким образом, достижение подлинной политической свободы Лавров связывал лишь с установлением социальной справедливости.

С другой стороны, он начинает реалистичнее оценивать степень политической зрелости русского народа, его готовности к свободе. В своем «Проекте союза русских социально-революционных групп», разработанном в 1888 г., в качестве первоочередной задачи он выдвинул «замену самодержавной формы правления в России другой, дозволяющей лучшее развитие личности и более широкое участие рабочих в политической жизни». Таким образом, не без влияния марксизма Лавров призывал теперь революционеров делать ставку не на крестьянство, а на рабочих, которые «при полном отсутствии политической жизни в русском народе, в особенности в крестьянстве, <…> могут быть наиболее восприимчивы к социалистической пропаганде…»[63].

С начала 1880-х гг., выдвинув на первый план задачу осуществления уже политической, а не социальной революции и, вероятно, осмыслив трагический опыт террористической борьбы народовольцев, Лавров вновь возвращается к проблеме негативных последствий и нравственных издержек революции. В работе «Социальная революция и задачи нравственности» (1884) он особое внимание уделил необходимости этического воспитания революционера[64]. При этом формированию высоконравственных борцов за народное дело могло способствовать достижение политической свободы, дающей возможность вести широкую пропаганду, как словом, так и делом. В условиях же господства произвола и бесправия революционное движение впитывало негативные стороны существующей системы, что проявлялось, например, в его пренебрежении к достоинству личности, авторитаризме, абсолютизации насилия как метода борьбы.

При всей внешней убедительности доводов Лаврова, он, будучи оторван от страны, переоценил ее готовность к социальной революции. Утопичными оказались и его надежды на создание в условиях России такой организации революционеров, которая путем пропаганды социалистических идей сумела бы подготовить массы к сознательным действиям и тем самым обеспечила бы сравнительно безболезненный переход к новому обществу.

Таким образом, развитие Лавровым теории личности в духе социалистического идеала отдалило его от Кавелина, стоявшего у истоков этой теории в России. К тому же, Лавров, создав философскую систему, согласно которой личность нравственно обязана воплощать в жизнь воспринятый ею идеал, становился активным участником революционного движения. Кавелин также верно служил своему избранному идеалу, стремился воплотить его в жизнь, но это

служение было несколько иным, оно не требовало самопожертвования и крайних средств в достижении поставленных целей. Вместе с тем, при всем своеобразии и даже полярности взгляды Лаврова и Кавелина вырастали из одного корня – идеи личности, общественного прогресса, блага народа, любви к родине и готовности служить избранным идеалам. Отражая думы и сомнения русской интеллигенции, два мыслителя стали постепенно расходиться в оценках отечественных пореформенных реалий и, особенно, в определении средств и методов решения насущных проблем общественного развития страны.

Несмотря на некоторые крайности и субъективизм, Лаврову удалось выявить и показать слабые стороны русского либерализма: отсутствие реальной социальной опоры, надежды на реформаторский потенциал самодержавия, отсутствие связи между признанием необходимости свободы личности с реальной борьбой за ее права (во всяком случае, до начала XX в.). Отнюдь не умаляя сильных сторон критики Лавровым либеральных представлений об общественном развитии, хотелось бы подчеркнуть, что ему был присущ несколько прямолинейный взгляд на человека, недостаточный учет его стихийных и иррациональных элементов, а также – реалий пореформенной России, и, в целом, преувеличение роли сознательного, а, следовательно, и интеллигенции в жизни общества.

Надежды Кавелина на мирное обновление страны оказались призрачными, впрочем, как и Лаврова – на гуманную социальную революцию, создающую условия для всестороннего развития личности. Однако необходимо подчеркнуть, что наряду с критикой либерализма Лавров вел активную борьбу с экстремистскими течениями революционного движения, не упускал из виду проблему негативных, или, по его словам, «патологических» явлений революции, старался, не без влияния либералов, разработать наиболее гуманный ее вариант.

Споры, развернувшиеся между представителями различных течений русской общественной мысли, способствовали созданию мощного интеллектуального поля, обогащавшего духовную жизнь общества, но они и раскалывали это общество.

---

[1] См.: *Кареев Н. И.* Теория личности П. Л. Лаврова. СПб., 1907. С. 52, 62.

[2] *Антонов М.* Политическая деятельность П. Л. Лаврова // Былое. 1910. № 13. С. 76.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. М., 1958–1965. Т. 22. С. 119.

[4] См.: «Вперед» – сборник статей, посвященных памяти П. Л. Лаврова. Пг.; М., 1920; Материалы для биографии П. Л. Лаврова. Вып. 1. Пг., 1921.

[5] *Книжник-Ветров И. С.* П. Л. Лавров. Жизнь и деятельность. 2-е изд. М., 1930.

[6] *Горев Б.* Лавров и утопический социализм // Под знаменем марксизма. 1923. № 6–7. С. 122.

[7] См.: *Антонов В. Ф.* Революционное творчество П. Л. Лаврова. Саратов, 1984; *Володин А. И., Итенберг Б. С.* Лавров (ЖЗЛ). М., 1981; *Итенберг Б. С.* П. Л. Лавров в русском революционном движении. М., 1988; *Семенкова Т. Г.* Экономические взгляды П. Л. Лаврова. М., 1980 и др.

[8] *Богатов В. В.* Философия П. Л. Лаврова. М., 1972. С. 24, 31.

[9] Подробнее см.: *Тюкачев Н. А.* Отечественная историография революционного народнического движения 1860–1880-х гг. Гл. 3. Постсоветская историография. Брянск, 2010. С. 247–290.

[10] *Зверев В. В.* Народники в истории России. М., 2003; *Карпачев М. Д.* Общественно-политическая мысль пореформенной эпохи // Очерки истории русской культуры XIX века. Т. 4. Общественная мысль. М., 2003. С. 197–398.

[11] *Свалов А. Н.* Лавров П. Л. // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2005. С. 245–248.

[12] *Исаков В. А.* Концепция заговора в радикальной социалистической оппозиции. Вторая половина 1840-х – первая половина 1880-х годов. М., 2004. В работе основное направление развития взглядов Лаврова представлено автором как движение от критики к принятию идеи заговора, и даже – к разработке собственной заговорщической концепции, отличающейся от бланкистской (С. 265). Однако данное суждение представляется несколько односторонним и не учитывающим всю сложность идейного поиска теоретика народничества. Действительно, к концу 1870-х гг. под влиянием неудачи хождения в народ и борьбы «Народной воли» он пересмотрел свою программу и признал необходимость осуществления, прежде всего, политической революции. В целях ее осуществления Лавров пошел на тактический союз с народовольцами, не принимая, правда, их террористический метод борьбы. Главной же задачей для него становится объединение всех революционных сил, включая заговорщиков, в способную свергнуть самодержавие партию, состоящую из интеллигенции и лучших представителей народа.

[13] См.: *Блохин В. В*. Очерки истории народнической мысли второй половины XIX в. М., 2009. С. 170, 208; *Егоров А. Н.* Проблема взаимосвязи нового либерализма и социализма в современной исторической науке // Российская история. 2009. № 2. С. 124–135.

[14] *Пантин И. К.* Историческая драма русского либерализма // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы: Материалы международной научной конференции. М., 1999. С. 94–95.

[15] *Пантин И. К.* Драма российских реформ и революций // Империя и либерализм: Сб. ст. СПб., 2001. С. 34.

[16] *Розенталь В. Н.* Идейные центры либерального движения в России накануне революционной ситуации // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1963. С. 390, 395.

[17] *Пантелеев Л. Ф.* Воспоминания. М., 1958. С. 234, 540.

[18] См.: *Никитенко А. В.* Дневник: в 3 т. М., 1955. Т. 2. С. 175.

[19] *Лавров П. Л.* Избр. соч.: в 4 т. М., 1934–1935. Т. 1. С. 103.

[20] *Лавров П. Л.* Собр. соч. Пг., 1917–1920. Сер. 1. Вып. 6 (1918). С. 103.

[21] Б. С. Итенберг оценивает эту статью как свидетельство отхода ее автора «от либеральных иллюзий». См.: *Итенберг Б. С.* П. Л. Лавров в русском революционном движении. С. 58. В. Ф. Антонов находит в ней даже «теоретическое обоснование революции». См.: *Антонов В. Ф.* «Ранний» Лавров в освободительной борьбе // Освободительное движение в России. Вып. 4. Саратов, 1984. С. 7.

[22] *Кавелин К. Д.* Собр. соч.: в 4 т. СПб., 1897–1900. Т. 2. Стлб. 1228.

[23] *Лавров П. Л.* Письмо провинциала о некоторых литературных явлениях // Литературное наследство. М., 1967. Т. 76. С. 186.

[24] Подробнее см.: *Итенберг Б. С.* П. Л. Лавров в русском революционном движении. С. 66–68.

[25] Письма К. Д. Кавелина к П. Л. Лаврову, Е. П. Ковалевскому и Т. Н. Грановскому // Литературное наследство. М., 1959. Т. 67. С. 596.

[26] *Лавров П. Л.* Взгляд на прошедшее и настоящее русского социализма. СПб., 1906. С. 16.

[27] Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. Женева, 1892. С. 82.

[28] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 21. С. 259.

[29] Данные об участии Кавелина в публикации в либеральной газете «Неделя» «Исторических писем» Лаврова автору любезно предоставил В. И. Харламов. См.: *Харламов В. И.* Из истории либерального народничества в России. Общественно-политические воззрения И. И. Каблица (Юзова): дис. ... канд. ист. наук. М., 1980. С. 56. (ГА РФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 1. Д. 17/54. Л. 1 об.).

[30] См.: *Захарина В. Ф.* Из истории общественной борьбы в период падения крепостного права. К. Д. Кавелин и революционные демократы // Исторические записки. М., 1983. Т. 109. С. 171.

[31] Подробнее см.: *Зверев В.В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX. М., 1997; *Мокшин Г. Н.* Эволюция легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. Воронеж, 2010.

[32] *Лавров П. Л.* Избр. соч. Т. 4. С. 171, 376; «Вперед!». 1876. № 40. С. 524.

[33] См.: *Кавелин К. Д.* Собр. соч. Т. 2. Стлб. 112.

[34] В отечественной историографии нет единого мнения об авторстве этой статье («Вперед!». 1874. Т. 3). И. С. Книжник-Ветров сознательно не включил ее в увидевшие свет первые четыре тома из планируемых восьми собрания сочинений Лаврова, считая, что она принадлежит Н. Г. Кулябко-Корецкому (*Лавров П. Л.* Избр. соч. Т. 3. Прил. С. 401). При этом он ссылался на высказывание самого Лаврова, который перед уходом из редакции «Вперед» в последнем номере газеты, представляя читателям своих преемников и их литературные труды, назвал автором статьи сотрудника редакции, «занимающегося вопросами политической экономии» («Вперед!». 1876. № 48. С. 779). Им же являлся Кулябко-Корецкий, который, в своих воспоминаниях, также говорил о себе как об авторе этой статьи. Однако анализ ее содержания, а также самой рукописи (ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 2. Ед. хр. 184) показывает, что она была написана двумя авторами,

притом ее план и большая часть – рукой Лаврова. Те же листы, которые были написаны другим почерком, претерпели значительную правку и фактически были заново переписаны самим Лавровым. Это и дает основание считать его автором статьи. Косвенным подтверждением этого вывода является интересное признание самого Кулябко-Корецкого, который писал, что до того, как Книжник-Ветров познакомил его с высказыванием Лаврова, приведенным выше, он нигде, ни разу не упомянул о своем авторстве, ссылаясь при этом на «авторскую самозабывчивость». (*Кулябко-Корецкий Н. Г.* Из давних лет. Воспоминания лавриста. М., 1931. С. 112–113.) Какие мотивы заставили Лаврова «подарить» статью? Здесь мы вступаем в область догадок. Но несомненно, что уважение чужого литературного труда, а отрывок статьи, где разбирается теория прибавочной стоимости, несомненно, написан Кулябко-Корецким, нравственная щепетильность и скромность, присущие Лаврову, а также желание придать литературный вес своим преемникам сыграли немалую роль в его отказе от авторства.

[35] См.: *Лавров П. Л.* Философия и социология. Избр. произв.: в 2 т. М., 1965. Т. 2. С. 314.

[36] Там же. С. 390.

[37] «Вперед!». Т. 3. С. 9–10.

[38] *Лавров П. Л.* Философия и социология. Т. 2. С. 54.

[39] «Вперед!». Т. 3. С. 8.

[40] *Лавров П. Л.* Философия и социология. Т. 2. С. 98.

[41] *Лавров П. Л.* Избр. соч. Т. 2. С. 168.

[42] Там же. Т. 1. С. 366.

[43] См.: *Кавелин К. Д.* Собр. соч. Т. 2. Стлб. 112, 113, 177.

[44] Там же. Стлб. 464–465.

[45] Там же. Стлб. 458, 470, 472.

[46] «Вперед!». 1876. № 27. С. 70.

[47] «Вперед!». 1875. № 6. С. 804.

[48] «Вперед!». 1875. № 2. С. 34.

[49] «Вперед!». 1876. № 35. С. 361.

[50] *Лавров П. Л.* Избр. соч. Т. 2. С. 37.

[51] Там же. Т. 4. С. 169.

[52] См.: «Вперед!». 1876. № 37. С. 435, 314.

[53] *Лавров П. Л.* Избр. соч. Т. 4. С. 203.

[54] «Вперед!». 1876. № 48. С. 782.

[55] См.: там же. *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй. Статьи по философии, русской истории и культуре. М., 1989. С. 502, 503, 504.

[56] Там же. С. 425, 427.

[57] Там же. С. 427, 428.

[58] *Лавров П. Л.* Избр. соч. Т. 2. С. 33, 35.

[59] «Вперед!». Т. 3. С. 38, 17, 44.

[60] См.: *Лавров П. Л.* Избр. соч. Т. 4. С. 369.

[61] ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 2. Ед. хр. 157. Л. 6.

[62] *Лавров П. Л.* Из рукописей 90-х годов. Женева, 1899. С. 21.

[63] ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 2. Ед. хр. 157. Л. 11–12.

[64] См.: *Лавров П. Л.* Философия и социология. Т. 2. С. 497.

Блохин В. В.

Критика народнического мировоззрения интеллигенции А. Л. Волынским и В. В. Розановым (конец 1880-х – начало 1890-х гг.)

На рубеже 1880-х гг. – 1890-х гг. в самосознании части российской интеллигенции происходит мировоззренческий перелом. Интеллигенция поворачивается лицом к идеалистическому мировоззрению. Наследие кумиров и «властителей дум» 1860-х годов Н. Г. Чернышевского, А. И. Писарева, Н. А. Добролюбова и эпигонов последующего времени оказалось подвергнуто суровой ревизии и критике. Фанатичное опьянение материализмом и позитивизмом сменяется не менее неистовым «отказом от наследства», манифестацией новых принципов жизнеутверждения. В этом переосмыслении закладывается фундамент для расцвета идеализма, появления великих идеалистов-неокантианцев – Н. А. Бердяева, П. И. Новгородцева, Н. Я. Грота и многих других.

Как и почему совершился такой поворот в самосознании умственного класса? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть фундаментальные основы социального мышления пореформенной интеллигенции и проанализировать факторы его трансформации.

Контуры интеллигентского самосознания второй половины XIX века могут быть очерчены такими родовыми признаками, как позитивизм и рационализм, стремлением объяснить окружающую действительность естественными причинами (материализм и реализм), натуралистической трактовкой человека.

Характеризуя образ человека, созданного творческим умом интеллигентов – шестидесятников, отметим, что человек как часть социального космоса понимался очень ограниченно. Он трактовался как высшая ступенька органического мира, венец мира животного. Душа как психическая реальность, как значимый мир нравственной жизни для реалиста Чернышевского не имела никакого значения, человек как духовно-душевное существо не являлся для него «философской проблемой», так сказать не был отягощен «думой роковой»[1].

Из этих исходных оснований вульгарного материализма делался еще более значительный вывод, возвещался социально-политический утилитаризм.

Социально-утилитаристское понимание жизни сводилось к элементарной мысли, что всякая духовная деятельность (идейно-научная, эстетическая) должна быть направлена на решение не отвлеченных, а практических вопросов. Такой подход логичен и вполне объясним, поскольку любой индивид, будучи биологическим по своей природе существом, стремится к удовлетворению своих фундаментальных интересов (первичны лишь главные, экономические!) и пользы. Практика и преобразование – вот ориентиры жизни, а не отвлеченные фантазии теоретиков. «Прекрасное – есть жизнь» – формула эстетики Н. Г. Чернышевского, а «чистое искусство» или «чистая наука» уводят от жизни. Н. К. Михайловский выразил туже самую мысль иначе: «У нас есть ученые, но нет граждан»!

Рационалистический дух интеллигентского мышления отразился и в другой крайности сведения сложной духовной жизни к построениям разума. Стремление создать «научную религию», «научную этику», «научное искусство» отразило своеобразный «культ науки», господствовавший в 1860-е гг. Для Чернышевского, любое общественное преобразование оправдано лишь тогда, когда изучено и санкционировано наукой. Жизнь развивается по дорогам, указанным наукой[2].

Впрочем, историческая практика была единственным и безапелляционным судьей, как таким взглядам, так и социальному действию. Кризис социального проектирования обозначился 1 марта 1881 года. Цареубийство породило в среде образованного класса атмосферу растерянности. Одних террористический акт пугал миражом превращения «борцов за правду» в банальных убийц. Пугающим было и настроение простонародья, и призрак «русского бунта, бессмысленного и беспощадного» пронесся по стране. Народ мстил за убитого царя. В «Записках профана» (середина 1870-х гг.) Михайловский предчувствует эту разбуженную стихию народа: «У меня на столе стоит бюст Белинского, который мне очень дорог, вот шкаф с книгами, за которыми я провел много ночей. Если в мою комнату вломится русская жизнь со всеми ее бытовыми особенностями и разобьет бюст Белинского и сожжет мои книги, я не покорюсь и людям деревни; я буду драться, если у меня, разумеется, не будут свя-

заны руки. И если бы даже меня осенил дух величайшей кротости и самоотвержения, я все-таки сказал бы: прости им, Боже истинный и справедливый, они не знают, что творят»[3].

Послемартовская реальность для интеллигенции оказалась отрезвляющей. Духовное, религиозное родство народа и самодержавия оказалось очень прочным, опиралось на многовековой уклад жизни и традицию. Социальное прожектерство интеллигенции тогда казалось бесплодным, а фундамент его мышления подгнившим.

Хотя духовная ситуация этого времени специально не изучалась, но в источниках можно видеть указания на то, что значительная часть общества устала от «либеральных реформ» 1860–1870-х гг. Это время воспринималось как «попрание всех основ» жизни и культуры. Православные ценности подвергались беспощадному осмеянию, власть воспринималась как «чужеродное явление». И над всем этим господствовала «духовная пустота» молодежи, не желавшей учиться и поддавшейся легковесным идеалам. Молодежь шла, следуя призывам М. А. Бакунина, не учиться, а бунтовать.

В некотором смысле либерально-демократический дух 1870-х гг. можно сравнить с 1990-мы годами. И тогда в 1990-е, как и в 1870-е гг. преобладали нигилистические настроения, причудливо соединенные с утопией будущего.

Идейный террор левой радикальной интеллигенции, навязывавшей обществу идеологию разрушения, не мирился с инакомыслием. В рамки партийного мышления трудно было вместить творчество П. Д. Боборыкина, Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова, оказавшимися чуждыми политическому утилитаризму прогрессивных журналов.

Вместе с тем, происходили и другие глубинные явления, влиявшие на атмосферу времени. Двадцать лет развития капитализма не прошли даром, было ощущение «усложнения жизни» (В. Маклаков). Хотя с легкой руки Михайловского эпоха характеризовалась как «годы безвременья», спада и апатии, эта оценка явилась довольно поверхностной, поскольку не выявляла внутренние латентные механизмы культурной жизни. Вернее сказать, единое мировоззрение интеллигенции тогда расщепилось, дифференцировалось, возникли многообразные формы идейной и интеллектуальной жизни, явственными были проявления полиморфизма культуры.

Втягивание страны в систему мирового рынка, ускорявшаяся мобильность населения, интенсификация культурных связей с Евро-

пой рождали новые формы коммуникации, формировался новый космополитический образ человека – гражданина мира. Космополитизм, индивидуализм, крайние формы субъективизма формировали новое, доселе невиданное чувство реальности. В этих условиях, именно с 1880-х гг. все более проявлялось новое настроение интеллигенции, названное С. А. Венгеровым вслед за Ф. Ницше как «переоценка всех ценностей».

Эта переоценка в первую очередь коснулась таинств религиозной жизни и была наполнена не иначе как «жаждой религии». Поиск или конструирование «нового религиозного сознания» вызывалось оскудением духа. Железная поступь индустриальной цивилизации с ее динамизмом экономической и политической жизни не оставляли места абсолютным, традиционным началам бытия. Поэтому, с одной стороны, российскую интеллигенцию уже не удовлетворяла в том общепринятом виде православная религия.

С другой стороны, российская интеллигенция, воспитанная в 1870-е гг. на религиозном скепсисе, и хранившая в своем сознании энергию рационализма, пыталась найти удобную для себя автономную религиозную систему. Поразительно, с какой настойчивостью она искала новое сознание, опираясь не столько на чувства, сколько следуя запросам своего ума. На путь религиозных исканий встал Л. Н. Толстой, стремившейся создать рационалистическую религию «истинного» христианства, построенную исключительно на этике, и очищенную от мистики, икон, таинств, словом, самой сути христианства.

Д. С. Мережковский «конструировал» религию «третьего завета», «диалектически» объединив воедино христианство с богоборческой интеллигенцией, приписав последней странный, если не сказать более, религиозный характер. В. С. Соловьев взялся за создание экуменического проекта религиозной системы, основанной на единении церквей.

Такие построения отдавали «ересиаршеством» (А. Л. Волынский), незнанием духа религии, опорой на мертвящую схоластическую диалектику пытливого разума.

Часто «бунтарство» интеллигенции имело совершенно мистические, почти демонические истоки[4].

Новым явлением российской действительности стало явление И. Канта. Если для 1860–1870-х гг. кумиром являлся О. Конт с его

«культом науки», то Кант отрезвил умы своей констатацией «границ знания», подчеркивал бессилие научной мысли в постижение фундаментальных основ жизни, прежде всего, нравственных. Мысль об ограниченности науки в познании «нравственного мира» человека тогда становилась общим местом. При этом кантовская критика науки логично совмещалась с новым религиозным контекстом. Кант способствовал перемене взгляда на природу человека, который стал восприниматься как существо нравственное, духовное, стоящее над таинственной бездной мира[5].

Среди первых пропагандистов Канта стал критик журнала «Северный вестник» А. Л. Волынский, не без содействия которого Н. Грот основал журнал «Вопросы философии и психологии». Кроме того, Кант с его критикой науки, в тоже время создавал питательную среду для религиозного восприятия мира.

Огромное влияние на русскую культуру в это время оказало творчество Ф. Ницше. С одной стороны, Ницше являлся яростным критиком христианства, а с другой – возрождал языческое иррациональное понимание жизни и творчества. Ревностным пропагандистам и почитателем Ницше был тогда Д. С. Мережковский.

Ницше привлекал к себе и своей теорией культуры. Культурное творчество у него было связано с иррациональной, темной стихией человека – с дионисийством.

Интриговала русскую мысль и личность немецкого мыслителя, исковерканная тяжелой душевной болезнью.

«Переоценка ценностей» затронула искусство: происходил возврат к «чистому искусству». Пришло понимание того, что искусство имеет свои специфические законы и методы, несводимые только к реалистическому отражению действительности. На рубеже 1890-х гг. и начала XX века фактически формируется образ нового человека, идеалистически воспринимающего окружающую жизнь. Настало время «отказаться от наследства».

Наиболее ярко и полно «переоценка» наследия 1860-х гг. проявилась в творчестве А. Л. Волынского и В. В. Розанова, которых некоторое время связывала тесная творческая судьба.

Первым, кто начал «крестовый поход» против шестидесятников был А. Л. Волынский, который в цикле статей на страницах журнала «Северный Вестник» подверг уничтожающей критике публицистов 1860-х гг., Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писаре-

ва, а затем – народников 1870–1880-х гг. – Н. К. Михайловского и М. А. Протопопова.

В «походе» против шестидесятников, особенно против Чернышевского, Волынский опирался на работы профессора Киевской духовной академии Павла Юркевича. Волынский, по существу, был едва ли не первым «пропагандистом» религиозно-идеалистической философии Юркевича.

Юркевич подверг методическому разбору философское мировоззрение Чернышевского, в первую очередь, его основную философскую работу «Антропологический принцип в философии». Юркевич едва ли не первым заметил теоретическую уязвимость антропологии Чернышевского, при знакомстве с которой бросается в глаза, насколько ограниченно народник трактует человеческую природу. В «Антропологическом принципе» он писал: «Основанием для той части философии, которая рассматривает вопросы о человеке, точно так же служат естественные науки, как и для другой части, рассматривающей вопросы о внешней природе. Принципом философского воззрения на человеческую жизнь со всеми ее феноменами служит выработанная естественными науками идея о единстве человеческого организма <…> Философия видит в нем то, что видят медицина, физиология, химия; эти науки доказывают, что никакого дуализма в человеке не видно, а философия прибавляет, что если бы человек имел, кроме реальной своей натуры, другую натуру, то эта другая натура непременно обнаруживалась бы в чем-нибудь…»[6].

Чернышевский утверждал, что все, что есть в человеке, можно объяснить физиологически, опираясь на медицину и даже химию. Такое стремление достичь некоего непротиворечивого, опирающегося на данные естественных наук понимания человека, неприятие дуализма в его природе является по существу образцом антифилософского мышления.

Обосновывая материальное единство человека, Чернышевский принципиально мыслил его в терминах биологизма, с дополнениями в духе вульгарного материализма, которые очень близки к французским материалистам XVIII в.

Очевидно, такое мировоззрение по праву можно определять как позитивистское. Позитивизм Чернышевского проявлялся в том, что он «подчиняет область нравственного» т.е. все вопросы духовного порядка, тем принципам, которые господствуют в сфере физико-

химических процессов, что является упрощением проблематики мира, ведущим к упразднению всякой философии. Это безоговорочное и некритическое подчинение всех тем познания, господствующим в самой низшей сфере бытия, по справедливости, было оценено однажды как алогизм[7].

Опираясь на критику Чернышевского Юркевичем, Волынский подчеркивает элементарность и грубость отождествления человека и животного в антропологии Чернышевского.

«…Чернышевский не любит пускаться в специальные научные исследования. Светлая мысль, выраженная в легкой общедоступной форме, брошена в толпу и там произвела необходимое прогрессивное брожение. О чем хлопотать? К чему задерживать внимание читателя утомительными объяснениями?»[8].

Абсурдной казалась Волынскому и «теория разумного эгоизма» Чернышевского.

«Не желая резать человеческую жизнь на две враждебные половины, и сводя всякую человеческую деятельность к единому, материальному принципу, Чернышевский естественным образом пришел к этой странной теории, представляющей поразительное смешение поверхностных наблюдений с наивными психологическими комментариями. Трудно поверить, что европейская теория утилитарианизма, обставленная сложными доводами, окрашенная ярким политическим цветом, могла появиться в России в таком упрощенном, сбивчивом, почти карикатурном виде. В рассуждениях Чернышевского нет никакой последовательности…. В мире не оказывается ни одного бескорыстного поступка»[9].

Почему же материализм господствовал в России в 1860-е гг.? Ответ на этот вопрос Волынский видит в низкой философской культуре интеллектуальных классов, приведшей к господству таких примитивных воззрений на человека.

«…Восстанавливая перспективу пришедшей эпохи с ее светлой гражданской инициативой при глубоком невежестве масс и дилетантской образованностью интеллигентских классов, можно как-нибудь понять эту странную проповедь морали и свободы бесчисленными средствами безжизненного и бездушного материализма. Надо было обладать большой наивностью, чтобы с пафосом говорить почти ребяческие вещи о труднейших моральных вопросах…»[10].

Секрет успехов материализма виделся Волынскому и в самой личности Чернышевского. «Русскому интеллигентному обществу, – пишет Волынский, – нужен был тогда именно такой публицист, каким был Чернышевский – с общедоступными взглядами, зажигательными полемическими приемами, с умением говорить тем особенным слогом, который возбуждает к спору и всегда держит писателя в положении политического пророка, журнального прорицателя. Статьи его казались, несмотря на несомненный литературный талант, как бы преддверием к особенно важному жизненному делу и потому всегда производили впечатление волнующих намеков, выступали как бы окруженные легендой будущих дней. Где же было Юркевичу окончательно сразить такого противника…. Чернышевский был героем эпохи»[11].

Конечно, выступление Волынского против материализма 1860-х годов наиболее полно отразившееся в его критическом цикле «Русские критики», не могло быть незамеченным его влиятельными оппонентами, прежде всего – Н. К. Михайловским. Михайловский призвал к использованию самого решительного метода против Волынского – «не читать».

«Поход» Волынского против Михайловского вызвал серьезный общественный резонанс. Одни Волынского порицали, другие – одобряли!

«Так, 27 марта 1891 г. писательница А. С. Шабельская писала Глинскому: “Я должна сообщить Вам, милостивый государь, что за недосугом я только на днях прочла то, что г. Волынский писал против г. Михайловского <...>. Само собой разумеется, что я не могу писать в Вашем журнале, и с ужасом думаю, что только случайность меня избавила от этой невольной измены моим *Учителям”*. Еще более резким по тону выглядит письмо от 2 марта 1891 г. будущего легального марксиста М. И. Туган-Барановского, сообщавшего Волынскому о разрыве с ним отношений: “Вы беретесь, Аким Львович, за дело, которое Вам не по плечу. Вы смеете говорить совершенно неприличным тоном о Н. К. Михайловском, человеке, которого оценить Вы не в состоянии, но которого знает и любит вся мыслящая и честная Россия <...>. Н. К. Михайловский – человек исторический, писатель с громадным литературным дарованием, произведения которого всегда будут составлять одно из лучших достояний русской литературы и будут читаться еще многие десятки лет, а Вы, г. Волынский, – что Вы такое? Вы неудачный фельетонист и только”»[12].

С иных позиций выступил Лев Толстой. В. Ф. Лазурский, оставивший воспоминания о Толстом, приводит интересный эпизод об отношении писателя к Волынскому. «Лев Николаевич вполне на стороне Волынского и находит, что давно пора сделать то дело, которое он взял на себя: развенчать ничем не заслуженную славу Чернышевского, Добролюбова, Писарева, которые и теперь имеют такое влияние на молодежь»[13].

Из полемики со всей очевидностью вытекал факт, что часть интеллигенции смотрела на «наследие шестидесятых» критически. Для нее становились все более ясными тупики народнической мысли. Весьма характерны, в этой связи, оценки «наследства», данные В. В. Розановым, который некоторое время сотрудничал с журналом «Северный Вестник».

В отличие от Волынского Розанов обратил внимание не столько на литературно-критические и философские аспекты «наследства», сколько на культурно-исторические. Главной бедой поколения шестидесятых он считал отсутствие видения им исторической перспективы, непонимания им «относительного характера» своей эпохи.

«Поистине “дети”, провожавшие тогда в землю отцов своих, как будто себя сами уже считали бессмертными. Среди многих искусственных идей того времени, искусственных понятий о человеке и об обществе, как будто заглохла и эта печальная мысль о смертном часе…. Не следовало забывать историю, не следовало забывать текучесть своего времени»[14].

По убеждению Розанова, уходящее поколение оказалось не в состоянии понять жизни. «В поколении, которое сетует теперь, что оно оставляется, была эта же главная ошибка. Оно было хлопотливо, зорко, ежеминутно деятельно. Но в том, к чему оно прилагало свою деятельность, *оно ничего не поняло.* И вместо того, чтобы своим неустанным трудом залечить, наконец, все раны, покрыть тысячелетние страдания, – оно разбередило эти раны, увеличило эти страдания»[15].

Как и Волынский, Розанов указывал на «неполноту знаний» шестидесятников об обществе и человеке, об отсутствии в науке «философской глубины».

«В жизни, в природе человека, в окружающем его мироздании это поколение поняло только одни потребности и вовсе упустило то главное, что их связует…. Неполнота знаний, при его верности; от-

сутствие в этом знании самых глубоких и значительных частей – это было самое важное, что сходящее с исторической сцены поколение не заметило в себе»[16].

Подобно Толстому, Волынскому, Мережковскому Розанов ниспровергает науку как величайшую наставницу жизни с вершины ее авторитета. Жизнь богаче научных схем, а значит, – она нуждается в философии и религии. Так, критика народнических иллюзий, построенных на наивной вере в могущество науки, прокладывала себе дорогу к идеалистическому мировоззрению 1890-х гг. На смену рационализму и позитивизму, секулярному сознанию шла мысль, пропитанная религиозно-идеалистическими исканиями и новым пониманием человека.

---

[1] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: в 15 т. М., 1939–1953. Т. 7. С. 242.

[2] Там же. С. 45.

[3] *Михайловский Н. К.* Полн. собр. соч.: в 10 т. СПб., 1909. Т. 3. С. 692.

[4] В качестве примера можно было бы привести Вячеслава Иванова, который увлекался античными мистериями и древневосточным оккультизмом.

[5] В Иммануиле Канте для отечественных мыслителей была привлекательна идея «автономного сознания», недетерминированного никакой механистической причинностью. Эта идея Канта была привлекательна для Н. Грота, П. Новгородцева, А. Волынского. Идея автономного нравственного сознания может быть тесно увязана с религиозной мыслью о человеке как тайне мира.

[6] *Чернышевский Н. Г.* Указ. соч. С. 240.

[7] *Зеньковский В. В.* История русской философии. М., 2001. С. 321.

[8] *Волынский А. Л.* Журналистика шестидесятых годов // Северный Вестник. 1894. № 10. С. 254.

[9] Там же. С. 256.

[10] Там же. С. 257.

[11] Там же. С. 280.

[12] Цит. по: *Гречишкин С. С.* Архив Л. Я. Гуревич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома за 1976 год. Л., 1978 // [Электронный ресурс] URL: (http://az.lib.ru/g/gurewich_l_j/text_0020.shtml).

[13] *Лазурский В. Ф.* Дневник // Литературное наследство. М., 1939. Т. 37–38. С. 489.

[14] *Розанов В. В.* Почему мы отказываемся от наследства 60–70-х годов? // Соч. М., 1990. С. 121.

[15] Там же. С. 132.

[16] Там же. С. 135.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АУФСБ РФ по КО	–	Архивоуправление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Курской области
ГАВО	–	Государственный архив Воронежской области
ГАКО	–	Государственный архив Курской области
ГАРО	–	Государственный архив Ростовской области
ГАОПИ ВО	–	Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области
ГАОПИ КО	–	Государственный архив общественно-политической истории Курской области
ГА РФ	–	Государственный архив Российской Федерации (Москва)
ГАТО	–	Государственный архив Тамбовской области
ОР РНБ	–	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (С.-Петербург)
РГАЛИ	–	Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
РГАСПИ	–	Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абрамов Я. В. 59–61, 64, 66, 67, 70, 72, 115
Авксентьев Н. Д. 116, 210
Азаркин Н. М. 72
Аксаков К. С. 110
Аксельрод П. Б. 70
Актон Е. 15, 24
Акшин П. И. 197
Алданов М. А. 116, 207, 215, 218
Александр II 13, 24, 25, 44, 50, 79, 128, 133, 135, 137, 144, 145, 153
Александр III 52, 62, 138, 149, 152
Александров В. М. 241
Алексеев Я. И. 197
Алексеева Г. Д. 106, 118, 124, 126
Альперин А. С. 202, 207, 215
Ананьева-Пономарева В. А. 197
Анненский Н. Ф. 116
Аносов Н. М. 243–245
Антонов А. С. 195
Антонов В. Ф. 4, 33, 36, 39, 40, 57, 88, 90, 113, 125, 276
Антонов М. *см*. М. И. Булгаков
Антонович В. Б. 115
Аптекман О. В. 70
Арапов В. П. 216
Аргунов А. А. 211
Арев С. И. 173
Аркадский К. В. 244
Армфельдт Н. А. 241, 245
Арсланов Р. А. 3, 258
Афанасьев А. Н. 115
Афанасьев И. В. 197

Бабеф Г. 9, 11, 14–16, 18, 24, 94
Бакунин М. А. 11, 15, 20, 23, 27–29, 35–39, 46, 48, 109, 110, 113, 114, 119–121, 126, 155–157, 160, 163, 165–167, 222, 227, 229, 230, 237, 250, 280
Балуев Б. П. 39, 57, 62–64, 69, 71
Баранников А. И. 132
Барановский В. 129
Барриве Л. Е. 10, 17, 24, 25
Барышников А. В. 189, 199
Баскин Г. И. 216
Батюшков В. Н. 241, 245
Бахмутский 186
Безансон А. 15, 24
Белевский А. С. 152
Белкин А. А. 38
Беляев И. Д. 78
Бер Ю. А. 23
Берберова Н. 220
Берви-Флеровский В. В. 115
Бердичевский Я. Л. 134
Бердяев Н. А. 18, 25, 31, 38, 95, 96, 105, 278
Берлин И. 17, 25, 94, 95, 105, 125, 154, 206
Бехер Э. 223, 236
Биценко А. А. 186
Бланк Р. М. 202, 205–207
Бланки Л. О. 9, 13–18, 24, 25
Блок А. А. 116
Блохин В. В. 3, 275, 278
Блюм Р. Н. 16, 25
Боборыкин П. Д. 280
Бобохов С. Н. 130
Богатов В. В. 39, 275
Богданов И. А. 244
Богданович Ю. Н. 144, 145
Богораз В. Г. 116, 151, 152
Богучарский В. Я. 27, 28, 38, 112, 124, 125, 144
Болдин И. Д. 176, 184
Боханов А. Н. 49, 52, 54, 58
Бражников В. П. 151
Брамсон Л. М. 202, 205–207, 215, 218
Брауэр Д. 90, 183
Брокгауз Ф. А. 74, 90, 131, 141, 184
Бруквин Д. П. 191
Бруцкус Б. Д. 209, 219
Брушвит И. М. 210
Брызгалов А. А. 137
Будницкий О. В. 10, 23, 238
Булат А. А. 215

Булгаков М. И. 258, 274
Булгаков С. Н. 18, 25
Булдаков В. П. 89, 90
Бунаков-Фондаминский И. И. 111, 116, 125
Бурцев В. Л. 143, 144, 148, 154, 216
Бурцев В. М. 175
Быков Д. Л. 126
Быч З. С. 187

Вагнер В. А. 239
Вакар Н. П. 209
Валуев П. А. 83
Вандалковская М. Г. 38
Варзар В. Е. 249
Варшавский С. 220
Варынский Л. 147
Венгеров С. А. 74, 90, 281
Вернер К. А. 116
Вершинин В. М. 210, 211, 215
Вечера Г. М. 196
Виленская Э. С. 4, 15, 24, 31, 34, 39
Виноградов А. А. 207
Вишняк М. В. 116
Власов А. М. 196
Водовозов В. В. 141, 207
Водовозова Е. Н. 86, 90
Войнаральский П. И. 132
Волк С. С. 4, 125
Волков Н. К. 209
Володин А. И. 71, 113, 125, 275
Волох Б. М. 187
Волховский Ф. В. 245
Волынский А. Л. 7, 278, 281–287
Вольтер Ф.-М. 94
Воронихин А. В. 10
Воронцов В. П. 24
Врангель П. Н. 211
Вусинич А. 15, 24

Гакстгаузен А. 78
Галактионов А. А. 39
Гамов Д. И. 241
Гарибальди Д. 15
Гаусман А. Л. 151
Гауэнштейн И. И. 251
Гвоздев М. Г. 141
Гегель Г. 94
Гейкинг Г. Э. 131
Гельвеций К. А. 94
Герцен А. И. 14, 15, 18, 19, 21, 24, 25, 27–39, 64, 81, 83, 90, 108, 110–114, 119, 125, 167, 212, 232, 237, 263, 276
Гессен И. В. 219
Гильберт Л. 134
Гимпельсон Е. Г. 190, 198
Гинев В. Н. 4, 7, 257
Гинзбург С. М. 138
Глинский Б. Б. 17, 25, 112, 285
Глушкова О. Н. 183
Гогебашвили Я. С. 115
Гоголь Н. В. 110
Головко В. М. 67, 72
Гольденберг Г. Д. 132, 250
Гольднберг Л. Б. 257
Гольцев В. А. 239, 244
Гордеева И. А. 66, 72
Горев Б. И. 16, 25, 275
Горинович Н. Е. 129
Городницкий Р. А. 9, 20, 23, 25
Гоштофт Н. 129
Грабовой В. С. 207
Грановский Т. М. 276
Графский В. Г. 142, 153
Грачевский М. Ф. 147
Гребенников А. 175
Гредескул Н. А. 232, 238
Гречишкин С. С. 287
Григорьев Н. 190
Гриш В. Г. 191–194
Гросул В. Я. 9, 23, 54
Грот Н. Я. 278, 282, 287
Гудков Г. В. 123
Гуревич Л. Я. 287
Гурко И. В. 134, 141
Гюго В. М. 10
Даниельсон Н. Ф. 115
Дауль А. 236
Девель М. В. 179, 184
Дегаев С. П. 138, 147

Дедов 186
Дейч Л. Г. 47, 176, 178, 184
Демидов И. П. 209
Деникин А. И. 192
Джакупова Н. В. 168, 172, 173, 179, 180–184
Джангирян В. Г. 8, 23
Дмитриева В. И. 176, 184, 188
Добролюбов Н. А. 15, 108, 112–114, 125, 278, 282, 286
Долгушин А. В. 241, 244
Долженков В. К. 191
Должиков В. А. 36, 37, 39
Донцов С. В. 184
Драгоманов М. П. 26, 37, 115, 143, 144, 153
Дрезян А. Я. 207
Дрентельн А. Р. 132, 133, 141
Дьяков В. А. 31, 39

Егоров А. Н. 275
Елисеев Г. З. 224, 236
Емельянов А. С. 129
Емельянов Ю. Н. 220
Ермолаева А. С. 206
Ерофеев В. В. 117
Есенин С. А. 116
Есипов В. В. 23
Ефименко А. Я. 115, 116
Ефрон И. А. 74, 90, 131, 141, 184

Жарков А. Я. 129
Жебунев В. А. 148, 149
Желваков Н. А. 138
Желеховский В. А. 130
Желябов А. И. 74, 143, 144, 153
Жеребятьев М. А. 72
Живов В. 83, 90
Житный А. А. 197
Жукоцкая З. Р. 7
Жукоцкий В. Д. 7, 99, 105, 110, 116, 125, 126

Забицкий Е. Н. 189, 199
Загородний К. И. 191
Заичневский П. Г. 24, 51
Западнов В. А. 111, 125
Засодимский П. В. 115
Засулич В. И. 129, 130, 134
Захарина В. Ф. 249, 251, 257, 276
Зверев В. В. 34, 37, 39–41, 57, 62, 64–66, 69, 71, 72, 275, 276
Зеленин Ю. А. 3, 106, 124
Зензинов В. М. 210
Зеньковский В. В. 287
Зильберман К. Б. 39
Златовратский Н. Н. 73, 74, 115
Златопольский С. С. 144
Зорге Ф. 234, 238
Зуев А. А. 197
Зырянов П. Н. 49, 51, 52, 58

Иванов В. И. 287
Иванов И. И. 128
Иванов И. С. 197
Иванов С. А. 143, 147, 154
Иванов-Разумник Р. В. 26, 27, 37, 107, 112, 116, 124, 125
Ивановская П. С. 141
Игнатович И. И. 116
Изгоев А. С. 47
Изюмов А. Ф. 207, 208, 217
Ильяшевич Л. И. 138
Ионова Г. И. 32, 39
Исаев А. А. 115
Исаев Г. П. 144, 145
Исаков В. А. 3, 8, 275
Итенберг Б. С. 4, 32, 39, 275, 276

Кабе Э. 94
Каблиц (Юзов) И. И. 60, 61, 63, 64, 67, 70, 115, 172, 276
Каблуков Н. А. 115
Кавелин К. Д. 7, 83, 258, 260–267, 269–271, 273, 274, 276, 277
Каковский И. П. 144
Калинчук С. В. 44, 45, 57, 168, 176–178, 182, 184
Калмыков А. А. 22, 23
Калюжная М. В. 130, 136

Калюжный И. В. 130
Каменев В. Е. 197, 198
Кан Г. С. 9, 20, 25, 49, 52–54, 58
Канаева Т. М. 59, 61, 71
Кант И. 94, 281, 282, 287
Капустин С. Я. 60
Каракозов Д. В. 128
Кара-Мурза С. Г. 121, 127
Кареев Н. И. 254, 274
Карелин А. 140
Карнасевич В. Г.
Каронин-Петропавловский Н. Е. 115
Карпачев М. Д. 3, 8, 23, 34, 39, 73, 275
Карпович М. М. 12, 24, 71
Карташев А. В. 209, 216
Карцевский С. И. 207
Катанский А. М. 136
Качинский Т. 167
Квасов О. Н. 3, 128
Керенский А. Ф. 210
Кива А. В. 127
Киреевский И. В. 253
Кирсанов В. Н. 122, 126, 127
Кислицына И. Л. 36, 39
Киянская О. И. 35
Клевенский М. М. 30, 38
Клеменц Д. А. 115, 245, 248, 254
Клюев Н. А. 116
Ключарева Н. В. 118
Клячко С. Л. 240–242
Книжник-Ветров И. С. 275–277
Кноп К. Г. 131
Князев А. М. 197
Князев В. И. 244, 245
Ковалевская М. П. 130
Ковалевский Е. П. 276
Ковальский И. М. 131
Коган-Бернштейн Л. М. 136
Козин 192
Козьмин Б. П. 15, 25, 30, 38, 89, 90, 130, 140
Колегаев А. Л. 186
Коленкина М. А. 130
Колеров М. А. 61, 71
Колокольцев М. Г. 3, 26, 39
Колосов Е. Е. 26, 27, 36, 37, 116
Комаров А. 198–200
Конашевич В. П. 138
Кондратьев Н. Д. 89, 116
Кононов Н. К. 186, 198, 199
Конт О. 94, 281
Корнилов А. А. 10, 24, 27, 37
Корнилова-Мороз А. И. 239, 256
Королев А. А. 182
Короленко В. Г. 115, 116, 173, 183
Коротеев В. А. 191
Корсаков И. 70
Костин А. И. 197
Котляревский М. М. 130, 131
Котовичем С. С. 198
Кочаровский К. Р. 139
Кравчинский С. М. 11, 87, 90, 115, 227, 132, 141, 237, 247–250, 253, 254, 256
Краснов П. Н. 211
Крезе Л. А. 207
Кривенко С. Н. 59, 64, 66–70, 72, 127
Кропоткин Д. Н. 132
Кропоткин П. А. 115, 119, 155, 157, 158, 160–163, 165–167, 247, 250–253, 256, 257
Крошицкий П. 198–200
Кубалов Б. Г. 154
Куделли П. Ф. 144, 154
Кудрявцев В. М. 206
Кудрявцева Е. В. 206
Кулаков А. А. 151
Кульчицкий Л. С. 27, 28, 38
Кульчицкий Н. К. 175, 177
Кулябко-Корецкий Н. Г. 276, 277
Кун Т. 91
Курилов Т. 129
Кускова Е. Д. 215
Кутепов Ф. И. 196
Кутитонская М. И. 138, 141

Лавров П. Л. 7, 11, 20, 28, 35, 112–115, 119, 144, 222, 225–227, 229, 231, 236, 241, 242, 258–268, 270–277
Лаврский К. В. 61

Лазурский В. Ф. 286, 287
Лалаян В. С. 107, 124
Ландау-Алданов М. А. 202
Лаппо Д. Д. 198, 200
Лачаева М. Ю. 72
Лебедев В. С. 149, 150
Левандовский А. А. 35, 49–51, 54–56, 58
Левин Ш. М. 32, 39, 251, 257
Левитов А. И. 115
Лейкер У. 24
Лейкина-Свирская В. Р. 90, 183
Лемке М. К. 26, 27, 37
Ленин В. И. 9, 15, 17, 18, 25, 29, 31, 36, 38, 40, 44, 75, 76, 85, 87, 90, 95, 102, 106, 107, 111, 113, 121, 125–127, 188, 235, 238, 259, 274, 276
Леонтьева Я. В. 125, 198, 201
Лермонтов М. Ю. 110
Лермонтов Ф. Н. 240
Лесков Н. С. 280
Лехтенбергский Г. Н. 211
Лимонов Э. В. 118, 120, 121, 126
Линев И. Л. 248, 250
Лион С. Е. 140
Литвин А. 189
Лобачевский Н. И. 126
Лопатин Г. А. 33
Лорис-Меликов М. Т. 136, 145
Лосский Н. О. 105
Лукашевич И. Д. 151
Лукьянов Д. В. 22, 23
Лурье Ф. М. 43, 44, 54, 57, 141
Любавский Ф. М. 244
Любатович О. С. 237
Ляцкий Е. А. 207

Мазалов 188
Макаров Н. П. 89
Макиавелли Н. 14, 24
Маклаков В. А. 280
Максимов Е. Д. 70, 72
Максимов С. В. 115
Мальшинский А. П. 12, 24
Маркс К. 15, 16, 76, 105, 121, 127, 148, 222, 234, 235, 238
Маслин М. А. 92, 105, 108, 124, 183
Маслов И. Ф. 191
Мастерова Ю. И. 183
Мезенцов Н. В. 132, 141
Мельгунов С. П. 206, 207, 209, 211, 212, 215–220
Менцель В. И. 207
Мережковский Д. С. 281, 282, 287
Меркулов М. А. 197
Мечников Л. И. 115
Микаелян Х. 115
Милевский О. А. 3, 239, 256, 257
Миллер И. С. 39
Милль Д. С. 94
Милюков П. Н. 205, 211
Минаков А. Ю. 23
Минин А. Н. 89
Мирбах В. 185, 186
Миронов С. М. 122, 127
Мирский Л. Ф. 133
Михайлов А. Д. 132, 141
Михайлов М. Л. 263
Михайловский Н. К. 11, 31, 62–64, 71, 86, 90, 112, 115, 119, 145, 177, 279, 280, 283, 285, 287
Млодецкий И. О. 136
Могалев В. В. 190
Мокшин Г. Н. 3, 7, 59, 71, 72, 116, 123, 126, 127, 183
Мордовин Д. З. 197
Мордовцев Д. Л. 60
Морозов К. Н. 10, 23, 124, 125, 127
Морозов Н. А. 23, 133, 141, 239, 244, 274
Мухин И. Н. 192, 194
Мысляков В. А. 113, 125
Мякотин В. А. 116, 207, 213, 216, 217

Налбандян М. 115
Натансон М. А. 240
Наумов Н. И. 115
Неймарк И. М. 196
Некрасов Н. А. 47, 115

Несельроде Н. Д. 202, 207
Неттлау М. 28, 38
Нефедов Ф. Д. 115
Нечаев С. Г. 9, 11, 12, 16–18, 23, 24, 38, 41–44, 46, 48, 49, 57, 141, 178
Нечкина М. В. 31, 33, 38
Низовкин А. В. 245
Никандров П. Ф. 39
Никитенко А. В. 80, 84, 90, 261, 275
Никитин А. А. 186
Никифоров Н. С. 173, 179, 180
Никифорова-Мацнева О. И. 180, 184
Николадзе Н. Я. 115
Никонов А. Г. 129
Никулин И. Ф. 192
Ницше Ф. 281, 282
Новак С. Я. 65, 66, 69, 72
Новгородцев П. И. 278, 287
Новикова Н. П. 39
Ножин Н. Д. 27, 34

Оболенский Л. Е. 59, 69, 70
Оболонский А. В. 71
Овруцкий Л. 198
Овченко Ю. Ф. 141
Овчинников М. П. 147, 154
Огарев Н. П. 15, 20, 28, 31, 35, 110–114, 167
Одинец Д. М. 207, 215
Одоевский В. Ф. 110
Озембловский И. Г. 189
Озерецковский В. С. 207, 216, 217
Ольховский Е. Р. 4
Омельченко Е. 183
Оржих Б. Д. 151
Осинский В. А. 130
Осоргин М. А. 116

Павлов Д. Б. 188, 189, 198, 199, 201
Панкратов В. С. 154
Пантелеев Л. Ф. 261, 275
Пантин И. К. 24, 25, 182–184, 260, 275
Папин И. И. 241
Парсонс Т. 171
Пейерс Б. 11, 24
Пелевин В. О. 117
Пелевин Ю. А. 133, 141
Переверзев А. Я. 198, 199
Переверзев П. Н. 215
Перегудов А. В. 141
Перовская С. Л. 144, 145, 184, 247, 253, 254, 256
Перрис Д. 256
Пестель П. И. 14
Петр I 13
Петрикеев С. С. 191
Петрищев А. Б. 208, 217, 218
Петров С. А. 173
Петровский Г. И. 189
Пешехонов А. В. 116, 209, 212–215, 219, 220,
Пешехонова А. Ф. 214
Пилсудский Б. И. 151
Пирумова Н. М. 4, 61, 71
Писарев Д. И. 15, 17, 240, 278, 282, 286
Пискунов М. А. 196
Плетнев Г. 191
Плеханов Г. В. 18, 25, 28, 29, 38, 45, 70, 71, 75, 80, 90, 111, 112, 125, 184, 234, 235, 238
Плимак Е. Г. 24, 25, 182–184
Плотников Н. А. 240, 241
Подбельский П. П. 136
Подбельский Ю. Н. 195
Подвойский Н. И. 187
Покровский М. Н. 29, 38
Поливанов 174
Поликарпова Е. В. 34, 35, 39, 113, 124, 125
Полнер Т. И. 207, 216
Полонский Л. А. 67
Понятовский Е. И. 177
Попко Г. А. 131
Попов В. И. 194
Попов И. И. 143, 144, 148, 154
Попов М. Р. 184
Пораделов Н. Н. 202
Постников В. Е. 115, 116
Потанин Г. Н. 115

Праведников А. 189
Прейм С. И. 129
Прилепин З. 118, 126
Прозоровский А. И. 173, 174, 177–180
Протопопов М. А. 283
Пругавин А. С. 16, 59, 67, 70, 72, 115
Пругавин В. С. 60, 61, 70
Прудон П. Ж. 36, 94, 119, 165
Прыжов И. Г. 115
Пугачев Е. И. 242, 248, 250–252, 257, 271
Пудовкин С. В. 3, 168, 184
Пурцеладзе А. Н. 115
Пустарнаков В. Ф. 93, 105, 113, 125
Пушкин А. С. 82, 90, 110
Пыпин А. Н. 74, 89
Пьяных И. Е. 196, 197
Пьяных Н. И. 196

Рагозин Л. Ф. 242
Радищев А. Н. 110, 111, 125
Разгон А. 198
Райков Г. И. 123
Распутин И. 139
Рашин А. Г. 90
Рейнштейн Н. В. 129
Репников А. В. 257
Рехберг Г. А. 216
Решетников Ф. Д. 115
Р-нъ А. 220
Рогачев Д. М. 254
Рогачевский И. Г. 186
Роговский Е. Ф. 210
Рожков Н. А. 124
Розанов В. В. 7, 278, 282, 286, 287
Розенталь В. Н. 261, 275
Розенцвейг 129
Романенко Г. Г. 144,148
Ростов Н. 140
Рубакин Н. А. 70
Рубанов А. В. 118
Рудницкая Е. Л. 11, 13, 14, 20, 21, 23–25, 34, 35, 39, 41, 42, 54, 55, 57, 236
Русаков В. М. 105
Русакова О. Ф. 105
Руссо Ж. Ж. 94
Рысс П. Я. 216
Рябов В. П. 121

Сабуров А. А. 136
Савенков Н. Р. 198
Савинков Б. В. 211
Садулаев Г. У. 118
Сажин Б. Б. 67, 72
Сазонов Г. П. 60, 173, 175–177, 181
Салтык Г. А. 3, 185, 198, 201
Салтыков-Щедрин М. Е. 112, 115, 125
Санковский Н. М. 136
Сапон В. П. 120, 126
Свалов А. Н. 275
Свежинцев И. Е. 196
Свердлов Я. М. 193
Свиридов Г. А. 199
Седов М. Г. 4, 33, 39, 113, 125
Секеринский С. С. 57
Сельский Е. 17
Семевский В. И. 115, 116
Семенкова Т. Г. 275
Семеняков 254
Сен-Семон А. К. 94
Сенчин Р. В. 118
Сердюков А. И. 240
Серков А. И. 220
Серно-Соловьевич А. А. 114
Серно-Соловьевич Н. А. 27, 39, 114
Сигида Н. К. 130
Синегуб С. С. 254, 255
Синявский А. 137
Синяев В. М. 191–194, 200
Ситник Ф. М. 198
Слепцов А. А. 114
Слинько А. А. 71
Слобожанин М. *см.* Е. Д. Максимов
Слувис М. В. 189, 200
Слюсаревский Н. Н. 183
Смирницкая Н. С. 130
Смирнов А. Ф. 32, 39
Снегирев Ф. М. 173, 174, 179, 180
Соколов А. В. 117, 126
Соколов-Кречетов С. А. 211

Соколовский П. А. 115
Соловьев А. К. 133
Соловьев В. С. 281
Сорокин В. Г. 117
Сорокин П. А. 116
Сошников П. Д. 187, 189
Спенсер Г. 94
Спиридонова М. А. 186
Сталин И. В. 76, 90, 121
Стародворский Н. П. 138
Стеклов Ю. М. 29, 31, 38
Степняк-Кравчинский С. М. *см.* Кравчинский С. М.
Стрельников В. С. 138
Струве Г. 219
Струве П. Б. 142
Судейкин Г. П. 138
Сунь Ят-сен 87
Суслов А. Ю. 198
Сухотина Л. Г. 8, 23
Сыпченко А. В. 3, 125, 202

Тавлеев В. А. 129
Талеров П. И. 3, 155
Тан-Богораз В. Г. *см*. Богораз В. Г.
Таратута Е. А. 90, 256, 257
Твардовская В. А. 4, 9, 23, 35, 54, 55, 57, 141, 142, 153, 251, 257
Теодорович И. А. 16, 25
Тиличеев Ю. Д. 151
Титов А. А. 202, 205, 207, 215
Титов В. А. 197
Тихомиров Л. А. 7, 17, 19, 21, 25, 143, 239–257
Ткачев П. Н. 7, 9, 11, 13, 15–18, 20, 22, 25, 29, 35, 41, 42, 57, 89, 99, 109, 113, 124, 183, 222–238
Ткаченко П. С. 4, 15, 34, 39, 141
Толстой Л. Н. 75, 115, 155, 161–163, 166, 167, 280, 281, 286, 287
Торнтон 254
Трепов Ф. Ф. 129, 130, 134
Третьяков М. О. 191
Троицкий Е. С. 120, 126
Троицкий Н. А. 4, 20, 25, 33, 35, 39, 49, 50–56, 58, 91, 105, 125, 140–142, 153, 256
Туган-Барановский М. И. 285
Тун А. 10, 24, 28, 38
Тургенев И. С. 28, 67, 276
Турский Г.-М. 233, 238
Тэрнер В. 171
Тюкачев Н. А. 3, 7, 8, 22, 40, 275
Тютюкин С. В. 36, 56, 57

Уикс А. 18
Успенский Г. И. 115
Успенский П. Г. 129
Ушерович С. С. 141

Фальковский Е. А. 206
Фаресов А. И. 171, 173, 176, 177, 181
Федоров М. М. 216
Фейербах Л. 24, 94
Фетисов 129
Филиппов Р. В. 4, 31–33, 39
Фишман В. 17, 25
Фогт К. 239
Франко И. Я. 115
Фрейд З. 46, 47, 181
Фроленко М. Ф. 132, 143–145, 153
Фромм Э. 46
Фрундин Ф. М. 191, 192, 194
Фурман Т. Г. 3, 91
Фурман Ф. П. 3, 91, 108, 116, 123, 124, 126
Фурье Ш. 94

Халтурин С. Н. 138
Ханох А. И. 206
Харди Д. 17, 25
Харизоменов С. А. 61
Харин И. Т. 196
Харламов В. И. 59–62, 66, 69, 71, 276
Хомяков А. С. 253
Хорос В. Г. 4, 24, 25, 62, 71, 87, 90, 107, 124, 172, 174, 182–184
Худолеев А. Н. 3, 8, 22, 169, 181, 183, 184, 222

Худяков А. И. 15, 24, 27, 30, 33, 38, 115

Цакни Н. П. 240–242
Цветков А. 126
Церетели А. Г. 115
Цеховский В. Ф. 10, 24
Циммерман В. 236
Цымрина Т. В. 3, 142, 176, 177, 184

Чаадаев П. Я. 110
Чавчавадзе И. Г. 115
Чайкин 189
Чайковский Н. В. 16, 202, 204, 205, 207, 209, 217, 240, 245, 246
Чарушин Н. А. 242–246, 250, 253, 256, 257
Чаянов А. В. 76, 88, 89, 116
Червинский П. П. 59, 61, 63, 64
Черевин П. А. 136
Чернов В. М. 44, 116, 119
Чернышевский Д. В. 45–48, 168, 181, 183, 184
Чернышевский Н. Г. 15, 16, 27, 29–39, 41, 42, 82, 90, 108, 111–114, 118, 125, 263, 278, 279, 282–287
Чехов А. П. 75
Чешихин-Ветринский В. Е. 10, 17, 20, 23, 25
Чичерин Б. Н. 264
Чуковский К. И. 81, 90

Шабельская А. С. 285
Шавердо П. Н. 197, 198
Шарашкин Н. Ф. (Финогенов Г.) 129
Шаргунов С. А. 118, 126
Шахматов Б. М. 15, 16, 24, 25, 236
Шашкова Я. Ю. 35, 39
Шебеко Н. И. 53
Шелгунов Н. В. 72
Шелохаев В. В. 57
Шехтер А. Н. 151
Широкова В. В. 31, 38
Ширяев И. Г. 175
Шишко Л. Э. 30, 38, 116, 229, 237, 248, 249
Шкряба Ф. А. 129
Шпильгаген Ф. 225
Штернберг Л. Я. 151
Шубин А. В. 119–121, 126
Шутенко Т. П. 197

Щапов А. П. 31, 38, 114, 115, 126
Щекин П. Ф. 196
Щербакова Е. И. 10, 24, 42, 57, 169, 176, 183, 184

Эймонтова Р. Г. 90
Эльсберг Я. Е. 32, 38
Энгельгардт А. Н. 66
Энгельс Ф. 91, 238
Эртель А. И. 73, 115
Эттингер Р. Н. 206

Южаков С. Н. 60, 70
Юркевич П. Д. 283–285
Юрковский Ф. Н. 141
Юсим М. А. 14, 24

Ядринцев Н. М. 115
Якимова А. В. 144
Яковенко Е. И. 143, 151, 154
Яковлев М. С. 179
Якушкин П. И. 115
Ясевич Л. Ф. 151

Abendroth W. 23
Acton E. *см.* Актон Е.
Berlin I. *см*. Берлин И.
Besancon A. *см.* Безансон А.
Brower D. *см.* Брауэр Д.
Camus A. 23
Fishman W. см. Фишман В.
Hardy D. *см*. Харди Д.
Karpovich M. *см*. Карпович М. М.
Laqueur W. 23
Pares B. *см.* Пейерс Б.
Ventury F. 24
Vucinich A. см. Вусинич А.
Weeks A. 25
Wirtschafter K. 90

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арсланов Рафаэль Амирович – д-р. ист. наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов (г. Москва), ars_raf@mail.ru.

Блохин Владимир Владимирович – д-р ист. наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов (г. Москва), blohin.vladimir.1960@mail.ru.

Зеленин Юрий Александрович – канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин и правотворчества Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Барнаул), uri-zelenin@yandex.ru.

Исаков Владимир Алексеевич – д-р исторических наук, профессор, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Московского городского педагогического университета, isakov-va@eandex.ru.

Карпачев Михаил Дмитриевич – д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Воронежского государственного университета, m-karpach@mail.ru.

Квасов Олег Николаевич – канд. ист. наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Воронежской государственной лесотехнической академии, kvasovoleg@yandex.ru.

Колокольцев Максим Геннадьевич – канд. ист. наук, доцент кафедры Теоретической и прикладной социологии Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова (г. Барнаул), m_kolokolcev@mail.ru.

Милевский Олег Аатольевич – д-р. ист. наук., профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Сургутского государственного педагогического университета, olegmilevsky@mail.ru.

Мокшин Геннадий Николаевич – д-р ист. наук, профессор кафедры истории России Воронежского государственного университета, mok410@mail.ru.

Пудовкин Сергей Вячеславович – канд. ист. наук, г. Тамбов, serp.tambov-@mail.ru.

Салтык Галина Александровна – д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии Курского государственного университета, galinasaltyk@yandex.ru.

Сыпченко Алла Викторовна – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории и археологии Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (г. Самара), sypchenko@inbox.ru.

Талеров Павел Иванович – канд. ист. наук, доцент, директор Учебного центра Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, web8@pochta.ru.

Тюкачёв Николай Алексеевич – канд. ист. наук, доцент кафедры новой и новейшей отечественной истории и права Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского, tyukachev52@mail.ru.

Фурман Феликс Павлович – д-р философ. наук, профессор филиала Тюменского Государственного Нефтегазового Университета в г. Когалыме, furman-feliks@yandex.ru.

Фурман Татьяна Геннадьевна – канд. культур., доцент филиала Тюменского Государственного Нефтегазового Университета в г. Нижневартовске, furman-feliks@yandex.ru.

Худолеев Алексей Николаевич – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории и методики преподавания истории Кузбасской государственной педагогической академии (г. Новокузнецк, Кемеровская область), khudoleev73@mail.ru.

Цымрина Татьяна Валерьевна – канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарных наук и информационных систем Таганрогского филиала Московского социально-гуманитарного института, tvc71@mail.ru.

Научное издание

НАРОДНИКИ В ИСТОРИИ РОССИИ

На обложке
репродукция с картины И. Е. Репина
«Арест пропагандиста».

Художественный редактор *Е. Ю. Бочарникова*

Компьютерная верстка *Г. Н. Мокшин*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИСТОКИ»
394026, г. Воронеж, ул. Солнечная, 33
Телефон/факс (473) 239-55-54
E-mail: istoki-vrn@mail.ru

Подписано в печать 27.05.2013 г. Формат 60x80 1/16.
Гарнитура «Times New Roman» Печать офсетная.
Бумага офсетная. Объем 18,75 п. л. Тираж 300 экз.
Заказ № 486.

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета.
ТИПОГРАФИЯ «ИСТОКИ»
394026, г. Воронеж, ул. Солнечная, 33
Телефон/факс (473) 239-55-56